"Ольга Куно - Горький ветер свободы (СИ)"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Ольга Куно

Горький ветер свободы

Пролог

Фамильная библиотека рода Эльванди была обширной и при этом весьма неоднородной. Проявлялось последнее как в содержании хранившихся здесь книг, так и в их оформлении, а равно и в способе их хранения. Так, художественная литература смешалась здесь с научной, хотя научная бесспорно преобладала. История магии, география, алхимия, искусство ведения военных действий, энциклопедия лошадей… и весьма незначительное количество модных на сегодняшний день любовно-приключенческих историй и сборников баллад. Здесь можно было найти как наиболее современные книги, напечатанные в новейших арканзийских типографиях, так и не такие высокотехнологичные, написанные каллиграфическим почерком галлиндийских монахинь. Иные же книги и вовсе больше напоминали тетради, исписанные почерком, весьма далёким от каллиграфического, зато существовавшие в единственном экземпляре и содержавшие порой чрезвычайно ценную информацию. Наконец, одни тома хранились в высоких книжных шкафах с искусной резьбой и прозрачными стеклянными дверцами, в то время как другие стопками пылились на простых деревянных полках.

В этом же помещении хранились и документы — те, которые не являлись особо секретными. Библиотека выполняла заодно и функцию архива.

Я сидела за массивным письменным столом, склонившись над очередной рукописью, и периодически делала заметки на полях, не без труда продираясь сквозь витиеватости иностранного текста. Особенность иртонского языка заключалась в том, что все слова писались слитно, без пробелов, и определить, где заканчивается одно слово и начинается следующее, можно было лишь по особенности букв. Дело в том, что все буквы в данном языке имели два варианта написания, один из которых предназначался как раз для завершения слова. Поговаривают, что такая замысловатость была введена в алфавит специально, чтобы усложнить задачу чужакам вроде меня, вздумавшим посягнуть на национальное культурное достояние иртонцев. Я, однако же, не сдавалась и, несмотря на все трудности, в силу упорства и полученного в своё время образования справлялась вполне неплохо.

Дверь я оставила приоткрытой: посещать библиотеку в общем-то не возбранялось. Гости, секретари, распорядители, воины гарнизона, кастелян и прочие обитатели армона, включая даже слуг низшего звена, имели полное право взять себе для чтения книгу на выбор. С моего, разумеется, ведома. Хотя не могу сказать, чтобы такое происходило часто, несмотря на то, что грамотность являлась в Галлиндии делом нередким. Тем большим было моё удивление, когда в библиотеку не вошла, а буквально влетела девушка, работавшая в армоне цветочницей, то есть ежедневно декорировавшая жилые комнаты и роскошные арочные коридоры букетами, венками и прочими украшениями из садовых цветов.

Агнесса — а именно так звали девушку — никогда не отличалась особой любовью к чтению. Вообще не припомню, чтобы она хоть раз приходила сюда за книгой. Но наиболее удивительным было даже не это, а то, что как раз сегодня цветочница выходила замуж за молодого плотника, Марко. И в библиотеку она вбежала в пышном белоснежном наряде невесты и с распущенными волосами, по традиции украшенными светлыми лентами разных оттенков.

Я моментально позабыла о рукописи и отложила в сторону карандаш.

— Агнесса, что-то случилось? — встревоженно спросила я.

— Да! — последовал ответ. От быстрого бега у девушки сбилось дыхание. — Госпожа Архивариус, мне срочно нужна книга!

— Книга? — удивилась я. Как я уже упоминала, книги и в обычное-то время не вызывали в цветочнице особого интереса, а уже сейчас? — Агнесса, у тебя же свадьба на носу! Ну, заходи ко мне дня через два, подберём тебе что-нибудь по вкусу.

— Я не могу дня через два! — Цветочница так отчаянно замотала головой, что от мельтешения бледно-розовых, жёлтых и голубых лент у меня зарябило в глазах. — Мне сейчас надо! Срочно!

— Как это сейчас? — совсем растерялась я. — Агнесса, но у тебя же свадьба… — я бросила взгляд на часы, — …через СОРОК МИНУТ?!

— Так мне же именно для свадьбы книга и нужна! — воскликнула Агнесса. — Для брачной ночи.

— Для брачной ночи? — медленно, с расстановкой повторила я. Уж не знаю: то ли у меня со слухом проблемы, то ли с головой, то ли не у меня… То ли день сегодня просто не задался.

— Именно! — поспешно подтвердила цветочница. — Без книги я просто никак.

Мне сразу же представилась спальня, специально подготовленная для новобрачных. Романтические свечи, ваза с фруктами, красивое постельное бельё, обнажённый жених на кровати… и невеста в белом пеньюаре, жадно перелистывающая страницы романа.

— Агнесса, — я постаралась говорить медленно и успокаивающе, — я совершенно уверенна, что в первую брачную ночь вы с Марко найдёте, чем заняться, и без чтения.

— Если я не получу нужную книгу, то не найдём, — расстроенно покачала головой девушка.

— Э… скажи-ка, — луч понимания начал озарять мой мозг, но как-то очень медленно, — а какая книга тебя так интересует?

Цветочница покраснела, опустила глаза в пол, но тут же решительно подняла взгляд.

— Ну, как какая? — понизив голос проговорила она. — Про это самое. Про брачную ночь.

Я сглотнула.

— Понимаете, — продолжила объяснять девушка, — я ведь девственница. — Она произнесла эти слова с виноватым видом, словно в невинности для невесты было нечто предосудительное. — И совсем-совсем ничего про это не знаю. То есть просто не знаю, с какой стороны подойти к вопросу.

— Ну, с какой стороны подойти, я думаю, ты разберёшься, — постаралась поддержать её я. — Полагаю, вопрос будет стоять…достаточно остро. Да и потом, Агнесса, я уверена, что твой жених отлично во всём разберётся и научит тебя.

— То есть вы хотите сказать, — брови цветочницы гневно сдвинулись, — что у Марко уже были женщины?!

Хм. Осечка. Мне следовало бы более тщательно выбирать выражения.

— Нет, — осторожно возразила я, — я не хочу этого сказать. Я почти совсем не знаю Марко, поэтому мне ничего не известно об этой стороне его жизни. Вполне вероятно, что он — девственник. Я просто имела в виду, что природа поможет. Подскажет вам, как быть.

— А если не поможет?

Агнесса выглядела весьма скептически: похоже, ждать милостей от природы было не в её характере.

— Вы понимаете, госпожа Архивариус…

— Просто Сандра, — перебила я её.

— Сандра, — согласилась Агнесса. — Дело в том, что даже если Марко всё уже знает, ну, не могу же я проявить себя совсем уж полной невежей.

Я вздохнула и задумчиво уставилась в стол. Соответствующие книги в библиотеке, конечно, могли и быть, но я понятия не имела, где и что именно искать; как-никак, моя специализация была совершенно иного рода…

— Послушай, Агнесса, — нахмурилась я, — я, конечно, всё понимаю, но почему же ты пришла сюда именно сейчас. Ну, почему же было не заглянуть в библиотеку за неделю или хотя бы денька за два до венчания?

— Да потому, — зашептала Агнесса, полная уверенности в собственной правоте, но не желающая, чтобы её ненароком не услышали посторонние, — что я рассчитывала на предсвадебный курс. Я была абсолютно уверена, что там всё подробно и доходчиво объяснят!

Я понимающе вздохнула, после чего со вздохом покачала головой. Предсвадебный курс — да, именно так это называлось. Беседа или, можно сказать, лекция, которую жрица и жрец проводили в день свадьбы с невестой и женихом соответственно. Лично я, поскольку замуж ни разу не выходила, понятия не имела о том, что же именно происходило на этих беседах. Но, видимо, совсем не то, на что рассчитывала Агнесса. А рассчитывала, кстати сказать, вполне справедливо. Уж если религия не допускает потери целомудрия до свадьбы, могли бы во всяком случае обеспечить людей минимальными знаниями.

— И что же, совсем ничего не объяснили? — сочувственно поинтересовалась я.

— Ничего стоящего, — мрачно сообщила Агнесса. — Мужа во всём надо слушаться, ни в чём ему не перечить, обеспечивать все условия для работы и отдыха, уважать и штопать носки.

— Уважать и штопать носки, — размеренно повторила я. — Даже не знаю, что важнее. А насчёт брачной ночи что же, совсем ничего не сказали?

— Ну, не так чтобы совсем ничего, — призналась Агнесса, но отчего-то закатила глаза. — Правда, не именно про брачную ночь, а… ну, вообще.

— Ну так тем лучше! — обрадовалась я. — И что же сказала жрица?

— Что заниматься этим надо ни в коем случае не для удовольствия, а исключительно для продолжения рода, — бесцветным тоном, словно зазубренный текст, произнесла Агнесса. — И не слишком часто. Лучше всего — по понедельникам и четвергам.

— А почему именно по понедельникам и четвергам? — искренне заинтересовалась я. — Чем, например, пятницы хуже?

— Не знаю, — пожала плечами цветочница, — вроде бы как именно по этим дням самые высокие шансы зачать ребёнка.

— Постой-ка, но сегодня же вторник! — сообразила я. — И что же вам теперь делать?

Агнесса лишь многозначительно развела руками.

Я напряжённо задумалась. Нет, у меня самой, конечно, было несколько больше опыта в обсуждаемом вопросе, чем у цветочницы, но просвещать её на этот счёт самолично было как-то неловко.

— Ладно, попробую поискать какие-нибудь книжки, хотя ничего не обещаю, — сдалась я. — Понимаешь, я ведь специалист по истории магии, а это совершенно иная сфера.

Бросив очередной напряжённый взгляд на часы, я принялась рыться в стопках книг, затем обошла несколько книжных шкафов, открыла один из них и принялась водить пальцем по корешкам. Агнесса следила за моими действиями, нервно комкая в руках белый платочек.

— Вот! — Я удовлетворённо вынырнула из-за дверцы с увесистым томом в руке. И громко зачитала название: — «Путеводитель по семейной жизни для женщин».

— Давайте сюда, скорее! — возбуждённо воскликнула Агнесса.

Я не стала медлить, освободила место на столе и, водрузив на него тяжёлую книгу, принялась просматривать названия глав. В скором времени нужная часть нашлась. «Руководство по поведению в первую брачную ночь».

Мы с Агнессой склонились над книгой. Я принялась зачитывать вслух.

— «В первую брачную ночь молодой жене надлежит, сняв с себя одежду и аккуратно повесив её на спинку стула…» Заметь, аккуратно! — вытянула указательный палец я, — «…лечь на брачное ложе.» И обрати внимание: про день недели ни слова! — снова прокомментировала я. — Так, что там дальше… — Мой палец вернулся к нужной строке. — «Лечь следует на спину и обязательно укрыться одеялом.»

— Укрыться? В брачную ночь? — с некоторым сомнением спросила Агнесса, видимо, всё-таки отдалённо предполагавшая, чем именно в эту самую ночь предстоит заниматься.

— Здесь так написано, — пожала плечами я. — Может быть, это для того, чтобы не замёрзнуть раньше времени? Хотя книга арканзанская, там климат даже жарче, чем у нас… Ладно, давай читать дальше, может быть, станет понятнее. Итак… «Далее новобрачная должна расслабиться, закрыть глаза, прочитать молитву, а затем позволить своему мужу делать с ней всё, что он пожелает.»

Я подняла на Агнессу осоловелый взгляд. Инструкция, прямо сказать, восхищала как уважением к молодой жене, так и обилием деталей.

— И что, это всё?! — с возмущением спросила цветочница.

— Не совсем, — ответила я, снова заглянув в книгу. — Здесь есть ещё один параграф. «Жена ни

в коем случае не должна отказывать своему мужу в чём бы то ни было. Строжайше запрещается громко стонать и тем более кричать, ибо это может негативно воздействовать на психику мужа, а также привлечь внимание соседей. В случае если жена не будет следовать данному пункту инструкции, муж вправе зажать ей рот рукой».

Я с шумом захлопнула книгу.

— Это всё или там ещё что-то было? — подозрительно спросила красная, как рак, невеста.

— Кажется, было что-то ещё, но это неважно, — злобно заявила я, отшвыривая книгу на пол.

Никогда в жизни так не поступала с книгами, испытывая перед ними почти священный трепет, а вот сейчас не смогла отказать себе в удовольствии.

— Эти арканзийцы совсем лишились ума, — по-прежнему зло процедила я. — Если, конечно, он у них вообще когда-нибудь был. — Тут я навряд ли была справедливо, но у меня имелись собственные причины не любить арканзийцев. — И любопытно, какого года эта книга? Очень надеюсь, что она была написана пару веков назад. Всё-таки это рукопись, а в последнее время они печатают книги в типографиях… В любом случае, — я, обернувшись, посмотрела на валяющийся на полу том, открывшийся на произвольной странице, — в печку её! В общем так, Агнесса, очень тебя прошу: забудь всё, что мы с тобой только что прочитали.

— А курс? — уточнила девушка.

— Курс тоже забудь, — твёрдо заявила я.

— Но что же мне делать?!

Агнесса в общем-то не возражала против того, чтобы забыть всё рассказанное и прочитанное до сих пор. Девушкой она была для этого достаточно адекватной. Но вот отсутствие достойной альтернативы приводило её в отчаяние, а часы продолжали безжалостно тикать.

— Я же даже целоваться не умею! — выпалила она. — Вот скажет жрец «Жених, можете поцеловать невесту» — и что я тогда буду делать???

— Я же даже целоваться не умею! — выпалила она. — Вот скажет жрец «Жених, можете поцеловать невесту» — и что я тогда буду делать???

— Сандра, дорогая, привет! — Ренцо вошёл в библиотеку с романтическим букетом в наглую сорванных в саду тюльпанов. — А я как раз проходил мимо и подумал… О, Агнесса! — воскликнул он, только теперь заметив девушку. — Прими мои поздравления! Ты прекрасно выглядишь! Только знаешь, если откровенно, — он наклонился поближе к Агнессе и, понизив голос произнёс, — по-моему, ты слегка переборщила с румянами.

— Это её естественный цвет лица, — печально отмахнулась я.

Тема нашей с Агнессой дискуссии и правда подействовала на девушку куда лучше свекольного сока.

— Да? — удивился Ренцо. — Не замечал.

Но цветочница не позволила ему развить эту мысль.

— Дон Ренцо! — с жаром воскликнула она. — А ведь вы можете мне помочь!

При этом она жадно вцепилась кастеляну в рукава, чем привела последнего в недоумение.

— С радостью, а чем именно? — осведомился он, бросая в мою сторону удивлённый взгляд.

— Понимаете, у меня через двадцать пять минут венчание, — начала было объяснять Агнесса. Но, поняв, что в случае подробного рассказа двадцать пять минут рискуют превратиться в двадцать, набралась смелости и просто выпалила: — Научите меня целоваться!

Ренцо слегка опешил, хотя парнем в принципе был не робкого десятка.

— Целоваться? — повторил он. — Агнесса, милая, я вообще-то с радостью, но… как к этому отнесётся твой жених?

При этом Ренцо покосился на меня, поскольку в действительности моя реакция на такие уроки тревожила его куда сильнее.

— Да что вы, лорд Ренцо! — вскинула руки Агнесса. — Как вы могли такое обо мне подумать? Я же приличная девушка и вот-вот выхожу замуж! Я имела в виду совсем другое.

— И что же?

Ренцо казался совсем сбитым с толку.

— Давайте вы будете целоваться с доньей Сандрой, а я внимательно посмотрю, как это делается, — объяснила цветочница.

Мы с Ренцо переглянулись.

— Ну…в принципе… — с сомнением протянула я. — В общем-то почему бы и нет? Мы ведь можем пойти невесте навстречу, правда, Ренцо?

Затея, конечно, была, мягко говоря, странная, но меня грело то, что Агнесса попросила продемонстрировать ей всего лишь поцелуй. А ведь могла бы попросить и что-нибудь другое. А заниматься этим другим напоказ попахивало бы патологией. Не говоря уже о том, что наши отношения с Ренцо пока до этой стадии не доходили.

— Можем, — подтвердил Ренцо, после чего, нисколько не стесняясь, привлёк меня к себе.

Агнесса наблюдала за нами чрезвычайно внимательно, подходила то справа, то слева, настолько близко, что я даже чувствовала тепло её дыхания на своей коже.

— Скажите, дон Ренцо, а… руку обязательно держать вот здесь? — уточнила она у кастеляна, обнимавшего меня в данный момент за талию.

— Необязательно, — ответил Ренцо, прерывая для этой цели поцелуй. — Можно опустить её ниже. Изобразить?

— Не надо-не надо, — пошла на попятный цветочница. — Я всё поняла. Пожалуй что лучше так.

Чуть позже цветочница отдалилась, и я понадеялась, что на этом показательное выступление можно считать оконченным. Но нет, она сразу же вернулась, прихватив со стола чистый лист бумаги и карандаш, после чего принялась делать зарисовки. Опять же то с правой стороны, то с левой.

Topreading.ru

— Ну как, теперь ты удовлетворена? — спросила я, когда и эта стадия обучения подошла, наконец, к финалу.

И тут же прикусила язык, почувствовав, что спросила, кажется, что-то не то.

— Не совсем, — закономерно призналась Агнесса. — Нет, вы не поймите меня неправильно, я вам очень признательна, но… Как-то всё-таки не хватает практики. В теории вроде бы всё понятно, а вот как действовать на самом деле, всё равно немного не ясно.

Мы с Ренцо снова переглянулись. Лично я уже была готова предоставить ему возможность поцеловаться с Агнессой, дабы окончательно успокоить девушку, но как же быть, если цветочница сама была в силу собственного целомудрия не готова к такому ходу?!

— Послушайте, а у меня появилась идея! — внезапно воскликнула я. — Ренцо, ты не мог бы сбегать к целителям?

— К целителям? — нахмурился Ренцо. — Зачем?

Видать, заподозрил, что я надумала попросить у них для Агнессы что-нибудь успокоительное.

— У них есть специальные куклы, — поспешила развеять это заблуждение я. — Для обучения новичков. Они выглядят похоже на людей, в человеческий рост, и, по-моему, у них даже рот открывается, чтобы можно было тренировать искусственное дыхание. Попроси у них одну такую куклу, скажи, что нам надо совсем ненадолго!

Ренцо вернулся быстро, благо лаборатория целителей находилась недалеко. Он действительно приволок в библиотеку большую куклу, судя по лицу — мужского пола, хотя более характерные половые признаки у неё отсутствовали. Мне сразу подумалось, что отрепетировать с ней брачную ночь точно не получится. Но вот рот у куклы действительно был приоткрыт, так что на минимальную работу над поцелуем можно было рассчитывать.

— Ну что ж, Агнесса, дерзай! — предложила я, взглядом многозначительно указывая на часы.

Цветочница и сама понимала, что времени в обрез, и потому жеманиться не стала. Быстро примерилась, и стала целовать куклу в губы. Сначала очень осторожно, будто речь шла о заколдованной лягушке, потом более уверенно.

— Ну, как? — с интересом, я бы даже сказала — взволнованно, спросил Ренцо.

— Вроде бы получается, — радостно сообщила Агнесса.

— А он целуется в ответ? — поинтересовался Ренцо. — Ну, а что? — стал оправдываться он, заметив мой неодобрительный взгляд. — Кто их, лекарей, знает, мало ли как они изготавливают своих кукол.

— Без малейшей магии, уж можешь мне поверить как специалисту, — откликнулась я.

— Ладно, — удовлетворённо заявила цветочница. — Кажется, теперь я чувствую себя более подготовленной.

Она подхватила куклу и, держа её за голову, собралась отнести к стене, чтобы не оставлять посреди комнаты.

— Ой! — вздрогнула вдруг девушка. — Кажется, он укусил меня за палец.

— Я же говорил! — Глаза Ренцо мгновенно загорелись интересом.

— Не больно? — озабоченно спросила я.

— Почти нет, — как-то растерянно ответила Агнесса. — У него же нет зубов. Просто рот закрылся. Но дело в том, что… губы не разжимаются.

— То есть как? — недоумённо нахмурилась я.

— Ну-ка дай-ка, — по-мужски вмешался Ренцо, подошёл и попытался разжать кукле губы. Спустя секунд пятнадцать он в недоумении развёл руками. — Действительно не разжимаются, — признался он. — Будто вцепился мёртвой хваткой.

— И что же теперь делать? — задала самый животрепещущий вопрос Агнесса.

Часы, совершенно равнодушные к человеческим проблемам, показывали, что до церемонии бракосочетания осталось десять минут. Маятник продолжал неумолимо раскачиваться.

Не до конца убеждённая неудачей Агнессы и Ренцо, я подошла к девушке и попыталась избавить её от домогательств куклы сама. Увы, меня ждало всё то же разочарование. Искусственный кавалер не желал расставаться со своей законной добычей.

— Ну… Может быть, раз такое дело, придётся пойти прямо так? — неуверенно предположила я. — Время-то идёт.

Что-то заставляло меня сомневаться в согласии жреца отложить венчание под тем предлогом, что невесту укусила за палец кукла мужеского полу…

Ренцо громко прокашлялся, по-видимому, представив себе эту картину. Невеста, подходящая к алтарю с искусственным мужчиной, которого тащит за собой по пятам.

— Боюсь, гости решат, что одного мужа тебе мало, — сообщил Агнессе он. — А главное, жрец не будет уверен, кому из мужчин задавать вопросы.

— Ренцо, это не смешно! — шикнула на кастеляна я, хотя и сама никак не могла определиться — тревожиться за цветочницу или рассмеяться от нелепости ситуации.

— Я, может, и пошла бы на свадьбу вместе с ним, — Агнесса с ненавистью взглянула на куклу, — но он укусил меня за тот самый палец!

— Какой тот самый?

— Указательный! На левой руке! Тот, на который надевают кольцо!

Мы с Ренцо погрустнели. Да, бедствие принимало всё более серьёзные масштабы. Без возможности надеть обручальное кольцо невесте на палец свадьба просто не состоится.

— Послушай, Агнесса, а зачем тебе вообще выходить замуж? — спросил вдруг неунывающий Ренцо. — Смотри, какой мужчина! Правда, в постели с ним делать особо нечего, — он многозначительно взглянул на паховую зону куклы, увы, лишённую каких бы то ни было достоинств. — Зато целоваться, как мы уже выяснили, он умеет, целеустремлённости ему тоже явно не занимать, готовить для него не надо, он никогда не скажет тебе грубого слова. К тому же готов поспорить, что по ночам он не храпит! А если потребуется, думаю, его вполне можно будет приспособить в качестве мышеловки.

Цветочница покосилась на кастеляна, как мне показалось, не столько рассерженно, сколько задумчиво.

— Нет, я Марко выбираю, — всё-таки постановила она. — Я с ним уже давно знакома. А этого парня уже ненавижу. Ах ты гадина! — воскликнула она, для пущей убедительности стукнув куклу ногой по паховой зоне.

Что удивительно, в этот момент челюсть последней разомкнулась, и Агнесса изумлённо извлекла на свет покрасневший, но в остальном вполне невредимый палец. То ли нежная кукольная психика не выдержала ругани, то ли удар по весьма специфическому месту, невзирая на отсутствие половых признаков, оказался чувствительным. А скорее всего сработал метод, который, как я не раз замечала, срабатывает на ура с высокотехнологичными приспособлении. Заключается этот метод в том, чтобы как следует (и совершенно не технологично) по этому приспособлению стукнуть.

Какое-то время Агнесса с молчаливым изумлением взирала на столь неожиданно освободившийся перст, затем обхватила его пальцами второй руки, словно боялась, что по дороге к бракосочетанию с ним может ещё что-нибудь приключиться, после чего, наспех поблагодарив нас с Ренцо, стремительно выбежала из библиотеки. Судя по часам, до начала бракосочетания оставалось две минуты. Учитывая, что церемониальный зал находился на том же этаже, что и библиотека (здесь располагалась основная часть нежилых помещений), а также тот факт, что невесте вообще дозволительно немного опоздать, никаких проблем в этом отношении не ожидалось.

Мы с Ренцо решили, уж коли так сложилось, тоже поприсутствовать на церемонии. Только направились туда более неспешно и степенно, как того требовало наше положение. Как-никак Ренцо являлся кастеляном, а это по сути — второй человек в армоне. Мой статус — статус Архивариуса — тоже был далеко не последним и весьма уважаемым. Несмотря на то, что я являлась рабыней, о чём красноречиво свидетельствовало магическое изображение красного дракона, обвившего мочку и раковину моего правого уха. Изображение, которое невозможно было ни смыть, ни закрасить, ни свести при помощи магии.

Часть первая

Глава 1

Несколько месяцев назад…

На невольничьем рынке в Остане, как и всегда по четвергам, было не протолкнуться. Поскольку этот мало чем примечательный в остальном городок находился на морском побережье, именно сюда корабли работорговцев привозили похищенных в далёких странах рабов, и именно здесь пираты как правило заключали сделки с покупателями.

Происходило это на главной городской площади, которая, впрочем, выглядела значительно менее внушительно, чем в иных населённых пунктах. Здесь было грязно, шумно и до неприличия многолюдно, а также пахло гниющей рыбой (сказывалась близость порта) и нечистотами, которые по местным обычаям было принято выливать из окон прямо на улицу. При этом площадь, невзирая на свою функцию, была не слишком широкой, а имела скорее вытянутую форму. Дома даже здесь жались друг другу, отвергая такое чуждое здешним местам понятие как личное пространство.

Topreading.ru

Всё дело в том, что хотя территория Арканзийского государства и была огромна, она по большей части состояла из пустынных земель, совершенно непригодных для жизни в силу фактического отсутствия источников воды. Напиться здесь можно было лишь из редких колодцев, местонахождение которых было известно разве что немногочисленным племенам кочевников. В сочетании с невыносимой жарой под палящим солнцем и промозглым ночным ветром, а также ядовитыми змеями, прекрасно маскирующимися в жёлтых песках, пустыня становилась не более чем цифрой, которую можно было с гордостью вписать в документ о размерах занимаемой Арканзией территории. Реально же здесь существовало не так уж много городов, располагавшихся на берегах редких ручьев и речушек. Все эти города были густо населены, чтобы не сказать «основательно перенаселены». Рожать детей в Арканзии было принято много, не слишком задумываясь о том, за счёт чего их впоследствии содержать. Перенаселение в сочетании с погодными условиями способствовало нищете, легко распространяющимся эпидемиям и окутывающему улицы смраду, давно уже превратившемуся в норму жизни для местных жителей. Специфика нехватки места также способствовала тому, что улочки бывали порой неимоверно узкими — такими, что местные нередко полные дамы передвигались по ним бочком. Дома же всё больше превращались из традиционно низких в трёх- и даже четырёхэтажные. Когда выросший в семьи сын женился и обзаводился собственной семьёй, найти место для нового дома было непросто, и с некоторых пор вместо этого к семейному жилищу стали пристраивать новый этаж.

Разительный контраст с этой не слишком привлекательной картиной представляли армоны и дворцы неслыханных размеров, каждый из которых являлся торжеством красоты, чистоты и роскоши. Истинные произведения архитекторского искусства с многочисленными башнями, длинными аркадами, балконами, выходящими на морской берег или цветущие сады с фонтанами, а также бани с бассейнами, содержание которых становилось возможным благодаря системе водопровода, специально прорытым тоннелям, по которым вода перемещалась из местных речек прямиком во дворец.

Казалось бы, при таком вопиющем неравенстве богачам следовало бы бояться мятежей. Но, во-первых, стража бдела, а во-вторых, народ, для которого рабство являлось нормой жизни, принимал как должное и резкие контрасты в социальной иерархии. На то и эмиры, чтобы жить по-королевски.

И вот сейчас все сошлись к центру площади, чтобы поглазеть на «улов», доставленный из далёких северный земель командой «Зелёной русалки», знаменитого судна работорговцев. Богачи, желавшие приобрести живой товар, бедняки, случайно проходившие мимо, жильцы домов, окна которых выходили на площадь, — все приготовились наблюдать за очередным зрелищем. Отнюдь не из ряда вон выходящим, но всё равно любопытным. Девушек пираты с «Зелёной русалки» всегда отбирали что надо.

Их было семеро — молодых женщин, все в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, которых загнали на каменное возвышение. Лесов в Арканзии росло мало, и древесина ценилась дорого, а вот камня было в избытке. Теперь девушки — измотанные, испуганные и окончательно дезориентированные — жались друг к другу на самом углу возвышения. Молодой мужчина с обветренным лицом и модными среди моряков короткими волосами — боцман «Зелёной руслаки» прохаживался по возвышению взад и вперёд, подобно дрессировщику, зорко следящему за поведением вверенных ему животных.

Некоторые из зевак качали головами. Не из жалости. Просто вид у девушек был, мягко говоря, не самый лучший. Не товарный. Грязные, нечёсаные, в перепачканной, местами порванной одежде, некоторые — босоногие, смотрелись они, прямо скажем, не самым лучшим образом. Конечно, работорговцы могли бы немного постараться, чтобы показать товар лицом. Однако

специфика их работы заключалась именно в том, чтобы распродать рабов как можно быстрее, нередко — с уценкой, и снова как можно быстрее отчалить за новой партией товара. Поэтому зачастую их покупателями оказывались работорговца классов повыше, предпочитавшие не заниматься разбоем, а просто привести рабов в надлежащий вид, и уж потом перепродать их по другой цене, порой куда более высокой.

Я тоже была сейчас среди этих девушек, стоявших на возвышении, словно какие-то заморские диковинки, и не видящие вокруг ничего, кроме жадных до зрелищ глаз. Первую из нас, Илнору, боцман вызвал вперёд. Она не хотела идти, но не решилась сопротивляться его повторному, полному раздражения и угрозы жесту. Шагнула вперёд, а затем медленно пошла вдоль края каменной площадки, туда, а затем обратно, так, как обучал нас всех Злобный пират. Именно так мы называли на своём языке боцмана.

Зрители внимательно наблюдали за перемещениями Илноры, разглядывали её так, будто она была не человеком, а в лучшем случае лошадью, и параллельно слушали комментарии боцмана. Говорил он по-арканзийски, поэтому сама Илнора не могла его понять — в отличие от меня, ибо в своё время я успела освоить этот язык.

— Взгляните, какая ценная рабыня! — разглагольствовал пират. — Ей двадцать шесть лет, она хороша собой, как видите, блондинка. — Зрители довольно закивали: блондинки здесь, в южных землях, являлись большое редкостью. Потенциальные покупатели продвинулись вперёд, грубо оттесняя обычных зевак. — Она абсолютно здорова, не страдает никакими хворями. Способна работать в поле. Кроме того, хорошо умеет шить и вышивать. На протяжении семи лет занималась этим в своём родном городе. Прежние клиенты были очень ею довольны.

«Хорошо, что Илнора ничего не понимает», — думала я, с жалостью глядя на несчастную, запуганную девушку, послушно семенящую по возвышению. Вся эта речь была бы унизительной, даже если бы разговор шёл о продаже животного.

— Хорошо шьёт, говоришь? — вступил в диалог полный мужчина лет сорока, подобравшийся совсем близко к помосту. — И халат может сшить? И рубашку? И женское платье?

— Конечно же, может, мой господин, даже не сомневайтесь! — рассыпался в заверениях боцман, хоть и не мог знать этого наверняка: ведь он даже не удосужился проконсультироваться касательно ответа с самой портнихой.

Впрочем, учитывая талант и опыт Илноры, полагаю, пират был не так уж неправ.

Немного подучившись, она без особого труда освоит специфику здешней одежды.

— В таком случае беру её, — постановил покупатель. — Я расширяю свою мастерскую, и мне как раз нужна новая портниха со свежим взглядом.

— Цена стандартная — тридцать динаров, — объявил боцман.

— По рукам.

Вот так и заключили сделку, решим тем самым судьбу Илноры. Что ж, можно было бы сказать, что это далеко не самый худший вариант. Во всяком случае, мужчина явно покупал её не для плотских утех; ей предстояло заниматься любимым занятием, тем, что она делать умела и делала хорошо.

В последние дни пути это стало основной темой обсуждений. Страдания по безвозвратно ушедшему прошлому отошли на второй план. Теперь девушек в первую очередь волновало — что же будет дальше? Хуже станет или лучше, чем сейчас? В какие руки они попадут? От кого станет зависеть их судьба? Станут ли они беззащитными наложницами похотливых эмиров? Или хотя бы горничными или поварихами в приличных домах? Попадут ли в армон или в бордель?

К тому моменту я уже практически не принимала участия в этих обсуждениях. Меня, как несомненно и многих других, не устраивал ни один из обсуждаемых вариантов, пусть даже и самый что ни на есть «удачный». Я хорошо помнила, с чего всё началось. Помнила, как весь находившийся на городской окраине район, в котором я жила, в одночасье оказался выжжен дотла — ни домов, ни вишнёвых садов, ни фонарных столбов, ни клумб с благоухающими розовыми кустами. Помнила, как обвалился догорающими досками мост, гостеприимной дугой переводивший нас к центральной части города через реку. Помнила много трупов, в неестественных позах лежащих на мостовых. В том числе и тела хорошо знакомых мне людей. И девушек, некоторые из которых были моими соседками, которых вместе со мной согнали к отдалённой и неприметной бухте. Там нас поджидал корабль с чёрными парусами.

Потом было долгое, утомительное и во всех отношениях премерзкое путешествие по морю. Нас большей частью держали в трюме, где было тесно, душно и дурно пахло. С этого момента мы превратились в не-людей, а вещи, и это транслировалось нам весьма доходчиво. Нет, на нашу честь никто не покушался. Товар нельзя портить, это первое правило работорговца. Если и били за ослушание — то так, чтобы не оставалось синяков. Зато могли ограничить в еде или на время лишить питья — страдание, когда кругом можно видеть неограниченное количество солёной морской воды, практически невыносимое. Многим из нас первое время было невыносимо плохо и без всяких наказаний, просто от непривычной морской качки. Настолько плохо, что даже о душевных страданиях, связанных с нашим нынешним незавидным положением, мы забывали начисто. На второй день большинству стало гораздо легче, но некоторые промучились и два дня, и три. Изредка нам разрешалось подниматься на палубу, чтобы вдохнуть свежего морского ветра. Всё это время за нами, конечно же, неусыпно следили.

Потом было долгое, утомительное и во всех отношениях премерзкое путешествие по морю. Нас большей частью держали в трюме, где было тесно, душно и дурно пахло. С этого момента мы превратились в не-людей, а вещи, и это транслировалось нам весьма доходчиво. Нет, на нашу честь никто не покушался. Товар нельзя портить, это первое правило работорговца. Если и били за ослушание — то так, чтобы не оставалось синяков. Зато могли ограничить в еде или на время лишить питья — страдание, когда кругом можно видеть неограниченное количество солёной морской воды, практически невыносимое. Многим из нас первое время было невыносимо плохо и без всяких наказаний, просто от непривычной морской качки. Настолько плохо, что даже о душевных страданиях, связанных с нашим нынешним незавидным положением, мы забывали начисто. На второй день большинству стало гораздо легче, но некоторые промучились и два дня, и три. Изредка нам разрешалось подниматься на палубу, чтобы вдохнуть свежего морского ветра. Всё это время за нами, конечно же, неусыпно следили.

Помнила я и то, как у одной из нас, худенькой светловолосой девушки Рекки, обнаружилась глубокая рана на ноге, полученная несомненно в процессе похищения.

Рана гноилась, и корабельный лекарь лишь пессимистично покачал головой. И, о да, я хорошо помнила, как обошлись с этой девушкой. Как поступают с негодным товаром? Её выбросили за борт.

Сейчас, стоя на каменном возвышении, я помнила всё это как нельзя более хорошо. И не волновалась о своём будущем так, как остальные девушки. Для меня всё уже было решено и не подлежало ни малейшим сомнениям. И дело тут было не только в собственной моей судьбе. Не только в том, что я моя жизнь, установившаяся, размеренная и справедливая, изменилась в одночасье. Дело заключалось в том, что я просто было не готова жить в мире, в котором возможно подобное. Я отказывалась от этого мира. Совершенно осознанно, раз и навсегда. И теперь точно знала, как мне следует действовать, чтобы сорвать планы Чёрного пирата.

И вот наступила моя очередь.

— Эй, ты! — крикнул боцман.

Он так и не удосужился выучить наши имена, хотя за те десять дней, что длилось путешествие, времени для этого было предостаточно. Но, право слово, не зовёт же рыбак по имени пойманных карпов!

— Иди сюда, твой черёд. И юбку разгладь!

Он говорил на нашем, северном, наречии, поскольку понятия не имел, что я понимаю арканзийский язык. А я не спешила восполнять этот пробел в его знаниях. И теперь, подняв голову и сделав лишь один шаг вперёд, выступая из ряда сбившихся в стороне женщин, громко сказала всё на том же северном наречии:

— Не пойду.

От такого резкого отказа боцман оторопел, даже ненадолго застыл на месте и молчал, словно его язык прирос к нёбу. Впрочем, от этого недуга он быстро избавился.

— Иди сюда, шалава!

Вообще-то он использовал несколько иное слово, значительно более грубое, но я, пожалуй, не стану его переводить.

Зрители не понимали произносимых нами слов, не считая парочки вставленных боцманом ругательств, но смысл общей картины начал доходить до них достаточно быстро. Публика оживилась, толпа приблизилась к возвышению.

— Не пойду, — снова спокойно повторила я, и только глаза мои смотрели дерзко, с вызовом, даже с ненавистью.

— Ты немедленно сделаешь всё, что я тебе скажу, — с не меньшей ненавистью объявил Чёрный, — иначе я прямо сейчас возьму тебя за волосы и протащу по площади.

— Попробуй!

Я специально сделала ещё один шаг ему навстречу, показывая, что не боюсь и понимаю всю нелепость угрозы. Конечно, у него хватит сил, чтобы исполнить обещанное. Но что толку? Ведь таким образом он лишь продемонстрирует собственную неспособность заставить рабыню подчиниться. А значит — собственную несостоятельность.

— Иди сюда! — рявкнул он, теперь уже по-арканзийски.

И всё-таки схватил меня, правда, не за волосы, а всего лишь за руку.

Topreading.ru

Я плюнула ему в лицо. Отвратительный поступок. Грязный, неэстетичный, недостойный. Но разве сейчас до таких мелочей? Проведя больше недели в раскачивающейся деревянной камере, пропахнув рыбой, потом и блевотиной, разом утратив всё, что было у тебя в этой жизни, станешь ли задумываться о таких мелочах, как эстетика?

Даже не знаю, достиг ли мой плевок цели, но унизительности произошедшего было достаточно. Тем более что публика отчаянно заулюлюкала. Не думаю, что кто-нибудь из присутствующих всерьёз был на моей стороне, но посмеяться над пиратом многие были не прочь. Мои недавние подруги по несчастью отступили подальше, рискуя свалиться вниз, всем своим видом демонстрируя, что они вовсе не со мной, что это я одна сошла с ума, они же не имеют к происходящему ни малейшего отношения.

— Ах ты тварь! — разозлившись не на шутку, боцман перешёл на своё родной, арканзийский, язык и выхватил из-за широкого кожаного пояса длинный нож.

А я в очередной раз шагнула ему навстречу, ибо только этого и ждала.

Существуют категории людей, которые не годятся на роль рабов. Любой пират-работорговец знает это наверняка. Одни тяжело больны и оттого неспособны выполнять даже самые элементарные задания. Другие сходят с ума от свалившегося на их долю несчастья. Третьих полностью парализует страх — настолько, что перекрывается даже инстинкт самосохранения. Четвёртые же просто оказываются не согласны мириться с новой действительностью. Не согласны до такой степени, что предпочитают пойти на смерть. Я относилась именно к их числу.

Во всех этих — прямо скажем, достаточно редких случаях, — результат был один. Пираты не считали нужным возиться с негодным товаром. В любом улове попадается гнилая рыба. В любой партии товара находится брак. Рабов, проявивших свою негодность, незамедлительно убивали. Во-первых, для того, чтобы избавиться от ненужной долее обузы. А во-вторых, для устрашения остальных. При виде того, какая участь постигает непокорных, другие рабы лишний раз подумают, прежде чем проявить характер.

— Гнусный недоношенный ублюдок, без сомнения ненавидимый даже собственной матерью, — сказала я, с лёгкостью выдерживая взгляд боцмана и почти улыбаясь. Преследуя разом две цели — окончательно доказать свою непригодность и довести Чёрного Пирата до белого каления.

Мне удалось и то, и другое.

— Ах так? Сама выбрала свою судьбу!

И он отвёл назад руку, замахиваясь ножом. Да, выбрала, и именно сама. И ты не смог отнять у меня этого права. Потому что я не раб, а всё-таки человек, пусть даже знак красного дракона навеки оплетает теперь мою ладонь. *Внимание! Знак перекочевал с щеки на ладонь, авторская правка*

Мне удалось и то, и другое.

— Ах так? Сама выбрала свою судьбу!

И он отвёл назад руку, замахиваясь ножом. Да, выбрала, и именно сама. И ты не смог отнять у меня этого права. Потому что я не раб, а всё-таки человек, пусть даже знак красного дракона навеки оплетает теперь мою ладонь. *Внимание! Знак перекочевал с щеки на ладонь,

авторская правка*

Я не испугалась и даже ни капли не отстранилась, когда лезвие с размаху приблизилось к моей груди. Ещё мгновение — и вожделенная сталь коснётся, наконец, моего сердца. И остановит его — остановит в тот момент, когда оно билось в ритме, заложенном свободным человеком.

Но в этот самый момент с площади неожиданно раздался мужской голос.

— Стой! Я её покупаю.

Остриё ножа остановилось, уже готовое пропороть ткань моего платья. Мы с боцманом замерли приблизительно в равной степени удивления, одновременно уставившись на покупателя, который проявил столь своеобразный вкус. Нож боцмана по-прежнему оставался вытянут в мою сторону, лишь немного отдалился. Обуревавшие каждого из нас чувства были весьма неоднозначными, и удивление занимало в этой неразберихе отнюдь не единственное место. В пирате жажда наживы боролась с уязвлённой гордостью и злобой, которые диктовали ему немедленно и несмотря ни на что расправиться с обнаглевшей девчонкой. Меня слова покупателя и вовсе выбили из колеи. Мгновение назад я точно знала, чего хочу, и была готова это получить. Теперь же запоздало пришёл и страх, и сомнения, и ненависть к сорвавшему мои планы мужчине, и благодарность ему же за предоставленную возможность ещё хотя бы недолго задержаться на этом свете. Я не могла понять сама себя и, как и боцман, продолжала стоять, тупо пялясь на неожиданно появившегося покупателя.

Он сильно выделялся на фоне окружившей возвышение толпы. Иностранец, это видно невооружённым глазом, даже такому чужаку, как я. Одет совершенно иначе, чем местные. Они — в каких-то странных на мой вкус халатах светлых оттенков, застёгнутых на многочисленные пуговицы. (У меня-то на родине халат — одеяние сугубо домашнее и в первую очередь женское, а здесь это явно мужская верхняя одежда. Женщины — те носят платья, хоть и совершенно иного кроя, чем у нас на севере). А у этого одежда более… нормальная, что ли? — опять же на мой взгляд. Тёмные брюки, сапоги для верховой езды, белая рубашка, расстёгнутая настолько, насколько того позволяли приличия, учитывая здешнюю жару, меч в дорогих ножнах висит на кожаном поясе. Камзол, снятый по-видимому из-за всё той же жары, он держит в руке.

Не местный, да. И тем не менее это и не мой соотечественник. Южанин. Это видно и по пепельно-чёрным волосам, немного не доходящим до плеч, и по тёмным глазам — отсюда цвет точно не разобрать, — и по смуглой относительно коже. Относительно — потому что она безусловно смуглая для северянина, но вот для арканзийца, наверное, даже несколько бледноватая.

Мужчина — чужеземец, но это не заставляет его вести себя смущённо или растерянно, даже в самой малейшей степени. Наоборот, осанка — идеальная, движения уверенные, взгляд — ледяной и высокомерный. И на меня не устремлён вообще. Только на боцмана. А тот, кажется, принял решение.

— Шестьдесят динаров, — заявил он, по-прежнему направляя на меня нож и развернувшись к предполагаемому покупателю лишь вполоборота.

— Что?!

Покупатель и бровью не повёл, а вот его спутник, гневно нахмурив брови, шагнул поближе к возвышению. Видимо, соплеменник покупателя. Та же масть, вообще тип внешности примерно похожий. Этот пошире в плечах, тоже темноволосый, правда, глаза светлее, кажется, зелёные;

говорят, у южан это не такая уж редкость. Движения тоже уверенные, но менее сдержанные; сейчас он и не думает скрывать своего возмущения.

— Ты только что говорил, что тридцать динаров — стандартная цена! — заявил он, с лёгкостью запрыгивая на возвышение. — А эта рабыня — явно не самая послушная. С какой же стати теперь шестьдесят?

— А с такой, — ничуть не смущённо и откровенно зло ответствовал боцман, — что мне было нанесено оскорбление и, если я продам вам эту рабыню, мне придётся оставить его безнаказанным. А это нанесёт большой урон моей тонкой душевной организации. — Иронию, возможно, и оценили, однако не засмеялся ни один человек. — Но я готов, так и быть, пойти на сделку со своей честью, при условии, что вы заплатите мне штраф в тридцать динаров, в качестве компенсации за поведение этой девчонки. Уж если она вам так приглянулась. Плюс тридцать динаров — её стоимость. Итого шестьдесят.

Я покраснела, как рак, до того унизителен был этот разговор, хоть ведшие торг и не подозревали, что я понимаю их речь. Лучше бы этот ублюдок всё-таки зарезал меня минуту назад…

— Компенсация? Ты в своём уме? Да это грабёж среди бела дня! — настаивал спутник покупателя. — Да если бы не мы, ты не получил бы за неё ни ролла! *ролл — денежная единица, сто роллов = один динар*

— Зато получил бы моральное удовлетворение, — отрезал боцман. — И потом, здесь, в Остане, правила устанавливаем мы, арканзийцы, а не какие-то чужаки из Галлиндии.

Словно в подтверждение его слов, двое пиратов, до сих пор державшихся в стороне, вскочили на возвышение.

Спутник покупателя недобро прищурился.

— Неужто? — вкрадчиво осведомился он, кажется, не особо испугавшись этого подкрепления. — Скажи-ка, мне только кажется, или по установленным в вашей же Арканзии законам запрещено прилюдно убивать не то что женщину, но даже собаку?

Чёрного пирата, не слишком уважавшего любые законы, в том числе и арканзийские, данное заявление не слишком смутило, и этот унизительный торг мог бы продолжаться ещё долго, а не исключено, что перерос бы в драку, если бы не оклик покупателя:

— Ренцо, просто заплати ему столько, сколько он просит.

Голос прозвучал спокойно, но жёстко, и споров не подразумевал. Спутник покупателя, не скрывая собственного недовольства, отсчитал шестьдесят динаров, вернул их в кошель, а оставшиеся монеты скинул себе в карман. После чего перебросил кошель боцману. Тот, со своей стороны, вручил мужчине конец верёвки, которой было обмотано моё запястье. Будто собачий поводок или лошадиные поводья. Не знаю, в который раз за последнее время меня буквально-таки перемкнуло от чувства унижения и стыда, всепоглощающего, накрывающего с головой. Ну что ж, теперь этот брюнет вправе повести меня хоть на край света…хоть гораздо ближе — например, к себе в койку.

Конечно, можно было устроить шумную сцену. Вырываться, кричать, кататься по земле. Но что толку? Боцмана я успела узнать за время морского перехода и потому могла предсказать его реакцию. И предугадала её совершенно правильно; всё бы случилось так, как я хотела, если бы

не неожиданное вмешательство покупателя. Но вот чего ждать от этого Ренцо и уж тем более от его немногословного и похожего на глыбу льда спутника, я понятия не имела. Не стоило дразнить их сейчас, играя в бессмысленные, да и противные мне самой игры. Следовало внешне смириться и немного подождать. Я всё равно сумею исполнить задуманное.

Конечно, можно было устроить шумную сцену. Вырываться, кричать, кататься по земле. Но что толку? Боцмана я успела узнать за время морского перехода и потому могла предсказать его реакцию. И предугадала её совершенно правильно; всё бы случилось так, как я хотела, если бы
не неожиданное вмешательство покупателя. Но вот чего ждать от этого Ренцо и уж тем более от его немногословного и похожего на глыбу льда спутника, я понятия не имела. Не стоило дразнить их сейчас, играя в бессмысленные, да и противные мне самой игры. Следовало внешне смириться и немного подождать. Я всё равно сумею исполнить задуманное.

Я бросила последний взгляд на собравшихся на противоположном краю возвышения девушек. Тех, с кем мы вместе провели последние, прямо скажем не самые приятные десять дней жизни. С некоторыми из них мы были знакомы и прежде, по жизни гораздо более светлой. Сердце сжалось от чувства ностальгии. Непродолжительного. Это были завершающие ноты. Впереди — ненависть и туман.

Впрочем, следует отдать мужчине должное: тянуть меня за собой, как скотину, он не стал. Верёвку из руки не выпустил, но в остальном вёл себя вполне пристойно. Сказал «Идём», но, думая, что я не понимаю арканзийского, знаком предложил мне следовать за ним. Первым спрыгнул с возвышения и затем помог спуститься мне. От прикосновения его рук я почувствовала себя премерзко, хотелось закричать и оттолкнуть брюнета, хотя, повторюсь, говоря объективно, ничего непристойного или похотливого в его движениях не было. Он просто помог мне спуститься. Так или иначе, я сдержалась, разве что вдох сделала особенно резкий, но кто же это заметит?

Мой новый хозяин (меня буквально передёрнуло от такой мысленной формулировки, но ведь она соответствовала действительности!) убедился в том, что всё прошло, как надо, после чего молча развернулся и зашагал в одному ему ведомом направлении. Впрочем, Ренцо, наверное, тоже знал, куда мы идём; я же пребывала в полнейшем неведении, и, ясное дело, просвещать меня на сей счёт не собирались. Впрочем, они всё ещё не знали, что я понимаю их язык, а я вовсе не намеревалась снабжать их такой информацией.

— Идём, — снова повторил Ренцо (видимо, вести себя со мной совсем уж молча было для него трудновато, в отличие от его спутника) и указал мне направление.

Собственно, оно было предсказуемым, ибо указывал он в спину удалявшемуся с площади иностранцу.

— Как тебя зовут? — спросил по пути ведший меня мужчина. Верёвку он, к слову, продолжал держать, хотя ни разу не потянул меня с силой и вообще старался вести себя аккуратно.

Я не отреагировала, продолжая поддерживать легенду о том, что арканзийский для меня — не более чем череда бессмысленных звуков.

— Я — Ренцо, — произнёс мой надсмотрщик, приостанавливаясь, прикладывая руку к груди и чётко выговаривая слова. — Ренцо Аглари. А это, — он указала на моего хозяина, — дон Данте Эльванди.

Последний, как ни странно, тоже приостановился и не без любопытства наблюдал за попыткой знакомства.

Я слушала, сохраняя безразличное выражение лица. Стало быть, дон. В сущности это мало о чём говорило. И так понятно, что не пастух и не подмастерье. А в остальном право называться доном получали очень многие. Все аристократы — само собой, по праву рождения. Но и не только. В сущности, дон — это уважаемый член общества. Военный офицер — хотя эти как правило являлись и аристократами. Высококвалифицированный специалист. Лекарь, скульптор, учёный. Даже торговец — правда, только высшей категории. Иногда титул дона даровался и по более абстрактным причинам, за те или иные заслуги перед страной или её правителями. К слову, наверняка и сам Ренцо тоже дон, просто не счёл нужным выпячивать свой статус при знакомстве.

Гораздо важнее тут было другое. Дон — это не местный титул, не арканзийский. И не северный, не из моих краёв. Такой титул использовался в Галлиндии, государстве, граничившем с Арканзией. Я знала об этом исключительно в силу общего образования. Сказать, что мне было так уж много известно о Галлиндии, не могу, но, судя по обрывочным сведениям из энциклопедий и случайно прочитанных книг, она была более цивилизованна, чем Арканзия. Более цивилизованная в нашем, северном, представлении. С точки зрения самих арканзийцев это скорее мы являемся безнадёжными варварами. Но точка зрения арканзийцев мало меня волновала.

Некоторым образом Галлиндию можно было считать самой южной из северного блока стран. Место, где южная природа смешалась с северным мировоззрением. Пальмы — с аккуратностью северных садов, смуглость кожи со строгими нарядами, знаменитые арканзийские бани — со светскими балами. Смешение культур, переплетение ментальностей. Но вряд ли всё это будет иметь для меня хоть какое-то значение.

— Сандра.

Я всё-таки решила ответить на вопрос Ренцо. Не раскрывая при этом знание его языка. Ответила — и тут же почувствовала презрение к самой себе. Словно поддалась, пошла навстречу, начала смиряться с тем, с чем мириться не могла и не имела права.

Ренцо молча кивнул. Никаких «очень приятно» говорить не стал: наверняка при общении с рабыней это неуместно, к тому же всё равно он считал, что я его слов не пойму. Данте тоже коротко кивнул, давая понять, что принимает информацию к сведению.

— Если с лирическим отступлением ты закончил, нам пора поторопиться, — обратился он к Ренцо. — Близится время встречи, и мы не заинтересованы в том, чтобы оскорбить этих людей. Особенно на их территории.

— Вовсе они не оскорбятся, — поморщился Ренцо, но шагу вслед за Данте прибавил. Я подстроилась под их темп. Ничего сложного в этом не было: они быстро шли, но отнюдь не бежали. — Это же арканзийцы. Для них здесь прийти вовремя — это всё равно, что проявить слабость. Чем больше человек позволяет себе опоздать, тем он респектабельнее.

— Где ты успел поднахвататься таких познаний? — усмехнулся Данте.

— Я всё-таки здесь далеко не в первый раз, — откликнулся Ренцо. — И не во второй, как ты. Да и вообще, редко что ли нам приходится иметь с ними дело?

Я слушала и выхватывала потенциально важную для себя информацию. Первое: мои спутники явно недолюбливали арканзийцев. Второе: у них были с местными какие-то дела. И третье: по-видимому, статус Ренцо немного ниже, чем у Данте, однако их отношения представляются достаточно близкими. Решения принимает Данте, но Ренцо с ним на ты и позволяет себе

вступать в споры. Да и вообще в их общении ощущается лёгкость, как между друзьями.

— То-то и оно, что нередко, — отозвался между тем Данте, умудряясь пробираться между толпой местных бездельников, почти не замедляя шага. — И я предпочитаю лишний раз не рисковать. Нам с ними ещё путешествовать без малого неделю.

— То-то и оно, что нередко, — отозвался между тем Данте, умудряясь пробираться между толпой местных бездельников, почти не замедляя шага. — И я предпочитаю лишний раз не рисковать. Нам с ними ещё путешествовать без малого неделю.

Путешествовать? К тому же не только с этими двумя, а ещё и какими-то арканзийцами? Час от часу не легче. Как будто мне и так было мало приключений. Я со всей возможной жёсткостью подавила на корню приступ жалости к себе. Давай, Сандра, давай, ещё разревись тут у них на глазах. Им точно понравится. И вообще, для чего они меня купили? Это оставалось полнейшей загадкой. Ренцо — тот хотя бы пытался торговаться, но Данте с лёгкостью заплатил баснословные деньги за рабыню, проявившую высшую степень непокорства. Почему? Пока я видела только один ответ: он из тех господ, которым нравится ломать людей. Им доставляет удовольствие давить на человека со свободной волей, бить, унижать, издеваться и в конечном счёте превращать в жалкое, окончательно сломленное пресмыкающееся. Внешне, конечно, южанин был совсем не похож на такого человека; напротив, вид он имел вполне приличный, я бы даже сказала благородный… Но такие люди почти всегда выглядят со стороны именно так. И полноценно раскрываются лишь при близком знакомстве, каковому не приведите боги состояться.

Впрочем, бояться не стоит. Опасаться — да, но не бояться. Я сумею разрешить ситуацию прежде, чем у них появится возможность причинить мне вред. Во всяком случае, мне оставалось лишь на это надеяться.

— Почему ты решил купить эту рабыню? — Похоже, данный вопрос беспокоил не только меня, но и Ренцо. — Ты ведь понимаешь, момент сейчас не самый удачный.

Данте, однако, особой разговорчивости не проявил.

— Решил купить — и купил, — лаконично ответил он, пожав на ходу плечами.

— Я могу тебя понять, — немного погодя продолжил Ренцо, — но ты ведь осознаёшь, что впереди у нас путешествие через пустыню? Сможет ли она его осилить? Посмотри на неё. — К слову, этого Данте не сделал. — Она явно измотана путешествием на пиратском судне. И ты собираешься прямо сегодня взять её с собой в Дезерру? — Дезеррой называлась пустыня, располагавшаяся в северной части Арканзии. Дорога из Останы в Галлиндию лежала именно через неё. Стало быть, эти двое уже сегодня планировали пуститься в обратную дорогу. — Не лучше ли оставить её здесь? Что, если она просто не выдержит дорогу?

Однако Данте было не пронять.

— А у неё не будет выбора, — откликнулся он. — Выдержала плавание на корабле пиратов — выдержит и пустыню. Не такое уж долгое это путешествие. Да и не такое уж изнурительное.

Развивать тему не стали, да у них и не было такой возможности. В этот момент мы, по-видимому, достигли цели нашего путешествия: располагавшейся в нескольких кварталах от центра города таверны. Арочный вход оказался настолько низким, что даже мне пришлось, заходя, пригнуть голову, что уж говорить о моих спутниках. Ощущение было такое, будто впереди — не таверна, а пещера, каких великое множество в здешних горах.

Внутри картина оказалась совсем иной. Здесь всё выглядело ухоженно, роскошно и даже, наверное, уютно. Наверное — потому что моё представление об уюте и о том, как должна выглядеть таверна, радикально отличалось от увиденного. Здесь не было ни столов, ни стульев, ни скамей. Ни свечей, ни канделябров, ни картин на стенах. Вместо этого — полы, устланные коврами и циновками. Места, предназначенные для посетителей и соответствующие нашим столикам, были условно обозначены на полу при помощи дополнительных мягких ковриков и многочисленных подушек разного размера и разных цветов. Подушки были разбросаны — а точнее сказать, тщательно разложены — в художественном беспорядке, создавая атмосферу беззаботности и одновременно делая пребывание на полу комфортным… Комфортным — это опять же в понимании местных, а не моём. Вместо столов — просто дополнительные тростниковые циновки, вокруг которых, собственно, и располагались подушки. На этих циновках были расставлены подносы с кушаньями, кувшины с узкими горлышками, кубки и прочее. Посетители либо сидели, по-восточному скрестив ноги, либо полулежали (я бы даже сказала «возлежали»), опираясь на подушки. Некоторые курили кальян.

Узкие окна были умышленно задёрнуты цветными занавесками; помещение наполняли светом низко висящие лампы. Стены были увешены узорчатыми коврами. От переливов красного, жёлтого, чёрного, коричневого и оранжевого рябило в глазах.

Едва мы вошли, к нам сразу же подбежал слуга, одетый в широкие штаны, рубашку и жилет, и поклонился настолько низко, что практически согнулся пополам. Я ожидала, что у него хрустнет позвоночник, но парень распрямился с привычной лёгкостью и что-то шепнул Данте. Тот утвердительно кивнул, и слуга повёл нас к одному из «столиков».

На ковре с немалым комфортом устроился полный мужчина невысокого роста, с загорелым лицом круглой формы и типично арканзийскими чертами, одетый в белые брюки и длинный белый халат, украшенный пуговицами из чистого золота. О последнем можно было догадаться даже невзирая на скудное освещение. Вообще этот мужчина выглядел холёным, богатым и полным чувства собственной значимости, коего нисколько не стеснялся.

За спиной у посетителя стоял ещё один мужчина, вооружённый до зубов, судя по всему, телохранитель. А ещё дальше, прислонившись к самой стене, расположился раб. Это было видно по одежде, по манерам и даже по тому, как виртуозно игнорировали его не только посетители, но и слуги.

— День добрый, высокочтимый дон Эльванди. — Посетитель обратился к Данте очень радушно, но с подушек не встал. Видимо, здесь это не было принято. — Да подарит он тебе множество хороших новостей, да будет полон тени и прохлады, и да будут благословенны все твои начинания.

— Благодарю тебя, высокочтимый Илкер-бей, — вежливо ответил Данте. На этом его приветствие было окончено.

— Присаживайся. — Если Илкер и был обижен лаконичностью гостя, то не подал виду. Его слова сопровождались гостеприимным жестом. — Отведай всего, чего пожелаешь: нигде во всей Арканзии ты не найдёшь заведения, в котором готовили бы вкуснее, чем в этой таверне.

Данте снова вежливо кивнул и, на мгновение взглянув на Ренцо, сел, по-местному скрестив ноги без малейшего труда. Ренцо же отвёл меня к стене, туда, где стоял раб Илкера, тихо сказал «оставайся здесь» (не ожидая, что я пойму его слова, но суть была ясна и по ситуации), после чего сел подле Данте. Это немного меня удивило; признаться, я ожидала, что он останется стоять наподобие телохранителя. Мне даже кажется, что и самого Илкера несколько

сбила с толку данная вольность. Но Данте отреагировал на действия своего спутника как на нечто само собой разумеющееся, и это всё решало. Должно быть, эти двое действительно были очень близки друг к другу по статусу.

Илкер меж тем подозвал слугу, и тот вновь склонился перед посетителями, хотя на сей раз и не так низко, как при приветствии.

— Чего ты желаешь отведать, дон Эльванте? — спросил вместо слуги Илкер, явно принявший на себя роль гостеприимного хозяина. — Я буду рад угостить тебя и твоего спутника. Быть может, вам придётся по вкусу здешняя говядина?

— Благодарю, но мы уже отобедали, — откликнулся Данте. — Так что я ограничусь напитком.

— Что желает пить господин? — спросил слуга.

— Кофе, — ответил Данте.

— О, вы знаете толк в арканзийских напитках, — просиял в белозубой улыбке Илкер. — Лучше нашего кофе нигде не сыскать, тут вы совершенно правы.

— А вы, господин? — обратился слуга к Ренцо.

— Тоже кофе, — немного помявшись, ответил тот.

По-моему, пить кофе Ренцо совершенно не хотел; возможно, он вообще терпеть не мог этот напиток. Но счёл, что после предшествовавшего диалога заказать что-то другое было бы невежливо; такой поступок могли бы оценить почти как неуважительное отношение к хозяевам или во всяком случае бесцеремонность.

— Арканзийский кофе — действительно лучший в мире, — прежним ровным голосом проговорил Данте. — И, что самое неприятное, ваши сограждане тщательно блюдут секрет его приготовления. Казалось бы, несложно достать все нужные ингредиенты — и всё равно ничего похожего на ваш напиток не получается. Поручал своим людям эту задачу тысячу раз. И результат всё равно нулевой.

Я присматривалась к Данте и пыталась понять, правду он говорит или просто лжёт, чтобы доставить удовольствие собеседнику. Понять не смогла. Голос был равнодушным, выражение лица — бесстрастным. Я повернула голову в сторону выхода. Нет, бежать невозможно. Нет смысла рисковать. Слишком много народу, и не так уж они расслаблены, как может показаться. Да и снаружи весьма людно. Если эти поднимут шум, меня схватят моментально. Потому-то меня так спокойно и оставили в стороне, даже не привязали, хотя верёвка на руке оставалась.

Уловив какое-то движение краем глаза, я поняла, что меня с любопытством разглядывает раб Илкера. Я ответила ему ничего не выражающим взглядом. Быть может, это странно, но ни симпатии, ни чувства солидарности я по отношению к нему не испытывала. Даже наоборот. Наверное, это было нелогично и даже несправедливо, но я ощущала по отношению к рабу почти что ненависть. Для меня он был частью той системы, которая выхватила меня из русла привычной жизни, поглотила и теперь стремилась раздавить. Этот человек — типичный арканзиец, стало быть, он не пленник, а потомственный раб. Он родился и рос рабом и, следовательно, в его представлении здешний уклад в общем-то является нормой. Он не испытывает того чувства протеста, которое с головой поглощает меня. Мне казалось, что такие, как он, и такие, как Илкер, в равной степени несут ответственность за то, что рабство

является нормой жизни в этой стране. Они оба с одинаковой готовность играют ту роль, которая отведена для каждого в этой бытовой и политической игре.

— Наши специалисты действительно ревностно хранят свои секреты, — с довольным видом подтвердил Илкер, в то время как расторопный слуга возвратился с кухни, неся в руке заставленный поднос. — Однако дело не только в этом. Настоящий арканзийский кофе может быть сварен исключительно на арканзийской земле. Попытайтесь сварить его за границей по тому же самому рецепту, пригласите для этой цели местного профессионального повара — и вкус всё равно выйдет другим.

Возможно, такое рассуждение и могло показаться со стороны немного странным, но мне приходилось кое-что читать на эту тему. Арканзия была известна своего рода культом земли. Родная земля, почва собственного участка, города и, наконец, страны, имела в представлении этих людей огромное значение, почти что обожествлялась. Именно поэтому с арканзийцами было настолько сложно разрешать территориальные конфликты: любой из них, даже самый незначительный, мог с лёгкостью обернуться кровопролитной войной. Земля считалась порой большей ценностью, чем человеческие жизни.

Слуга опустил поднос на циновку, вокруг которой сидели собеседники. Расставил чашки, разлил по ним кофе из изящного кофейника, украшенного изображениями каких-то животных. Оттенок напитка был для меня неожиданно тёмным, а чашечки — непривычно маленькими. У нас кофе всегда подавали в чашках того же размера, что и чай. Эти же были, должно быть, меньше на две трети. По помещению мгновенно распространился вкусный запах кофе. Нам с рабом и телохранителем напиток, ясное дело, никто предлагать не собирался, но это — последнее, что меня огорчало.

Помимо кофе на подносе также стояла ваза, над которой возвышалась горка восточных сладостей разного цвета и формы.

— Селим-паша подписал бумаги, — неспешно произнёс Илкер, когда кофе был практически допит.

Произнёс как бы между прочим, таким тоном, словно речь шла о погоде. Но Данте вскинул голову, впервые за то время, что я за ним наблюдала, проявив какое-то подобие эмоций.

— Стало быть, договор заключён? — уточнил он.

Илкер неспешно кивнул.

— Селим-паша согласился с твоими условиями, — сообщил бей. — Он считает, что такая договорённость справедлива. Мы обязуемся отныне и в течение десяти лет уважать участок вашей границы протяжённостью в пятьсот миль, за которым в частности лежат и твои личные земли. И получаем взамен свободный и беспошлинный доступ к нужным нам торговым путям. Однако договор вступит в силу лишь после того, как будет подписан вторично.

Данте понимающе кивнул. Я, кажется, тоже догадывалась, о чём идёт речь. Учитывая ту роль, которую играла в представлении арканзийцев земля, договор между двумя странами должен был подписываться на территории обеих. В противном случае он не был освящён землёй одной из сторон и, следовательно, не считался полноценным.

— Полагаю, сам Селим-паша слишком занят, чтобы отправиться со мной на территорию Галлиндии? — произнёс Данте.

Тон его вопроса лишний раз укрепил меня в подозрении, что беседа, при которой я присутствую, — не более чем ритуал. В действительности же всё уже решено и планы на ближайшее будущее всем известны.

— Ты совершенно прав, высокочтимый дон Эльванди, — подтвердил Илкер. — Однако я наделён всеми полномочиями, необходимыми для подписания второй копии договора на твоей земле.

— Мне это известно, — кивнул Данте. — Стало быть, мы с тобой, Илкер-бей, отправляемся в Галлиндию, дабы окончательно скрепить заключённый союз?

— Именно так, высокочтимый дон Эльванди, да оценят боги по достоинству твою проницательность и мудрость.

— Мне это известно, — кивнул Данте. — Стало быть, мы с тобой, Илкер-бей, отправляемся в Галлиндию, дабы окончательно скрепить заключённый союз?

— Именно так, высокочтимый дон Эльванди, да оценят боги по достоинству твою проницательность и мудрость.

— Когда же мы выезжаем?

Данте благоразумно проигнорировал воспевание собственных достоинств, кое являлось не более чем данью принятой на востоке манере речи.

— Чем скорее, тем лучше, — ответствовал Илкер.

— Мы с доном Аглари готовы отправиться в путь в самое ближайшее время, — заверил Данте. Наши вещи собраны и стоят наготове на постоялом дворе. Мы можем выехать через полчаса.

— Чудесно, — кивнул Илкер. — Я тоже успел подготовиться к путешествию. Если мы отправимся в путь в ближайшее время, успеем проехать несколько часов прежде, чем солнце опустится в свою священную колыбель. Это самое лучшее время для путешествия по пустыне. Раннее утро и последние часы перед закатом. Продвигаться по ночам тяжело и опасно, в дневное же время — слишком жарко, хотя этого нам в любом случае не избежать. Мои люди позаботятся об условиях для привалов и ночлега.

Данте благодарно кивнул. Впрочем, по-видимому, и эта деталь тоже подразумевалась изначально.

— В таком случае я предлагаю встретиться через полчаса возле лавки стекольщика, напротив входа в бани, — сказал он.

Илкер согласно склонил голову.

— Ты хорошо успел изучить нашу часть города, это весьма похвально, — заметил он. И неожиданно посмотрел на меня в упор. — Я вижу, ты приобрёл рабыню. Хороший выбор. Её, конечно, надо отмыть и почистить, но после этого она будет вполне хороша.

Я старательно смотрела в пол, делая вид, будто не понимаю ни слова, лишь догадываюсь, что речь идёт обо мне. Очень хотелось броситься на Илкера с кулаками, расцарапать ему лицо, нанести столько увечий, сколько успею прежде, чем меня сумеют остановить. В моей стране даже служанка, даже последняя распутная девка имела бы полное право влепить пощёчину за

Topreading.ru

подобные высказывания в свой адрес. Но мы находились очень далеко от моей страны.

— Для чего ты купил её? — продолжил расспросы Илкер. — В качестве наложницы? Или для работы по дому? Насчёт работы не знаю, но в постели она должна быть неплоха, в ней чувствуется темперамент. Правда, это может создать и проблемы. Но две-три порки без сомнения их решат. Или у тебя какие-то другие планы на её счёт?

Я усиленно боролась с собой, стараясь, чтобы ненависть не проявилась в устремлённом на ковёр взгляде, но это не помешало мне расслышать, как усмехнулся рядом раб Илкера. Это заставило меня лишний раз почувствовать, что местные рабы и рабовладельцы по-своему заодно, и укрепиться во мнении, что мне не следует отождествляться с арканзийскими невольниками и водить с ними дружбу.

Меж тем Данте равнодушно пожал плечами.

— Я пока не решил, для чего буду её использовать, — ответил он.

— Но для чего-то ведь ты её купил? — удивился Илкер.

— Для чего люди обычно покупают иностранные диковинки? — отозвался Данте. — В поездке мы все покупаем то, что распространено там, где мы гостим, и является редкостью у нас. Из Галлиндии обычно везут жемчуга, фарфор и лекарственные травы. Из Арканзии — ковры, специи и рабов.

— То есть ты приобрёл её в качестве сувенира? — понимающе спросил Илкер.

— Что-то в этом роде, — подтвердил Данте. — Но не только. В моей стране рабы, как ты знаешь, редкость. Так что красивая рабыня в армоне — это показатель высокого статуса.

— То есть это дело престижа, — покивал Илкер. — Что ж, одобряю. Бесспорно одобряю. Я грешным делом хотел предложить перекупить её у тебя: что-то в этой иноземке есть… Но раз такое дело… Твоя причина важней.

— Увы, Илкер-бек, моя рабыня не продаётся, — покачал головой Данте, и в этом движении мне почудилась излишняя резкость. Излишняя, учитывая, что собеседник и так отступился уже от своей идеи.

Впрочем, мне сейчас могло почудиться всё, что угодно. Услышанный разговор был настолько унизительным, что руки ощутимо задрожали, а перед глазами заплясали тёмные круги ярости.

— Что ж, полагаю, что нам пора идти, — заметил Данте. — Время не ждёт. Чем скорее мы отправимся в путь, тем большее расстояние сумеем преодолеть за сегодня. Если не ошибаюсь, до Бертана нам добираться около двух дней.

— Совершенно верно, дон Эльванди, — подтвердил Илкер.

Я понятия не имела, что такое Бертан, но это не слишком меня интересовало. По едва заметному знаку Илкера раб подбежал к нему и помог подняться на ноги. Данте и Ренцо, к счастью, встали самостоятельно. Лишь после этого Ренцо подошёл ко мне, взялся, как и прежде, за конец верёвки и знаком предложил выйти из таверны. Я послушно зашагала к выходу, тщательно унимая всё ещё бьющую тело дрожь. Приближалось путешествие через пустыню, и я собиралась этим воспользоваться. Наступит момент, когда я перестану быть послушной.

Глава 2

Я вскоре поняла, почему встреча Данте и Илкера состоялась именно в этой таверне. Как выяснилось, постоялый двор, на котором остановились галлиндийцы, располагался совсем неподалёку. По дороге Ренцо немало удивил меня, незаметно сунув в руку нечто зелёное, покрытое белыми точками и шершавое на ощупь. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это — восточная сладость, видимо, одна из тех, что лежали в установленной перед посетителями вазе. При этом Ренцо действовал осторожно, будто опасался, что его поступок кто-нибудь заметит. Не могу сказать, чтобы я растаяла от такой заботы. Она казалась мне больше похожей на подачку, как когда голодной собаке кидают кость с барского стола. Или угощают куском сахара, стремясь таким образом приручить. Но я — не собака, и со мной этот номер не пройдёт.

Поэтому поначалу я даже не стала есть подаренный продукт, невзирая на острое чувство голода. Но и выбрасывать его не собиралась: всё же я не настолько глупа. Кто знает, собираются ли меня кормить вообще и уж во всяком случае, с какой частотой.

В комнаты Ренцо и Данте меня вести не стали. Немного посовещавшись, оставили во внутреннем дворике. Это был совсем небольшой участок земли, огороженный со всех сторон высокой стеной. Так что почти тюрьма под открытым небом. Зато со скамейкой, на которую я и селя, едва эти двое исчезли в здании. Какая же на меня накатила усталость! Именно в этот момент, когда я получила возможность ненадолго расслабиться. Сразу же выяснилось, что ноги нещадно болят. Да что там ноги, болела и спина, и вообще всё тело.

Я напряглась, увидев, как в мою сторону устремилась девушка, работавшая на постоялом дворе. Небогатая, довольно скромно одетая, но и не рабыня: я не увидела у неё знака дракона, да и вообще, кажется, начинала отличать рабов от свободных людей по внешнему виду и манере поведения.

Я напряглась, увидев, как в мою сторону устремилась девушка, работавшая на постоялом дворе. Небогатая, довольно скромно одетая, но и не рабыня: я не увидела у неё знака дракона, да и вообще, кажется, начинала отличать рабов от свободных людей по внешнему виду и манере поведения.

И чего она от меня хочет? Скажет, что нечего рабыням рассиживаться? Или и вовсе приспособит к какому-нибудь делу, чтобы рабочая сила не пропадала, пока хозяину я всё равно не нужна?

Но вопреки моим ожиданиям девушка, сочувственно на меня посмотрев — кажется, я впервые увидела в чьих-то глазах сочувствие с того момента, как моя нога коснулась земли Арканзии, — вручила большой кусок хлеба и кувшин с молоком. Поблагодарив её кивком головы, я с жадностью вцепилась зубами в хлеб. Ела совершенно неприлично, но сил на то, чтобы остановиться и скорректировать своё поведение, уже не осталось. Девушка сразу же ушла, я же поглотила всю свою порцию в считанные секунды и стала столь же жадно запивать её молоком. По подбородку потекла струйка, я вытерла её резким движением, и продолжила пить.

Хорошо, но мало. Угощение закончилось, а я бы, кажется, съела ещё несколько раз по столько же. Я даже подумывала о том, чтобы подойти к девушке и попросить у неё ещё. Но, во-первых, мне было не вполне удобно это делать: я ведь и за первую порцию заплатить не могла. А во-вторых, по легенде я не знала арканзийского языка и, следовательно, ничего не смогла бы ей

объяснить.

И тут я вспомнила про припрятанный в платок подарок Ренцо! Извлекла его на свет и тут же съела. Я даже не успела почувствовать вкус, хотя местные сладости считались чрезвычайно изысканным яством. Но во всяком случае мой желудок стал хоть немного более полным. И хорошо, что я не съела эту зелёную штуку сразу. Думаю, на голодный желудок от сладкого мне стало бы нехорошо.

В путь отправились на джамалях — это животные, весьма похожие на верблюдов, и даже считающиеся одной их разновидностью. Тоже горбатые, притом двугорбые, покрытые густым коричневым мехом. Идеально приспособленные к суровому климату пустыни. От остальных представителей семейства верблюдовых они отличаются главным образом тем, что, во-первых, способны развивать бОльшую скорость (хотя как правило передвигаются, наоборот, неторопливо, экономя силы и ресурсы), а во-вторых, их ноги покрыты до колен очень толстой шкурой. Как я узнала позднее, это качество развилось у арканзийских джамалей как необходимое условие для выживания в здешних пустынях, таких, как Дезерра. Суть заключалась в том, что эти места кишмя кишели ядовитыми змеями, а прочная шкура предохраняла верблюдов от укусов.

Наш отряд, в скором времени собравшийся на улице за стенами постоялого двора, состоял из восьми человек. Все, кроме меня, мужчины. Главным образом, свиту собрал вокруг себя Илкер. При нём был давешний телохранитель, двое рабов (включая того, которого я видела в таверне) и надсмотрщик, призванный следить собственно за рабами, равно как и прислуживать своему господину. Данте и Ренцо, со своей стороны, путешествовали вдвоём (если не считать меня).

Сперва я даже слегка удивилась тому, что рабы, как и все прочие, отправлялись в путь верхом. Даже я, для которой джамаль наверняка изначально предусмотрен не был. Это уже потом выяснилось, что путешествовать по Дезерре по-другому просто нереально.

Оседлать животное оказалось легко: джамаль опустился на колени, и его туловище оказалось таким образом очень низко. Гораздо легче, чем вскочить на лошадь. Зато потом, когда я оказалась в седле, а он начал подниматься, мне резко стало не по себе. Я раскачивалась, будто на штормящем судне и, ощущая, что вот-вот упаду, судорожно вцепилась обеими руками в деревянную ручку, приделанную к седлу спереди и, видимо, предназначавшуюся специально для того, чтобы в случае необходимости помочь всаднику удержать равновесие. Рабы Илкеры наблюдали за моим ужасом с усмешкой, телохранитель на всякий случай приблизился, чтобы помочь, если возникнет такая потребность; остальные просто не обращали внимания на рабыню. Мне всё же удалось удержаться самостоятельно. Было по-прежнему страшновато: сидеть на джамале оказалось более высоко, чем на лошади, к тому же при движении по-прежнему создавалось лёгкое ощущение морской качки. В придачу и сидеть в седле (также принципиально отличавшемся от лошадиных и расположенным между двумя горбами животного) следовало не так, как я привыкла, а скрестив ноги, будто на циновке в таверне. Почему — было выше моего понимания, и поначалу я всё же настояла на том, что сидеть так, как привыкла. К счастью, моя юбка была достаточно широкой, да ещё и разорванной в нескольких местах, что позволяло проделать путешествие.

Удивляло сперва и то, как тщательно одеты были мои спутники. Одежда была из лёгкой ткани, но практически не оставляла обнажённым ни одного дюйма тела. Арканзийцы были буквально-таки закутаны в странно выглядящие тёмные хламиды. Наряд галлиндийцев был более привычен глазу, но и у них головы были обмотаны тюрбанами, примерно такими же, как и у арканзийцев. Даже мне перекинули какой-то кусок светлой ткани, и я худо-бедно нацепила его на голову, чтобы избежать солнечного удара.

Первый день путешествия, вернее, его остаток, прошёл относительно спокойно. К езде на джамале я быстро привыкла. Эти животные безропотно следовали за тем, которого считали вожаком. Мы неспешно ехали вереницей, и управлять джамалем было практически не нужно. Что и хорошо, ведь я этого делать не умела. Один сложный момент возник, когда мой джамаль сильно заинтересовался росшими слева от нашего пути колючками. Шагнул в сторону и медленно опусти длинную шею, чтобы пожевать это сомнительное лакомство. Я же почувствовала, что вот-вот скачусь с седла носом вперёд. К счастью, недисциплинированность верблюда была вовремя замечена, и телохранитель, соскочив с собственного джамаля, парой громких окликов и хлопком по боку призвал животное к порядку.

Солнце зашло чрезвычайно быстро. Вроде бы только-только начался закат — и вот пустыня погрузилась в темноту. Но арканзийцы, видимо, знали об этой здешней особенности. Поэтому своевременно подобрали место для ночлега — собственно, здесь и выбирать-то было особенно нечего, куда ни кинь — огромный песочный ковёр да барханы. Спешиваться не спешили. Определив место, телохранитель медленно повёл джамаля по его периметру и принялся раскидывать по ходу маленькие красные камушки. Лишь после того, как работа была закончена, мы проехали на верблюдах внутрь отмеченной зоны, и уже там спешились. Такие приготовления нисколько меня не удивили, поскольку мне была известна природа этих красных камней. Они имели магическую природу и часто использовались при изготовлении оберегов. Такие камушки должны были защитить место нашей стоянки от подстерегающих в пустыне опасностей. К примеру, отогнали бы хищного зверя, и даже смягчали порывы не на шутку разошедшегося к ночи ветра.

Теперь рабы Илкера стали устанавливать огромный шатёр, один на всех, из вещей, лежавших в крупной дорожной сумки. Высокие складные ножки из неизвестного мне материала, наверху — тряпичная «крыша», и такие же тряпичные «стены» по бокам. Внутри быстро покидали несколько маленьких ковриков. Всё, что возможно, для удобства господ.

Затем один раб, Берк, занялся приготовлением еды, а второй, знакомый мне по таверне Юркмез, принялся расседлывать джамалей. Эти животные нуждались в отдыхе не только от наездников, но и от сёдел.

Я села на песок, стараясь держаться как можно дальше ото всех, и обхватила руками колени.

— Эй, ты! — крикнул Юркмез. В целом он был в курсе, что я не понимаю арканзийского, но не счёл нужным придавать этому особого значения. — Что расселась, как госпожа? Давай помогай с джамалями!

Возможно, обратись он ко мне другим тоном, я бы встала и принялась помогать. Тем более что к животным я относилась хорошо. Но в этом окрике было столько презрительного высокомерия, словно передо мной был не раб, а по меньшей мере визирь. Вынужденный пресмыкаться перед Илкером, надсмотрщиком, да и многими другими, он решил, что сможет отыграться на мне. К тому же я дико устала, а говорить о моём настроении и вовсе бессмысленно. Я просто ненавидела весь мир. Тихо, но от того не менее сильно.

Поэтому я сделала вид, что не понимаю его слов. Юркмез разозлился: смысл его приказа можно было понять и без знания языка, по жестам и по ситуации в целом. Но я лишь посмотрела ему в глаза, жёстко и выразительно, с молчаливым вызовом, и он отстал. Продолжил заниматься джамалями в одиночку, что-то невнятно бурча себе под нос.

Изначально я собиралась бежать в эту ночь. Но усталость изменила мои планы. Кое-как прислонившись к ножке шатра, я просто уснула, даже не дождавшись, когда на костре

дожарят мясо.

Проснувшись, я обнаружила, что лежу на песке, укрытая чем-то вроде плаща; под головой обнаружился ещё один кусок ткани, сложенный в несколько раз, чтобы заменить подушку. Интересно, кто это так обо мне позаботился? Готова отдать голову на отсечение, что не Юркмез.

Желудок моментально напомнил о том, что я уснула, не поев. Завтракали остатками вчерашнего мяса, кроме того, ели сыр и прихваченный с собой хлеб. Запивали водой, которую, однако, использовали очень экономно. С самого начала пути каждому из нас выделили по фляге, но фляги рабов были значительно меньше, чем те, что предназначались господам, равно как и свободным слугам — надсмотрщику и телохранителю.

Еда рабов тоже отличалась от еды хозяев. Фактически нам были щедро предоставлены объедки. Те куски мяса, что подгорели или просто были слишком жёсткими. Кусок сыра с той стороны, что успела слегка заплесневеть. Впрочем, мой желудок не так чтобы был настроен привередничать, тем более что во время путешествия на пиратском судне нас тоже не так чтобы шикарно кормили.

Тем не менее, когда время завтрака закончилось, а рабы и слуги занялись верблюдами и шатром, ко мне подошёл Ренцо и безмолвно протянул мне кусок мяса и флягу с водой. Мясо выглядело совсем не так, как наше; оно было сочным и мягким. Фляга тоже была большой — видимо, принадлежала самому Ренцо. Я приняла мясо, кивнув головой в знак благодарности, и быстро его съела, а вот отпивать из фляги не спешила. Указала на свою собственную, дескать, у меня ещё есть вода. Ренцо покачал головой и настойчиво вложил большую флягу мне в руки. Что ж, если он такой нежадный, не стану отказываться и сэкономлю немного собственной воды. В пустыне это может оказаться весьма полезным. Сделала несколько больших глотков и вернула флягу её владельцу.

И краем глаза успела заметить, с какой неприязнью и завистью глядит на меня Юркмез. Что ж, по-своему его можно понять. Хотя, с другой стороны, я не спешила придавать слишком большое значение произошедшему. Это хорошо, что я получила больше еды и воды. Но с точки зрения целей, которые преследовал при этом Ренцо… Я по-прежнему не сомневалась: он просто пытается приручить меня, как дикого зверька. Знала и другое: ему это не удастся.

Весь день, не считая непродолжительных привалов, мы провели в путешествии по пустыне. Выехали, когда солнечный диск только-только начал подниматься над барханами. Первые часы не останавливались вовсе, стараясь по максимуму использовать не слишком жаркое раннее утро. Постепенно солнце поднималось всё выше, и жара становилась нестерпимой. И это притом, что небо сегодня было подёрнуто странной белёсой дымкой, казалось бы, ослабляющей солнечные лучи. Даже само солнце было странным: совершенно белый круг, как будто луна, но только более яркая, на которую трудно смотреть.

Тем не менее, жара была невыносимой. Пот стекал с лица струями, тем более что я всё-таки не снимала с головы белую тряпицу, предохраняющую от удара. Но максимально закатала рукава и раскрыла ворот платья, за что вскоре и поплатилась. Кожа на лице и столь неблагоразумно открытых солнцу местах покраснела и по ощущениям горела огнём, до неё больно было дотронуться. Особенно сильно пострадали руки, нос и щёки.

Во время привала, сделанного уже после того, как солнце стало постепенно спускать вниз,

двигаясь к западу, Юркмез обратился к надсмотрщику, ответственному за запасы воды, с просьбой заново наполнить его флягу.

— С какой это стати? — возмутился тот. — Вы получили ровно столько воды, сколько необходимо до конца дня.

Я гадливо поморщилась. Конечно, терять рабов они не хотели, а потому наверняка очень точно просчитали, сколько воды необходимо, чтобы не потерять сознание обезвоживания. И при этом не предоставили ни одной лишней капли.

— Но моя вода уже закончилась!

Юркмез демонстративно перевернул свою флягу горлышком вниз; из неё и правда не вытекло ни капли.

— Стало быть, ты неэкономно её использовал, — и бровью не повёл надсмотрщик. — До вечера ничего не получишь. А наперёд будешь знать, как правильно пользоваться запасами.

Юркмез был очень зол, но больше ничего не сказал. Я подумала было, не поделиться ли с ним собственной водой. Путешествовать по пустыне, не имея возможности сделать глоток, очень мучительно. Я и сама как следует настрадалась, постоянно отказывая себе в питье из соображений экономии. Но, встряхнув собственную флягу и поняв, что там воды тоже осталось на донышке, проявлять самопожертвование не стала.

Немного перекусив тем, что перепало от щедрот хозяев, я уже привычно села с краю, прислонившись к ножке шатра, стараясь максимально спрятаться от солнца в откидываемой им тени. Лицо, руки и шею нещадно жгло. Должно быть, кожа как следует раскраснелась, во всяком случае рабы поглядывали на меня с усмешкой и пару раз тихонько обменялись язвительными судя по всему репликами. Я чувствовала себя так, будто у меня поднялась высокая температура. Желания жить это не прибавляло. Тёплых чувств к хозяевам — тоже. Я вообще ненавидела сейчас всё тёплое. И как никогда хорошо понимала, почему у арканзийцев принято желать собеседнику тени и прохлады, а не света и тепла, как у нас на севере.

Немного перекусив тем, что перепало от щедрот хозяев, я уже привычно села с краю, прислонившись к ножке шатра, стараясь максимально спрятаться от солнца в откидываемой им тени. Лицо, руки и шею нещадно жгло. Должно быть, кожа как следует раскраснелась, во всяком случае рабы поглядывали на меня с усмешкой и пару раз тихонько обменялись язвительными судя по всему репликами. Я чувствовала себя так, будто у меня поднялась высокая температура. Желания жить это не прибавляло. Тёплых чувств к хозяевам — тоже. Я вообще ненавидела сейчас всё тёплое. И как никогда хорошо понимала, почему у арканзийцев принято желать собеседнику тени и прохлады, а не света и тепла, как у нас на севере.

Человеческая тень упала внезапно на горячий золотой песок. Я вздрогнула и инстинктивно отпрянула, резко поднимая голову. Ренцо. Почему-то это заставила меня слегка успокоиться. Пожалуй, от этого человека я ожидала гадостей меньше всего. На втором месте, как ни странно, был холодный и немногословный Данте, а вот арканзийцев я боялась и ненавидела сильнее всего. Странно с чего бы так? Ведь именно галлиндийцам я теперь принадлежу. Неужели стремление Ренцо меня приручить даёт свои плоды? Но если так, чем я и правда лучше маленького дикого зверька?

Я вскочила на ноги и резко оттолкнула Ренцо, едва его рука коснулась моей щеки, предварительно опустившись в какую-то миску.

— Тсс… Тише, тише. — Ренцо примирительно выставил вперёд руку, пока я пялилась на него ничего не понимающим взглядом. — Это для твоей кожи.

Он указал на миску, в которой обнаружилась какая-то густая желтоватая смесь, потом на моё лицо. Я начала понимать. Видимо, это какое-то средство для обгоревшей кожи.

— Что тут случилось? — Голос Данте заставил меня повторно вздрогнуть.

Кажется, мой резкий скачок привлёк его внимание.

— Ничего, — откликнулся Ренцо. — Пытаюсь обработать ей лицо, а она боится.

Данте неодобрительно покачал головой, переведя взгляд с моего носа на шею, а затем руки.

— Она не местная, не знает, что в одежду надо как следует закутаться, — заметил Ренцо. — Надо было ей объяснить, но как?

— Всё равно не помогло бы, — заметил Данте. — У неё слишком белая кожа, не такая, как у нас. Лицо всё равно бы сгорело. Ладно, попытайся объяснить ей, что она должна пользоваться мазью регулярно.

Он сам шагнул ко мне, указал на миску с жёлтой смесью и заглянул в глаза. От страха у меня мороз пробежал по коже.

— Это, — Данте почти коснулся пальцем мази, — надо наносить на тело. — Он показательно провёл пальцем по своему лицу.

Ещё раз посмотрел мне в глаза, словно хотел достучаться до самых глубин сознания, и вернулся в шатёр. Я вздохнула с облегчением.

— Давай. — Теперь ко мне снова подошёл Ренцо. — Я покажу в первый раз, как это делать.

Я позволила ему приблизиться и, напряжённо следя за каждым движением, предоставила возможность помазать обгоревшие участки кожи. Ренцо набирал мазь щедро, толстым слоем. Она была жирной и прохладной, отчего по настрадавшейся коже сразу же распространялось приятное ощущение. И, сколь это ни странно, мягкое прикосновение смуглых пальцев галлиндийца не так чтобы было мне неприятно.

Мазь осталась при мне и на удивление быстро помогла. Кожа начала немного шелушиться, но к вечеру боли и ощущения жара почти не осталось.

За день я снова смертельно устала, но на сей раз это не могло изменить моих планов. Этой ночью я была намерена бежать. Куда? Что я собиралась делать дальше? Эти вопросы волновали меня в последнюю очередь. Бежать. Перестать быть рабыней. Никогда больше не увидеть человека, считающего себя вправе называться моим хозяином. Никому не позволить совершить надо мной насилие — в каком бы то ни было значении этого слова. Всё остальное — побоку. Если ради этого придётся умереть — а вероятнее всего, так оно и было, — значит, я готова умереть.

Я сделала вид, будто легла спать, как и прошлой ночью. Дождалась, пока стихнут все разговоры, пока все улягутся. Выждала ещё некоторое время. Возможно, спят не все. Вполне вероятно, что надсмотрщик и телохранитель по очереди бдят, ненавязчиво следя, чтобы всё было в порядке. Всё, что мне оставалось, — это пойти на риск. И понадеяться, что ночная

темнота окажется на моей стороне.

Правда, ночь стояла звёздная. Белёсая дымка рассеялась, и теперь от неба трудно было оторвать взгляд. Говорят, самое звёздное небо можно увидеть либо в пустыне, либо в открытом море. В открытом море я побывала лишь однажды, но тогда нас держали в трюме, да и погода стояла неидеальная. Словом, было не до звёзд. А сейчас, невзирая на всю сложность, даже обречённость моей ситуации, я с трудом опустила глаза, переключаясь с усыпанных яркими точками небес на грешную землю.

Большую флягу, полную воды, я выкрала заранее. На какое-то время хватит, а дальше… Я не думала так далеко. Главное — вырваться отсюда, уйти достаточно далеко, чтобы меня не смогли найти. Ну, а потом… Оставалось надеяться, что я сумею встретить более лёгкий конец, чем смерть от жажды. К слову, кинжал я тоже украла.

Наконец решившись, я очень медленно поднялась на ноги. Сделала несколько осторожных шагов по, увы, шуршащему под ногами песку. Никто не пошевелился. Я перескочила через условное ограждение, созданное красными камнями, и бросилась бежать. Сперва неуклюже — уж больно непривычно было бегать по песку, — но затем всё быстрее и быстрее. Не оглядываясь, чтобы не сбавлять темпа. Направляясь к барханам, за которыми меня стало бы не видно. А сильный ветер (неожиданно сильный, всё-таки магические камни основательно сдерживали его порывы) вскоре занесёт мои следы новым песком.

Увы, хоть я и не оглядывалась, но очень быстро услышала позади, как скрипит песок под чьими-то ногами.

— Стой! — услышала я затем.

Я и не думала подчиняться. Наоборот, собрала в кулак всю волю, все силы, и рванула так, словно мне вовсе не нужно было дышать. Если сейчас меня поймают — даже думать не хочу, что случить затем. Не говоря уж о том, что второго шанса бежать может не представиться.

Тем не менее, несмотря на все мои отчаянные старания, расстояние между мной и моим преследователем неумолимо сокращалось. И в какой-то момент я почувствовала, как его рука грубо вцепилась в моё плечо. Я вырвалась. Он снова меня схватил. Я продолжила отчаянно вырываться, сейчас как никогда чувствуя себя загнанным зверем. Мне почти удалось освободиться, и я побежала было дальше, но преследователь снова меня перехватил. На сей раз я не удержалась на ногах, он тоже потерял равновесие, и мы оба упали на остывший за тёмное время суток песок.

— Идиотка! — эмоционально крикнул Данте. Поднявшись сам, он буквально вздёрнул меня на ноги, словно я была тряпичной куклой. — Чего ты хотела этим добиться?!

Тяжело дыша, я подняла голову, но отвечать или нет, решить так и не успела. Данте резко сжал моё запястье, глядя куда-то в сторону.

— Ш-ш.

Я повернула голову, проследив за его взглядом. Её нетрудно было разглядеть, несмотря на ночное время. И дело тут даже не в обилии звёзд. Карахские гадюки слабо светятся в темноте. Уж не знаю, отчего; быть может, природа позаботилась таким образом об их потенциальных жертвах.

Такая гадюка находилась сейчас в паре ярдов от нас. То есть очень близко. Я застыла, позабыв

о руке Данте, всё ещё сжимающей моё запястье. О карахских гадюках, как и о многом другом, мне доводилось читать, но, право слово, лучше бы я была менее образованна. И почему только я не учла, что они водятся именно в здешних пустынях? Зато я точно знала, что передвигаются они стремительно, укус наносят мгновенно, а их яд смертелен. Казалось бы, это вполне соответствовало моим недавним планам. Но смерть от укуса такой гадюки не только смертельно, но и чрезвычайно мучительна. Человек умирает не сразу. Сначала его парализует, причём постепенно, частями. Сперва отказывают ноги, затем действие распространяется дальше по телу. Ещё какое-то время человек живёт, неспособный ни двигаться, ни говорить. И лишь потом паралич дыхательных путей приводит к смерти.

Наши спутники, сбежавшиеся на недавний шум, резко останавливались, едва завидев синеватый силуэт на песке. Нас отделяло от них по меньшей мере ярдов десять. Приближаться никто не спешил, и тут они были правы. Им всё равно не успеть на помощь. Зато подвергнутся риску сами.

— Тише, — одними губами произнёс Данте. — Не шевелись.

Я и не собиралась. Карахские гадюки не нападают на людей без причины. Но вот любое неосторожное движение на близком расстоянии могут воспринять как угрозу собственной безопасности, и тогда от них практически нет спасения. И как теперь быть?

Я осторожно покосилась на Данте. На самом деле для него существовал единственно правильный вариант действий. Толкнуть меня в сторону змеи, а самому воспользоваться моментом и отскочить на безопасное расстояние. Пока гадюка будет занята мной, позволит ему уйти. Змеи неспособны сосредоточиться на нескольких вещах сразу.

Обоим всё равно живыми из этой передряги не выйти. И, конечно же, он предпочтёт пожертвовать рабыней, тем более такой непокорной. Тем более что именно из-за неё он сам и оказался в этой ситуации. Я внутренне сжалась и лишь удивлялась, почему он медлит. Не так уж легко послать человека на верную смерть, даже если этот человек — раб? Или банальнейшим образом жалко шестидесяти динаров? Но жизнь всё равно дороже.

— Готов поспорить, — Данте говорил едва слышным шёпотом, а губы скривились в слабой усмешке, — что ты сейчас очень хотела бы толкнуть меня этой твари навстречу.

Он говорил, не глядя в мою сторону и не рассчитывая, что я хоть что-то пойму. У меня же расширились глаза от удивления. Надо же, до чего похоже мы мыслим. И насколько разную картину происходящего при этом выстраиваем. Мне даже в голову не пришло толкать к змее Данте. Я лишь ожидала такого поступка от него.

Меж тем я неожиданно поняла, что его пальцы больше не касаются моей руки. От этого почему-то стало страшнее. То ли я решила, что он вот-вот бросит меня змее, то ли просто это прикосновение придавало уверенности. Не знаю.

Я даже не заметила, как Данте поднёс руку к поясу. Просто внезапно совсем рядом мелькнул клинок, а спустя секунду брошенный нож отсёк гадюке голову. Тишина ночной пустыни сразу же нарушилась громкими возгласами и хрустящим под ногами песком. Зрители бросились к нам. Я в изумлении взирала на своего спутника. Да, я видела, что нож непростой. В рукояти — синий магический камень, из очень редких, усиливающий смертоносное действие оружия. Но что с того? Данте всё равно должен был действовать стремительно и при этом метнуть нож идеально выверенным движением.

Впрочем, возможности долго раздумывать у меня не было. Данте практически сразу же

схватил меня за плечо и поволок обратно к шатру. Остальные шли кто рядом, кто позади. Остановились лишь после того, как вновь оказались в спасительном окружении красных камней.

— Я уважаю твою смелость и меткость, дон Эльванте, — лишь теперь заговорил Илкер, — и всё же неразумно было так рисковать. Тебе следовало пожертвовать рабыней, чтобы спастись самому. Неужели ты настолько её пожалел?

В его словах слышалось нескрываемое неодобрение.

— Пожалел? — с удивлением переспросил Данте. — В моей стране, почтеннейший Илкер-бек, с ходу иные представления о том, как следует себя вести мужчине. Воин не должен намеренно искать неприятности, ибо это неразумно, а воину следует быть разумным. Однако если неприятности сами нашли его, отступать и тем более прятаться за женскую спину негоже. Мужчина должен быть в состоянии самостоятельно решить проблему, в противном случае его перестанут уважать.

— Что ж, понимаю, — медленно кивнул Илкер. — Такое понятие о чести всё ещё представляется мне не вполне благоразумным, однако не нам менять то, что установлено в веках.

— Вот именно, — холодно подтвердил Данте. — У тебя есть наручники или верёвка? — повелительно обратился к надсмотрщику он. — Позаботься о том, чтобы она опять не сбежала.

Я зло усмехнулась. Теперь всё снова встало на свои места. Мы вернулись к системе взаимоотношений «хозяин — раб». Прежде, чем надсмотрщик оттащил меня в сторону, приготовив верёвку, я вздёрнула подбородок и посмотрела Данте прямо в глаза, так, как не имела права делать рабыня. Демонстрируя тем самым, что всё равно не собираюсь принимать свою судьбу.

Эта выходка не укрылась от внимания Илкера.

— Твоя рабыня слишком непокорна, — заметил он. — Не только потому, что попыталась бежать. Она вообще позволяет себе слишком многое. Тебе следует её усмирить. Я могу дать несколько советов, которые позволят сделать это быстро и с гарантированным результатом.

— Благодарю тебя, Илкер-бей, — без особой благодарности в голосе откликнулся Данте. — Я сам сумею укротить собственную рабыню. Но я намерен заняться этим после того, как возвращусь в свой армон. Там у меня будут для этого все средства. *армон — нечто среднее между особняком и дворцом, фактически малогабаритный дворец*

Значит, мне ни в коем случае нельзя добраться до его армона, заключила я, пока надсмотрщик, вывернув мне запястья, грубо связал их за спиной. Затем он взял вторую верёвку и с её помощью привязал первую к ножке шатра. Так меня и оставили, словно сидящую на цепи собаку. Впрочем, туда мне и дорога. Раз не смогла сбежать и умереть тоже не решилась, значит, всё вполне заслуженно. Во всяком случае, закономерно.

Значит, мне ни в коем случае нельзя добраться до его армона, заключила я, пока надсмотрщик, вывернув мне запястья, грубо связал их за спиной. Затем он взял вторую верёвку и с её помощью привязал первую к ножке шатра. Так меня и оставили, словно сидящую на цепи собаку. Впрочем, туда мне и дорога. Раз не смогла сбежать и умереть тоже не решилась, значит, всё вполне заслуженно. Во всяком случае, закономерно.

Все разошлись. Господа ушли спать в шатёр, рабы устроились снаружи. Я не ложилась, лишь сидела, кое-как прислонившись спиной к узкой опоре, и задремала, откинув голову назад. Руки быстро затекли, голова то и дело скатывалась набок, вырывая меня из дрёмы. Постепенно я погрузилась в более глубокий сон. А, пробудившись, почувствовала, как сердце от ужаса подскочило к горлу.

Незаметно подкравшийся сзади Берк зажал мне обеими руками рот. Отчаянно мыча и задрав голову, инстинктивно пытаясь высвободиться, я увидела над собой его лицо. А тем временем спереди ко мне подошёл Юркмез. Склонившись так близко к моему лицу, что в нос ударил запах его пота, он тихо, но очень жёстко сказал:

— Теперь ты узнаешь, где твоё место. И навсегда запомнишь урок. Не будешь больше строить из себя недотрогу.

Он задрал мне юбку и принялся раздвигать сведённые ноги. Несмотря на весь охвативший меня ужас, я сделала один неожиданный ход. Вместо того, чтобы бороться с Юркмезом или просто сопротивляться без конкретной цели, сосредоточилась на Берке. Мне удалось с силой укусить его за палец. Он отдёрнул руку, а я громко закричала. Спустя секунду он исправил свою ошибку, но было поздно. Стенки шатра зашевелились.

Даже не знаю, зачем я стала кричать. На что рассчитывала? После всего, что произошло этой ночью, вполне логично было ожидать, что господа лишь с усмешкой понаблюдают за развлечением рабов. Или на худой конец, разгонят последних и примутся за дело сами. Надо же и вправду показать рабыне, где её место. Должно быть, я кричала просто от безысходности. А может быть, и нет. В конце концов, кто-то ведь всё-таки укрыл меня тогда одеялом и подложил под голову импровизированную подушку.

Первыми из шатра выскочили галлиндийцы. Берк не успел сориентироваться, и Ренцо ударил его, кажется, по лицу, и так сильно, что раб не удержался на ногах. Я глубоко вдохнула воздух: руки раба, помимо того, что зажимали рот, периодически прикрывали и ноздри, отчего становилось трудно дышать.

Юркмез оказался более проворным и быстро отскочил от меня на порядочное расстояние, но это ему не помогло. Данте с лёгкостью повалил его на землю, после чего наступил рабу на шею. Тот отчаянно захрипел, потянувшись руками к горлу. Но Данте даже не подумал сдвинуть ногу, обутую в крепкий дорожный башмак. Я ненадолго зажмурилась: казалось, что во все стороны вот-вот брызнет кровь.

Меж тем свободные арканзийцы тоже выбежали из шатра. Данте повернулся к Илкеру и холодно произнёс:

— Высокочтимый Илкер-бей, твой раб посягнул на мою собственность. Собственность, которой даже я сам ещё не успел воспользоваться. Я не убил его только из уважения к тебе. Но если подобное повторится, я буду считать себя вправе убить его, не спрашивая на то твоего позволения.

Договорив, Данте всё-таки убрал ногу, и Юркмез со сдавленным хрипом отполз в сторону.

— Ты совершенно прав, дон Эльванте, — хмуро произнёс Илкер, успевший быстро оценить ситуацию. — Поверь, такое больше не повторится, а мой раб будет сурово наказан.

— Очень на это надеюсь. — Данте полуотвернулся, демонстрируя, что считает инцидент исчерпанным, после чего приказал надсмотрщику снять меня верёвки.

А затем знаком велел мне следовать за ним в шатёр. После всего, что успело произойти за эту ночь, я чувствовала себя настолько потерявшей ориентиры, что просто послушно пошла следом, даже не задумываясь о том, для чего это нужно.

Пожалуй, и хорошо, что не задумывалась, поскольку ничего особенного не произошло. Мне просто велели ложиться на краю шатра. Устланное циновками пространство было условно поделено на галлиндийский и арканзийский участок. Меня определили в угол первого. При этом Данте поручил надсмотрщику и телохранителю присматривать за мной; видимо, остаток ночи им в любом случае предстояло поочерёдно бдеть.

Сколь ни удивительно, я быстро уснула. Поскольку ночь выдалась короткой, путешественники позволили себе поспать утром чуть дольше. Поэтому встали не затемно, а уже после рассвета. Солнечные лучи с лёгкостью проникали сквозь крышу шатра. Внутри было тепло и душно. Куда только делся ночной порывистый ветер?

Я протёрла глаза спросонья, и только теперь поняла, что меня разбудило. Доносящиеся снаружи крики. Крики, следовавшие за свистом рассекаемого плетью воздуха. Илкер исполнил данное Данте обещание наказать виновных и сделал это показательно.

Глава 3

Бертан оказался небольшим городком, лежавшим на нашем пути. Он расположился там, где суровая природа пустыни отступала, во многом благодаря переплетению двух узких речушек. Здесь они солидно величались реками, хотя после тех рек, что доводилось видеть мне (когда и другой берег-то при плохой погоде непросто разглядеть), напрашивалось скорее слово «ручей». Помимо этих источников здесь был один бьющий из-под земли родник и два колодца, так что воды оказалось достаточно, чтобы в долине между речками возникло небольшое поселении.

Впрочем, размеры размерами, но к строительству здесь подошли основательно, так что Бертан действительно выглядел как город, пускай и не был обнесён стеной. Добротные каменные дома, хорошо сохраняющие ночную прохладу, многие из них двух и трёхэтажные — очередной способ поселить в относительно маленьком месте побольше людей. Небольшая, но аккуратная городская площадь с помостом и башней, на которой даже размещались внушительные часы. Лавки с такими товарами, как глиняная посуда, ковры и полупрозрачные ткани, модные среди обитательниц здешних богатых домов. Здесь было значительно чище, чем в Остане. Чище и не так шумно.

Как я поняла, места на постоялом дворе были заказаны для нас заранее; не иначе Илкер или его даже хозяин (как его там? Кажется, Селим-паша) успел отправить сюда гонца. Однако дорогу до места ещё следовало найти. Чтобы расспросить торговца, расположившегося у дверей своей лавки, мы остановились напротив храма. Светлое одноэтажное здание с круглой крышей, и возле него — высокая башня, наверху которой находилась открытая всем ветрам площадка. Такие башни существовали при храмах для того, чтобы любой человек мог, поднявшись, приблизиться к богу. Вот только все окна почему-то были занавешены чёрное тканью. Прямоугольный кусок чёрной материи был также прикреплён к каменной стене башни, и его периодически принимался трепать ветер. Странный контраст. Вроде бы в Остане я не видела ничего подобного. Хотя могла, конечно, просто не заметить. Да и вообще, много ли я успела там увидеть?

— Что это? — спросил у торговца Ренцо, указывая как раз на ту самую чёрную ткань. Ага, стало

быть, нормой жизни это здесь не является, и я не единственная, кто обратил внимание на данную деталь. — В городе траур?

— Скорее в самом храме, — с грустью ответствовал торговец. — Вчера одна девушка спрыгнула с самого верха. — Он устремил взгляд на башню. — Её не было ещё и семнадцати лет.

— Известно, почему она так поступила? — хмурясь, спросил Ренцо.

Торговец кивнул.

— Она была рабыней. Хозяин обратил внимание на её красоту, ну и… — Он замолчал, дескать, сами всё понимаете. — Нет, он, конечно, был в своём праве, — понизив голос, продолжил он, обращаясь исключительно к галлиндийцам, — но я, признаться, не одобряю такого поведения. Жестокость по отношению к рабам к добру не приведёт, не зря в некоторых городах за неё стали наказывать по закону. — Он опасливо покосился на наших арканзийских спутников, после чего более нейтральным тоном произнёс: — Вот потому и траур.

От услышанной истории мне стало основательно не по себе. На глаза даже навернулись слёзы, так живо я представила эмоции, испытанные совершенно незнакомой девушкой в последние минуты её жизни. Никогда прежде я не замечала за собой такой сентиментальности. Но, видимо, слишком легко оказалось сейчас отождествиться с той неизвестной рабыней… Я медленно подняла взгляд и заворожённо посмотрела на открытую со всех сторон площадку.

Вот оно, идеальное решение. И как это только сразу не пришло мне в голову? Главное получить возможность подняться на такую башню, но раз туда пускают рабов, это должно мне удаться…

Меж тем торговец объяснил нам, как проехать на постоялый двор. Оказалось, что именно на его территории находился привлекший наше внимание храм. Постоялый двор предназначался в частности для знатных господ и, кроме всего прочего, обеспечивал их возможностью вознести свои молитвы, не выходя для этой цели на переплетение городских улиц. Судьба определённо была ко мне благосклонна.

Рабов, разумеется, селили отдельно от их господ. Господа с комфортом отдыхали в комнатах второго и третьего этажа; все их распоряжения выполняли здешние слуги. Рабов же устраивали на первом этаже, для каковых целей были отведены две комнаты — одна для мужчин, другая для женщин.

В то время как господ и их свободных слуг повёл наверх один из хозяев двора, нас препоручили здешнего надсмотрщику. Тот сразу же повёл нас в предназначенные для рабов помещения. Сначала завёл Берка и Юркеза в спальню, отведённую для мужчин. Я успела мельком заглянуть туда, пока они заходили через распахнутую дверь. Просторное помещение, главным образом заполненное лежащими на полу матрасами. Она были разложены в несколько рядом; некоторые пустовали, на других сидели или лежали рабы, а рядом валялись мешки со скудными пожитками. Дверь за новичками закрылась и была заперта, после чего мы направились к точно такой же комнате, только женской.

В течение всего этого непродолжительного пути я приглядывалась к здешнему надсмотрщику. Вёл он себя вполне корректно, даже вежливо, а у него на шее висел камень с вырезанным на нём изображением дерева — религиозный символ. Стало быть, человек он набожный. И я решилась.

— Скажите, господин, — робко произнесла я, держа глаза долу. Язык с трудом слушался, голос

звучал хрипло: так я отвыкла разговаривать. — Дозволено ли рабам возносить молитвы в храме?

Надсмотрщик посмотрел на меня с интересом и, кажется, благосклонно.

— Конечно, — заверил он. — Перед господом все люди равны, и каждый из них имеет право помолиться ему под куполом или под небом.

Это было традиционное выражение. «Под куполом» означало под крышей основного здания храма. «Под небом» — В башне, на приближённой к небесам площадке.

— Это непреложный закон веры, — наставительно добавил надсмотрщик.

— В таком случае могу ли я вознести свои молитвы под небом прямо сейчас, прежде чем отдыхать после путешествия?

Я добавила взгляду робкой надежды.

— Конечно, дитя моё, — умилился надсмотрщик. — Можешь оставить свои вещи на спальном месте и пройти со мной.

Так я и поступила. Так и не выходя на улицу, мы по какому-то внутреннему коридору прошли в башню и остановились возле высокой винтовой лестницы. Внизу караулили двое — смотритель и смотрительница.

— Рабыня хочет подняться и вознести свои молитвы, — известил их надсмотрщик.

У тех не возникло ни малейших вопросов: сообщение было воспринято как должное. Смотрительница коротко меня обыскала, дабы убедиться, что я не пронесу наверх оружие. Стандартная процедура в храмах, и, надо сказать, особенно унизительной сейчас, когда я проходила её в статусе рабыни, она мне не показалась. Затем меня пропустили к лестнице.

— Когда ты спустишься, — произнёс напоследок надсмотрщик, — один из служащих укажет тебе дорогу в комнату.

«Служащих, как же, — подумала я. — Скорее уж стражников». Впрочем, это уже было неважно. Возвращаться я не собиралась.

Ступенек было много. Я не считала, но думаю, что все сто, а, может, и больше. Добравшись до верха, я подошла к каменному ограждению и остановилась, стремясь отдышаться. Перила располагались на уровне моей талии. Случайно упасть — очень маловероятно, а вот сброситься намеренно — вполне реально.

Всё никак не способная восстановить дыхание, я посмотрела вниз. Голова сразу же начала кружиться. Высоко. Я инстинктивно отпрянула от ограждения, но сразу заставила себя вернуться. И снова посмотрела вниз. Круглая крыша храма, двор, переплетение городских улиц. Движущиеся по ним люди кажутся маленькими. Вон кто-то поехал на джамале… Я зажмурилась. Прыгать резко расхотелось. Эх, нечего было останавливаться, чтобы отдышаться! Право слово, какой в этом смысл, если всё равно пытаешься покончить с собой? А теперь, когда я успела постоять, оглядеться и задуматься, стало жутко.

Соберись, Сандра! Возьми себя в руки! Ты не можешь отступить! Может быть, это твой последний шанс сохранить человеческое достоинство! Или ты хочешь дождаться, пока тебя

приволокут в армон, и там Данте станет «укрощать» тебя при помощи «имеющихся у него средств»? Докажи, что ты — не вещь, а живой человек, и тебя невозможно лишить права выбора, хотя бы такого…

— Страшно?

Я вздрогнула при звуках этого голоса и обернулась. Данте стоял возле проёма, через который можно было попасть на лестницу. Я прижалась к ограждению спиной, обеими руками сжав руками перила.

— Ты ведь знаешь наш язык, — произнёс между тем Данте, и это не было вопросом. — Не притворяйся, что не понимаешь.

— Страшно?

Я вздрогнула при звуках этого голоса и обернулась. Данте стоял возле проёма, через который можно было попасть на лестницу. Я прижалась к ограждению спиной, обеими руками сжав руками перила.

— Ты ведь знаешь наш язык, — произнёс между тем Данте, и это не было вопросом. — Не притворяйся, что не понимаешь.

Его слова немного сбили меня с толку, но я быстро рассудила, что лгать не имеет смысла. Я всё равно сброшусь вниз, так какая разница, признаюсь ли сейчас в обмане? И я заговорила.

— Как ты узнал?

— Сначала просто догадывался. Но сегодня, когда тот парень рассказал историю покончившей с собой рабыни… Ты смотрела на башню с таким вожделением, словно здесь поселился мужчина твоей мечты. Так что у меня не осталось ни малейших сомнений в том, куда ты первым делом направишься.

Он сделал шаг по направлению ко мне.

— Не подходи! — крикнула я. — Я всё равно прыгну.

И полуобернулась к перилам, не намеренная позволить ему приблизиться.

— Хорошо, хорошо. — Данте замер на месте и вытянул руку ладонью вперёд. — Я не стану подходить. Но ты ведь и сама не хочешь прыгать, верно? Всё-таки это очень страшно — вот так взять и одним движением закончить всё.

Его голос звучал спокойно, почти расслабленно, только глаза смотрели напряжённо и словно испытывающе.

— Страшно, — без тени смущения согласилась я, глядя на него с вызовом. — И той девушке вчера тоже было страшно. И всё-таки она прыгнула.

— Не равняйся на совершенно незнакомого человека, — поморщился Данте. — Откуда ты знаешь, есть ли между тобой и той девицей хоть что-нибудь общее?

— О, общего между нами более чем достаточно! — с горькой усмешкой заверила я.

— Разве я хоть чем-нибудь тебя обидел?

Я криво усмехнулась. Вы только посмотрите на него: сама невинность.

— Нет. Конечно же, нет! — саркастично ответила я. — Ну разве что самую малость. Например, велел привязать меня к столбу, как дворовую собаку?

— Тут ты сама виновата, — не принял упрёк Данте. — Зачем пыталась бежать?

— Затем, что я — не вещь, а живой человек, — зло отрезала я. — И потому считаю себя вправе идти туда, куда захочу.

— В данном случае — на свидание с ядовитыми змеями?

Теперь сарказм прозвучал в голосе Данте.

— Даже если и так.

Я продолжала стоять на своём.

— Ты не могла бы придумать более убедительный аргумент? — поморщился он. — Впрочем, давай я тебе подскажу. В действительности ты не можешь простить мне того, что я тебя купил, верно?

— Ладно. — Я грустно усмехнулась и как-то разом сбавила тон. — В том числе и это. Но самое главное: ты уже дважды помешал мне умереть. И сейчас пытаешься сделать это в третий раз.

— Понимаю, — кивнул Данте и, как ни странно, на сей раз в его словах сарказма не было. — Это убедительный повод для ненависти. — Он немного помолчал, вглядываясь мне в глаза, что было непросто, учитывая разделявшее нас расстояние. — Сандра, а почему ты так сильно хочешь умереть? — спросил он затем.

— Смеёшься? — скривила губы я. Уж больно очевидным казался ответ.

— Даже и не думал.

— Да потому, — в запале эмоций я даже отпустила перила и сделала шаг в его сторону, — что кучка бандитов, с которой сотрудничает весь ваш Юг, ворвалась в мою жизнь и лишила всего, что у меня было. У меня не осталось ни дома, ни родины, ни друзей, ни приятелей, ни работы, ни привычных вещей. Даже любимых платьев и — представь себе такую мелочь — коллекции статуэток из малахита. Меня разом лишили всех прав — как заработанных кровью и потом, так и причитающихся просто по праву рождения человеком. Из всего, чем я обладала совсем недавно, осталось лишь одно — человеческое достоинство. Меня и этого стремятся лишить. Но это — то единственное, чего я никому не позволю сделать.

Гордо вскинув голову, я была готова ответить на всё, что угодно — его недовольство, презрение, смех, вполне логичное заявление, что теперь я — его собственность и обязана ему подчиняться. Но Данте лишь как-то вяло усмехнулся и почти одобрительно склонил голову.

— И снова убедительно, — заметил он. — Продолжай. Ещё немного — и ты, пожалуй, меня самого уговоришь прыгнуть вниз. Знаешь, как в знаменитой истории о самоубийстве дона Луиса. Не слышала?

Я мотнула головой, совершенно сбитая с толку. Какой ещё дон Луис? С какой стати меня должна интересовать чья бы то ни было история в момент, когда я собираюсь с силами, чтобы

спрыгнуть с башни на мощёную улицу?

— Дон Луис покончил с собой, — принялся рассказывать Данте, будто я его об этом попросила. — Велось дознание, при каких обстоятельствах это произошло, и в ходе этого дознания допросили свидетеля. Тот рассказал, что дон Луис шёл через мост и вдруг увидел человека, готового броситься в бурную реку. «Стойте! — окликнул он самоубийцу. — Не делайте этого! Давайте просто спокойно поговорим. Уверен, мне удастся вас убедить, что существует другой выход». Они разговаривали десять минут. Потом, взявшись за руки, прыгнули в воду.

— Хочешь сказать, тебе самому доводилось когда-то задуматься о самоубийстве? — с ярко выраженным недоверием осведомилась я.

— Доводилось, — подтвердил он.

— И что же тебе помешало? Страх?

— И страх тоже. Но главное — ответственность. Я знал, что есть люди, за которых я несу ответ.

— Ну, а вот я теперь ни за что не отвечаю, — отвергла аргумент я.

И только тут заметила, что он уже приблизился ко мне на несколько шагов — когда только успел? — и теперь вытягивает руку в мою сторону.

— Не смей ко мне прикасаться! — крикнула я и метнулась обратно к перилам. — Отойди!

— Хорошо, — подчёркнуто спокойно сказал он и покорно отступил на пару шагов. — Сандра, скажи, из какой страны ты приехала? — резко сменил тему он.

Так резко, что в очередной раз сбил меня с толку. Под мощью охватившего меня сейчас шквала эмоций работать головой, просчитывая его действия, было чрезвычайно сложно.

— Из Астароли, — всё-таки ответила я.

— Астароль, — задумчиво повторил Данте. — Никогда там не бывал, но слышал. Говорят, там растут необыкновенно высокие сосны. А климат очень холодный.

— Нормальный там климат, — огрызнулась я. — Такой, какой должен быть, без этой вашей удушающей жары. А сосны — да, растут. Там необыкновенные сосновые боры, и кедровые леса. А ещё реки — это настоящие реки, а не то убожество, которое вы так называете здесь.

— А чем ты там занималась? — продолжил расспрашивать он.

Я невесело усмехнулась.

— А чем ты там занималась? — продолжил расспрашивать он.

Я невесело усмехнулась.

— А тебе очень хочется это знать? Что ж, ладно, пожалуйста. — Мне даже хотелось произнести это в последний раз. — Сандра Эстоуни, специалист по теоретической магии, автор диссертации на тему «Свойства магических амулетов», сотрудничала в качестве консультанта с тремя музеями и периодически вела семинары в двух столичных университетах.

Данте впечатлённо присвистнул.

— Что, доволен? — враждебно спросила я. — Рабыни с высшим образованием стоят дороже? Может, теперь ты даже не страдаешь о том, что потратил на меня целых шестьдесят динаров?

— Я не страдал об этом с самого начала, — отозвался Данте.

— Неужто такая полезная покупка? — съязвила я.

— Просто я сразу понял, что в итоге эта покупка обойдётся мне куда дороже, — не остался в долгу он. — Ладно, Сандра, давай без глупостей. — Он вдруг словно решился и сделал шаг в мою сторону. Я сжала зубы и судорожно вцепилась в перила. — Отойди от края. Ничего плохого с тобой не случится, даю тебе слово.

— Слово? — фыркнула я. И, глядя вверх, проговорила нараспев, словно зачитывала наизусть отрывок из книги: «Я сам сумею укротить собственную рабыню. Но я намерен заняться этим после того, как возвращусь в свой армон. Там у меня будут для этого все средства». Коротко ухмыльнувшись, я с той же интонацией продолжила: «Твой раб посягнул на мою собственность. Собственность, которой даже я сам ещё не успел воспользоваться». — Я особенно выделила слово «ещё».

Я могла бы продолжать, но Данте меня остановил.

— А ты умеешь слушать, — усмехнулся он. — И пользоваться тем, что другие думают, будто ты их не понимаешь. Это очень хитро. Я бы даже сказал, по-южному.

— Хочешь меня оскорбить? — вскинулась я.

— Чем? — удивился Данте.

— Ненавижу Юг, — процедила я сквозь зубы. — И не желаю иметь с ним ничего общего.

— Много ты Юга-то видела? — фыркнул Данте. Кажется, мои слова его задели. — К тому же, Юг Югу рознь. Галлиндия, к примеру, мало общего имеет с Арканзией.

— Не знаю, для меня вы все на одно лицо, — пробурчала я, отлично зная, что лгу. А также осознавая, насколько мои слова невежливы и недопустимы не то что для обращения рабыни к хозяину, но и вообще для нормального человеческого общения. Но именно так прорывался сейчас наружу мой протест против всей сложившейся ситуации.

— Так-таки все? — проницательно спросил Данте, похоже, на этот раз совершенно не обидевшись, тем более не разозлившись. Словно отлично разгадал и мою ложь, и её причину. — Даже Ренцо и Илкер?

В ответ на столь конкретный вопрос лгать не хотелось.

— Нет, Ренцо и Илкер не заодно, — призналась я.

— Ну, вот видишь. Скажи, Сандра, — прищурился Данте, — что ты думаешь об Илкере?

— Сказать тебе правду? — осведомилась я.

Как раз в данном случае лгать я не собиралась.

— Только правду, — усмехнулся он.

— Пожалуйста. — В моём голосе звучал вызов. Хочешь правду? Ладно, сейчас ты её получишь. — Илкер себе на уме. Он хитёр, лжив и опасен. Весьма неглуп, но чрезвычайно самодоволен, а это несколько мешает трезвости ума. Он из тех, про кого говорят «Мягко стелет, да жёстко спать». Может часами рассыпаться в дежурных комплиментах и изысканных похвалах, а потом с лёгкостью воткнуть нож в спину. Но не просто ради удовольствия — он не настолько жесток, — а если это будет выгодно ему или тому, кому он подчиняется. Селим-паша, если не ошибаюсь.

Данте слушал мои слова с улыбкой, а под конец и вовсе рассмеялся.

— Однако же ты умеешь составлять психологические портреты! — отметил он. — Пожалуй, я не рискнул бы попросить тебя рассказать, что ты думаешь обо мне самом. Уж слишком точно у тебя выходит. Но если ты за такой короткий срок так хорошо разобралась в характере Илкер-бея, — Данте снова посерьёзнел, — почему принимаешь за чистую монету то, что я говорил ему? Полагаешь, я стану откровенничать с человеком, который, как ты верно заметила, может в любую минуту вонзить между рёбрами нож, стоит только подставить ему для этого спину?

Я удивлённо заморгала. Отчего-то не ожидала, что мои слова настолько попадут в цель.

— Ну, не тебе же, — протянула я.

— Отчего ты так решила? — удивился он. — При нынешних обстоятельствах — именно мне, стоит мне дать малейшую слабину хоть в каком-нибудь отношении. Так что каждое моё слово выверено и тщательно продумано. И, прости, в расчёте не на притворяющихся глухонемыми девушек, а именно на Илкер-бея.

Я молчала. Потому что не знала, что говорить и чему верить. Говорил ли он правду Илкеру тогда или мне сейчас, или и вовсе лгал в обоих случаях? Откуда мне знать? В сущности, я почти незнакома с этим человеком, к берегам которого меня внезапно прибило всесокрушающей волной судьбы.

Ветер, и без того весьма сильный на такой высоте, с удвоенной скоростью пронёсся по площадке, подхватывая мои волосы. Они попали в лицо, и я отвернулась, чтобы спрятать пряди за уши. Когда повернулась обратно, Данте уже стоял совсем рядом. Каким-то образом он умудрился пересечь разделявшее нас расстояние совершенно бесшумно. Или я просто не слышала его из-за ветра?

Я вздрогнула, но на сей раз уже не стала кричать, чтобы он не смел приближаться.

— Отпусти перила и пойдём отсюда, — мягко сказал он. — Повторяю: ничего плохого с тобой не случится.

Я смотрела на него исподлобья, по-прежнему ни на что не решаясь. Я знала: он просто-напросто пользуется тем, что я дико устала и совершенно запуталась. Но ничего не могла поделать.

— Если бы я тебя купил, чтобы повысить свой статус, или относился как к вещи, то уж точно не стал бы очертя голову бежать за тобой за периметр красных камней, — добавил он, видя мои сомнения и словно пытаясь загипнотизировать. — Отлично зная, чем это чревато.

И я сдалась. Со вздохом отступила от перил. И, опустив голову, позволила подвести себя к

лестничному проёму.

Но на ступеньку шагнуть не успела, поскольку нам навстречу как раз поднимался Илкер. Я успела услышать, как Данте почти бесшумно выругался у меня за спиной.

— Ты решил вознести молитву богу, дон Эльванди? — дружелюбно улыбаясь, спросил Илкер.

Тяжело дыша, он вынес своё немаленькое тело на площадку и с удовольствием подставил лицо прохладному ветру. Следом за ним в проёме возникла фигура бессменного телохранителя.

— Именно так, досточтимый Илкер-бей, — вежливым тоном ответил Данте. — Полагаю, и ты пришёл сюда с той же целью?

— О да, — подтвердил Илкер. — У нас в Арканзии принято возносить свои молитвы всякий раз, как мы добираемся до обжитых мест после путешествия по пустыне. В знак благодарности за то, что нам удалось пронести жизнь через безжизненные земли.

— Именно так, досточтимый Илкер-бей, — вежливым тоном ответил Данте. — Полагаю, и ты пришёл сюда с той же целью?

— О да, — подтвердил Илкер. — У нас в Арканзии принято возносить свои молитвы всякий раз, как мы добираемся до обжитых мест после путешествия по пустыне. В знак благодарности за то, что нам удалось пронести жизнь через безжизненные земли.

— Ну что ж, не буду тебе мешать. Мы уходим и предоставим тебе возможность молиться в тишине и спокойствии.

Данте произнёс эти слова таким тоном, словно буквально горел желанием оказать своему спутнику услугу. А вовсе не собирался уходить отсюда в любом случае.

Мы стали медленно спускаться вниз. Сначала я, потом Данте. Не потому, конечно, что галантно пропустил меня вперёд как женщину. Просто хотел быть уверен в том, что мне не взбредёт в голову метнуться наверх и всё-таки перелезть через перила. Напрасная предосторожность. В данный момент я была слишком измотана, чтобы решиться на такой шаг. «Ничего плохого с тобой не случится». Интересно, что это означает. Если, конечно, он вообще говорит правду. Видимо, что со мной не обойдутся так, как с той шестнадцатилетней девочкой. И что не станут пороть плетьми, если, конечно, я не совершу чего-нибудь совсем уж из ряда вон выходящего. Не заставят голодать. И даже тяжёлой работой не будут загружать сверх меры.

«Ничего плохого»… Действительно, чего ещё может желать рабыня? Самореализации? Комфорта? Личного пространства? Уважения? Свободы? Вот ещё, глупости какие!

«Ничего плохого»… Всё-таки надо было прыгать. А раз не решилась, значит, туда мне и дорога.

Данте время от времени поглядывал наверх, и разговоров со мной во время спуска не заводил. Когда лестница закончилась, нас без вопросов пропустили. Смотритель возвратил Данте его оружие, после чего мы вместе пошли дальше. Поскольку рабыня сопровождала своего господина, задерживать её никто не стал.

Мы прошли обратно по коридору, связывавшему храм с постоялым двором. Затем, вместо того, чтобы продолжить идти прямо, повернули налево. При этом Данте продолжал пропускать меня вперёд, явно давая понять, что мы идём вместе. Я остановилась.

— Меня поселили вон там.

Я указала рукой в обратную сторону, туда, откуда мы только что свернули.

— Я знаю, — невозмутимо сказал Данте и продолжил идти, как шёл, ничуть не смущённый такой ошибкой.

Или не ошибкой? Куда в таком случае меня ведут?

Когда мы стали подниматься по парадной лестнице, всё стало очевидно. Второй этаж, длинный коридор. Мы прошли по устланному мягким ковром полу.

— Имей в виду, — тихо шепнул на ходу Данте, — вероятнее всего, каждое слово, произносимое в моей комнате, прослушивается. Так что — ничего лишнего.

Неведомо откуда возникший слуга почтительно распахнул нужную дверь и склонился перед Данте так низко, что мне разом припомнился служащий таверны в Остане. Вполне предсказуемо, у этого парня позвоночник тоже не сломался. Напротив, с лёгкостью распрямив спину, он весьма бодро проводил нас в комнату и подобострастно осведомился, будут ли у господина какие-нибудь пожелания. Моё присутствие его, кажется, нисколько не удивило. Впрочем, и правда, что тут особенного, если хозяин намеревается провести ночь, или менее продолжительное время, со своей рабыней.

— Моя ванна готова? — холодным тоном господина, разговаривающего со слугой, спросил Данте.

— Да, мой господин, — снова раболепно поклонился слуга. — Горячая ванна ждёт вас.

Любопытно, подумалось мне. Вообще-то, насколько я знала, на юге, в отличие от севера, не слишком жаловали ванны. Здесь предпочитали бани, обладавшие каким-то особенным местным колоритом. Сама я весьма отдалённо представляла себе, что эти самые бани из себя представляют. Так или иначе, видимо, на постоялых дворах приходилось ограничиваться более скромным способом мытья. Лучше, чем ничего. Наверняка и ванны были доступны лишь самым знатным и почётным посетителям. И уж точно не рабам. Тем предоставляли для мытья одно ведро воды и пару тазов на всю комнату, это я заметить успела.

— Хорошо, — милостиво кивнул Данте. Холодный и отстранённый. Глыба льда, как и тогда, в начале нашего знакомства. Да и на протяжении большей части совместного пути. Маска? Или маска была тогда, на обдуваемой ветром площадке? — Позаботься о том, чтобы сюда принесли ещё один матрас.

Слуга удивлённо посмотрел на кровать.

— Матрас? — уточнил он.

— Именно. — Теперь в голосе Данте сквозило раздражение. — Матрас. И пусть положат его вот здесь. — Он указал на свободное место ближе к двери. — Не думаешь же ты, что я собираюсь пускать в свою постель грязную рабыню?

Я сжалась при этих словах, хотя хорошо понимала, что вероятнее всего это всё та же игра, рассчитанная на посторонние уши, каковых здесь, по-видимому, предостаточно. И всё равно от такого обращения становилось не по себе, тем более что в словах Данте было много крайне неприятной правды. Страшно даже подумать о том, как долго я как следует не мылась. И это

учитывая сначала плавание в битком набитом трюме, а потом путешествие по дикой жаре. От меня пахло потом, моя одежда пришла в плачевное состояние и не менялась уже не знаю даже, сколько дней, немытые волосы висели космами. Я и расчёсывала их только при помощи пальцев, за неимением щётки.

Обогнув кровать, я отошла к окну, прижимая ладони к пылающим щекам. Слуга ушёл, и Данте запер за ним дверь.

— Иди. — Он кивнул в сторону смежной комнатки. — Тебя ждёт ванна.

— А… ты? — удивлённо спросила я.

— Пошёл бы с тобой, да, боюсь, вдвоём не поместимся, — фыркнул Данте. — Давай, давай.

И пару раз нетерпеливо махнул рукой в сторону ванной — мол, сколько тебе можно объяснять.

Пожав плечами, я поплелась в ванную комнату. Выходит, меня всё-таки хотят «отмыть». Вопрос лишь в одном — это просто такая забота, или хозяин всё-таки вознамерился воспользоваться рабыней «по назначению»? И именно для этого меня сюда привёл? В сущности, а для чего ещё было приводить рабыню к себе в комнату?

Чувство протеста хотело было взыграть во мне с прежней силой, но ударилось лбом о непробиваемую стену усталости, отступило и махнуло на всё рукой. А уж когда я своими глазами увидела ванну и поднимающийся над горячей водой пар, никаких сил на сопротивление и вовсе не осталось. Слишком велико было желание погрузиться в эту самую воду. Тем более что рядом обнаружилась и мочалка, и моющие средства, и несколько мягких полотенец.

Надо отметить, что ванна здесь была весьма своеобразной. Сразу видно, что этот предмет в целом на Юге не в ходу, так что они не слишком озаботились его комфортом и дизайном. Больше всего ванна напоминала бочку. Внутри располагалась перекладина, видимо, призванная выполнять функцию скамейки: на неё можно было сесть. То есть ванну здесь принимали не лёжа, как у нас, а сидя. Вода при этом доходила человеку либо до груди, либо до шеи — тут уж всё зависело от роста.

Надо отметить, что ванна здесь была весьма своеобразной. Сразу видно, что этот предмет в целом на Юге не в ходу, так что они не слишком озаботились его комфортом и дизайном. Больше всего ванна напоминала бочку. Внутри располагалась перекладина, видимо, призванная выполнять функцию скамейки: на неё можно было сесть. То есть ванну здесь принимали не лёжа, как у нас, а сидя. Вода при этом доходила человеку либо до груди, либо до шеи — тут уж всё зависело от роста.

Я осторожно покосилась на дверь. Вернулась, плотно её закрыла… Засов не нашёлся. Увы, возможность запереться изнутри не предусматривалась. Раздеваться было как-то страшновато. Может, искупаться прямо как есть, в одежде? Заодно и платье постираю… Я поморщилась. Глупо, конечно. Ладно, рисковать, так рисковать. В конце концов, Данте всё равно, если захочет, сделает со мной всё что угодно. Решившись, я скинула одежду и, оставив её прямо на полу, влезла в ванну.

Боже, какое блаженство. Я прикрыла глаза, позволяя себе расслабиться впервые за две недели. Потом дотянулась до мочалки и принялась тереть ею свою многострадальную кожу. Затем принялась за волосы. Потом снова расслабилась, просто откинула голову назад, прикрыла глаза… и вскоре задремала.

Не знаю, как долго я спала, но разбудил меня стук в дверь и довольно громкий голос Данте:

— Сандра! Ты собираешься провести там всю ночь?

Я тряхнула головой. По телу пробежала дрожь. Кратковременный вечерний сон в сочетании с резким пробуждением не слишком хорошо сказался на нервной системе. Я поспешила выбраться из воды и потянулась к своей одежде… Да, надевать на себя ТАКОЕ, да ещё и сразу после ванны, было просто кощунством. Немного подумав, я решилась и закуталась в два сухих полотенца; одежду же оставила, где была. Ума не приложу, что делать завтра: не в полотенцах же выезжать в путь. Видимо, придётся собраться с духом и всё-таки влезть в эти обноски.

Искушать судьбу, дожидаясь, пока Данте сам ворвётся в ванную комнату, раздражённый моей неторопливостью, не хотелось. Поэтому, закинув за плечи мокрые волосы и убедившись в том, что полотенца держатся на теле хорошо, я вышла.

Данте лежал на матрасе, уже скинув с себя часть одежды. И правда не хочет пускать рабыню в свою кровать, даже после того, как она приняла ванну? Я напряжённо остановилась поблизости, лихорадочно прикидывая, как себя вести. Для начала мрачно на него посмотрела, взглядом давая понять: ты занял моё место.

— Ложись, — призывно произнёс он, указывая при этом на кровать.

Я выпучила глаза.

— А…

— Я не люблю, когда слишком много разговаривают, — громко и достаточно жёстко сказал Данте, многозначительно кивая головой в сторону двери. Действительно считают, что каждое слово могут подслушивать? — Как там говорят у вас на севере? «Молчание — золото»?

— «Слово — серебро, молчание — золото», — автоматически поправила я.

— Тоже неплохо, — кивнул он. — Отчего-то северные пословицы всегда нравились мне больше южных.

И снова указал мне на кровать всё тем же небрежным жестом — дескать, ты всё уже поняла, так что до сих пор здесь делаешь?

Стола в комнате не было, но на полу, точнее, на ковре, был участок, отведённый подносам с различными закусками. Тарелку, на которой были собраны некоторые из них, я обнаружила у себя на кровати.

Удивляться я уже устала, бояться, злиться и каждую минуту ожидать подвоха, тоже. Поэтому, мысленно плюнув на всё на свете, просто поела, забралась под одеяло и уснула.

Глава 4

Проснулась я глубокой ночью. Судя по заглядывавшей в окошко луне, до рассвета всё ещё было далеко, и тем не менее я чувствовала себя вполне выспавшейся. Сев на постели, оглядела комнату и с удивлением обнаружила, что Данте и не думает спасть. Он полулежал на матрасе и читал какую-то книгу в свете двух свечей, горевших в стоявшем на полу канделябре.

Я нахмурилась. Что это ему не спится? После долгого пути такое бодрствование казалось несколько странным.

Данте на секунду поднял глаза, чтобы глянуть в мою сторону, после чего продолжил читать, видимо, решив, что я сейчас снова усну, повернувшись на другой бок. Собственно говоря, я именно так и попыталась поступить. Но, сколь это ни странно, спать не хотелось. Видимо, две не слишком продолжительных дрёмы — в ванной и в кровати — перебили сон. А может быть, события последнего дня попросту слишком сильно взбудоражили нервную систему.

Я тихонько села на кровати и снова посмотрела на Данте. Он продолжал читать. Отсвет свечей смешался с тенью на его лице. Я в очередной раз удивилась, вдруг отметив, что, кажется, уже почти не боюсь этого человека. Хотя, в сущности, не так уж это и странно. Если бы он хотел причинить мне зло, уже много раз мог бы это сделать. Нет, можно было бы, конечно, предположить, что сейчас он просто втирается ко мне в доверие, лелея страшные далеко идущие планы. Но, право слово, ради чего такие сложности? Если бы я была значимой персоной — тогда конечно. Но менее значимую персону, чем я, сейчас, увы, трудно было представить.

Я хотела заговорить с ним, но вовремя вспомнила, что этого делать нельзя, раз он опасается прослушивания. Интересно, что это — паранойя или адекватная оценка ситуации? Поскольку я успела немного узнать Илкера, не удивлюсь, если последнее. Повернув голову в сторону окна, я вдруг обнаружила совсем рядом с кроватью белые листы бумаги и пишущие принадлежности, видимо, любезно предоставляемые знатным постояльцам.

Немного поколебавшись, я взяла в руки лист. Он оказался непривычным на ощупь, каким-то шершавым. Вспомнилась литература о том, из чего в разных странах производят бумагу. Порой из совершенно невообразимых материалов, сильно отличающихся от древесины. Например, из слоновьего навоза. Уж не в Арканзии ли? С деревьями здесь плохо, так что вполне может оказаться что-нибудь подобное. Правда, слоны здесь не водятся, с чувством облегчения припомнила я. И тут же приглушила излишний оптимизм: слонов, может, и нет, а вот навоз всегда найдётся.

Отмахнувшись от глупых мыслей, я совершила ещё большую глупость и принялась водить пером по бумаге. «Почему ты не спишь?» — написала я по-арканзийски. Затем, вспомнив студенческие годы, сложила лист «птичкой» и, размахнувшись, отправила в полёт. Как и предполагалось, послание приземлилось прямо на книге.

Данте удивлённо поднял брови, покосился на меня, оглядел своеобразно сложенный лист и лишь после этого его развернул. Дотянулся до своих вещей, среди которых тоже нашлось перо, и что-то написал всё на том же листе. После чего, сложив последний прежним образом, переслал его мне моим же методом.

Я развернула бумагу. Под моим вопросом совсем иным почерком было написано: «Бессонница для меня — обычное дело. А ты почему не спишь?»

Я задумалась над ответом. Привычным с тех, прежних, времён движением провела мягкой стороной пера по подбородку — вверх и вниз. «Не знаю», — честно написала я наконец.

«Птичка» снова отправилась в полёт. На этот раз Данте перехватил её прежде, чем она успела приземлиться. По-моему, не без азарта. Я и сама чувствовала какой-то странный, необъяснимый и нелогичный азарт от столь странного и нелогичного общения. В скором времени «птичка» снова вернулась ко мне.

«Лучше всё-таки выспись, — было выведено знакомым теперь почерком. — Завтра снова трудный день».

«Знаю».

Я немного подумала и написала: «Илкер действительно для тебя опасен?»

Данте тоже задумался, прежде чем коснуться бумаги пером. Возможно, подбирал слова, а может, решал, отвечать мне или не отвечать. Раскрыв вернувшуюся «птичку», я прочитала: «В данный момент — нет. Но может стать опасным». Я кивнула, принимая к сведению.

Как ни странно, именно сейчас, в таком не способствующем расслаблению контексте, мне отчаянно захотелось спать. Я зевнула. «Спокойной ночи!» Бумажный голубь опять перелетел на другой конец комнаты.

«Спокойной ночи! — пришёл ответ. — Надеюсь, за оставшееся время тебе не придёт в голову свежая идея перерезать мне горло».

Я удивлённо вскинула голову. Данте с усмешкой мне подмигнул, и оставалось только гадать, писал ли он в шутку или пытался прикрыть этой усмешкой реальное опасение. А может, он именно поэтому до сих пор не спит, и никакая бессонница тут ни при чём?

«Почему ты оставил меня здесь, если ожидаешь подобного?»

Беззвучный смешок.

«Во-первых, я достаточно хорошо разбираюсь в людях. А во-вторых, как знать, может, я, как и ты, не слишком дорожу жизнью?»

Едва я успела дочитать эти строки, как Данте отложил книгу и одним дуновением затушил свечи, таким образом давая понять, что «разговор» окончен. Теперь темноту комнату разгонял только кусочек луны, постепенно исчезающей из окошка. Я спустилась пониже, положила голову на подушку и укрылась одеялом. И быстро уснула, так и не успев как следует обдумать смысл последних строк.

На сей раз я проснулась, когда уже рассвело. Проснулась от того, что Данте довольно беспардонно тормошил меня за плечо.

— Пора вставать, — объявил он, едва я разлепила глаза.

Вот сейчас ощущения, что я выспалась, не было вовсе.

Данте уже был одет и выглядел бодрым и свежим, будто бы и не бодрствовал до середины ночи. Взяв лист бумаги, который мы использовали ночью для переписки (оказывается, я всё это время проспала, зажав его в кулаке), Данте аккуратно сжёг его в пламени оказавшейся зажжённой свечи.

— Можешь пройти в ванную, — заметил он, наблюдая за тем, как пламя стремительно пожирает бумагу. — Мы выезжаем через четверть часа.

Я поспешила воспользоваться его предложением. Правда, полотенца за ночь соскользнули, и мне пришлось провести некоторое время, обматываясь ими под одеялом.

Умывшись, я со смесью сожаления и брезгливости посмотрела на свою одежду, так и лежащую

на полу. Тяжело вздохнула. Надо было бы постирать её с вечера, сейчас бы уже успела высохнуть. Но что не сделано, то не сделано. Одеваться в грязные, пропотевшие, рваные обноски не хотелось так, что хоть плачь. Но — надо, никуда не деться. Не в полотенцах же залезать на джамаля. Не говоря уж о том, что кожа в этом случае сгорит моментально.

Моё внимание привлёк осторожный стук в дверь. Я прислушалась и даже из любопытства слегка высунулась из-за дверцы ванной. Данте открыл. В комнату вошёл вчерашний слуга. В очередной раз поклонился, подобострастно осведомился, как спалось господину. Господин ответил, что хорошо, тоном, недвусмысленно транслировавшим, что пора переходить к делу.

— Вот, господин, — произнёс слуга. — Платье для рабыни, как вы вчера и приказали.

Уже не знаю, в который раз за последние сутки я удивлённо выпучила глаза. Платье? Для меня? И когда он успел отдать такой приказ? Должно быть, вчера вечером, пока я дремала в ванной.

Понимая, что облачаться в старую одежду уже не придётся, я снова как следует закуталась в полотенца и вышла из ванной. Моё новое платье лежало на матрасе.

— Вот, — кивнул на него Данте. — Держи. Оно лучше подойдёт для путешествия по пустыне.

О том плачевном состоянии, в которое пришла моя собственная одежда, он деликатно умолчал.

Забрав платье, я снова удалилась в ванную, и вышла оттуда, уже прилично одетая. Прилично и непривычно, но тут уж грех жаловаться. Платье с широкой юбкой, закрытыми рукавами и высоким воротом, действительно идеально подходило для предстоящей поездки. Оно было трёхцветным и сочетало чёрный, зелёный и оранжевый. Последнее казалось мне совершенно лишним. На ткани — типичный южный узор с витиеватыми линиями.

Я бросила последний взгляд на свою старую одежду, которой предстояло остаться здесь, на постоялом дворе, в качестве мусора. Чувство брезгливости резко ушло, сердце сжалось от ностальгии. Я ещё не ушла, но уже тосковала по этим вещам. Ведь это была единственная одежда, привезённая из Астароли. Одна из последних ниточек, связывавших меня с прошлой жизнью. И, кстати сказать, когда-то это было хорошее платье. Я даже помню, в какой лавке его покупала.

На глаза навернулись слёзы, и я поспешила быстрее выйти из ванной.

В коридоре нас уже поджидал Ренцо, а пару минут спустя из комнаты напротив вышел приветственно улыбающийся Илкер, снова сопровождаемый телохранителем. Похоже, эти двое и спят вместе, подумала я с мысленным смешком. Как выяснилось, я была не так уж далека от истины: Илкер занял покои, состоявшиеся из двух смежных комнат, и телохранитель, ни когда не отходивший далеко от своего господина, ночевал в рядом со спальней последнего.

Разумеется, тот факт, что я вышла вместе с Данте из его покоев, не остался незамеченным. Ренцо лишь многозначительно взглянул на друга, а вот Илкер не счёл нужным воздержаться от комментария. Деликатность — как минимум в нашем, северном, понимании, — была в Арканзии не в чести.

— Я вижу, ты не терял времени зря, дон Эльванди, — просиял Илкер, одобрительно

причмокнув губами. — И то верно: время не для того нам даётся, чтобы тратить его впустую.

Ох, уж мне эти заумные философствования, в особенности от человека с такими маленькими хитрыми глазками! Лучше бы поучился не лезть не в своё дело. Хотя какое там?

— Да, — подтвердил Данте, по-хозяйски обнимая меня рукой за плечи. — Рабыня провела эту ночь со мной, и теперь она повышена в статусе.

— Да, — подтвердил Данте, по-хозяйски обнимая меня рукой за плечи. — Рабыня провела эту ночь со мной, и теперь она повышена в статусе.

Илкер благосклонно кивнул, принимая данную информацию к сведению и, видимо, считая её если не само собой разумеющейся, то как минимум вполне логичной.

Я спорить, конечно, не стала, да и вообще не так чтобы была сильно шокирована сложившейся ситуацией. На фоне всего, что мне довелось пережить, это была в общем-то ерунда. Пусть думают, что хотят. К тому же Данте прав, он поступил умно. Нельзя признаваться таким людям, как Илкер, в том, что он просто пустил к себе в покои рабыню, чтобы дать ей возможность отдохнуть, принять ванну, наесться и провести ночь в нормальной кровати.

На первом этаже к нам присоединился надсмотрщик с рабами Илкера. Мы вышли во двор, оседлали уже подготовленных верблюдов и продолжили путь. За пределами Бертана тоже простиралась пустыня, но уже немного иная, нежели до сих пор. Здесь был не только один сплошной ковёр из горячего песка. Справа и слева возвышались горы, правда, совсем непохожие на те, что были знакомы мне по родным местам. Сравнительно низкие — по высоте я бы, пожалуй, скорее назвала их холмами, — песчаные, голые, с редкими окошками естественных пещер. Их подножие напоминало опускающиеся на землю лапы. На обрамлённой ими равнине, по которой мы и ехали, тут и там виднелись пусть чахлые, но всё же деревца. Кое-где — сухая трава; стало быть, хоть когда-то она зеленела. Высокие, в человеческий рост кактусы — и вовсе в изобилии. Один раз мы проехали мимо русла высохшего ручья. Но в некоторых местах источники воды по-прежнему встречались, в том числе и под землёй; за счёт этого хоть какая-то растительность продолжала здесь существовать. Ехали мы опять же не всегда по песку, иногда это была скорее почва, правда, сухая и имевшая желтоватый оттенок. В таких местах можно было встретить даже небольшую рощу, хотя деревья, опять же, были чахлыми, почти без листвы, и особой тени не давали.

На привалах меня перевели в шатёр, подтверждая тем самым повышение в статусе. С едой и питьём тоже стало лучше, Ренцо не приходилось теперь передавать мне лишние куски потихоньку, таясь от посторонних глаз. Сложность представляло теперь моё мнимое незнание языка. Раньше оно приносило пользу, теперь же невозможность обменяться с Данте хотя бы парой слов стала восприниматься как досадная помеха. Данте, по-видимому, относился к этому так же. Поэтому в какой-то момент просто взял и заговорил со мной. Я ответила, понимая, что он ожидает от меня именно этого. На удивлённое замечание Илкера о том, что рабыня вроде бы не знала арканзийского языка, у Данте был готов ответ.

— Как оказалось, она изучала арканзийский язык, когда жила на севере. Когда попала в среду, ей потребовалось время, чтобы освоиться. Теперь она может говорить без особого труда.

Данте посоветовал мне держаться поближе к нему и к Ренцо и подальше от арканзийцев. Это соответствовало моим собственным ощущениям, так что я старалась следовать его совету. Тем не менее, удавалось это не всегда. Как-то раз, оказавшись в обществе рабов, я поймала на себе

откровенно враждебный взгляд Юркмеза и более спокойный — Берка.

— Повезло девчонке, — заметил последний, обращаясь к своему приятелю.

— Конечно, — скривил губы тот. — У нас ведь нет такой же возможности приблизиться к господину.

— А вы попытайтесь, — не стала отмалчиваться я. Слишком уж долго держала рот на замке. — Господа — они всякие бывают. Может, и вам повезёт?

Постепенно я начала делить с ними работы по уходу за джамалями. Начала со своего, к которому успела привязаться. Я люблю животных, к тому же отчасти чувствовала в нём такое же бесправное существо, как и я сама. Быстро научившись с ним управляться, я посмотрела-посмотрела на возившегося в тот день с остальными джамалями Берка и молча принялась за очередного верблюда. Отношения с Берком быстро улучшились. Нет, мы не стали ни друзьями, ни приятелями, к чему я ни в коем случае и не стремилась; скорее это было своего рода молчаливое согласие о мирном сосуществовании. Юркмез был менее воздержан, продолжал злиться и бурчать себе под нос, но ни на что большее не решался.

Как-то раз во время привала, когда с трапезой было покончено, и Берк разливал господам сваренный на огне кофе, Илкер задал Данте следующий вопрос:

— Дон Эльванди, скажи, отчего ты до сих пор не женат?

Я сидела позади Данте, ближе к стенке шатра, и потому не видела выражение его лица, однако голос прозвучал, как и обычно, вежливо, но прохладно.

— А отчего тебя заинтересовал этот вопрос, почтенный Илкер-бей?

— О, прости, если я вторгся в излишне приватную тему, — поспешил покаяться Илкер. — Просто у нас в Арканзии жениться принято рано. Ты же, если не ошибаюсь, в скором времени переступишь за грань третьего десятка?

— Через год, — кивнул Данте.

— Вот мне и стало любопытно, идёт ли речь о неких культурных различиях между нашими странами, — невинно произнёс Илкер.

— Вероятнее всего, именно так, — спокойно подтвердил Данте, отпив немного кофе. — В моей стране мужчины как правило не торопятся связывать себя брачными узами.

Ренцо согласно усмехнулся.

— Мы предпочитаем подольше блюсти свою свободу, — заметил он.

— Воистину различия между нашими культурами огромны, — покачал головой Илкер. — В Арканзии юноша не считается полноценным мужчиной до тех пор, пока не обзаведётся первой женой. И чем больше у человека жён, тем более солидным он является в глазах общества.

— Каким же считается идеальное число жён?

В голосе Данте мне почудилась насмешка.

— Мужчина может позволить себе столько жён, сколько он способен обеспечить, — важно ответил Илкер. — Ограничений в этом отношении нет, всё зависит от его благосостояния. Отчасти именно поэтому число жён — и, конечно же, качество, — является показателем статуса подданного.

Я поморщилась, услышав в данном контексте слово «качество». О жёнах Илкер рассуждал так, словно они являлись коврами или предметами мебели.

— Три жены — это вполне достойная семья для обеспеченного человека, — продолжал распространяться он.

— Вот как, — хмыкнул Данте, переглянувшись с Ренцом. — А сколько жён у тебя, достопочтенный Илкер-бей?

— Четыре, — с гордостью ответствовал тот.

— Четыре. — Данте покачал головой, похоже, молчаливо транслируя, что самому ему такого образа жизни не понять. — Что ж, по-видимому, это признак чрезвычайно высокого статуса в твоей стране.

— Именно так, дон Эльванди, — степенно покивал головой Илкер. — И кроме того, позволь указать тебе на одну ошибку. Ты и твой друг, — вежливый кивок в сторону Ренцо, — говорили о том, что женитьба лишает человека свободы. Позволю себе, на правах человека старшего, отметить, что это вовсе не так. Женитьба не ограничивает свободу мужчины. Самое главное — это правильно воспитывать своих жён и позаботиться о том, чтобы они не позволяли себе лишнего.

— Воспитывать? — уточнил Ренцо. — И как же, например, это делают в Арканзии?

— Строго, — ответил Илкер. — С женщинами непременно следует проявлять строгость, иначе они быстро выходят из-под контроля.

— И всё-таки, не могли бы привести конкретные примеры? — не отставал Ренцо.

— Полагаю, главный пример — это порка, — поморщился Данте.

— Совсем необязательно, — возразил Илкер. — Порка — это крайняя мера, хотя в некоторых случаях и необходимая. Но в большинстве ситуаций можно обойтись другими методами. К примеру, купить по подарку всем своим жёнам и даже наложницам, и только провинившуюся обойти вниманием. Это будет не только неприятно само по себе, но и привлечёт внимание всего гарема. Станет поводов для слухов, перешёптываний, насмешек. Женщины быстро понимают подобные наказания. Что же касается порки, то мне приходилось применять эту меру лишь дважды.

— Лишь дважды? — неспешно повторил Данте.

Ренцо откровенно скривился. Похоже, мои спутники подобного обращения с жёнами не одобряли и даже не считали нужным слишком тщательно это скрывать. Впрочем, Илкер то ли не заметил реакцию своих собеседников, то ли просто не стал подавать виду.

— Дважды, — деловито подтвердил он.

— И в чём же заключалась причина? — осведомился Ренцо. — В супружеской измене?

— Ну что вы! — поморщился Илкер. — За такое у нас не порют. На этот случай в нашей стране предусмотрена смертная казнь. Нет, проступки были хоть и серьёзные, но не настолько постыдные. К примеру, когда у моей самой молодой жены стала слишком часто болеть голова. Пришлось прибегнуть к публичной порке. Удивительно, но головные боли таким образом исцелились. Больше она не отказывала мне ни разу.

— Вижу, ты большой знаток семейной жизни. — Голос Данте прозвучал бесцветно.

— Верно, — охотно согласился Ренцо. — А вот скажи мне, Илкер-бей, меня давно интересовал один вопрос. У нас, если мужчина умирает, его жена остаётся вдовой, наследует часть его имущества и получает право в дальнейшем распоряжаться собственной жизнью и деньгами по своему усмотрению. Но у вас после смерти мужа остаётся целый гарем. И что же происходит с этим гаремом дальше?

Уж не знаю, хотел ли Ренцо разрядить обстановку, подшутить над Илкером или и вправду выяснить ответ на свой вопрос. К слову, действительно любопытный.

— О, это очень сложная и щекотливая тема, — протянул Илкер. — Случаи бывают разные. Многое зависит от порядка наследования в данном конкретном клане. Чаще всего гарем переходит по наследству брату покойного или его старшему сыну.

Ренцо неожиданно развеселился.

— Вот, наверное, сынок обрадуется, — гоготнул он, — когда ему достанется несколько жён, по возрасту годящихся ему в матери.

— Среди жён наверняка найдётся хоть одна молодая, — возразил Илкер. — Кроме того, если отец был богат, то в гареме найдутся не только жёны, но и наложницы. А в наложницах немолодых и некрасивых не держат.

Допив кофе и довольно погладив свой внушительный живот, Илкер поднялся на ноги.

— Я ненадолго оставлю вас, господа, — заявил он. — Простите, нужда. А потом пригляжу немного за своими людьми.

Я кашлянула, прикрыв рот рукой. Ох уж эти южные манеры. И как им только удаётся совмещать такую витиеватость, даже изысканность речей с такой вот беспардонной прямотой? Мог бы и не уточнять, с какой именно целью покидает шатёр.

— Хороший вопрос, — заметил Данте, разворачиваясь к Ренцо. Сейчас его голос звучал веселее и куда как более живо. — Очень уместный. Гарем по наследству… Эти арканзийцы решительно ненормальные.

— Интересно, а что происходит, если близкого родственника мужского пола просто нет? — решил развить тему Ренцо. — Или есть, но у него недостаточно средств, чтобы содержать весь гарем? Как они поступают в таких случаях? А может быть, — в его глазах блеснул азарт от только что родившейся идеи, — может быть, они дают объявление в газету? Ну, а что, — легкомысленно ответил он на красноречивый взгляд Данте, — дают же у нас объявления люди среднего сословия, которые хотят создать семью. Что-нибудь в духе… — Он сомкнул кончики пальцев и задумался. — «Молодой гарем ищет нового мужа».

— Вдовствующий. Молодой вдовствующий гарем, — негромко подсказала я со своего места.

— Точно! — Ренцо довольно потёр руки. Данте усмехнулся. — Итак. «Молодой вдовствующий гарем ищет…»

— Здесь ещё должна идти информация об авторе объявления, — включился в игру Данте. — Должен же тот, кто откликнется, иметь хоть какую-то информацию.

— «Молодой вдовствующий гарем без вредных привычек», — предложила я.

— Так, я должен всё это записать, — решительно заявил Ренцо.

Он извлёк из своей сумки пишущие принадлежности и лист бумаги. Я перебралась поближе. Данте предложил мне кофе, но я отказалась. Тогда он налил ещё себе. Раба к этому моменту успели отпустить, но галлиндийцы, в отличие от Илкера, прекрасно обходились в таких вещах самостоятельно.

— Что там должно идти дальше? — спросил, отрывая перо от бумаги, Ренцо. — Какая информация?

— Обычно бывает про возраст и параметры фигуры, — подумав, ответил Данте.

— От шестнадцати до тридцати двух, — предложила я.

— И 90-60-90, — не стал оригинальничать Данте.

— Причём первые и последние 90 — у разных женщин, — хохотнул Ренцо, с энтузиазмом строча текст.

— А 60 — у всех в совокупности, — брякнул Данте.

— Нет, этого я писать не буду, — возразил Ренцо. — Это слишком нереалистично.

— Как и всё твоё объявление, — не остался в долгу Данте.

— Неважно, — отмахнулся Ренцо. — Я хочу его написать. Итак. Гарем ищет… кого?

Я прищурилась, припоминая подобные объявления в наших газетах.

— Обеспеченного перспективного мужчину для серьёзных отношений, — продиктовала я.

— Отлично! — Ренцо восхищённо заскрипел пером. — Теперь, видимо, должны идти более подробные требования к кандидату. Какие будут предложения? — Он обвёл нас с Данте вопросительным взглядом.

— Сколько там лет гарему? — прищёлкнула пальцами я.

— Сколько там лет гарему? — прищёлкнула пальцами я.

Сама же придумала, сама же запамятовала.

— От шестнадцати до тридцати двух, — сверился с текстом Ренцо.

— Значит, «не старше сорока восьми лет», — предложила я.

Topreading.ru

— Логично, — кивнул Ренцо. — Если будет слишком старый, скоро придётся строчить новое объявление.

— Холостой, — небрежно подкинул ещё одну идею Данте.

— Это правильно, — согласился Ренцо. — Муж, у которого уже имеется свой гарем, нам не нужен. Эдак между двумя гаремами отношения могут не сложиться, пойдут ссоры, соревнования, может, даже драки.

— Правильно, — подтвердил Данте, — так что пусть будет холостой.

— Либо вдовец, — уточнил Ренцо.

Данте удивлённо посмотрел на товарища.

— Как он может быть вдовцом, если у них в ходу гаремы?

— А вдруг весь гарем умер? — проявил упрямство Ренцо.

— Что, эпидемия? — насмешливо изогнул бровь Данте.

— Несчастный случай, — настаивал Ренцо. — Извержение вулкана.

— Лучше оставь просто «холостой», — посоветовал Данте.

На моих губах постепенно невольно расцвела улыбка, впервые за долгое время. Было неожиданно, забавно и одновременно приятно смотреть, как эти двое просто дурачатся. Правда, Данте и сейчас вёл себя довольно-таки сдержанно, но уже не походил на глыбу льда, как большую часть времени до сих пор.

К тому же сейчас между мной и галлиндийцами нашлась некая точка соприкосновения. Судя по тому удовольствию, с которым Данте и Ренцо подшучивали над арканзийцами, особенно нежных чувств к последним они не испытывали. Я же попросту ненавидела Арканзию и всё, что было с ней связано. Возможно, незаслуженно, но кто бы мог меня в этом упрекнуть?

Стали обсуждать окончательную формулировку. В итоге Ренцо торжественно зачитал нам с листа текст следующего содержания:

Объявление:

Молодой вдовствующий гарем, без вредных привычек, возраст от шестнадцати до тридцати двух, размеры 90-60-90 (причём первые и последние 90 — у разных жён) ищет обеспеченного перспективного мужчину для серьёзных отношений. Не старше сорока восьми лет, холостого, с железными нервами и крепким здоровьем (а то предыдущий долго не продержался). Извращенцам и однолюбам просьба не беспокоиться.

Глава 5

Со времени нашего выезда из Бертана прошло несколько дней. Как мне объяснили Данте с Ренцо, до следующего поселения, Эльварды, оставался приблизительно день пути. А оттуда было уже рукой подать и до Галлиндии. Оба явно ожидали возвращения на родину с нетерпением. Насколько я успела понять, компания арканзийцев вынуждала их постоянно

быть начеку, а это рано или поздно утомит кого угодно.

По мере приближения к Эльварде природа становилась всё менее пустынной. Рощи, пусть всё ещё достаточно чахлые, встречались всё чаще. Среди выгоревшей травы тут и там встречались вполне живые цветы, вроде маков и местного аналога одуванчиков с листьями непривычной формы.

Я даже не поняла, откуда они появились, и как им удалось приблизиться так быстро. Кажется, несколько человек стремительно сбежали по горному склону, выскочив из какой-то очередной пещеры. Другие спрыгнули с деревьев, на кронах которых до сих пор прятались. В нас полетели камни и несколько стрел. Телохранитель Илкера почти сразу упал на землю и остался лежать без движения. Другая стрела угодила в бок тому джамалю, на котором ехал Данте. Несчастное животное протяжно застонало, резко опускаясь на передние лапы, и Данте, не успев удержаться, перелетел через его голову. К его горлу тут же приставили нож.

Теперь к нападавшим успело подтянуться несколько человек на джамалях. Видимо, они скрывались немного дальше, так как человека, сидящего верхом, заметить значительно легче, чем пешего. В общей сложности их оказалось около полутора дюжин, что делало попытку сопротивления совершенно бессмысленной. Одеты по-разному, но все в тюрбанах, как и положено в такой местности. Большинство — в чёрном, некоторые, наоборот, в белом, но у всех одежда потрёпана и перепачкана. Причём учитывая специфику пустынной грязи, на чёрном она выделяется сильнее. Все смуглые, загорелые, с арканзийскими чертами лица.

— Я — Альтан из Батура, Освободитель рабов, — торжественно объявил один из тех, что сидели на джамалях, выезжая немного вперёд. — Борец с несправедливостью и несущий возмездие. Тех из вас, кто являются рабами, я провозглашаю отныне свободными людьми. — Он обвёл взглядом Берка, Юркмеза и меня, безошибочно определив в нас рабов по одежде. — Всех же остальных, — его прищуренный взгляд стал крайне недобрым, — мы будем судить по нашему закону.

Нечто в его интонации заставляло предположить, что ничего хорошего по этому закону господам не полагается.

Как я уже говорила, оказывать сопротивление не имело смысла. Да, насколько я могла судить, рабы и не рвались этого делать. Видимо, я всё же не вполне правильно судила до сих пор о рабах-арканзийцах. Как вскоре стало ясно, захватившие нас люди состояли именно из таких рабов — бывших рабов, как они утверждали, — бежавших от своих хозяев либо освобождённых так, как была только что освобождена и я сама. На знак дракона это самоуправство, разумеется, никак не влияло: он по-прежнему извивался на тыльной стороне левой ладони решительно всех членов банды. Назвать эту компанию армией освобождения отчего-то не поворачивался язык.

Нас всех, как рабов, так и хозяев, провели к месту стоянки нападавших. Те, что были на джамалях, ехали в основном спереди, указывая дорогу; пешие, окружив нас, продвигались следом. Вооружены были кто во что горазд: луки, ножи, палки, камни. По земле ступали сравнительно спокойно. Здесь путешествовать пешком было менее опасно, чем в Дезерре: змеи хоть и водились в этих местах, но всё же не в таких количествах; к тому же днём они в основном спали, прячась под камнями, и выползали наружу только ночью.

Думаю, в первую очередь именно по причине ночной опасности лагерь освободителей был окружён всё теми же красными камнями. При этом он был значительно больше, чем пространство, отводившееся для наших привалов. Как-никак здесь находилось куда больше

людей. К тем девятнадцати, что совершили нападение, добавилось ещё человек пять-шесть дожидавшихся в лагере, в основном женщины. Сперва я удивилась, как этим людям удалось достать столько охранных камней. Но, припомнив, как один из них склонился над убитым телохранителем, и как он же сейчас принялся добавлять камушки к «ограждению», увеличивая таким образом площадь лагеря, сделала выводы.

Меж тем нас с Берком и Юркмезом приняли вполне тепло, как «братьев и сестру» — по собственному выражению освободителей. Иностранное происхождение «сестры» нисколько их не смущало. Но остальным пришлось хуже. Илкера, надсмотрщика, Данте и Ренцо привязали к деревьям. И вновь иностранное происхождение не сыграло для здешних хозяев никакой роли. К галлиндийцам здесь отнеслись так же, как к уроженцам Арканзии. То одни, то другие освободители принимались прохаживаться мимо пленников, глядя на них с такой ненавистью, которая, казалось, могла разжечь под деревьями костёр. Периодически в сторону привязанных летели плевки и горсти песка. Похоже, эти люди как следует натерпелись в своё время от собственных хозяев, раз так ненавидели теперь всех, кто официально носил статус свободного человека. В своё время я поспешила с выводами, решив, что арканзийские рабы во всём заодно со своими хозяевами. Удивило меня и то, что Берк с Юркмезом практически сразу же присоединились к остальным в издевательстве над пленниками. Удивило, но почти сразу же показалось донельзя закономерным, хоть я и не смогла бы сразу сформулировать, почему.

Сама же я старалась держаться от происходящего подальше. Села на песок, обхватив руками колени, почти так же, как сидела прежде, до нашего с Данте разговора в Бертане. Тихо поблагодарила рабыню, с ободряющей улыбкой принесшую мне еду и флягу с водой. Но взгляд то и дело возвращался к деревьям и привязанным к ним людям.

А потом подошёл Альтан.

— Наступило время казни, — объявил он.

— Казни? — подняла голову я. — Я думала, будет суд?

— Наш суд краток, — недобро усмехнулся Альтан. — Все рабовладельцы приговариваются к смерти, и приговор обжалованию не принадлежит.

— Мой хозяин — галлиндиец, — заметила я. Впервые я назвала Данте «хозяином», не чувствуя при этом прилива всепоглощающей злости. — Он вёл себя со мной корректно. Ничем не обидел. Заботился.

— Давно он тебя купил? — проницательно спросил Альтан.

— Неделю назад, — призналась я. — Чуть больше.

— Он просто не успел проявить свою сущность, — скривил губы Освободитель. — К тому же нам всё равно, как именно рабовладельцы обращаются с рабами. Достаточно того, что они считают себя вправе владеть другими людьми.

Видя, что спорить с Альтаном совершенно бесполезно, я сменила тактику.

— Из этих четверых только двое — рабовладельцы. Один из арканзийцев — надсмотрщик. Один из галлиндийцев просто сопровождает своего товарища.

— Мне это известно, — откликнулся Альтан. Видимо, успел переговорить с рабами Илкера. — Надсмотрщик — это ещё хуже, чем рабовладелец. А оба галлиндийца без сомнения заодно. Но

ты права в одном. Арканзийские пленники действительно интересуют нас куда больше. Наши основные претензии — именно к ним.

— Значит?..

Боги, а почему меня так волнует судьба Данте и Ренцо? Не так ли давно я ненавидела их обоих? Не так ли давно желала только одного — оказаться как можно дальше от них, если понадобится, то даже на том свете? Зачем же теперь я рискую расположением Альтана, выгораживая чужих мне людей?

И тем не менее ответ Освободителя заставил моё сердце сжаться.

— Значит, арканзийцев мы казним сегодня. А галлиндийцев оставим на завтра. Пускай проживут ещё одну ночь. А нам и завтра понадобится развлечение. Жизнь в пустыне нелегка. Людям необходимо выпускать пар.

Альтан зашагал дальше, уведомляя соратников о сегодняшних и завтрашних планах. В итоге все собрались в подобие очереди напротив тех деревьев, к которым были привязаны Илкер и надсмотрщик. Каждый из рабов держал камень, некоторые сразу два, в обеих руках. Среди собравшихся были и Берк с Юркмезом.

— Хочешь принять участие в побиении камнями? — спросил меня кто-то из рабов?

Я покачала головой.

Я старалась не смотреть, но то и дело поворачивала голову в сторону деревьев и разъярённой толпы. Я старалась не слушать, но даже заложи я уши, крики всё равно достигли бы моего сознания. Казнь длилась долго. По-моему, бывшие рабы специально кидали камни так, чтобы не сразу задеть жизненно важные органы. Я успела обратить внимание и на их лица — перекошенные от ненависти. Броски сопровождались злобным «Так тебе!», причём иногда это были выкрики, а иногда, едва слышный шёпот. Женщины бросали камни не менее, а то и более, ожесточённо, чем мужчины.

Наконец, всё было кончено. Сначала стихли вопли пленных. Потом, постепенно, сошёл на нет шум толпы.

Я сидела в стороне, обхватив руками колени, и моё тело била дрожь.

Трупы так и оставили привязанными к деревьям в окружении горок камней. Освободители, как ни в чём не бывало, стали возвращаться к своим делам.

— Идём, мы устраиваем торжественную трапезу! — гостеприимно протянул мне руку какой-то мужчина.

Руку, каких-то пару минут назад кидавшую камни в живых людей. На ней даже оставалась пыль с этих камней, он не счёл нужным её стряхнуть.

— Торжественную трапезу? — бесцветным голосом переспросила я. — В честь чего? В честь казни?

Я всё-таки пересилила себя и подала ему руку. Он помог мне подняться на ноги.

— И это тоже, — ответил мужчина. — Но главным образом в честь свободы. Мы празднуем её

каждый вечер. Наша жизнь непроста, — посерьёзнев, объяснил он. — Мы живём в тяжёлых условиях, держимся подальше от городов, перебираемся по пустыне с места на место, благо наперечёт знаем все здешние источники воды и колодцы. И не знаем, как долго это продлится. Так что каждый новый день свободы для нас — это праздник.

Бывшие рабы и правда стали праздновать. Если, пили, шумно переговаривались, потом кто-то даже начал петь. Вскоре к нему присоединились ещё пара голосов.

— А что теперь будет с нами? — спросила я у Альтана, когда подвернулся удобный момент.

— Вы теперь свободные люди, — торжественно ответил тот. — Так что вправе поступать, как захотите. Можете остаться с нами. А можете уйти в жилые места. Один городок находится не так далеко отсюда. Но только должен предупредить: раба, путешествующего в одиночку, поджидают крупные неприятности. Однако если захочешь рискнуть, это твоё право.

Я кивнула, осмысливая информацию.

— Что же ты выберешь? — полюбопытствовал Альтан.

На этот счёт у меня не было ни малейших сомнений. С окружавшими людьми у меня точно не было ничего общего.

— Я отправлюсь в город, — ответила я. — Хочу попытаться вернуться на родину. Знаю, что это рискованно, но моя цель стоит того.

— Понимаю, — кивнул Альтан, принимая мой ответ.

— Я отправлюсь в город, — ответила я. — Хочу попытаться вернуться на родину. Знаю, что это рискованно, но моя цель стоит того.

— Понимаю, — кивнул Альтан, принимая мой ответ.

— Однако, — продолжила я, — с твоего позволения, я бы хотела остаться здесь до утра. Путешествовать ночью слишком опасно. К тому же я хочу посмотреть на завтрашнюю казнь.

И вновь Альтан принял моё решение.

— Конечно. Тебе помогут здесь устроиться. А завтра мы отдадим тебе твоего джамаля и обеспечим всем необходимым, чтобы добраться до Эльварды.

— Благодарю тебя, — кивнула я.

Мой взгляд скользнул в сторону пленников, которым как раз поднесли воды. Сделавшие это рабы показательно плюнули в чарку. Галлиндийцы от воды отказались. И тогда я окончательно решилась.

Пили бывшие рабы не только воду. Когда наступила наиболее торжественная часть вечера, они пустили по кругу фляги, наполненные другим напитком. Как мне объяснили, это была настойка из плодов какого-то росшего в здешних местах кактуса. Не так чтобы очень вкусная, зато прекрасно дурманящая голову. Эти люди действительно проживали каждый свой день, как последний. И старались брать от жизни всё. Кроме того, родившиеся и выросшие в статусе рабов, за которых всё решает хозяин, они не умели как следует планировать наперёд. Жить сегодняшним днём было для них наиболее естественным состоянием.

Topreading.ru

Я пить здешнюю дурь не стала. Ненавижу, когда что-то дурманит мне голову, а сейчас для этого тем более было не время.

Что ж, как говорится, трезвый пьяного не поймёт. Настойка стала действовать очень быстро. Уровень веселья среди окружающих резко повысился; координация движений существенно ухудшилась. Несколько пар начали целоваться почти на самом виду, а вскоре поцелуи переросли в более откровенные ласки. Среди этих парочек я с облегчением заметила и Юркмеза. Признаться, я опасалась, что сейчас, когда ни Данте, ни Илкер не могли его остановить, он попытается закончить начатое несколько дней назад и снова станет меня преследовать. Существовали хорошие шансы, что здешние хозяева всё же встанут на мою сторону, но стопроцентной уверенности у меня не было.

Постепенно освободители стали укладываться на траву. Одни спали, другие неподвижно лежали с открытыми глазами, устремлёнными в одну точку, и время от времени начинали громко хохотать. Затем снова застывали. На внешние раздражители они не реагировали. Я проверила это, подойдя к нескольким из них и проведя рукой прямо у них над глазами. Потом взяла флягу с водой и направилась к галлиндийцам.

Деревья, к которым их привязали, росли на расстоянии всего пары ярдов одно от другого. Я подошла к Данте и молча поднесла ему воду. Он открыл рот, и я наклонила флягу так, чтобы он смог напиться. Данте не останавливался долго, почти захлёбывался — тогда я осторожно отодвигала флягу, останавливая течение воды, — и снова продолжал пить. Обходиться без питья в пустыне — мучительная вещь.

— Спасибо, — выдохнул он наконец, когда воды в крупной фляге осталось не больше половины.

Я перешла к Ренцо, напоила и его, параллельно оглядывая лагерь. Если кто-то и бодрствует, то ничего совсем уж крамольного в том, что я решила напоить пленников, не увидит.

— Спасибо, Сандра, — сказал Ренцо, устало прикрывая глаза. — Вот мы и поменялись местами.

Я в последний раз огляделась, лишний раз убеждаясь в том, что за нами никто не наблюдает, а уж услышать разговор не сможет точно.

— У меня есть к тебе деловое предложение, — заявила я, опираясь рукой о дерево, к которому был привязан Данте. Он взглядом показал, что внимательно слушает. — Я помогаю вам бежать и ухожу вместе с вами. А ты, — я пристально посмотрела ему в глаза и с нажимом продолжила, — отпускаешь меня на все четыре стороны в тот момент, когда я этого захочу.

— Договорились, — не раздумывая, согласился он.

Больше не задерживаясь, я вернулась в центр лагеря. Похоже, все спят. Что ж, риск, конечно, есть, но тут уж либо рисковать, либо бездействовать. Раздобыть нож оказалось легко. Найти, где освободители сложили оружие и личные вещи галлиндийцев, тоже. Я то и дело озиралась, а в остальное время напряжённо вслушивалась в окружающую тишину. Пока всё было спокойно. Меня никто не окликнул и не попытался остановить. И тогда я решилась на наиболее рискованный шаг. Наиболее рискованный, потому что он был самым шумным и самым заметным. Спасало лишь то, что животных разместили в стороне от людей, и мои действия частично скрывали деревья. Я принялась седлать трёх джамалей. Тех, на которых до сих пор ехали Ренцо, я и Илкер. За время нашего путешествия я научилась как распознавать, так и правильно сними обращаться. Поэтому сейчас действовала быстро. Когда я закончила, и джамали были оседланы, у меня вдруг возникла ещё одна идея. Присев возле остальных сёдел, я стала методично перерезать подпругу. Теперь, даже если бывшие рабы проснутся, и за нами

организуют погоню, они не смогут преследовать нас верхом. На то, чтобы починить сёдла, понадобится время. А путешествовать пешком в ночное время слишком опасно. Да и не догонят нас пешие.

Я готовила побег, а в голове крутилась мысль: «Что ты творишь?!». Нет, сомнений не было, я приняла окончательное решение и, как ни странно, была совершенно уверена в его правильности. Я не сомневалась, скорее, удивлялась самой себе. Ещё совсем недавно единственным, чего я хотела, была свобода. И раз полноценная свобода с избавлением от клейма в виде дракона невозможна, я хотела хотя бы избавиться от хозяина. От необходимости подчиняться. Пусть даже для этого мне надо было умереть. И вот, казалось бы, что может быть лучше? Я встретила единомышленников, меня освободили, я не должна выполнять ничьих приказов, не являюсь ничьей вещью. Быть может, по закону Арканзии всё и не так, но какое мне дело до её законов? Казалось бы, все желания исполнены. Радуйся и воспользуйся появившимся шансом. А я вместо этого ставлю под угрозу свою жизнь и свободу. Зачем? Чтобы спасти от смерти тех, кого до недавнего времени считала своими злейшими врагами? И что изменило моё отношение? Ночная переписка при помощи глупой студенческой «птички»? Или не менее глупое объявление о вдовствующем гареме?

Разобравшись с джамалями, я в последний раз обошла лагерь. Присмотрелась к лежащим на земле людям, прислушалась к их дыханию. Вроде бы спят. Насколько чутко, не знаю. Наверное, под действием настойки сон бывает глубокий, но кто его знает, как долго продолжается это действие; к тому же оставалась вероятность, что кто-то эту настойку не пил.

Решившись, я быстро вернулась к галлиндийцам и перепилила при помощи ножа связывавшие их верёвки. Верёвки оказались прочными, толстыми, и на это занятие ушло больше времени, чем я предполагала. Молча указала мужчинам в сторону джамалей, а сама быстро прихватила пару фляг с водой, после чего тоже метнулась к животным. Данте придержал моего джамаля, пока я садилась. Ренцо с трудом удержался седле, когда его джамаль неспешно поднялся на ноги.

— Руки затекли от этих чёртовых верёвок, — тихо покаялся он.

— Да, я знаю, — многозначительно подтвердила я и посмотрела на Данте.

Мне было интересно, увижу я в его взгляде хотя бы намёк на чувство вины. Или исключительно уверенность в собственной правоте, как тогда, во время разговора в башне?

Как ни странно, увидела. А может быть, мне показалось. Свет луны, пускай и полной, слишком обманчив. Так или иначе, Данте на секунду сжал мою руку, прежде чем оседлать собственного джамаля.

— Спасибо, Сандра, — негромко сказал он. — Обещаю, я не останусь в долгу.

Ответить я не успела.

— Где? Куда? — громко спросил кто-то спросонья.

Ещё несколько человек зашевелились, просыпаясь.

Мы погнали джамалей прочь, заставляя их двигаться максимально быстро. К счастью, это были не обычные верблюды, и скорость они развивали более высокую. Луна же указывала нам направление, в котором следовало двигаться, и освещала наш путь. И даже когда она уступила место красному диску поднявшегося из-за гор солнца, мы не остановились, торопясь как

можно скорее преодолеть расстояние, отделявшее нас от Эльварды.

Мы немного беспокоились о том, чтобы не заблудиться. Мои спутники никогда прежде не путешествовали по этому маршруту, и о направлении знали лишь по разговорам с арканзийцами. Однако около полудня у нас нашлись провожатые. Было самое жаркое и потому самое тяжёлое время. Поэтому, увидев впереди большой отряд, я сперва подумала, уж не начались ли у меня галлюцинации. Вода у нас пока ещё оставалась, но мы её тщательно экономили. Вторым на очереди оказался страх: что, если мы столкнулись с очередной компанией «освободителей». Но эту мысль я отмела очень быстро. Ехавшие нам навстречу люди были одеты в военную форму и хорошо вооружены. Не знаю, повод ли это для радости, но речь точно не идёт о беглых рабах.

Прежде, чем мы успели поравняться с отрядом, командир сделал своим людям знак остановиться, а сам, напротив, выехал нам навстречу.

— Дон Данте Эльванди? — спросил он, безошибочно обратившись к Данте.

— Разве мы знакомы? — нахмурился тот.

— Нет, но мы как раз ехали вам на помощь, — откликнулся командир.

Меж тем ещё один человек выехал ближе к нам. Он, в отличие от остальных, не носил военную форму, при этом одежда выдавала в нём человека весьма богатого.

— Дон Эльванди! — горячо воскликнул он. — Как же я рад видеть тебя в добром здравии!

— Карталь-бей? — щурясь, проговорил Данте, и мужчина в штатском радостно закивал.

— Он самый, дон Данте.

Я с чувством немалого облегчения увидела, что и Данте, и Ренцо стали куда менее напряжены после этого узнавания.

— Что же ты делаешь здесь, посреди пустыни? — удивился Данте.

— Еду к вам на выручку, как и сказал, многоуважаемый капитан. До Селима-паши дошли слухи о том, что в этих местах орудует банда беглых рабов. Беспокоясь о вас, он отправил меня вам навстречу. Не успел я выехать из Эльварды со своим отрядом, как мы повстречали капитана, — улыбнулся последнему он.

Только теперь я поняла, что мы встретили не один отряд, а два: об этом говорили различия в форме, которые можно было, приглядевшись, заметить.

— Именно так, — подтвердил капитан. — Мы направлялись на поиски бандитов, которых давно пора уничтожить, и выехали из города практически одновременно с Карталь-беем и его людьми. Поскольку выяснилось, что наши цели отчасти совпадают, мы решили продолжить путь вместе.

— Отчего же эта банда не была уничтожена до сих пор? — мрачно спросил Ренцо.

Его суровость легко понять: не очень-то приятно оказаться привязанным к дереву, мучиться от жажды и смотреть, как забрасывают камнями твоего спутника, точно знаю, что на рассвете то же самое сделают и с тобой.

Topreading.ru

— Не так-то это легко, — нехотя признался капитан. — Они отлично знают все здешние колодцы и постоянно кочуют с места на места. Прочёсывать пустыню — дело непростое. Но я надеюсь, что на сей раз мы с ними разделаемся.

— Я не вижу с вами Илкер-бея. — Лицо Карталя приняло озабоченное выражение. — Значит ли это, что с ним что-то случилось?

— Увы, — подтвердил Данте. — Илкер-бея и его слуг убили беглые рабы. И его собственные рабы приняли в этом участие.

— Вот же мрази! — процедил капитан. — Никакой благодарности к собственному хозяину!

Мрази — согласна. Благодарность? А, собственно говоря, было ли за что её испытывать? Впрочем, свои мысли я придержала при себе. И правильно сделала, поскольку моей персоной и без этого заинтересовались.

— А эта рабыня? — сурово спросил капитан, определив мой статус по клейму на руке. — Тоже имеет к ним отношение?

— Нет, — отрезал Данте. — Это моя рабыня, и только благодаря ей мы с моим другом остались живы.

Что ж, во всяком случае, он счёл нужным за меня заступиться. Приятно, когда кто-то помнит добро.

Капитан скользнул по мне ещё одним взглядом, на сей раз скорее заинтересованным, чем суровым, и снова переключил своё внимание на Данте.

— Расскажите, когда вы с ними повстречались и, если возможно, где. Помогут любые ориентиры.

Данте ответил на все вопросы капитана, Ренцо периодически дополнял. Я подумала, что теперь для солдат действительно не составит большой сложности разыскать рабов. Хотя, если те сообразят, чем чреват для них наш побег, и вовремя покинут лагерь… Всё может быть. Признаться, в этой игре я не желала победы ни той, ни другой стороне. У рабов несомненно были все причины для того, чтобы так сильно ненавидеть господ. Но если бы они сами превратились в рабовладельцев… Что-то подсказывало: они оказались бы не менее жестокими хозяевами. Так что, пожалуй, я даже не хотела знать, каким будет итог этого выезда.

Когда расспросы закончились, капитан вежливо попрощался с Данте, Ренцо и Карталем, после чего повёл своих людей вперёд, вглубь пустыни. Мы же в сопровождении нового посланника Селим-паши и его отряда направились в Эльварду, и через два часа уже были в городе.

Ночевать в городе Данте вроде бы не собирался, но на постоялый двор, тем не менее, заехали, чтобы передохнуть, пообедать и сменить верблюдов на лошадей. Путешествие по пустыне подошло к концу.

Ренцо о чём-то договаривался с хозяином постоялого двора, мы же с Данте и Карталем медленно поднимались по лестнице. Мужчина шли впереди, я отставала на пару ступенек. В какой-то момент Карталь обернулся и посмотрел на меня с нескрываемым интересом.

— Так ты говоришь, эта девочка спасла из плена тебя и твоего друга, дон Эльванте? — осведомился он. — Как такое возможно.

Ренцо о чём-то договаривался с хозяином постоялого двора, мы же с Данте и Карталем медленно поднимались по лестнице. Мужчина шли впереди, я отставала на пару ступенек. В какой-то момент Карталь обернулся и посмотрел на меня с нескрываемым интересом.

— Так ты говоришь, эта девочка спасла из плена тебя и твоего друга, дон Эльванте? — осведомился он. — Как такое возможно.

— Они сочли её своей, поэтому не тронули. — Данте говорил медленно, явно нехотя. Он вообще не был любителем поболтать, в отличие как от Илкера, так и, похоже, Карталя. — Она дождалась, когда все уснут, и помогла нам скрыться.

Лаконично и без лишних подробностей. Карталь снова оглянулся. Я опустила глаза. Мне не слишком понравился его взгляд.

— Вам надо как-нибудь её поощрить, — заметил арканзиец. — Такая преданность — редкость. Рабы — как животные. — Он понизил голос, но я всё равно услышала. — Их нужно правильно дрессировать. Поощрять нужное вам поведение, наказывать за ненужное. В последнее время люди разучились правильно воспитывать рабов, и вот результат в наших пустынях. — Он печально вздохнул.

Я стиснула зубы — так, как регулярно делала в начале пути. Нет, бей, или как тебя там, «воспитание» здесь совершенно ни при чём. То, что происходит в ваших пустынях — плод вашего насквозь прогнившего общества, где к людям относятся, как к скоту.

— Ты можешь подарить ей какую-нибудь побрякушку вроде браслета, — продолжил советовать арканзиец. — Можно даже подороже, из тех, о каких рабыни могут только мечтать. Возможно, потратишь лишние деньги, зато, поверь, за это она будет готова целовать твои ноги. И не только ноги, — добавил он с многозначительной усмешкой, такой слащавой, что меня чуть не стошнило прямо на ступеньки. — Впрочем, можно обойтись и без трат, просто отблагодарить её в постели. Кстати сказать, — его улыбка стала ещё более сладкой, — если у тебя не будет времени или настроения, я мог бы посодействовать тебе в этом вопросе. Поверь, она останется довольна.

Я на секунду прикрыла глаза. Замерла, схватившись за перила, чтобы не споткнуться. Нет, я не собираюсь терпеть подобное отношение. Возможно, я проиграю, окажусь в нищете, погибну, но терпеть этого всё равно не стану.

Конечно, изливать свой гнев в обращённых к Карталю словах не имело смысла, и я не стала этого делать.

— С твоего позволения, я сам разберусь, как мне благодарить рабыню, — ответил Данте тем ледяным тоном, каким умел говорить.

Но мне этого было недостаточно. И прежде, чем они направились в комнату, где слуги уже накрыли обед и куда мне вход был заказан, я обратилась к Данте:

— Господин, вы позволите? Всего пару слов.

Данте кивнул.

— Отправляйся в трапезную, Карталь-бей, — сказал он арканзийцу. — Я догоню тебя.

После чего отвёл меня в конец коридора. Карталь, и не подумав последовать совету Данте,

остался на месте, старательно прислушиваясь. К счастью, мы находились на достаточно большом расстоянии, а подойти ближе он всё же не решился.

— Ты обещал отпустить меня, как только я этого захочу, — без обиняков заявила я Данте. — Так вот, я хочу уйти сейчас. Поэтому к тому моменту, когда вы закончите трапезу, меня здесь уже не будет.

— Сандра, сейчас у меня нет возможности говорить, — ответил Данте, ненавязчиво повернув голову в сторону Карталя. — Подожди день или два.

— Мне не нужны разговоры, — отрезала я. — Я просто сообщаю тебе, что ухожу. Желаю удачи в договорённостях с арканзийцами. Это всё.

Я попыталась развернуться и уйти, но Данте крепко схватил меня за руку. Карталь следил за нами с возрастающим интересом. Чуть не приплясывал на месте, но переместиться поближе себе позволить, как видно, всё-таки не мог.

— Нет, это не всё, Сандра, — процедил сквозь зубы Данте, от которого тоже не укрылся повышенный интерес арканзийца. — Я тебя не отпускаю. Сейчас ты пойдёшь в ту комнату, где тебе положено находиться, и останешься там до тех пор, пока мы отсюда не уедем.

— Ты обещал, что отпустишь меня по первому моему слову, — сквозь зубы напомнила я. — Выходит, ты лгал?

— Полагаешь, в тех обстоятельствах у меня были другие варианты? Сандра, разговор окончен. Ты никуда не уходишь и едешь со мной в мой армон. Там мы поговорим. А сейчас я с тобой разговаривать не могу, — прошипел он. Сделал шаг в сторону Карталя, но снова обернулся. — Имей в виду: попытаешься самовольно уйти — я объявлю о побеге рабыни. В этом городе тебя найдут за пятнадцать минут.

Вот теперь он, не оборачиваясь, зашагал к Карталю.

— Рабыня проявляет характер? — сразу же осведомился тот.

— Нужно было уладить кое-какие дела, — разочаровал его Данте, дав нашему разговору столь абстрактное и одновременно тривиальное объяснение.

Эти двое ушли, а я осталась в пустом коридоре. Медленно опустилась на пол, прислонилась спиной к стене. Тело начала бить нервная дрожь. Лжец! Лучше бы он остался там, у «освободителей», и погиб, как Илкер.

Меня передёрнуло от этой мысли. Нет, наверное, всё-таки не лучше. Пусть живёт. А вот мне всё-таки следовало сброситься с той башни. Если бы я получила такую возможность сейчас, я бы не испугалась.

Глава 6

Спустя полтора часа мы выехали с постоялого двора и направились в Галлиндию, до границы с которой, как выяснилось, от Эльварды было рукой подать. По обрывкам чужих разговоров я поняла, что Карталь как представитель Селим-паши взялся подписать нужный договор на территории Данте вместо Илкера. Отряд Карталя пересел на лошадей. Меня спросили, умею

ли я ездить верхом и, получив положительный ответ, выделили лошадь и мне. Карталь, Данте и Ренцо ехали в карете.

Поначалу мне хотелось переговорить с Ренцо. Что, если его точка зрения на исполнение обещаний отличалась от позиции Данте? Но, учитывая разный способ передвижения, равно как и постоянное присутствие внимательных к любым мелочам арканзийцев, такая возможность не появлялась, и вскоре мне стало всё равно.

Постепенно мною овладела апатия. Я с равнодушием отметила, как изменился пейзаж вскоре после того, как мы въехали на территорию Галлиндии. По-прежнему палящее солнце, по-прежнему юг, но здесь уже было значительно больше растительности, чем прежде. Пусть и не такие густые, как на севере, но всё-таки леса. Заросли камышей и кустарников, за которыми угадывались змейки ручьев. Потом дикие места сменились возделанными полями, а те — оливковыми рощами.

Ещё пара часов — и мы выехали к армону. Он тонул в зелени — тоже местной, южной. Я равнодушно отметила большое количество пальм, причём двух разных видов. Одни были сравнительно низкими и «пушистыми», стволы почти полностью скрывались за широченными листьями. Другие — наоборот, высокие и почти полностью голые, лишь по несколько длинных листьев на самом верху. Армон построен из какого-то незнакомого мне серого камня с розовыми прожилками. Кажется, три этажа плюс ещё мансарда, как минимум такое впечатление складывается, если судить по форме крыши и верхним окнам. По размерам — что-то вроде маленького дворца, в духе тех, в которых наши правители любят проводить редкие дни отдыха.

Ещё пара часов — и мы выехали к армону. Он тонул в зелени — тоже местной, южной. Я равнодушно отметила большое количество пальм, причём двух разных видов. Одни были сравнительно низкими и «пушистыми», стволы почти полностью скрывались за широченными листьями. Другие — наоборот, высокие и почти полностью голые, лишь по несколько длинных листьев на самом верху. Армон построен из какого-то незнакомого мне серого камня с розовыми прожилками. Кажется, три этажа плюс ещё мансарда, как минимум такое впечатление складывается, если судить по форме крыши и верхним окнам. По размерам — что-то вроде маленького дворца, в духе тех, в которых наши правители любят проводить редкие дни отдыха.

Мы въехали во двор, один из солдат, спешившись, взял мою лошадь под уздцы. Я тоже послушно спустилась на землю и, когда меня позвал Данте, равнодушно пошла следом за ним.

Мы вошли в армон. Прохладно. Потолки высокие. А сам зал не слишком большой. Впереди лестница. Широкая, но кверху сужается. Солдаты отстали: их собирались расположить в другом здании. Остались только Данте, Ренцо, Карталь и я, явно чужая на этом празднике жизни. А также подоспевшие к прибытию хозяина слуги. Карталя уже провожали вверх по лестнице, вероятно в предоставляемые ему покои. Предварительно они с Данте договорились встретиться через полчаса для подписания договора. Видимо, с таким важным делом тянуть дольше необходимого не хотели.

Данте повернулся ко мне.

— Сандра, нам надо переговорить… — начал было он, но тут к нему подскочил какой-то очень высокий молодой человек в очках и с кипой бумаг, которые он буквально прижимал к сердцу.

— Дон Данте, рад приветствовать вас на родине! — быстро заговорил он. — Прошу меня

простить, но это очень срочно. Вы долго отсутствовали, и у нас накопились дела, в которых совершенно необходима ваша подпись. А главное, полковник Фернандес прибыл полчаса назад со срочным сообщением. Если с подписями можно было бы продолжать, то я боюсь, что полковник…

Юноша, кажется, мог бы долго ещё продолжать, но Данте его прервал.

— Понял, понял, — не без раздражения, но в то же время достаточно благодушно кивнул он.

Снова повернулся ко мне, задумчиво прикусил губу, потом поманил к себе человека лет сорока из местных. По манере себя держать я определила в нём дворецкого и, как вскоре выяснилось, не ошиблась. Данте что-то коротко ему сказал. Видимо, дал распоряжения на мой счёт, во всяком случае, оба в какой-то момент посмотрели на меня. Молодой человек, прижимавший к груди бумаги, умудрился при этом сложить руки в молитвенном жесте, после чего устремил тоскливый взгляд на висевшие справа от лестницы часы.

— Наш разговор состоится, но позднее, — сказал мне Данте, после чего, дав Ренцо знак следовать за ним, поспешил наверх следом за уже взлетевшим по ступенькам юношей.

Ренцо доброжелательно подмигнул мне и тоже зашагал на второй этаж. Дворецкий молча указал направление. Я равнодушно пошла за ним.

Мы вышли в коридор, добрались до другой лестницы и начали спускаться. По-прежнему пребывая в состоянии апатии, я не сразу сообразила, что происходит. Просто бездумно брела туда, куда указывал дворецкий. И только теперь, увидев дверь с решётчатым окошком, подозрительно напоминающую дверь тюремной камеры, заметила следующего за дворецким стражника. На каком этапе он к нам присоединился?!

Не успела я толком испугаться и оказать хоть какое-том сопротивление, как меня затолкнули в камеру и заперли дверь. Я осталась одна в маленькой полутёмной комнате. Кое-какой свет всё-таки проникал через высокое и тоже зарешёченное окошко. Видимо, оно находилось над землёй. На полу — один тонкий матрас. В углу — небольшое углубление в полу, о назначении которого нетрудно догадаться. Больше ничего. Я не стала плакать, нет. Вообще со времени похищения я не проронила ни слезинки. Вместо этого я расхохоталась. Громко и не сдерживаясь. Навзрыд.

Резко перестав смеяться, я бросилась к двери и забарабанила в неё изо всех сил. Никакой реакции снаружи не было, но я её и не ждала. Отступила от двери, а потом, вернувшись, изо всех сил толкнула её плечом. Ещё и ещё.

Конечно, даже в тогдашнем своём состоянии я отлично понимала, что не сумею выбить дверь. А если бы даже сумела, толку от этого было бы немного. Но дело не в этом. Люди думают, что бьющаяся в окно муха безмозгла и потому не понимает, что перед ней — стекло. Но что, если дело совершенно в другом? Что, если она прекрасно понимает, что наружу не выбраться, но просто не хочет продолжать жить в душной закрытой комнате? И предпочитает разбиться о стекло, лишь бы не оставаться запертой в этой ловушке?

Кажется, я разорвала рукав. Кажется, разбила руку в кровь. Один раз даже ударилась головой. Несильно: всё-таки сработал инстинкт самосохранения. Боль немного помогла отключиться от эмоции. А потом они как-то разом схлынули.

Topreading.ru

К тому моменту, когда за дверью камеры зазвучали голоса, я лежала к ней спиной на матрасе и смотрела в стену.

— Если не будешь отпирать быстрее, я оторву твои кривые руки! — Голос Данте звучал приглушённо из-за запертой ещё двери.

Ключи зазвенели как-то очень нервно, и продолжали позвякивать достаточно долго. Наконец, дверь распахнулась. В камеру вошли. Кто именно, я не видела, поскольку продолжала лежать без движения, глядя в прежнюю, произвольно выбранную точку на стене. Уже потом я узнала, что вошедших было трое — Данте, дворецкий и давешний стражник. Именно он так долго боролся с ключами.

— Сандра! — позвал Данте.

Я не пошевелилась.

— Спит? — тихо спросил он, потом подошёл ближе и легонько потряс меня за плечо.

— Сандра!

Я снова никак не отреагировала, но он увидел, что у меня открыты глаза. И не только это.

— Откуда у неё кровь на руке? — Данте распрямился и, судя по звуку его голоса, отвернулся от меня к своим спутникам. — В придачу ко всему ты посмел её ударить?

Кажется, в его голосе прозвучала злость, но я не стала заострять на этом внимание. Какая разница? Я устала от спектаклей. Мне надоели слова. Они всё равно ничего не стоят.

— Я к ней даже не притронулся! — воскликнул, оправдываясь, дворецкий.

— Значит, ты? — На сей раз ледяной тон предназначен стражнику.

— Да вы что! — От волнения тот даже забыл о правилах субординации. — Я ничего ей не сделал! Только дверь запер и сразу ушёл!

— То есть, хотите сказать, она сама себя покалечила? — рявкнул Данте. Но через пару секунд пробурчал себе под нос: — Хотя она, пожалуй, могла бы.

— Вот видите! — поспешил подхватить дворецкий.

— Ты лучше молчи! — гневно отрезал Данте. — Это в любом случае твоя работа! Какого дьявола ты привёл её сюда?

— Я же говорил, дон Эльванди, именно так я понял ваш приказ, — сбивчиво принялся за, видимо, повторные объяснения дворецкий. — Вы сказали временно её куда-нибудь определить. Я подумал, что раз знак дракона…

— Помолчи! — резко осадил его Данте. — Не зли меня ещё сильнее. — Снова повернулся ко мне и мягко позвал: — Сандра!

Я по-прежнему молчала и не шевелилось. Мне было всё равно, хоть ногами бейте.

— Сандра, пойдём отсюда.

Я продолжила смотреть в стену. Это только кажется, что камень однообразный. На самом деле есть разные прожилки, трещинки. Вот одна, похожая на молнию, бежит по стене снизу вверх.

— Ужин для заключённой! — радостно сообщил какой-то новый голос.

Он прозвучал настолько бодро и громко, что бил по ушам. Я даже вздрогнула от неожиданности, впервые хоть как-то отреагировав на происходящее в камере.

— Для заключённой? — холодно повторил Данте.

Что-то в его тоне и взгляде заставило вошедшего мигом растерять бодрость.

— А… я зайду попозже, — осторожно предложил он и, видимо, попытался сразу же выскочить в коридор, поскольку дальше последовал окрик Данте:

— Стоять! — И более ровным голосом добавил: — Принёс ужин — ставь.

Стражник послушно опустил тарелку, наполовину наполненную чем-то невразумительным, на пол, совсем рядом с круглым углублением. Заметив это со своего места краем глаза, я с трудом подавил позыв снова расхохотаться. Можно же было сразу выкинуть содержимое в яму. Зачем пропускать через желудочно-кишечный тракт несчастного заключённого?

— Вон! — коротко бросил Данте после того, как тарелка оказалась на полу, и второй стражник поспешил исполнить приказ.

Уверена, оказавшись снаружи, он вздохнул с облегчением.

— Сандра!

Данте хотел снова потрясти меня за плечо, даже поднёс руку, но, видимо, увидел кровь на разорванном рукаве и передумал.

Что, накормить меня собираешься? Сам ешь эту гадость, если хочешь. А мне и так хорошо. Я не голодна, хотя, кажется, в последний раз ела давно. И пить тоже не хочу. Вообще ничего не хочу.

Зато похожая на молнию трещина по-прежнему притягивает взгляд.

— Так, Сандра, вставай!

Голос Данте зазвучал более настойчиво.

— Сандра, — продолжил он после непродолжительного молчания, — сейчас мы отправляемся в гостиную. Ты пойдёшь сама или хочешь, чтобы я тебя туда отнёс?

Хотя последние слова и прозвучали как угроза, они оказались настолько неожиданными и настолько плохо вписывались в обстоятельства, что я, поморгав, оторвалась от созерцания стены. Ладно, раз уж меня настолько не хотят оставить в покое… Я встала с матраса и с непроницаемым выражением лица медленно вышла из камеры.

Снаружи остановилась, но только потому, что запамятовала, куда идти дальше. Стражник вышел следом, за ним Данте. Дворецкий оказался последним, но Данте неожиданно перегородил ему дорогу.

Topreading.ru

— А ты посиди здесь и подумай, как наперёд принимать решения, — заявил он. — Вон и ужин как раз принесли.

И захлопнул дверь.

Стражник вопросительно посмотрел на хозяина, предполагая, что это всего лишь такая шутка, но тот лишь вопросительно изогнул бровь — мол, чего медлишь? Стражник послушно запер камеру.

— Идём!

Это уже было сказано мне. Тон был вроде и мягче, но споров не предполагал. Равнодушно пожав плечами, я стала подниматься по лестнице вслед за Данте. Потом был коридор, потом вторая лестница — та самая, парадная, сужающаяся кверху. Данте несколько раз оглядывался, но ничего не говорил. Один раз коротко отдал какое-то распоряжение встретившейся по пути служанке. Я не вслушивалась.

Наконец, мы вошли в комнату. Действительно гостиная, но какая-то маленькая. Похоже, гостей принимают обычно не здесь. Впрочем, сколько гостиных в армоне? Наверное, с десяток, если не больше. Эта, видимо, являлась частью личных покоев. Моё предположение подтвердилось, стоило получше оглядеться. Через открытую дверь в соседнюю комнату можно было увидеть край кровати. Не могу сказать, чтобы меня это взволновало. Я осматривалась с прежним равнодушием.

— Сандра! — позвал Данте.

Я подняла на него несколько дезориентированный взгляд.

— Сядь.

Он сам подвёл меня к небольшому двухместному дивану с зелёной обивкой и усадил на мягкое сиденье. Пожалуй, наличие нормальной мебели где-то в глубине души радовало. Кресла, стулья, диваны. А не эти дурацкие ковры, циновки и подушки.

Я послушно сложила руки на коленях. Смотрела в сторону.

Данте опустился передо мной на корточки и поймал мой взгляд.

— Сандра, прости, — сказал он, взяв меня за руки. Аккуратно, за самые кончики пальцев. — Никто не собирался заключать тебя под арест. Это моя вина. Я велел дворецкому где-нибудь тебя разместить. Имел в виду одну из гостевых комнат, а он неверно истолковал мой приказ. Но злого умысла не было. Правда.

Я бесстрастно пожала плечами. Допустим. Вполне вероятно, что так. Какая, в сущности, разница?

— Покажи мне свою руку, — попросил, поднимаясь, Данте.

И уже начал её осматривать, но я резким движением отстранилась. Вот прикасаться ко мне ни к чему. И вовсе не потому, что я боюсь физического насилия. Просто не хочу чужих прикосновений. Довольно в мою жизнь и в моё личное пространство вторгались все, кому не лень.

Данте нахмурился, но настаивать не стал.

— У тебя гусиная кожа, — вместо этого заметил он. — Ты замёрзла.

И снова пожатие плечами. Замёрзла? Не знаю, я вроде бы ничего не чувствую. Хотя это было бы логично: в камере наверняка было холодно. Да, похоже, что замёрзла: руки Данте кажутся горячими, значит, мои, наверное, ледяные.

А он зачем-то снял свой камзол и набросил мне на плечи. Ну вот, теперь я, кажется, работаю вешалкой.

— Я верю, что не было злого умысла, — отсутствующим голосом сказала я, возвращаясь к предыдущей теме разговора. — Что теперь? Куда меня отправят? На кухню? Или, может быть, на конюшню?

Во мне снова стала просыпаться злость. Она пока ещё не проснулась окончательно, скорее так, медленно ворочалась, напоминая о себе. И где-то на краю сознания я чувствовала, что это лучше, чем всепоглощающая апатия.

— Сандра. — Данте вздохнул. — Можно я сяду?

Он указал взглядом на место рядом со мной. Я безразлично передёрнула плечами. Он же здесь хозяин. Так с какой стати спрашивает?

Данте расценил мой жест как согласие и, наверное, был прав. Я и сама не понимала себя сейчас до конца. Он опустился на диван, развернулся ко мне, и снова заговорил.

Данте расценил мой жест как согласие и, наверное, был прав. Я и сама не понимала себя сейчас до конца. Он опустился на диван, развернулся ко мне, и снова заговорил.

— Сандра, — его голос прозвучал сейчас очень мягко, — как ты думаешь, почему я тебя купил? У тебя есть какие-нибудь предположения?

Я в первый раз подняла на него взгляд. Есть ли у меня предположения? О да! По меньшей мере три. Беда в том, что все они противоречат друг другу. Поэтому я высказала совершенно нейтральное предположение:

— Тебе понадобилась рабыня?

Эти слова почему-то вызвали в нём слабую улыбку.

— Нет, Сандра. У меня вообще нет рабов. Видишь ли, я вообще ненавижу рабство. Напрасно ты так удивляешься, — заметил он, видя мой недоверчиво-вопросительный взгляд. — Во-первых, здесь не Арканзия. В Галлиндии многие отрицательно относятся к рабовладельческому строю. Здесь работорговля давно объявлена вне закона, хотя люди по-прежнему могут привозить рабов из-за границы. Но делают это всё реже и реже. А во-вторых, — он немного помолчал, будто не очень хотел вдаваться в подробности, но затем всё-таки продолжил, — моя кормилица была рабыней. И в молодости успела немало настрадаться по этой причине. До того, как попала в Галлиндию. Моя мать умерла очень рано, так что кормилица была очень близким мне человеком. Так что у меня есть свои личные причины быть противником рабства.

— Тогда почему же ты меня купил?

Topreading.ru

— Разве это не очевидно? Потому что не хотел допустить, чтобы тот ублюдок, которому место по меньшей мере за решёткой, а скорее — на виселице, тебя убил.

— Ты спасаешь так всех рабов? Выкупая их на деньги из собственного кармана?

Данте усмехнулся, уловив мой сарказм. Я всё ещё ему не верила, точнее сказать — не знала, верить или нет, и он это понимал.

— Нет, — признал он. — Я не такой альтруист. И вообще далеко не ангел, как ты верно заметила. Но не всех рабов пытаются убить прямо у меня на глазах. А кроме того, — он задумчиво сощурил глаза, глядя в сторону, будто что-то вспоминал, — не скрою, мне понравилось то, как ты себя повела. Совершенно безрассудно и при этом решительно. Неготовая расстаться с человеческим достоинством. Тот пират был уверен, что ты целиком и полностью в его власти; ты же манипулировала им, заставив поступать именно так, как хотела ты. Ты могла бы притвориться покорной, а потом использовать эту способность к манипуляции, чтобы возвыситься над другими рабами. В рабовладельческом обществе таким образом можно подняться очень высоко. Но ты не захотела идти таким путём, и это мне тоже понравилось.

Я смотрела на него, чувствуя себя сбитой с толку, и не знала, верить или нет.

— Я совершенно случайно оказался на невольничьем рынке, — сказал Данте. — Там просто лежал кратчайший путь к таверне. Я не собирался никого покупать. И в том, что я тебя выкупил, не было ровным счётом никакого меркантильного интереса.

В дверь постучали, словно специально для того, чтобы дать мне время собраться с мыслями. В комнату вошла служанка, принесшая на подносе кубок с каким-то напитком.

— Пунш, как вы и велели, дон Данте.

Она поднесла было напиток ему, но он кивнул в мою сторону. Служанка поставила поднос на маленький столик, совсем крохотный (поднос занял его целиком). С лёгкостью приподняла столик и поставила его напротив меня. Присев в реверансе, удалилась.

— Пей, — посоветовал Данте. — Согреешься.

Я подняла на него затуманенный взгляд и впервые почувствовала, что мне действительно как-то зябко. Камзол помогал недостаточно, поскольку был всего лишь наброшен на плечи, а не застёгнут на все пуговицы.

Взяла кубок и сделала осторожный глоток. Напиток был, как и положено, горячим. Вино, или даже несколько разных вин, какие-то пряности и фруктовый привкус. Организм действительно начал прогреваться. Я отпила ещё.

Когда количество жидкости в кубке уменьшилось вдвое, я вернула его на столик и всё-таки задала свой вопрос.

— Если всё так, как ты говоришь, почему ты не мог мне этого объяснить? Почему делаешь это только сейчас?

— Ну, первое время я полагал, что ты не знаешь языка, — напомнил Данте.

— То, что у тебя нет злых намерений, можно протранслировать и другими способами. — Я отказалась принимать вину на себя.

— Можно, — согласился Данте. — Но была и другая проблема. Я ведь намекнул тебе на это в Бертане. Мы постоянно находились под присмотром арканзийцев. Ты достаточно наблюдательна и не могла этого не заметить. Сандра, я отправился за границу не просто так. На протяжении многих лет арканзийцы регулярно совершали налёты на наши земли. Я молчу об экономических убытках, но при этом гибли люди. Я долгое время вёл переписку с Селим-пашой, пока, наконец, мы не достигли некой потенциальной договорённости. Дальше была необходима встреча, а затем и составление письменного соглашения.

Слушая, я машинально взяла кубок и постепенно допила пунш. Попутно сопоставляла рассказ Данте со своими собственными выводами, основанными на той обрывочной информации, которую мне удалось собрать в дороге. Теперь восполняла пробелы и исправляла неточности.

— Дело было настолько важным, что мне пришлось самолично отправляться в Арканзию, — продолжал Данте. — Ни с кем другим переговоры вести бы не стали. Брать с собой большой отряд я не счёл целесообразным. На их территории численный перевес в любом случае оказался бы на их стороне. При этом арканзийцы восприняли бы такой поступок с моей стороны как выражение угрозы, и отреагировали бы соответственно. Поэтому я взял с собой только Ренцо. И в целом всё прошло успешно. Но с этими людьми ни в чём нельзя быть уверенным окончательно, до тех пор, пока на листке не поставлена самая последняя подпись. Видишь ли, Сандра, это юго-восток. Там очень многое отличается от того, к чему ты привыкла на севере. Да и от нашей галлиндийской ментальности тоже. Среди прочего на востоке ценят силу. Зачастую ценят выше, чем справедливость и тем более честность. Честность с их точки зрения вообще важна лишь между «своими». Обмануть чужого можно и зачастую даже почётно. Но я сейчас не о том. С позиции арканзийца, заключать договор можно только с сильным союзником. Это одно из главных условий. Если потенциальный союзник проявляет слабость, от него с лёгкостью избавляются. И дальше заключают союз с более сильным человеком, который приходит на смену. Либо не заключают вовсе. Понимаешь, что это означает?

— Догадываюсь, — кивнула я. — Если бы ты проявил слабость, арканзийцы с лёгкостью избавились бы от тебя и разорвали договор, который так и не был заключён до конца.

— Совершенно верно, — одобрительно хмыкнул Данте.

— Значит, ты ходил по лезвию ножа, — заметила я. Он хмыкнул: я явно не сообщила ему ничего нового. — Мало ли что взбрело бы в голову этим людям. И что они восприняли бы как слабость, учитывая разницу в менталитете.

— Справедливо, — подтвердил Данте. — Однако помогало то, что я неплохо знаю их менталитет. И одну вещь я знаю точно, — очень серьёзно продолжил он. — Сострадание к рабу является в Арканзии признаком слабости.

Я опустила глаза, делая выводы. Данте внимательно на меня смотрел, наблюдая за реакцией.

— Я не мог напрямую протранслировать свои намерения, — проговорил он, увидев, что я уже сумела сложить два и два. — Если бы меня решили убрать — а такие решения принимаются на востоке очень легко, — то убили бы и тебя, и Ренцо. А на приграничные земли продолжились бы набеги, в ходе которых гибнут десятки людей. Лучше от этого не было бы никому. Я знаю, что тебе пришлось нелегко, Сандра. Но, к сожалению, у меня были связаны руки. Ренцо мог позволить себе чуть больше как подчинённый, и он пользовался этой возможностью. Но и его свобода действий была существенно ограничена.

Я вспомнила намёки, которые Данте делал в своё время касательно Илкера. Вспомнила навязчивое присутствие Карталя. То, насколько по-разному Данте вёл себя со мной в присутствии арканзийцев и когда мы остались в Бертане один на один.

— И несмотря на это ты спасла нам с Ренцо жизнь, — добавил он, аккуратно взяв мою руку в свою. — Хотя на тот момент имела все основания считать нас своими врагами. Если ты думаешь, что я об этом забыл, ты сильно заблуждаешься.

Я пожала плечами, глядя в пол. Я не считаю своими врагами людей, которые уступают мне свою постель. Но дело не в этом.

— Так ты отпустишь меня? — тихо задала я свой самый главный вопрос. Тот, на фоне которого меркли все остальные неясности, ошибки и недоразумения.

Данте запрокинул голову и тяжело вздохнул. Сердце ёкнуло и упало куда-то вниз: ответ был понятен без слов. Выпустив мою руку, Данте встал с дивана и прошёлся по комнате.

— Сандра, как я уже сказал, мне не нужны рабы. Так что, поверь, я отпустил бы тебя хоть сегодня, как ты говорила, на все четыре стороны. Но дело не во мне. Ты ведь знаешь, что я при всём желании не в силах избавить тебя от этого?

Он указал на украшавшего мою руку дракона. Я мрачно кивнула. Да, это было мне известно.

— Никто не может, — подтвердила я.

— Увы. Магию камней научились использовать для того, чтобы ставить клеймо. Но никто не умеет его снимать. Обыватели, конечно же, нашли этому объяснение. Дескать, боги решают, кому быть рабом, а кому нет. И человек — в том числе и хозяин раба — не вправе идти против их воли. Сам я не склонен искать объяснения в области сверхъестественного. Полагаю, люди просто не научились сводить такие знаки. Впрочем, факт остаётся фактом: как правило, клеймо передаётся по наследству, но иногда дети рабов рождаются с нетронутой кожей. И в этом случае решение принимается безоговорочно: ребёнок получает статус свободного человека. — Он потряс головой, почувствовав, что зашёл сейчас в совершенно ненужные дебри. — Всё это означает одно: я могу тысячу раз тебя отпустить, но в глазах людей ты останешься рабыней. Да, я нарушил слово, не дав тебе уйти в Арканзии, как ты того хотела. Но что бы произошло, поступи я иначе? Рабыню, путешествующую без хозяина, задержали бы очень быстро. В лучшем случае первый встречный рабовладелец попросту забрал бы тебя себе, и кто знает, каким человеком он бы оказался.

Признаться, меня передёрнуло при мысли об этой перспективе. Я почему-то не подумала о такой возможности, а ведь сейчас она прозвучала совершенно логично. Что делает прохожий, если обнаруживает на дороге чужую собственность, скажем, кошель с монетами? В редких случаях пробует найти хозяина. Но чаще всего забирает кошель себе. Кошель или что-нибудь другое, что плохо лежит. В данном случае «плохо лежала» бы я.

— Что же тогда в худшем случае? — пробубнила я, глядя в сторону.

— В худшем ты попала бы в руки властей, — ответил Данте. — Тогда тебя могли бы казнить как беглянку. Поэтому отпустить тебя на территории Арканзии я не был готов ни при каких условиях. Именно потому, что ты спасла мне жизнь. В Галлиндии дело обстоит несколько иначе. Как я уже говорил, здесь не слишком жалуют рабство. Работорговля запрещена, а у рабов, привозимых из-за границы, значительно больше прав, чем всё в той же Арканзии. Но ситуация всё равно далека от совершенства. Раб остаётся рабом, и путешествовать в одиночку

с клеймом чревато серьёзными неприятностями. Во-первых, здесь проживает много арканзийцев, а об их отношении к рабам тебе известно. Да и среди местных отношение встречается всякое. Есть люди, которые считают, что по отношению к рабу, тем более рабыне, можно позволить себе то, что недопустимо со свободным человеком. Да, здешние суды не относятся к рабу как к вещи, но прав у свободных людей всё равно больше. И расклад «слово свободного против слова раба» редко решается в пользу последнего. Был не один случай, когда преступники пытались повесить всех собак на ни в чём не повинного человека с клеймом. Нередко им это удавалось, хотя в последнее время ситуация и начинает меняться к лучшему. Два таких дела получили большой резонанс.

Хмурясь, он снова прошёлся взад-вперёд по комнате, хрустнул костяшками пальцев.

— Сандра, я буду говорить прямо: риск попасть в беду с драконом на руке очень велик и в Галлиндии. А я не хочу, чтобы ты попала в беду.

По мере того, как он говорил, мои плечи опускались всё ниже и ниже. Нет, на сей раз я верила Данте. Зачем ему было лгать? Ведь проверить правдивость его рассказа было проще простого, достаточно совсем немного поговорить с кем-нибудь из местных.

Данте подошёл ко мне и опять присел на корточки напротив.

— Поэтому я хочу предложить тебе решение, — сказал он.

Я подняла на него скептический взгляд. Какое тут может быть решение?

— Ты останешься в моём армоне, — продолжал Данте. — Выберешь себе занятие по вкусу. Всё, что захочешь. Армон большой, вариантов много. Будешьполучать жалованье, соответствующее твоей должности. И станешь жить жизнью, ничем не отличающейся от жизни свободного человека. Делать выбор за тебя я не собираюсь, но успел немного над этим подумать. Специалист по теоретической магии здесь, к сожалению, не требуется, но есть сферы, где твои знания вполне могли бы пригодиться. К примеру, здесь есть группа лекарей, которые, помимо лечения больных, проводят эксперименты, изобретая новые способы врачевания. Они пользуются для этих целей магическими камнями, и консультации специалиста наверняка придутся им очень кстати. Есть советники по международным связям, им всегда не хватает людей, знающих иностранные языки. Кроме того, вакантна должность Архивариуса.

— Архивариуса? — невнятно пробормотала я. — А в чём она заключается?

Язык заплетался, отражая тем самым хаос, творившийся сейчас у меня в душе. Когда Данте начал говорить о занятии по вкусу, я, признаться, подумала о таких опциях, как мытьё полов, приготовление пищи и прополка грядок. Поэтому когда Данте внезапно заговорил о квалифицированной, профессиональной работе, я подняла голову, расширила глаза и, кажется, даже приоткрыла рот от удивления. И никак не могла понять: радоваться мне, продолжать сетовать на судьбу или просто вылить себе на голову ведро холодной воды. Последнее, пожалуй, было бы наиболее уместным.

— В армоне есть архив, — охотно принялся объяснять Данте. — Он совмещён с библиотекой. Там хранятся документы, много книг — в том числе по теоретической магии, — и даже кое-какие артефакты, сделанные на основе магических камней. Правда, все они давно вышли из использования и особой ценности не представляют, за исключением исторической. Но, быть может, и научной тоже. Время от времени мне бывает нужно просмотреть те или иные документы, либо отрывки из определённых книг; и то, и другое может оказаться как на арканзийском, так и на других языках. В частности там есть литература на твоём родном

языке, и ещё на иртонском. Ты знаешь иртонский?

— Да, — кивнула я, всё ещё реагируя на окружающий мир так, словно видела его сквозь пелену тумана. — Мы в университете изучали.

— Отлично. Правда, поскольку архив совмещён с библиотекой, на Архивариуса также падают чуть более тривиальные обязанности — помогать с выбором книги тому, кто хочет взять себе что-нибудь почитать. Но, скажу тебе прямо, такие люди заходят туда нечасто. Те же, кто читает регулярно, уже сами отлично всё там знают. В свободное время ты запросто могла бы заниматься научной работой — если, конечно, захочешь. А если со временем надумаешь сотрудничать с каким-нибудь университетом, я тоже не стану возражать.

— Подожди. — Я остервенело потрясла раскалывающейся головой. — С каким университетом? Я же рабыня, и ты сам сказал, что даже в Галлиндии мои права более чем ограничены.

Данте улыбнулся, сел рядом и положил ладонь на мою руку, разом скрывая от глаз знак дракона. Это прикосновение не напугало; почему-то наоборот стало спокойно и тепло.

— Сандра, сразу видно, что ты жила в обществе, слишком далёком от рабства. Ты просто плохо представляешь себе, как тут всё работает. Даже в Арканзии раб может очень высоко подняться в доме своего хозяина. Иные рабы во дворцах имеют большую власть, чем свободные и могущественные визири. Их уважают, перед ними склоняют головы, все их приказы выполняются неукоснительно. В Галлиндии же раб может продвинуться и за пределами хозяйского дома. Не так давно один человек с клеймом раба даже попал в парламент. Главный лекарь местного лазарета — тоже раб. Получивший высшее образование и имеющий многолетнюю успешную практику. Но за каждым из них стоит хозяин. Который поддерживает его и обеспечивает защиту. Видишь ли, козни, интриги, борьба за власть — всё это в равной мере грозит как свободному, так и рабу. Но у раба намного меньше шансов победить в такой войне — если за ним, опять же, не стоит хозяин. Свободный человек, обладающий достаточной властью. Так что можешь не сомневаться. Если в перспективе захочешь работать с каким-нибудь музеем и университетом, у тебя появится такая возможность.

Я с силой потёрла виски, всё ещё смотря перед собой несколько ошалело. Потянулась к кубку, но оказалось, что он уже опустел. Как-то сама не успела заметить, как выпила всё до последней капли.

— Я прикажу принести ещё, — сказал Данте и позвонил в колокольчик прежде, чем я успела отказаться.

Пока он отдавал распоряжения явившейся на зов служанке, я пыталась думать, но мысли путались.

— У тебя есть какие-нибудь предпочтения? — спросил он, вновь садясь рядом. — Что-нибудь из того, что я перечислил? Или другие мысли? Ты не должна решать сразу, можешь сначала просто пообвыкнуться и присмотреться к тому, что есть в армоне.

— Архивариус, — негромко проговорила я. — Это звучит наиболее…подходяще.

Тут мне не требовалось задумываться. Иметь возможность закрыться в библиотеке казалась сейчас самым что ни на есть лучшим вариантом.

— Я почему-то так и подумал, — кивнул Данте. — И ещё одно. Если захочешь — а я думаю, ты захочешь, — мы можем составить письменный договор.

— Договор? — удивилась я. Мозг действительно был готов взорваться. — Разве может быть договор между… — было не очень легко выговорить эти слова, — …между хозяином и рабом?

— Ещё как может, — просветил меня Данте. — В Галлиндии, конечно, не в Арканзии. Но здесь законы на этот счёт строги. Если подписал договор — изволь его соблюдать. Как ты сама понимаешь, такие документы ограничивают исключительно права хозяина.

Понимаю. Конечно, ведь права раба ограничены по определению.

— Так вот, — продолжал Данте, — если захочешь, мы можем подписать договор, согласно которому твои обязанности в этом армоне ограничиваются работой Архивариуса, с соответствующим профессии и квалификации жалованьем. После этого я, даже если захочу, не смогу заставить тебя делать что-либо другое. Даже если слягу с тяжёлой болезнью и попрошу стакан воды мне подать, ты сможешь бодро помахать у меня перед носом бумагой и сказать: «Обойдётесь, дон Данте, много пить вредно».

Из моей груди вырвался нервный смешок. Данте тоже улыбнулся.

— Это настолько близко к свободе, насколько возможно, Сандра, — мягко сказал он затем.

Смятение по-прежнему преобладало в моём взгляде над прочими эмоциями и, видимо, Данте принял его за недоверие, поскольку пересел за небольшой письменный стол со словами:

— Я могу набросать этот документ прямо сейчас.

Стук в дверь возвестил о возвращении служанки с очередным кубком.

— Это для доньи Эстоуни, — сказал Данте, не отрываясь от своего занятия: он уже писал что-то на листе бумаги.

Служанка поставила кубок на уже стоявший возле дивана столик и удалилась.

— Доньи? — напряжённо переспросила я.

— А как ты думала? — изобразил удивление моей непонятливостью Данте. — Ты — Архивариус высокой квалификации. Состоишь на уважаемой должности в армоне. Это автоматически присваивает тебе титул доньи.

— Даже… — Я приподняла было левую руку.

— Даже несмотря на это, — перебил меня Данте, не глядя. — Я же говорил: клеймо — не препятствие для высокого статуса. И относиться к тебе будут соответственно, можешь мне поверить. Ну вот, готово. — Он поставил размашистую подпись внизу листа. — Если не хочешь, можешь забрать с собой и пока не подписывать. В сущности это ограничивает меня, а не тебя.

— Даже… — Я приподняла было левую руку.

— Даже несмотря на это, — перебил меня Данте, не глядя. — Я же говорил: клеймо — не препятствие для высокого статуса. И относиться к тебе будут соответственно, можешь мне поверить. Ну вот, готово. — Он поставил размашистую подпись внизу листа. — Если не хочешь, можешь забрать с собой и пока не подписывать. В сущности это ограничивает меня, а не тебя.

Данте подошёл и протянул мне бумагу. На ней было написано точно то, что он и говорил. Договор между доном Данте Эльванди и доньей Сандрой Эстоуни. Должность Архивариуса.

Жалованье. Никаких других обязанностей. И подпись.

Я уже не читала, лишь тупо смотрела на текст, и даже не сразу поняла, что на глазах выступила пелена слёз. Листок стал расплываться перед глазами. А потом я зарыдала.

— О нет, — пробормотал Данте, вставая с дивана.

Вернулся, сделав круг по комнате. Теперь, по прошествии времени, я знаю: как человек, скупой на прилюдное выражение собственных чувств, он плохо представлял, как вести себя с женщиной, эмоции которой до такой степени взяли верх. Впрочем, на тот момент мне было не до размышления над его реакцией. Слёзы словно прорвали плотину, и я даже не пыталась их остановить: слишком безнадёжным было это занятие.

Данте осторожно положил руку мне на спину.

— Ну, тише, — пробормотал он, не слишком представляя себе, что ещё сказать. — Всё плохое уже закончилось.

Эти слова заставили меня разрыдаться ещё сильней. Сама не знаю, как и в какой момент это произошло, но вскоре оказалось, что Данте прижимает меня к себе, легонько поглаживая по спине, а я рыдаю ему в рубашку. Некоторое время спустя рыдания стали чуть слабее, и я начала, глотая слёзы, рассказывать. Как приехала из центра города, где жила в последние годы, в свой старый дом на окраине, поближе к морскому побережью. Как из-за загораживавших обзор гор выплыло и быстро причалило несколько пиратских кораблей. Как на улицах началось светопреставление — горели не просто дома, а целые районы, а люди один за другим погибали от пиратских мечей. Потом часть нападавших ринулись глубже в город, другие же, набрав пленных, рванули обратно к кораблям.

Рассказывала о тех криках и панике, что царили на судне, когда нас загоняли в трюм. О крупном камне, который казался раскалённым, когда его насильно прижали к моей руке. Как я завыла от боли, которая, правда, очень быстро прошла, а потом увидела на руке клеймо, которое никогда уже нельзя будет снять. Про раненую девушку, которую выбросили за борт.

Когда я закончила говорить, слёзы хлынули с новой силой.

— Ш-ш. — Данте снова прижал меня к себе, и я продолжила рыдать в безнадёжно вымокшую рубашку. — Ты очень сильная девочка. Всё закончилось. Ты в безопасности.

Постепенно я перестала плакать, лишь изредка всхлипывала, по-прежнему уткнувшись ему в грудь. Данте вдруг взял меня на руки, поднялся с дивана и пошёл в спальню. Не успела я испугаться, как он уже уложил меня на кровать и укрыл одеялом.

— Эту ночь поспишь здесь, — сказал он. — В свои новые покои переберёшься завтра.

— А ты? — нахмурилась я, хотя в мягкой постели глаза сразу же начали слипаться.

— А я уже привык, — усмехнулся он. — К тому же должен ведь я компенсировать тебе недоразумение с дворецким. Будем считать, что с позиции среднего арифметического, тебя приняли, как положено.

— Ладно, — согласилась я, сонно обнимая подушку и слегка обнаглев от усталости. За окном давно стояла ночь. — Если мне что-нибудь понадобится, я пришлю тебе «птичку».

И практически мгновенно уснула. Только успела почувствовать, как мне поудобнее подоткнули одеяло.

Глава 7

Проснулась я утром от того, что солнечный луч беззастенчиво проник в комнату сквозь брешь, оставленную не до конца задёрнутой гардиной. Луч яркого южного солнца, палящего и обжигающего, но одновременно дарящего свет и жизнь. Солнце, под которым мне предстояло научиться существовать.

Я долгое время лежала на спине, вытянув руки поверх одеяла, и думала. Не пыталась прийти к определённым выводам, не стремилась ни в чём себя убедить. Просто раскладывала по полочкам ту информацию, что обрушилась на меня вчерашним вечером. Вчера было только ошеломление. Сегодня способность мыслить возвратилась. Сон сделал своё дело, предоставив мозгу возможность самостоятельно рассортировать новые факты и пристроить их среди прочих знаний. Теперь оставалось лишь медленно пройтись мимо полок и всё как следует рассмотреть.

Самое главное и судьбоносное: похоже, у меня появился шанс на нормальную жизнь. Конечно, не лёгкую. Я в чужом мире, который по-прежнему кажется мне враждебным. Мой собственный мир остался далеко и, вполне вероятно, сожжён и разграблен. А здесь — чужой язык, чужие люди, даже солнце чужое. И мне, несомненно, придётся регулярно сталкиваться с недоверием и презрением, потому что я — чужая и ношу клеймо. Придётся отстаивать своё право на уважение и человеческое достоинство. Но с этим я справлюсь, а по-настоящему лёгкой жизнь не была и раньше. Главное, что это право у меня есть. И скоро появятся занятия и цели, пусть пока незначительные, пусть сиюминутные, но это уже помогает жить, а не выживать.

Негромкий стук в дверь заставил меня вздрогнуть и как-то разом припомнить, что я нагло расположилась в чужой постели. Я тут же обратила внимание, что кровать очень большая, на такой и трое с лёгкостью поместятся. Постель мягкая и уютная. И матрас необыкновенно удобный. Интересно, чем они их здесь набивают?

— Сандра? — спросили снаружи. — Ты не спишь?

Голос Данте звучал не слишком громко, чтобы не разбудить меня в случае, если я ещё не проснулась.

— Нет, — поспешила ответить я.

Быстро села на постели, хотела закутаться в одеяло, потом сообразило, что так и проспала всю ночь в платье, так одежда моя потрёпана, но относительно пристойна. Соскочила с кровати и стала поспешно причёсываться при помощи пальцев. Результат наверняка нулевой, но мысль о том, чтобы поискать здесь гребень, в голову даже не пришла.

— К тебе сейчас зайдёт горничная, — сказал, не открывая двери, Данте, а потом выходи завтракать.

Я чуть-чуть успокоилась, поняв, что он не войдёт прямо сейчас. И напряглась, поняв, что мне предстоит столкнуться один на один с незнакомым человеком. Из местных.

Но горничная вошла, сказала «Доброе утро, донья» и поставила на прикроватный столик кувшин с тёплой водой. Потом выудила откуда-то таз, помогла мне умыться и вручила мягкое и

почему-то тёплое полотенце. Спросила, нужно ли мне что-то ещё, я ответила, что гребень, и она извлекла оный из глубокого кармана своего передника. Видимо, там хранилось много всего полезного. Потом служанка присела в коротком реверансе и удалилась, а я, собравшись с духом, вышла в соседнюю комнату.

Со вчерашнего вечера не изменилось ничего, кроме двух вещей. Во-первых, на диване — не том, где мы разговаривали с Данте, а втором, более длинном, — лежала постель. У себя дома он как минимум устроился с большими удобствами, чем на постоялом дворе. Во-вторых, сейчас здесь был накрыт стол.

Сам Данте выглядел бодрым и свежим и одновременно имел более домашний вид, чем тот, к которому я привыкла. Волосы слегка влажные после утреннего умывания, ворот рубашки распахнут, рукава закатаны, на ногах — домашняя обувь, не такая крепкая и тяжеловесная, как для выезда.

Данте жестом указал мне на стол, и я молча присела на один из стульев. Столешница была уставлена тарелками с всевозможными традиционно утренними блюдами и закусками. Я даже задумалась, могла ли всё это принести одна горничная, или постарались сразу несколько слуг.

Любопытно было и то, как вполне привычная мне еда, весьма распространённая на севере, сочеталась здесь с типично южной, столь характерной для Арканзии. С одной стороны, самый обыкновенный омлет, булочки с джемом, овощи вроде огурцов и помидоров. С другой — арканзийский плоский и круглый хлеб, немного напоминающий лаваш, и множество маленьких тарелочек с совершенно незнакомыми мне салатами, многие из которых оказались непривычно острыми. В качестве запивки — лёгкое галлиндийское вино. Эта страна вообще славится на весь мир своими красными винами, уж очень хорошие у них здесь виноградники. Так мне, во всяком случае, приходилось слышать.

— Как спалось? — спросил Данте, усевшись справа от меня (стол был квадратный, рассчитанный максимум на четырёх человек).

Взял булочку, разрезал её вдоль и стал неспешно намазывать одну половину джемом.

— Отлично, — честно сказала я и почему-то сразу же ощутила от этого признания чувство вины, заставившее прикусить губу.

Я ведь всё-таки спала в чужой постели.

— А тебе? — осторожно спросила я и покосилась на застеленный диван.

— Превосходно, — ответил он. — Ненавижу постоялые дворы. Разбитые посреди пустыни шатры — тем более.

Я понимающе кивнула. Трудно было не согласиться. Только мне хотелось ещё добавить к списку битком набитый трюм посреди неспокойного моря.

Последовав примеру Данте, я начала завтрак с характерных для севера блюд. Никакого желания приобщаться к кулинарной культуре Арканзии — равно как и к чему бы то ни было арканзийскому — у меня не было.

— Доброе утро!

Широко распахнувшаяся дверь, громкое и бодрое приветствие Ренцо всколыхнули спокойную

атмосферу комнаты, как лёгкий весенний ветерок, врывающийся в торжественность застывшего поутру леса.

Ренцо вошёл в покои, ничуть не беспокоясь о таких мелочах, как правила этикета, я бы сказала, по-свойски. Как я успела выяснить, он исполнял в армоне роль кастеляна, то есть являлся здесь вторым человеком после Данте. Но после нашего совместного путешествия нетрудно было понять, что этих двоих связывали не только сугубо рабочие отношения.

При виде меня Ренцо тем не менее резко остановился и многозначительно присвистнул.

— Ого! — воскликнул он, нисколько не смущённый. — Я вижу, кто-то не терял времени даром. — Одобрительный взгляд в сторону Данте. — Хотя… — Теперь взгляд скользнул по дивану, затем закономерно перешёл на приоткрытую дверь в спальню. — Беру свои слова назад: похоже, ничего интересного здесь всё же не происходило.

— Соблюдай приличия, — поморщился Данте. — Предоставь девушке возможность спокойно освоиться.

Я же с удивлением обнаружила, что слова Ренцо нисколько меня не смутили. Возможно, на интерес других людей к той же теме я бы отреагировала совершенно иначе. Но в легкомысленном исполнении кастеляна весь монолог прозвучал вполне безобидно.

— А что тут такого? — Ренцо беззаботно пожал плечами и подмигнул мне. — Постелей две, спали вы по отдельности, стало быть, и я ничего зазорного не сказал.

— Почему ты так в этом уверен? — Склонив голову набок, я с лёгкой усмешкой посмотрела на кастеляна. — Может быть, мы спали вместе, сначала здесь, а потом там?

Я кивнула сперва на диван, а затем на дверь в спальню. Данте в первый раз за утро ухмыльнулся, как мне показалось, одобрительно, хотя и не без удивления.

— Ну что ж, если так, завидую чёрной завистью, — развёл руками он, кажется, и не думая принимать мои слова за чистую монету.

Не дожидаясь приглашения, Ренцо легкомысленно плюхнулся на стул слева от меня.

— Как спалось? — поинтересовался у него Данте.

— Хорошо, но мало, — отозвался Ренцо, принимаясь намазывать какую-то зелёную массу — из южных салатов — на круглый хлеб. — Пришлось основательно поработать. Официально заявляю, что твой личный секретарь — зануда, каких мало! — Официальное заявление прозвучало не слишком внушительно, поскольку было сделано с набитым ртом. — Зато я уже избавил тебя от арканзийцев, — добавил он, дожевав.

Я хотела спросить, уж не при помощи ли яда, но предпочла промолчать. Кажется, моего предыдущего выступления для начала более чем достаточно.

— Что, так рано? — нахмурился Данте.

Впрочем, он выглядел удивлённым, но никак не расстроенным.

— Что ж поделать, если эти ребята рано встают, — развёл руками Ренцо. — К тому же они страшно спешили продемонстрировать свой документ паше.

— Ты должен был меня разбудить, — проворчал Данте. — Ещё не хватало, чтобы Карталь почувствовал себя оскорблённым.

— Не учи меня политике, — отмахнулся Ренцо. — Я был сама любезность. Зная, как сильно кое-кто «любит» рано вставать, в красках расписал ему ту массу неотложных дел, которая свалилась на голову несчастного дона Эльванди и буквально-таки погребла его под своим весом. Думаю, они до сих пор под впечатлением, роняют в пути слёзы по твоему загубленному отдыху. Наверняка даже джамали плачут скупыми джамалевыми слезами.

— Наверняка, — кивнул Данте. — Особенно учитывая, что арканзийцы уехали на лошадях.

— Вот потому джамали и плачут, — не моргнув глазом, нашёлся Ренцо.

— Странно. Я бы на их месте радовался.

— Ты не любишь, когда на тебе ездят арканзийцы? — изобразил удивление кастелян.

— Я вообще предпочитаю, чтобы в моём окружении было как можно меньше арканзийцев, — вполне серьёзно отозвался Данте. — Без них меньше шума и меньше интриг. Так что уехали — и слава Богу.

— А как же законы гостеприимства? — весело попенял Ренцо.

— Я предпочитаю гостей с севера.

Я сосредоточилась на еде, делая вид, будто не заметила намёка на себя в последних словах.

— Я вообще предпочитаю, чтобы в моём окружении было как можно меньше арканзийцев, — вполне серьёзно отозвался Данте. — Без них меньше шума и меньше интриг. Так что уехали — и слава Богу.

— А как же законы гостеприимства? — весело попенял Ренцо.

— Я предпочитаю гостей с севера.

Я сосредоточилась на еде, делая вид, будто не заметила намёка на себя в последних словах.

— Дворецкого выпустили? — сменил тему Данте, потянувшись к очередному блюду.

На сей раз он, как и Ренцо, сделал себе бутерброд из арканзийской пищи, только салат выбрал не зелёный, а красный. Из перца, наверное. Я решилась тоже попробовать.

— Да, сегодня утром, — со смешком подтвердил Ренцо. — Я отправил его первым делом проследить за подготовкой покоев для Сандры.

Я чуть не подавилась от такой новости.

— То есть мне теперь ожидать сюрприза вроде змеи за каждой диванной подушкой? — мрачно поинтересовалась я.

Это предположение заставило кастеляна громко рассмеяться. Данте тоже улыбнулся, но более сдержанно.

— Полагаю, вам смешно, потому что речь идёт не о ваших подушках, — пробормотала я.

И осторожно проследила за их реакцией. Во мне боролись сейчас противоположные чувства: с одной стороны, в такой непринуждённой обстановке хотелось раскрепоститься; с другой, я всё-таки помнила, что мой нынешний статус несоизмеримо ниже статуса остальных присутствующих. Да что там нынешний! С Ренцо я бы за счёт своего высшего образования и профессиональной карьеры ещё поспорила, но до аристократа уровня Данте мне и раньше было чрезвычайно далеко.

Мои слова заставили собеседников лишь рассмеяться ещё веселее, что послужило аргументом в пользу раскрепощения.

— Сандра, ты примерно представляешь себе, насколько сложно получить место дворецкого в таком армоне, как этот? — поинтересовался Ренцо. — И насколько легко его потерять? Поверь, сам дворецкий представляет себе это очень хорошо. И отлично понимает, что если с комнатами хоть что-то будет не так, в случайное совпадение никто не поверит.

Я промолчала, хоть и не разделяла оптимизма Ренцо. Если дворецкий — человек мстительный, то он найдёт способ отыграться. Впрочем, это уже мои проблемы. И по сравнению с недавними они не так уж велики.

— Я солидарен с Ренцо, — спокойно заметил Данте. — Дворецкий навряд ли тебя потревожит. Но если возникнут какие бы то ни было недоразумения, извести меня немедленно.

— Или меня, — вклинился Ренцо. — Впрочем, я и сам за ним присмотрю. Ну как, вы что-нибудь решили? — спросил он, отпив кофе из фарфоровой чашки, значительно более крупной, чем те, в которых подавали этот же напиток в арканзийской таверне.

Я не была уверена, что он имеет в виду, но моего ответа и не ждали.

— Да, — сказал Данте, на мгновение положив руку мне на плечо. — Отныне Сандра занимает в армоне должность Архивариуса. Вчера я поставил свою подпись на соответствующем контракте.

— Значит, Архивариус, — покивал Ренцо, и его задумчивый взгляд посерьёзнел. Впрочем, совсем ненадолго. — Готов поспорить, что число любителей чтения в армоне в ближайшее время повысится, — озорно подмигнув, отметил он. — Во всяком случае, среди мужской половины его обитателей. Да что там, я и сам уже испытываю желание прочитать пару-тройку книжек!

Я невольно улыбнулась и постаралась компенсировать сей факт, неодобрительно покачав головой.

— Ренцо, придержи коней.

Вот неодобрение в голосе Данте показалось вполне искренним.

Отстаивать свои права Ренцо не стал.

— Ладно, молчу, — покладисто и без особого расстройства откликнулся он.

— Есть какие-нибудь новости от ищущих? — Данте задал этот непонятный мне вопрос, когда завтрак почти подошёл к концу.

— Вроде бы нет; по крайней мере, мне ничего такого не передавали, — ответил Ренцо. —

Правда, по словам твоего секретаря, они несколько раз наведывались за время нашего отсутствия. Но, кажется, пока без особых результатов.

— Чёрт его знает, может, оно и к лучшему, — пробормотал Данте.

— Не скажи, — не согласился Ренцо.

Я сидела молча, не пытаясь вклиниваться в их беседу и спрашивать, о чём, собственно, идёт речь. Но мужчины сами вспомнили о моём присутствии и о том, что данная дискуссия мне неинтересна. Или меня не касается.

— Сандра, какую ты предпочитаешь горничную — молодую или средних лет? — спросил Данте, уже вставший из-за стола.

— А что, разве мне полагается горничная? — искренне удивилась я.

Ренцо столь же искренне удивился моему вопросу.

— Конечно, — ответил он. — Ты же Архивариус. Любому человеку на такой должности полагается личный слуга, горничная или камердинер. — Склонив голову набок и щёлкнув пальцами так, будто его осенила догадка, он шутливо добавил: — Кажется, я понял! Ты предпочитаешь камердинера?

Я глубоко вздохнула, стараясь держать себя в руках и не ответить слишком резко.

— Я говорю о том, — я сделала ещё один глубокий вдох, — что в армоне, насколько мне известно, больше нет рабов. Это так.

— Так, — подтвердил Ренцо.

— Значит, горничные — свободные люди?

— Ну да.

— И вы хотите сказать, что свободная женщина может стать моей служанкой?

Я постучала указательным пальцем правой руки по тыльной стороне ладони левой.

— Да, — как ни в чём не бывало, ответил Данте.

Я покачала головой.

— Лучше не надо. Я вполне в состоянии одеваться самостоятельно, и что там ещё делают горничные.

— Сандра, ты опять недопоняла, — прикрыв глаза, принялся объяснять Данте. — Служанка у женщины с клеймом дракона — нормальное дело даже в Арканзии.

— Да, но там и служанки тоже являются рабынями, — проявила кое-какие познания я. — А тут совсем другое дело. Неужели это не очевидно? — страдальчески поморщилась я, кляня на чём свет стоит их непонятливость. — Свободная служанка будет считать, что совершенно не должна мне подчиняться. Будет недовольна такой справедливостью и быстро меня возненавидит. Пойдут мелкие пакости, сплетни, потом — пакости более крупные. Зачем оно мне надо?

Topreading.ru

Данте опустился на стул возле меня, предварительно развернув его так, чтобы сидеть ко мне лицом.

— Ты опять не поняла, — покачал головой он. — Как к тебе станет относиться служанка, будет зависеть от тебя, но совсем не от этого. — Лёгкий пренебрежительный жест в сторону клейма. — Кричи на неё по поводу и без повода, бейся в истерике из-за любой мелочи, заявляй, что она — безрукая дура, и будь ты даже самой королевой, злословие и сплетни тебе обеспечены, причём такие, что не отмоешься. Веди себя с ней как с человеком — и она ответит тебе тем же.

В его тоне было столько спокойствия и столько уверенности, что вносить дисгармонию раздуванием спора не хотелось. И я промолчала, хотя и осталась при своём мнении. Мне казалось, что любая горничная в этом армоне почувствует себя оскорблённой, если её обяжут прислуживать рабыне. Выместить свою злость на Данте не сможет, так что, в той или иной форме, достанется именно мне.

— В любом случае, — тон Данте, кажется, уловившего мои сомнения, стал более твёрдым, — ты — донья, и, следовательно, тебе полагается горничная. Отходить от стандартных правил приличия я не собираюсь. Так что у меня к тебе только один вопрос: ты предпочитаешь видеть на этой должности женщину молодую или постарше?

Я задумалась. Молодая, наверное, станет сплетничать со свойственной юности энергией. С другой стороны, мне припомнилось ещё по прошлой жизни в Астароли, какими изощрёнными сплетницами бывают порой женщины среднего возраста. У молоденькой служанки хотя бы будут другие интересы вроде обаятельных камердинеров или мускулистых стражников. А вот для женщины постарше злословие вполне может оказаться главной страстью. К тому же есть все шансы, что такая служанка надумает учить меня жизни, справедливо решив, что по возрасту годится мне в матери. А тут уж и у меня будут все шансы быстро выйти из себя.

— Лучше молодую, — определилась я.

— Отлично. — Рука Данте потянулась к колокольчику.

— Я распоряжусь, — перехватил инициативу Ренцо. — Мне всё равно пора идти. Заодно проверю, что там с комнатами для Сандры.

Весело подмигнув на прощанье, он вышел из комнаты.

Взгляд Данте упал на мой порванный рукав.

— Мы так и не занялись твоей рукой, — заметил он и попытался коснуться моего предплечья, но я поспешила увернуться.

— Ничего страшного. Это ерунда. Я всё сделаю сама.

Мысль о том, чтобы до меня дотрагивались, сильно пугала. Я сразу начинала испытывать к окружающим, включая Данте, то же недоверие, что и сутки назад.

К счастью, настаивать он не стал.

— Хорошо. Сейчас тебе принесут платье, я велел подобрать что-нибудь более-менее подходящее. Дальше тебе надо будет сшить новую одежду. В армоне есть портные. Просто скажешь горничной, когда будешь готова их видеть. Они сами придут к тебе, чтобы снять

мерки. Детали будешь определять вместе с ними. Только запомни: ты — Архивариус, это достаточно высокий статус, и одежда тебе нужна соответствующая. Как минимум — несколько платьев для работы, один костюм для верховой езды и одно платье на случай торжеств.

— Всё это будет стоить сумасшедших денег, — запаниковала я. — А я даже не знаю, какое у меня будет жалованье.

— Оплату подобных вещей я беру на себя, — отозвался Данте. — Ты работаешь на меня, и в моих интересах, чтобы у тебя было всё, что для этого требуется.

— Э нет, эти вещи так не работают, — замотала головой я. Обмануть меня было не так-то просто. — Одно дело всевозможные инструменты, пишущие принадлежности и прочие предметы, необходимые для работы. И совсем другое — личная одежда. Не надо морочить мне голову.

Конечно, я понимала, что, как правило, у раба нет своего имущества и всё, чем он пользуется — в том числе и одежда — обеспечивается хозяином. Но Данте сам сказал, что мы играем по другим правилам. Что я буду работать за жалованье, по контракту, и, следовательно, буду жить почти как свободный человек. Свобода предполагает обязанность платить. И меня устраивало принять на себя эту обязанность, лишь бы забыть — насколько это было возможно — о том знаке, что «украшал» теперь мою левую руку.

— Давай договоримся так, — решительно обратилась к Данте я. — Пусть стоимость платьев частями вычитывается из моего жалованья. Понимаю, что одного жалованья на их оплату не хватит. Тогда пусть казначей — или кто этим занимается? — вычитывает постоянную сумму до тех пор, пока я полностью не расплачусь.

Я требовательно взглянула на Данте. Он улыбнулся уголками губ и, немного подумав, согласно кивнул. И слово сдержал.

Гораздо позднее я узнала, что он просто назначил мне завышенное жалованье, в результате чего, заплатив из оного за новые платья, я получала стандартную для Архивариуса сумму. Однако на тот момент мне даже в голову не пришла такая возможность.

Данте вскоре ушёл по своим делам, а в комнату почти сразу же постучалась присланная Ренцо горничная. Действительно молодая, двадцать с небольшим, должно быть, года на три-четыре моложе меня. Тёмненькая, смуглая — как и все на юге, — с пушистыми вьющимися волосами, то и дело выбивающимися из причёски.

— Донья Эстоуни? — спросила она, одновременно приседая в реверансе.

И заодно устремляя на меня осторожно-изучающий взгляд.

«Ну, а кто же ещё? — мысленно хмыкнула я. Или у дона Эльванди в личных покоях обычно торчит по десятку девиц, так что попробуй, определи, кто есть кто?»

— Просто Сандра, — решила поправить я.

Девушка взглянула на меня настороженно. На её лице отобразилась работа мысли.

— Донья Сандра, — скорректировала она, выбрав компромиссный и потому наиболее приемлемый вариант.

— Договорились. — Я улыбнулась. — А как твоё имя?

— Бьянка, — тоже улыбнулась девушка, приседая в чисто символическом, совсем уж скомканном реверансе. — Я принесла вам два платья. Какое вы хотите надеть?

Мы прошли в спальню, и она разложила оба платья на кровати. Я, долго не раздумывая, выбрала то, что лежало справа, неброское, бежевого цвета. Не платье моей мечты, конечно, но сейчас мне было в общем-то всё равно, во что одеться, лишь бы действительно неброско, лишь бы не привлекать к себе лишнего внимания. Впрочем, на это у меня было мало шансов, как из-за дракона, так и из-за других внешних особенностей.

— А можно потрогать? — тихо спросила Бьянка, с нездоровым интересом разглядывая мои волосы.

— В принципе можно, — опасливо ответила я.

Бьянка осторожно коснулась пряди, потом пощупала её, будто проверяла в лавке ткань.

— Они действительно настоящие? — восторженно спросила она. — Не крашеные?

— Крашеные?! — удивилась я. — Да нет, настоящие.

— Здорово. — В голосе девушки звучало восхищение. — Никогда таких светлых не видела. Прямо как… — она задумалась, подбирая сравнение, — …как солнечный свет.

Ах да, конечно. Здесь ведь совсем нет светловолосых женщин, как, впрочем, и мужчин. Вообще-то мои волосы не такие уж светлые. Я всегда иронично определяла себя как «тёмную блондинку». То есть волосы светлее, чем у шатенок, но до многих знакомых блондинок мне всё же далеко. Но всё, конечно, познаётся в сравнении, и на юге мои волосы — светлее некуда. В сочетании с белой кожей, оттенок которой далёк от местного, даже невзирая на загар, — гарантия того, что не привлекать внимания и раствориться в толпе шансов нет.

Впрочем, и толпа поблизости покамест тоже не намечалась. Бьянка же вела себя вполне корректно. Я видела в ней некоторую настороженность, любопытство, быть может, некоторое озорство, но никак не враждебность. Пока оправдывались скорее предсказания Данте, нежели мои опасения. Что же, посмотрим, как сложится дальше.

Бьянка помогла мне переодеться, после чего мы отправились в предназначенные для меня покои. По дороге девушка рассказывала, где что расположено, и я старалась запоминать, но поняла, что на данный момент это бесполезно. Слишком много новой информации; мой мозг решительно отказывался поглощать её в таких количествах. Я только поняла, что спальни большинства слуг расположены на первом этаже и что меня туда не повели.

Предоставленные в моё распоряжение покои состояли из двух смежных комнат, спальни и гостиной. Спальня была выдержана в голубых тонах, гостиная — в зелёных. Обстановка была достаточно богатая. К счастью, это проявлялось не в роскоши, которая непременно выбила бы меня из колеи, а скорее в качестве мебели, картин и прочих предметов интерьера. И, конечно же, в коврах. Полагаю, на юге в любом уважающем себя доме ковры должны быть шикарными. Даже если их стелют в комнатах прислуги. В спальне ковёр был мягкий и пушистый, синего цвета. Он покрывал весь пол и по нему просто невозможно было ходить иначе, чем босиком. Ноги будто тонули в густой траве. В гостиной ковёр был, наоборот, жёсткий, украшенный витиеватым чёрно-зелёным узором.

Topreading.ru

Теперь вставал вопрос, что делать дальше. Можно было просто посидеть в одиночестве. Можно, наоборот, попросить Бьянку показать мне армон. Можно отправиться в библиотеку и осмотреться на новом рабочем месте. Можно вызвать портних. Но прежде, чем посвящать время любому из этих вариантов, мне страстно хотелось совсем другого.

— Скажи, Бьянка… — я немного стеснялась, но выбора не оставалось, да и ничего предосудительного в моём вопросе, на самом-то деле, не было. — Где у вас тут моются? Я вижу, что ванной в покоях нет.

Ванной действительно не было. Принадлежности, необходимые для умывания, стояли на специальном столике в спальне — таз, бутыль с какой-то специальной жидкостью, рядом на стуле висело чистое полотенце. Но ведь этого недостаточно.

— Ванной? — непонимающе переспросила Бьянка. — Ах, ну да. Нет, у нас такого почти не бывает. А моются в банях.

Ну да. Конечно. В банях. Ну, почему у них здесь всё не как у людей?! Я даже не знаю, с какой стороны к бане подойти.

— И в армоне тоже? — на всякий случай уточнила я.

— Конечно, — кивнула Бьянка, явно с трудом себе представлявшая, как могло быть иначе.

Выяснилось, что в армоне было две бани — одна для слуг, другая для господ. Для господ — это далеко не только для Данте, хотя и для него, конечно, тоже, но и более-менее для всех, кто носит титул дона. По словам Бьянки, при личных покоях Данте была некая «маленькая баня» — я предположила, что речь шла об аналоге ванной комнаты, — но обычно он предпочитал пользоваться баней полноценной, то есть общей. Отдельных бань для мужчин и для женщин также не было. Однако на входе всегда стоял слуга, следивший за очерёдностью и за тем, чтобы обитатели дворца не вламывались друг к другу непрошенными. Здесь существовали условия очерёдности — у слуг попроще, у господ построже. Совместное купание мужчины и женщины допускалось только для семейных пар. Если несколько человек хотели посетить баню приблизительно в одно и то же время, очерёдность зависела от статуса и социальной иерархии, в тонкостях каковой соответствующий слуга разбирался досконально. На первом месте, естественно, стоял хозяин армона, на втором — кастелян, ну, а что происходило дальше, я представляла себе плохо.

— А мне-то в какую баню идти? — задумчиво проговорила я, озвучивая собственные мысли.

— В господскую, конечно! — удивилась вопросу Бьянка.

И эта туда же.

Я взглянула на неё исподлобья, поджав губы. Отчего-то казалось, что меня с моим драконом развернут прямо на входе, а это будет куда более унизительно, чем если я с самого начала пойду в баню для слуг.

— А что вас тревожит? — непонимающе нахмурилась Бьянка.

Я криво улыбнулась. Есть вещи, признаваться в которых нельзя, особенно подчинённым. Но — можно сказать, к счастью, — меня тревожила далеко не одна вещь.

— Я никогда в жизни не была в бане, — понизив голос, призналась я. — У нас на севере это не

принято. Образно говоря, не знаю даже, с какой стороны к этим баням подходить.

Глаза Бьянки вдруг как-то странно засветились.

— А знаете, — проговорила она, явно подбирая слова более осторожно, чем обычно. — Вообще-то если господам нужна помощь — ну там, намылиться или вот показать, что да как, — то их может слуга сопровождать.

И, прикусив губу, посмотрела на меня с плохо скрываемой надеждой. Теперь я, кажется, начинала понимать. Обычно слугам не позволяют посещать господскую баню. Но если самому господину требуется сопровождение — тогда другое дело. А господская баня наверняка по целому ряду признаков лучше, чем предназначенная для простолюдинов. Вот Бьянка и обрадовалась: у неё появился шанс попасть туда, куда обычно вход слугам закрыт.

Что ж, меня такой расклад целиком и полностью устраивал. Во-первых, я и правда совершенно не представляла себе, что такое эта баня и с чем её едят. Во-вторых, такой приятный сюрприз для Бьянки вполне мог послужить началом хороших взаимоотношений в будущем.

— Тогда решено: пойдём вместе, — постановила я, и Бьянка довольно просияла.

— Я тогда сбегаю к ним туда и договорюсь, — жизнерадостно предложила она.

— Хорошо, — кивнула я.

Тоже по-своему жизнерадостно. Если меня теперь развернут в баню для слуг, то во всяком случае не лично, прямо на входе, а через служанку. Психологически это казалось менее унизительным.

Однако мои пессимистичные прогнозы не оправдались. Вернувшись, по-прежнему довольная Бьянка сообщила, что баня свободна, и мы можем идти. Она прихватила для нас обеих сменную одежду и гребни; сказала, что всё остальное найдётся на месте в изобилии.

На входе действительно стоял слуга, который пропустил нас без единого слова, почтительно поклонившись. Баня состояла из трёх помещений. Первое — небольшое, с широкой скамьёй, — предназначалось для раздевания и одевания. Здесь было довольно-таки жарко. Второе, самое главное, в сущности, и являлось баней. Здесь было очень просторно, жарко и влажно. Каменные скамьи вдоль стен и круглое каменное возвышение в центре комнаты, на которое, как оказалось, тоже полагалось ложиться. Камень был очень тёплым, но не настолько горячим, чтобы вызывать неприятные ощущения. На скамьях стояло несколько сосудов. В них полагалось набирать холодную или горячую воду, чтобы впоследствии обливать себя, сидя или лёжа на тёплом камне. В дальнем конце помещения располагалось два небольших бассейна: один, опять же, с холодной водой, другой — с горячей. Полагалось прыгать то в один, то в другой. Но лично я проявила упрямство и лезть в холодную воду отказалась категорически, ограничившись горячей.

На входе действительно стоял слуга, который пропустил нас без единого слова, почтительно поклонившись. Баня состояла из трёх помещений. Первое — небольшое, с широкой скамьёй, — предназначалось для раздевания и одевания. Здесь было довольно-таки жарко. Второе, самое главное, в сущности, и являлось баней. Здесь было очень просторно, жарко и влажно. Каменные скамьи вдоль стен и круглое каменное возвышение в центре комнаты, на которое, как оказалось, тоже полагалось ложиться. Камень был очень тёплым, но не настолько горячим, чтобы вызывать неприятные ощущения. На скамьях стояло несколько сосудов. В них полагалось набирать холодную или горячую воду, чтобы впоследствии обливать себя, сидя или

лёжа на тёплом камне. В дальнем конце помещения располагалось два небольших бассейна: один, опять же, с холодной водой, другой — с горячей. Полагалось прыгать то в один, то в другой. Но лично я проявила упрямство и лезть в холодную воду отказалась категорически, ограничившись горячей.

Чувствуя себя чистой и разомлевшей, я даже не хотела идти проверять, что так в третьем помещении, но Бьянка уж больно настаивала. Что и неудивительно, ведь, как оказалось, именно там находилось то, что не имело аналога в бане для слуг. Здесь обнаружилось ещё несколько совсем маленьких бассейнов — в таких можно было только сидеть, но никак не плавать. Все они были горячими. В одном бурлила вода. В другом вода была странного оттенка и имела довольно неприятный запах, но Бьянка уговорила меня туда влезть, объяснив, что это за счёт каких-то чрезвычайно полезных для кожи веществ. Словом, каждый бассейн оказался особенным и непохожим на все остальные. Из бассейна с бурлящей водой я просто не хотела выходить.

Кажется, хоть что-то начинало примирять меня с жизнью на юге.

Глава 8

Вернувшись из бани в свои новые покои, я свалилась спать и, к своему стыду, должна признаться, что проспала почти до самого вечера. Видимо, таким образом сказалось накопившееся за последние недели напряжение.

На следующий же день я решила наведаться в библиотеку. Хоть меня никто и не подгонял, но мне самой хотелось заняться делом, а не чувствовать себя девицей непонятного статуса, праздно шатающейся по чужому дому. Для начала я хотела просто осмотреться на новом рабочем месте, разобраться, что где лежит, какие там хранятся документы и книги, а также амулеты — я хорошо помнила, что Данте упомянул и их.

Оказавшись в коридоре, я как раз закрывала свою дверь, когда из соседней комнаты вышел седовласый мужчина лет пятидесяти пяти — шестидесяти. Невысокий и полный, но при этом подтянутый, как бывает свойственно людям, ведущим непраздный образ жизни. Смуглый, как и положено южанину. Одет, быть может, и не как аристократ уровня Данте, но и точно не как слуга.

Я напряглась, не зная, чего ожидать от соседа. Просто тихонько пройти мимо не удалось: он сразу повернулся ко мне, намеренный начать разговор — с той лёгкостью, которая опять-таки свойственна жителям юга. На севере церемоний, как ни крути, больше.

— Полагаю, вы — донья Сандра Эстоуни? — слегка склонив голову, осведомился он.

Внутренне подобравшись, я встретила его взгляд.

— Именно так.

— Я сразу так и подумал. У вас очень характерная внешность. Позвольте представиться: дон Бенвенуто Росси. Лекарь, заодно заведую здешней лабораторией, в которой мои подопечные шалопаи проводят медицинские исследования. По совместительству ваш сосед.

Отвечая на его жест, я протянула руку, и он душевно её пожал. Это было не вполне куртуазно, зато очень по-дружески.

— Вы позволите задать вам один вопрос?

Любопытство, читавшееся во взгляде лекаря, заставило меня снова напрячься. О чём он сейчас спросит? О драконе? О моём месте в армоне? О том, при каких обстоятельствах я повстречалась с Данте?

— Я вас слушаю, — прохладным тоном откликнулась я.

— Вы ведь приехали с севера, не так ли? Из Астароли, если слухи правдивы?

Я утвердительно кивнула, ещё более напряжённо ожидая продолжения.

— И вы, насколько я понял, учились в Северном Астарольском университете? — воодушевлённо продолжил дон Росси. — Скажите, пожалуйста, вам случайно не доводилось встречаться там с профессором Ренуаром Скоттом? В своё время он преподавал на кафедре медицины и даже, если не ошибаюсь, ею заведовал.

— Честно говоря, нет, — с чувством немалого облегчения ответила я. — Но я училась совсем на другой кафедре, теоретической магии. У нас не было лекций по медицине.

— Конечно, конечно, я понимаю, — поспешил заверить меня лекарь. — Просто понадеялся на случайное совпадение. Было бы интересно узнать, как поживает сейчас старый лис. Давненько мы с ним не виделись, с тех самых пор, как я читал курс лекций в Астарольском университете.

— В самом деле? Вы бывали на севере? — спросила я, искренне увлекшись разговором.

— О да, — мечтательным тоном ответил лекарь. — Правда, уже давненько. Лет эдак пятнадцать назад, я полагаю. Так что вполне возможно, что старина Скотт уже ушёл на покой.

— Ах ты, старый проныра! — воскликнул совершенно новый для меня голос. — Уже успел познакомиться с нашей новой соседкой! А меня даже не счёл нужным оповестить!

Из комнаты напротив вышел ещё один мужчина, ровесник лекаря, только высокий и менее полный, но зато широкий в плечах. Небольшую лысину на макушке обрамляла благородная седина.

— Позвольте представиться, — обратился ко мне второй сосед. — Гаэтано Терро.

Он тоже взял мою руку, но не для пожатия, а для поцелуя. Росси многозначительно закатил глаза.

— Вы тоже лекарь? — предположила я.

Терро буквально просиял.

— Вот видишь, старый циник? Девушка с одного взгляда определила то, в чём ты никак не можешь убедиться за несколько десятилетий! Совершенно справедливо, донья, я действительно лекарь, — куда более мягким голосом произнёс он.

Росси скептически хохотнул.

— Лекарь! Как же! Не слушайте его, донья, — поспешил заверить меня он. — Никакой это не лекарь, а самый настоящий самозванец. Шарлатан.

— Кто шарлатан? Я шарлатан?!

Лысина Терро покрылась красными пятнами.

— Ну, не шарлатан, не шарлатан. Самозванец, — примирительным тоном «исправился» Росси.

— Уже не первый десяток лет ты меня оскорбляешь, — пробурчал Терро. — Донья, я самый настоящий лекарь. Ничуть не хуже этой бездарности.

Тут уж настала очередь Росси рассердиться не на шутку.

— Кого это ты назвал бездарностью? — вскинулся он.

— А кого ты назвал самозванцем? — парировал Терро.

Я лишь молча переводила глаза с одного на другого и обратно. Вспомнив о моём существовании, Терро снова расплылся в улыбке.

— Одним словом, донья, я — лекарь с редкой специализацией. Я лечу животных. Зверей и птиц.

— Ага, и букашек, — брякнул Росси.

— Если когда-либо появится потребность в моих услугах, — продолжил, начисто игнорируя его Терро, буду счастлив помочь.

— Зачем донье могут понабиться твои услуги? — фыркнул Росси. — Она же не заведует псарней и не пасёт овец. Хотя… Донья, — он снова вежливо обратился ко мне, — если когда-нибудь у вас в покоях сломает ножку таракан, вы всегда можете обратиться за услугами к доктору Терро.

Мне сразу как-то очень живо представился таракан с загипсованной ногой, отчего-то именно задней правой, создающий страшный грохот при каждом столкновении с мебелью.

— Да будет тебе известно, Бенвенуто, что лечить животных гораздо тяжелее, чем людей. К ним значительно труднее найти подход. Для этого требуются терпение и выдержка, которыми ты не обладаешь.

— Донья, вот объясните мне, непонятливому, — попросил лекарь, беря меня под руку, — чья работа важнее. Того, кто спасает человеческие жизни, или того, кто избавляет от блох собак?

— Вы знаете, собаки представляются мне значительно более ценными членами общества, чем некоторые люди, которых мне доводилось встречать, — призналась я, легонько подмигнув Терро.

— Вам просто встретились на пути очень дурные люди. — Голос Росси ненадолго стал серьёзным.

Он всё ещё держал меня за руку. Рукав случайно задёрнулся, и лекарь обнаружил следы от моих позавчерашних попыток себя покалечить.

— О Боже, что это у вас?! — воскликнул он с ужасом, никак не свойственным людям его профессии, привыкшим наблюдать куда более серьёзные вещи, чем царапина и синяк.

— Ничего, ерунда. — Я поспешила высвободить руку и одёрнуть рукав.

— Э нет! Покажите скорее. — В интонациях лекаря проявилась настойчивость.

— Право, не стоит.

Я нехотя протянула ему руку. Он внимательно осмотрел ранку, пощупал синяк. Я поморщилась: было больно. Синяк вообще оказался внушительным: мало того что он был крупным, так за последние сутки ещё и приобрёл живописный фиолетовый оттенок.

— Или я ничего не понимаю в медицине, — проговорил Росси, что заставило его приятеля многозначительно хмыкнуть (дескать, можешь не продолжать), — или вашу рану даже не обработали.

Терро подошёл поближе.

— Вынужден согласиться с коллегой, — заметил он.

— Да нечего тут было обрабатывать, право слово, — попыталась отговориться я, отлично помня, что вина тут целиком и полностью моя. Данте хотел заняться рукой, но я ему не позволила, съёжившись при первом же его прикосновении, как запуганный воробушек.

— А ну-ка, голубушка, пройдёмте сейчас же ко мне, и я займусь своим делом, — решительно заявил Росси.

— Ах ты, старый ловелас! — воскликнул Терро. — Уже и девушку в свои покои затащить пытается, это при первом-то знакомстве! Донья, имейте в виду: этот человек — известный дамский угодник. Я бы на вашем месте не рискнул оставаться с ним наедине в его комнате.

Я высоко подняла брови. Признаться, опасаться Росси я такой стороны казалось мне несколько странным, учитывая, что он годился мне даже не в отцы, а почти что в дедушки. Сам Росси, похоже, подумал о том же.

— Да как тебе не стыдно, старый завистник! — парировал он. — Позор на твою седую голову! Дамский угодник! Это когда всё было?

— А когда бы ни было, — отрезал Терро. — Горбатого могила исправит. Пойдёмте лучше в мои покои, донья. Уверяю вас, я справлюсь с вашей раной ничем не хуже этого аморального типа.

— Даже и не вздумайте идти с ним, донья! — вскинулся Росси. — Если он станет лечить вас своими препаратами, вы рискуете назавтра закукарекать петухом или обрасти шерстью! Пойдёмте со мной, я всё сделаю как надо. И уверяю вас, его инсинуации совершенно беспочвенны.

— Чёрта с два! — ответил на последнее утверждение Терро. — Ладно, донья, не тревожьтесь, — добавил он, видя, что я подошла к двери Росси, поддавшись на напор последнего. — Я не оставлю вас наедине с этим развратником. Пойду вместе с вами, так что вам ничего не угрожает.

Не сдержав ухмылки, я подумала, что мне действительно ничего не угрожает: эти двое будут рьяно защищать меня друг от друга. А учитывая, что никакой угрозы ни от того, ни от другого не исходит изначально, шансы нарваться на неприятности и вовсе нулевые.

Эти двое не прекращали препираться практически ни на минуту. Но руку мне чем-то обработали, в результате чего и царапина, и синяк исчезли впоследствии удивительно быстро.

Потом я всё-таки отправилась в библиотеку. Найти её оказалось несложно. Дверь была заперта, но у меня уже имелся ключ. Оказавшись в библиотеке, я немного подумала, а затем всё-таки заперлась изнутри. На всякий случай, чтобы никто не тревожил. Хотя снаружи и так вроде бы не было людей. Данте оказался прав: библиотека являлась, мягко говоря, не самым посещаемым местом в армоне.

Оставшись в одиночестве, которое никто не грозил нарушить, я огляделась. Просторная комната, кажущаяся тесной из-за обилия заставленных книгами стеллажей. В общем, именно так должна выглядеть библиотека. Напротив входа — стол со стулом, предназначенный для работающего здесь человека. Стульев для посетителей, кажется, не предусмотрено, хотя, быть может, что-то обнаружится за стеллажами. Большое окно, немного грязноватое, но, кажется, открывающее (точнее, прячущее за собой) красивый вид. И запах. Почти неуловимый, но правильный книжный запах, какой и должен быть в библиотеке.

Я медленно опустилась на единственный стул и снова огляделась, на сей раз с другого ракурса, испытывая чувство, очень напоминающее ностальгию. Университетская библиотека, конечно же, отличалась от этой, и всё-таки сходства была больше, чем различий. Интересно, осталось ли что-нибудь от той библиотеке? И чем вообще закончилось вторжение? Сумели власти остановить нашествие на город? Пострадали только прибрежные районы или волна разрушения докатилась и до самого центра? Существует ли до сих пор Северный университет? Надо будет попробовать это выяснить. Я вдруг поняла, что теперь, наконец-то, оказалась в том положении, когда могу получать информацию. Могу спросить у Данте или у Ренцо, и, если они не знают (что вполне вероятно, ведь они только что вернулись из поездки), то обязательно выяснят и дадут мне знать.

Стараясь отстраниться от грустных мыслей, встала и распахнула окно. Это далось мне нелегко: кажется, его давно никто не открывал, поэтому защёлка заела. Но в итоге я справилась. Комната с наслаждением вдохнула свежий воздух. Я высунулась наружу и осмотрелась. Внизу — сад. Каменные статуи, фонтаны, немного дальше — беседки. Всё утопает в зелени. Густой, как и в наших садах, но одновременно совершенно другой. Пальмы, кипарисы, пихты. Даже дубы и клёны, которые время от времени здесь встречаются, сильно отличаются от своих северных родичей. Настолько сильно, что опознать их возможно только по форме листьев.

Стараясь отстраниться от грустных мыслей, встала и распахнула окно. Это далось мне нелегко: кажется, его давно никто не открывал, поэтому защёлка заела. Но в итоге я справилась. Комната с наслаждением вдохнула свежий воздух. Я высунулась наружу и осмотрелась. Внизу — сад. Каменные статуи, фонтаны, немного дальше — беседки. Всё утопает в зелени. Густой, как и в наших садах, но одновременно совершенно другой. Пальмы, кипарисы, пихты. Даже дубы и клёны, которые время от времени здесь встречаются, сильно отличаются от своих северных родичей. Настолько сильно, что опознать их возможно только по форме листьев.

Я подняла взгляд и вдалеке, на вершине холма, увидела храмовую башню. В груди сразу же пробежал холодок. Вспомнилась такая же башня Бертане. Площадка, открытая всем ветрам. И мостовая внизу, под площадкой. Такая далёкая и одновременно притягивающая к себе взгляд. И девушка, которую я никогда в жизни не видела. Та, которая, в отличие от меня, решилась и прыгнула. И почему-то вдруг подумалось — а что сталось с тем, из-за кого она так поступила? Испытывает он угрызения совести? Или считает, что кругом прав?

Мысли, как бывало и прежде, заскользили в свободном полёте, постепенно отдалились от изначальной истории, и в голове постепенно сформировались новые образы.

Я села за стол, взяла чистый лист бумаги, обмакнула перо в чернильницу — благо все

необходимые письменные принадлежности были предоставлены в моё распоряжение, — и принялась писать. Время от времени вставала, ходила кругами по небольшому участку комнаты, останавливалась у окна, и снова садилась за стол. В итоге на листе появились следующие строки:

Бедный султан, постучаться к тебе позволь.
Ждут на пороге послы из далёких стран.
Я понимаю твою о невесте боль,
Но предстоит отвлечься от личных ран.

Не поселилась у девы в душе весна,
Выбрала вместо свадьбы холодный пруд.
Разве же это повод лишаться сна?
Плач по младой глупышке — напрасный труд.

Ты — государь, а это тяжёлый крест.
Но не найдётся завидней тебя жених.
Можешь ты выбрать из тысячи ста невест,
Можешь жениться разом на всех на них.

Лучшие чувства заводят порой во зло.
Истина эта, как капля слезы, проста.
Не понимала девица, как ей везло,
Вот и надумала вниз головой с моста.

Зря ты кусаешь губы и хмуришь лоб.
Будет тебе богатство, любовь, почёт.
Вроде любил какой-то её холоп.
Кто же такую мелочь берёт в расчёт?

…Только забыть о деве тебе невмочь.
Будет отныне у ложа свеча гореть.
Тысяча минет ночей и за ними — ночь…
Сказкам султан не сможет поверить впредь.

Тот день я почти целиком провела в библиотеке. Осматривалась, изучала хранившиеся здесь книги, выясняла, что где расположено. Сделала лишь один перерыв на еду, а заодно пообщалась с портнихами. Они сняли мерки, и мы немного обсудили фасоны будущих нарядов. Не могу сказать, что мне стопроцентно понравилось всё, что было предложено. Мне хотелось, чтобы платья были более привычными для меня, более похожие на то, что носили на севере. Но, во-первых, я недостаточно хорошо разбиралась в шитье, чтобы объяснить портнихам, чего именно хочу, да ещё и на арканзийском. Во-вторых, не была уверена в том, что северные фасоны сочетаются с южными тканями. И, в-третьих, не горела желанием выделяться на фоне окружающих ещё и нестандартной одеждой. Мне и цвета волос хватало.

Официально я вступала в должность Архивариуса на следующий день. Я привела себя в

Topreading.ru

порядок, выбрала наиболее строгое платье из тех временных, что висели сейчас в моём шкафу, и в сопровождении Бьянки отправилась в библиотеку. Каково же было моё удивление, когда только-только достигнув нужного коридора, я услышала гул голосов и завидела впереди самое настоящее столпотворение. И если поначалу я понадеялось, что все эти люди пришли в какое-то другое место, вскоре пришлось принять очевидное: их целью была именно библиотека. Что же им так неожиданно понадобилось?

— А книги скоро выдавать начнут? — спросила встрёпанная женщина лет тридцати, с беспокойством поглядывая на висящие в коридоре часы.

— Да вроде бы скоро должны, — прошамкал в ответ какой-то старичок.

— А по сколько штук в одни руки? — озабоченно спросила совсем молоденькая девочка. — А то мне, похоже, целых три нужны, а я не знаю, дадут или нет.

— Ишь чего захотела, целых три! — возмутился всезнающий дедушка. — Сначала одну книгу возьми, прочитай, возверни назад, а уж потом за следующие принимайся!

— Дрэго, не нагнетай! — поморщился сероглазый парень лет двадцати пяти. — Не бойся ты, Кристи, наверняка сколько нужно, столько тебе и дадут.

— Карлота, а ну-ка передвинься в конец очереди, тебя тут не стояло! — гневно воскликнула какая-то женщина средних лет.

— Это как это не стояло? — возмутилась, в свою очередь, Карлота. — Да я, может, ещё до рассвета сюда пришла! Отошла просто на минутку.

— Эй, люди добрые, кто-нибудь знает, а книги хоть свежие? — выкрикнула ещё одна женщина, державшая в руках плетёную корзину.

— Свежие, тётя Зита, только что из-под курицы! — хохотнул всё тот же молодой парень, что недавно заступился за Кристи.

— Нет, ну, а правда, их хоть недавно написали? — ничуть не обидевшись, продолжала настаивать женщина.

— Какие недавно, а какие и лет четыреста назад, — ответил кто-то из собравшихся.

— Четыреста лет?! — изумилась женщина. — Да поди врёшь!

— Вовсе и не врёт, — поддержали ответившего. — И более древние есть.

— Вот это да, — разочарованно покачала головой женщина. — Ох и дурят же нашего брата! Да кому ж интересно, кто и что написал четыреста лет назад? Да того человека и в живых-то нет давно!

— И правда, Зита, кому такое может быть интересно? — продолжал веселиться всё тот же, молодой. — Вот лучше ты сама сядь, да и напиши пару-тройку книжек. И всем будет интересно, потому что новое ведь, свежее, да и спросить есть с кого, если что не так!

— А что? Вот возьму, да и напишу! — беззлобно откликнулась та.

Я слушала всё это остановившись в тени на небольшом расстоянии и прижавшись к стене. Бьянка последовала моему примеру. Мысли лихорадочно метались в голове. Данте утверждал,

что в библиотеку почти никто не приходит. Лгал? Да нет, с какой бы стати? Тем более что я и сама имела вчера возможность убедиться в том, насколько здесь обычно бывает тихо. За весь день ни один человек не пришёл. И вдруг — такое. Да и люди, которые здесь собрались, сказать по правде, не производили впечатление особенно читающих. И если судить по их вопросам, тоже выходило, что посещение библиотеки для них в новинку, а некоторые и книгу-то в руках едва ли когда-нибудь держали. Ну, разве что когда грамоте обучались, совсем уж неграмотные навряд ли сюда бы пришли. И как это понимать? Народ действительно сбежался в библиотеку, как предсказывал Ренцо? Но кастелян говорил исключительно о мужской части обитателей армона, к тому же он без сомнения шутил. Конечно, можно было бы предположить, что слуги — а в основном толпа состояла именно из них — просто сбежались под благовидным предлогом, чтобы поглазеть на прибывшую с севера диковинку. Но в этом случае и разговоры они бы вели совершенно другие. Ничего не понятно.

В очередной раз выглянув из своего укрытия, я увидела, как несколько человек отчаянно бьются «за место под солнцем», то бишь за позицию поближе к двери библиотеки. Понятно, если сейчас отворить дверь, они ворвутся все разом и всё там разнесут. Я судорожно сглотнула, представив себе масштаб разрушений. Сдаётся мне, не случайно вся эта радость свалилась на мою голову в первый же рабочий день. Но с этим разберёмся позже. Кто-то просто не понимает, что после похищения, плавания в трюме и клейма меня невозможно выбить из колеи подобными мелочами.

— Бьянка, слушай меня внимательно, — быстрым шёпотом обратилась к горничной я. — Беги назад и отыщи первого попавшегося стражника, или можно даже лакея, но только такого, покрепче. И веди сюда. Скажи, надо проследить, чтобы люди соблюдали очередь, заходя в библиотеку.

— Я сбегаю, а если он откажется? — засомневалась Бьянка. — Скажет, что это не его обязанности и всё такое?

— Значит, вежливо так — главное, спокойно, хорошо, Бьянка? — скажи ему, что если библиотеку сейчас разгромят, то дон Эльванди накажет не только Архивариуса, но и тех, кто мог предотвратить эту неприятность, но остался в стороне.

— Поняла. — По губам Бьянки скользнула победная улыбка. Видимо, она уже была не прочь сказать такое какому-нибудь заносчивому стражнику и даже надеялась, что тот не сразу откликнется на мою просьбу. — Всё сделаю.

Бьянка ушла. Поскольку её появление в коридоре не осталось незамеченным, пришлось и мне демонстративно зашагать навстречу собравшимся. Ничего, Сандра. Ты не рвалась привлекать всеобщее внимание, но это далеко не самое страшное, что может произойти с человеком.

— Дамы и господа! — громко произнесла я, останавливаясь в нескольких шагах от библиотеки прежде, чем меня успела обступить голосящая толпа.

Люди замерли, оборвав на середине выкрики в духе «Мне срочно нужна книга по кулинарии, и посвежее!».

Ну что ж, начало хорошее. Надо продолжить говорить до тех пор, пока Бьянка не справится с поставленной задачей. Ладно. Не зря же я периодически вела семинары в астарольских университетах. Хоть в чём-то навыки пригодятся.

— Я рада приветствовать вас в библиотеке, — объявила я, нацепив на лицо гостеприимную улыбку. — Как вы знаете, эта дверь, — я торжественно указала на вход, и люди немного

расступились, — ведёт в архив рода Эльванди. Полагаю, вам известно, что это очень древний архив и там содержатся чрезвычайно ценные книги. Как я понимаю, вы пришли сюда, чтобы одолжить некоторые из них.

Собравшиеся закивали, но прежде чем коридор вновь наполнился громкими возгласами, я продолжила:

— Чтение — это чрезвычайно полезное и похвальное занятие, и каждый из вас безусловно получит то, зачем пришёл. В библиотеке хранится множество книг на самые разнообразные темы, от философии до математики и от истории магии до садоводства. Здесь можно найти как книги арканзийского производства, так и иртонские рукописи. Некоторые книги чрезвычайно дорого стоят. Поэтому я очень вас прошу, когда начнётся приём, заходить в библиотеку по одному, в порядке очереди. Крупные предметы, — я многозначительно посмотрела на здоровенную корзину женщины, искавшей «свежие» книги, — будет лучше оставить снаружи.

Тут уж подошёл стражник, которого Бьянка, по-видимому, успела ввести в курс дела, и я со спокойной совестью отперла дверь. Мы с горничной вошли внутрь, я прошла на своё рабочее место и минуту спустя Бьянка объявила, что первый посетитель может заходить.

Уж не знаю, как в конечном итоге снаружи определили очерёдность, но первой в библиотеке оказалась невысокая девушка, одетая довольно похоже на Бьянку. Войдя, она остановилась недалеко от порога и напряжённо огляделась, явно чувствуя себя в здешней обстановке непривычно.

— Здравствуйте. — Я ободряюще улыбнулась. — Как вас зовут?

— Карлота Грейдо, горничная, — ответила та, подходя поближе.

— Очень приятно, Карлота. — Я исходила из того, что моё имя посетителям известно. — Вы пришли, потому что хотите что-то почитать?

— Да, — как-то не слишком уверенно откликнулась девушка. — Мне нужно несколько книг. — Она извлекла откуда-то из складок платья список и принялась зачитывать чуть ли не по слогам. — «История моды», «Уход за кактусами» и «Шёлковая одежда глазами моли».

— А раньше вы увлекались чтением на эти темы? — спросила я, испытующе глядя на горничную.

— Н-не очень, — призналась та.

— И что же заставило вас таким образом расширить круг интересов? — продолжала допытываться я.

Горничная немного помялась, а потом ответила:

— Если честно, сама я чтением вообще не увлекаюсь. Но мне сказали, что современной горничной без этих знаний просто никак.

— Без ухода за кактусами? — решила уточнить я.

— Ну, вроде как вдруг дону Данте взбрендит… То есть вдруг дону Данте придёт в голову светлая мысль украсить армон комнатными растениями. Тогда нам, горничным, придётся за ними ухаживать — я мы не знаем, как, — объяснила девушка.

— А чего за кактусами-то ухаживать? — фыркнула Бьянка. — Поливай раз в неделю, а то и в две. Кактус — это, чай, не орхидея. О чём там целая книга-то?

— Мне. Признаться, более интересно про моль, — заметила я. Однако оставалась другая вещь, куда более интересная.

— Карлота, вы позволите вас так называть? — Девушка кивнула, и я продолжила: — А скажите, пожалуйста, кому именно взбрен… то есть пришла в голову светлая мысль посоветовать вам почитать всю эту литературу?

— Нашему дворецкому, — без малейших угрызений совести наябедничала девушка. — О н ещё пригрозил, — полушёпотом добавила она, — что если я не буду всего этого знать, то и в армоне мне не место.

— Понятно.

Я удовлетворённо улыбнулась. Всё вставало на свои места. Ну что, дон Данте и дон Ренцо, большие знатоки психологии слуг, и кто из нас оказался прав? Браво, очень удачный ход, господин дворецкий. Заставить меня весь первый рабочий день трудиться не покладая рук, носясь от полок к посетителям и обратно. Вынудить меня почувствовать себя не Архивариусом, а именно библиотекарем. И заодно понадеяться на то, что ворвавшаяся в помещение толпа сметёт с полок и уничтожит хотя бы несколько книг. А дон Данте поймёт, какую совершил ошибку, поставив столь некомпетентного человека на столь ответственный пост. Вы же вроде бы как ничего предосудительного не сделали. Ну, порекомендовали персоналу повысить квалификацию. Кто вас за это осудит?

План действий созрел в голове практически сразу. Взяв лист бумаги, я аккуратно написала на нём имя горничной, а затем названия всех трёх книг.

— Понятно.

Я удовлетворённо улыбнулась. Всё вставало на свои места. Ну что, дон Данте и дон Ренцо, большие знатоки психологии слуг, и кто из нас оказался прав? Браво, очень удачный ход, господин дворецкий. Заставить меня весь первый рабочий день трудиться не покладая рук, носясь от полок к посетителям и обратно. Вынудить меня почувствовать себя не Архивариусом, а именно библиотекарем. И заодно понадеяться на то, что ворвавшаяся в помещение толпа сметёт с полок и уничтожит хотя бы несколько книг. А дон Данте поймёт, какую совершил ошибку, поставив столь некомпетентного человека на столь ответственный пост. Вы же вроде бы как ничего предосудительного не сделали. Ну, порекомендовали персоналу повысить квалификацию. Кто вас за это осудит?

План действий созрел в голове практически сразу. Взяв лист бумаги, я аккуратно написала на нём имя горничной, а затем названия всех трёх книг.

— Вот как мы поступим, Карлота, — сказала я затем. — Пока вы можете идти. Я оформлю ваш заказ, как полагается, найду необходимые книги, и извещу вас, когда вы сможете их забрать.

Следующим посетителем оказался садовник, коренастый мужчина лет сорока с на удивление мягкими, учитывая его крепкое сложение, глазами. Ему также было поручено ознакомиться с литературой о кактусах. То ли у дворецкого был пунктик на этом виде растений, то ли просто не хватало фантазии. Конкретного названия садовник не дал, поэтому я сделала себе пометку найти для него что-нибудь в духе «Место кактуса в рационе мышей».

Третьим оказался тот самый парень, что заступился в коридоре за девушку. Выяснилось, что его звали Марито, и он являлся камердинером Данте.

— Мне нужна книга по основам медицины, — небрежно сказал он. — И по возможности, — он шутливо свёл руки в молитвенном жесте, — какой-нибудь очень тоненький томик. Чтобы в нём было как можно меньше страниц и как можно меньше медицинских терминов.

— А вы уверены, что вам вообще нужна эта книга? — задала закономерный вопрос я.

— Уверен, что не нужна, — честно откликнулся парень.

— Почему же вы тогда за ней пришли?

— Да дворецкий голову заморочил. Дескать, любой порядочный камердинер должен знать, как оказать первую помощь своему господину, если тот вдруг надумает упасть с лестницы.

— А вы что? — поинтересовалась я.

— А я ответил, что я не порядочный, — откликнулся парень.

— И как?

— Не помогло, — улыбнулся он. — И главное, ну, не ерунда ли? С какой стати дону Данте падать с лестницы? Учитывая, что алкоголем он не злоупотребляет?

— Так-таки никогда не злоупотребляет? — полюбопытствовала я.

Сама не знаю, зачем.

— Никогда, — заверил камердинер. — Ну, кроме одного раза.

Мне, конечно, очень захотелось расспросить, что же это был за один раз, но я сдержалась и не стала. Вместо этого поступила так же, как и с предыдущими посетителями. Записала, как его зовут и что ему нужно, и отправила восвояси.

Поток посетителей оказался длинным, и всё-таки наступил момент, когда он иссяк. Теперь я заперла дверь изнутри — хорошего понемножку — и приступила ко второй части работы. Стала отыскивать запрошенные книги и складывать их в стопки на столе. Времени это заняло порядочно. Я ещё не успела как следует ознакомиться с библиотекой, да и порядок на полках был не так чтобы идеальный. Тем не менее, ближе к концу дня, утирая пот со лба, я с удовлетворением отметила, что всё готово. Теперь оставалось самое главное. Я села за стол, освободила место для листка бумаги и, немного подумав, вывела следующие строки:

Господин дворецкий,

Поскольку начальник и Учитель непременно должен обладать теми знаниями, которых требует от своих подчинённых, предлагаю вам ознакомиться с рекомендованными вами же книгами. Жду вас через два дня в библиотеке, где вы сможете пройти экзамен по их содержанию. В случае если вы провалите экзамен, мне придётся обратиться к дону Эльванди с сообщением о вашей профнепригодности.

С искренним уважением,

Донья Сандра Эстоуни.

Для того чтобы доставить адресату все собранные книги пришлось вызвать двух крепких мужчин. Каждый отнёс дворецкому очень внушительную стопку. На верхушке одной из них балансировало написанное мной послание.

Тёмной-тёмной ночью — или если говорить точнее, поздним вечером, — в ведущем в библиотеку коридоре послышался жуткий шорох и скрежет. Как будто страшное чудовище медленно ползло по армону… или самый обыкновенный человек просто тянул за собой по полу огромный мешок. Возле приоткрытой двери шум прекратился.

— Входите, господин дворецкий! — громко сказала я, зажигая свечу.

Ни секунды не сомневалась, что он прямо сегодня заявится, чтобы возвратить все книги на место, но делать это, пока обитатели армона не улягутся спать, не станет. Не захочет, чтобы история разлетелась по окрестностям, превратившись в сплетню. Ладно, я и не настаивала.

Обречённый вздох. Затем дворецкий, сделав последнее усилие, затащил мешок внутрь.

— Что ж вы так с книгами неаккуратно обращаетесь? — пожурила его я. — А вдруг страницы помнутся? А книги-то ценные, свежие, некоторые только что из-под курицы! — брякнула я, припомнив давешний разговор. Настроение, сколь ни удивительно, было бодрое.

— Только что…что? — не понял дворецкий.

— Неважно, — махнула рукой я.

Заострять внимание он и не стал; думаю, списал мои слова на плохое знание языка.

— Вы решили пройти экзамен прямо сейчас? — с вежливой улыбкой повстречавшего мышь удава поинтересовалась я. — Очень похвально. С чего начнём? С кактусов? Или лучше всё-таки с моли? Только имейте в виду, — поспешила продолжить я, видя, что он собирается что-то сказать, — у меня богатый опыт отыскивания шпаргалок. Так что сжульничать не удастся. Хотя, — я окинула задумчивым взглядом набитый книгами мешок, — даже не представляю себе, в каком месте вы могли бы спрятать шпаргалку нужного размера…

— Донья Сандра, ну зачем вы так? — обиженно просипел дворецкий. — Нехорошо, право слово.

«Надо же, уже и донья», — подумала я про себя, а тем временем недоумённо изогнула брови.

— Что нехорошо, господин дворецкий? Может быть, вы сомневаетесь в моей квалификации? Не беспокойтесь, у меня высшее образование.

— Вот зачем вы так, а? — гнул свою линию он. — Я, между прочим, по вашей милости чуть воспаление лёгких не получил в этой чёртовой камере.

— Я, между прочим, по вашей милости чуть рассудка не лишилась в этой чёртовой камере, — бесстрастно парировала я.

— Я, между прочим, по вашей милости чуть рассудка не лишилась в этой чёртовой камере, — бесстрастно парировала я.

— Я только выполнял свои обязанности, — вскинул голову он.

— И выполнили их из рук вон плохо, — отрезала я. — Ну так как, — я немного сбавила тон, — будем как-то уживаться вместе или продолжим эту игру?

И я кивнула на мешок с книгами.

Дворецкий тоже посмотрел на подборку учебной литературы, прикинул масштабы намечающегося экзамена, и вздохнул.

— Ладно, будем уживаться, — кивнул он. — Полагаю, дон Эльванди об этом уже знает? — спросил он, отчего-то с укоризной. И вновь посмотрел на книги.

— Представьте себе, нет, — откликнулась я. — И с учётом благополучно прошедшего экзамена полагаю, что и не узнает.

Однако, как выяснилось, я ошиблась. О произошедшем, в более или менее полном объёме, Данте всё-таки узнал. Правда, без моего участия. Возможно, благодаря его камердинеру. Это выяснилось день спустя, когда Данте пришёл в библиотеку, неся в руке какую-то бумагу.

— Сандра, мне нужно перевести этот документ с астарольского. Сможешь?

— Конечно.

Я приняла бумагу, радуясь возможности ненадолго окунуться в родной язык. Словно получила возможность увидеть кусочек своего мира, подглядев в окошко. Это напомнило мне, что я собиралась поговорить о своей родине с Данте. Посмотрела на стул, который по моей инициативе был поставлен здесь для посетителей, но Данте садиться пока не собирался, и я спросила:

— Данте, скажи…Могу я кое о чём тебя попросить?

— Конечно. О чём идёт речь?

Я прикусила губу, не решаясь вот так просто завести разговор на столь волнующую меня и одновременно болезненную тему.

— Давай всё-таки сначала документ, а потом всё остальное. — И я приступила к тексту, состоявшему, впрочем, всего лишь из нескольких строк.

Данте обошёл стол, остановился возле меня и мягко опустил руки мне на плечи.

— Я слышал, вчера в архиве были проблемы? — заметил он.

— Ничего серьёзного. — Я пренебрежительно пожала плечами, по-прежнему ощущая прикосновение его ладоней. — Я уже всё решила.

— Мне это известно, — подтвердил Данте. — Но ты могла бы сразу обратиться с этим ко мне. И проблема решилась бы ещё быстрее.

— Могла бы, — согласилась я, дописывая текст перевода. — Но мне надо учиться самостоятельно справляться с проблемами, которых теперь, учитывая мой новый статус, — я приподняла руку с драконом, — будет много.

Topreading.ru

— Сандра, — укоризненно покачал головой Данте, — поверь, этот статус здесь в армоне практически ни для кого не играет роли. Постарайся просто о нём забыть.

— Это будет сложновато, — начиная злиться, откликнулась я. — Ведь даже ты, кто сделал для меня больше всех остальных, вместе взятых, прекрасно об этом статусе помнишь. Разве ты позволил бы себе с такой лёгкостью прикасаться к молодой незамужней женщине, если бы не понимал, хотя бы где-то на глубине сознания, что она тебе принадлежит, и потому ты имеешь на это полное право?

Я выпалила всё это на одном дыхании. Руки Данте резко отдёрнулись, будто их обожгло кипятком. Он отошёл и вернулся к месту для посетителей. Я сидела, низко опустив голову и проклиная всё на свете.

— Ты слишком остро всё воспринимаешь. — Данте старался говорить небрежно, но его лицо превратилось в каменную маску. — Здесь, на юге, к подобным вещам относятся проще. Но я сожалею, если моё поведение тебя оскорбило. Так о чём ты хотела меня попросить?

Я впилась глазами в стол. Какие теперь просьбы, после моей отповеди?

— Неважно, — покачала головой я. — Забудь.

— Как же вы, северяне, невыносимы! — воскликнул вдруг Данте, разом выходя из образа каменной глыбы. — Ох уж эта ваша привычка сказать «А» и наотрез отказаться говорить «Б»! Неужели нельзя быть чуть попроще?

— Это так сильно раздражает? — улыбнулась я, всё ещё держа голову опущенной.

Всё-таки сейчас, когда он кричал, я чувствовала себя значительно комфортней, чем один на один с его недавней ледяной маской.

— Раздражает. — Данте усмехнулся. — Возможно, потому, что я и сам такой же. Ладно, давай, говори, что это была за просьба, — быстро сменил тему он.

— Я просто хотела спросить: не мог бы ты узнать, что стало с Астаролью? — решилась высказаться я. — Мне очень важно это знать. Чем закончилось то вторжение?

Данте понимающе кивнул.

— Астароль далеко, и у меня пока очень мало информации, — сказал он. — Я отправлю гонцов и извещу тебя, когда что-нибудь станет известно.

— Спасибо. — Я искренне приложила руку к груди.

— Да не за что, — вздохнул он, направляясь к выходу с полученным от меня переводом.

Возле двери он остановился и развернулся ко мне.

— Приношу свои извинения за оскорбившее тебя поведение. — Его голос снова был ледяным. — Больше это не повторится.

И он ушёл. А я, чувствуя себя круглой дурой, вдруг осознала: это действительно не повторится, и… мне жаль.

Часть вторая

Глава 9

Я неспешно прогуливалась по укромным закуткам прилегавшего к армону сада. Хоть наступивший сентябрь и считался здесь месяцем летним, невыносимая августовская жара всё же спала, что позволяло гулять не только вечером, но и днём. Особенно в тени, которой на здешних дорожках было в избытке. Я в очередной раз окинула взглядом окружающую зелень. Красиво, ничего не скажешь. Очень красиво. Огромные кусты, напоминающие папоротники, разные виды пальм, высокие треугольники кипарисов, фруктовые деревья (апельсинов, лимонов и мандаринов здесь было вдоволь). Словом, всё, что способно расти и зеленеть в жарком галлиндийском климате.

Красиво. Да только теперь я знала цену экзотике. Это путешественнику, ненадолго прибывающему в далёкие края с тем, чтобы в дальнейшем возвратиться к прежней жизни, экзотика кажется невероятно притягательной. Но человек, вынужденный сменить на неё свой дом, понимает: в первую очередь экзотика — это чуждость. Будь то пальма для северянина или голубые сосны для южан.

Прошёл целый месяц с тех пор, как я поселилась в армоне Данте. И я по-своему привыкла. Привыкла и к жаркому климату, и к странной одежде, и даже к изображению дракона на руке. Привыкла к библиотеке рода Эльванди и к обязанностям Архивариуса. (Обязанности библиотекаря мне, не считая первого рабочего дня, приходилось исполнять крайне редко). Данте был прав: люди действительно относились ко мне в основном без предвзятости. Сколь ни удивительно, но здесь, внутри стен армона, мой дракон и вправду не играл большой роли. Меня воспринимали как Архивариуса, как донью и — конечно, не без этого — как диковинку. Тоже своего рода экзотику. Дальнейшее, как Данте верно заметил в самом начале, зависело от меня. Поведение человека во многом определяет отношение к нему окружающих. Я держалась с достоинством, но без высокомерия и, кажется, сумела вызвать к себе уважение.

С Данте и Ренцо мы и вовсе общались очень часто. Нередко трапезничали вместе, а иногда даже и завтракали. Шутливые дискуссии вроде той, когда мы дружно составляли объявление об ищущем мужа гареме, стали частью повседневной жизни. Кроме того, Ренцо, похоже, пробовал за мной ухаживать. Абсолютной уверенности у меня не было: в принципе все его поступки можно было расценить и как дружеские жесты. Однажды он подарил мне срезанную в саду розу. В другой раз всучил какие-то экзотические фрукты, название которых я так и не запомнила. Сказал, что прислала какая-то родственница прислала ему целый мешок, так что один он не справится. А однажды принёс мне прямо в библиотеку горсть южных сладостей, заявив, что на мою худобу и бледность боязно смотреть. Дальше этих жестов кастелян не заходил, и это меня радовало. Даже не потому, что я имела что-то против Ренцо. Он был по-своему симпатичен и привлекателен. Но больше всего на свете я стала ценить спокойствие.

Было, однако же, и кое-что ещё. Одно «но», стоявшее как между мной и Ренцо, так и между мной и полноценным спокойствием. Это препятствие звалось «Данте». Дон Эльванди сдержал своё слово и ни разу со времени нашего памятного разговора не пересёк границы установленных мною рамок. Он не пытался ни домогаться, ни ухаживать, и вообще, похоже, начисто игнорировал меня как женщину. Казалось, тут бы мне и обрадоваться, но — увы. Что-то внутри меня отказывалось мириться с таким положением дел.

И этому чему-то всякий раз становилось обидно, когда особенно красивое платье или удачно

уложенные волосы замечали все вокруг — но только не он. Лишь однажды, когда я сделала совершенно новую, непривычную для здешних жителей причёску — заплела волосы в косу и уложила наподобие короны на голове, — он на мгновение остановился и сказал:

— Раньше ты так не ходила. Тебе идёт.

Но это было сказано холодным, бесстрастным тоном. Не комплимент, а констатация факта.

Нет, не могу сказать, что Данте был со мной особенно холоден. Он проявлял ко мне вполне дружеское отношение — в рамках своего темперамента, который, конечно, радикально отличался от темперамента того же Ренцо. Последние было по-своему удивительно, поскольку чисто внешне эти двое были довольно-таки похожи. Оба — классические южане — смуглые, черноволосые, кареглазые. У обоих — чётко очерченный подбородок, прямой нос, и специфический разрез глаз, опять-таки характерный для жителей юга. И при всём при этом энергичный, неунывающий Ренцо, хоть и отнюдь не был мне противен, не вызывал во мне столь сильных эмоций, как его друг. Хотя, сложись всё наоборот, жизнь могла бы оказаться значительно проще.

Я много раз повторяла себе, что всё дело — в чувстве благодарности, которое не следует путать с чем-то большим. Что проявлять чисто женский интерес к Данте с моей стороны как минимум глупо. Ведь даже если что-то и могло между нами произойти, это оказались бы не более, чем кратковременные и необременительные отношения хозяина и его рабыни, что являлось в южных землях нормой жизни, не стоящей даже мимолётного упоминания. Что цена таких отношений была бы грошовая, а вот расплата с точки зрения моих душевных сил окажется несоразмерно высокой. Но мысли пока оставались мыслями и на эмоции не слишком влияли.

Погружённая в себя, я вздрогнула и чуть не соскользнула со скамейки, когда, перескочив через широколистный «папоротник», в моё убежище не вторгся предмет моих размышлений.

— Данте? — удивлённо выдохнула я. — Что ты здесь делаешь? — Этот вопрос прозвучал с перепугу укоризненно.

— Ты удивишься, Сандра, но я тоже иногда прогуливаюсь по своему саду, — насмешливо сообщил он.

— В таких удалённых его уголках? Что-то не замечала, — пробурчала я, всё больше из принципа.

— Ладно, можешь считать, что я прячусь, — не стал настаивать Данте.

— Прячешься? — заинтересовалась я. — От кого?

— От людей, — доверительно, словно раскрывал страшную тайну, сообщил он.

С моих губ сорвался смешок. Вообще-то это была моя прерогатива.

— Чем они так тебя допекли? — полюбопытствовала я.

Данте тяжело вздохнул.

— У меня намечаются большие проблемы, — признался он. — Ты обратила внимание, какое сегодня столпотворение в армоне?

Прикусив губу, я вынужденно покачала головой. Да, я слышала, как кто-то прискакал в армону. А потом по двору процокали копыта ещё чьей-то лошади. Но, погружённая в свои размышления, я не придала этому особого значения, а потом и вовсе ушла вглубь сада, откуда не слышно подъезжающих к армону визитёров.

— Арканзийцы вторглись в Галлиндию? — чрезвычайно встревоженно спросила я о первом, что пришло мне в голову.

— Что?

По удивлённому взгляду Данте я сразу же поняла, что сморозила глупость, и потупилась, ожидая соответствующей реакции. И тут почувствовала, как его ладонь накрыла мою сжимающую скамейку руку. Это было первое прикосновение после того разговора в библиотеке. Но стоило мне поднять глаза в стремлении понять, значит ли оно хоть что-то помимо стремления успокоить, как он сразу же отдёрнул руку.

— Сандра, сюда не ворвутся никакие арканзийцы, — мягко сказал он секунду спустя. — У нас подписан договор с Селим-пашой. И даже если бы — я подчёркиваю «если бы» — на границе произошло вторжение, до армона они бы добраться не успели. Мы бы остановили их гораздо раньше, как делали всегда. Тебе ровным счётом нечего бояться.

Его ладонь снова приблизилась к моей, но замерла на полпути. Настала моя очередь вздохнуть. Я отвела взгляд. Легко сказать «нечего бояться». При любом упоминании Арканзии и её уроженцах мои внутренности сводило от гремучей смеси эмоций, из которых не последней являлся страх. Я ненавидела арканзийцев — до дрожи, до судорог, до зубовного скрежета, — но и постыдно боялась тоже. Даже не знаю, что страшило меня сильнее — судьба, уготованная в случае вторжения лично мне, учитывая моего «дракона», или возможность того, что эти люди во второй раз разрушат до основания мой дом. Дом? Я подумала так об армоне Данте?

Надо сказать, что время от времени жители Арканзии наведывались к Данте по делам. В этих случаях я всегда заботилась о том, чтобы нигде с ними не пересечься, благо ни малейшей необходимости в моём присутствии на таких встречах не было.

— Так что же произошло? — повышенно бодрым голосом спросила я.

Данте не стал томить меня в ожидании ответа.

— Искатели, наконец, нашли месторождение, — ответил он.

Я впечатлённо присвистнула. Это действительно было важным событием. На данный момент я уже знала, что искатели — это специалисты, ищущие месторождения магических камней. Профессионалы определили (по таким косвенным признакам, как свойства почвы и энергетические колебания), что на принадлежащей Данте территории находится одно из магических месторождений. Но где конкретно оно находится, сказать не могли, равно как и не могли определить, залежи каких именно камней спрятаны под землёй. Поиски начались уже давно, за несколько месяцев до моего приезда в армон, но до сих пор велись безрезультатно. И вот теперь, как оказалось, результата всё же удалось добиться.

Надо сказать, что время от времени жители Арканзии наведывались к Данте по делам. В этих случаях я всегда заботилась о том, чтобы нигде с ними не пересечься, благо ни малейшей необходимости в моём присутствии на таких встречах не было.

— Так что же произошло? — повышенно бодрым голосом спросила я.

Данте не стал томить меня в ожидании ответа.

— Искатели, наконец, нашли месторождение, — ответил он.

Я впечатлённо присвистнула. Это действительно было важным событием. На данный момент я уже знала, что искатели — это специалисты, ищущие месторождения магических камней. Профессионалы определили (по таким косвенным признакам, как свойства почвы и энергетические колебания), что на принадлежащей Данте территории находится одно из магических месторождений. Но где конкретно оно находится, сказать не могли, равно как и не могли определить, залежи каких именно камней спрятаны под землёй. Поиски начались уже давно, за несколько месяцев до моего приезда в армон, но до сих пор велись безрезультатно. И вот теперь, как оказалось, результата всё же удалось добиться.

Тут следует кое-что прояснить. Основным источником магии в нашем мире являются магические камни. Сами по себе люди не обладают магическими способностями, но они могут использовать те ресурсы, которые нам щедро даёт природа. Камни существуют разных видов. У каждого вида своя направленность, как правило, общая и абстрактная; придать камню более конкретное узкое предназначение — задача обрабатывающих его людей. Уже знакомые нам красные камни имеют защитную функцию, синие — напротив, поддерживают агрессию и потому нередко используются при изготовлении оружия. Есть камни с целительными свойствами, их используют в своей работе лекари. А всевозможным амулетам, содержащим осколки таких камней, я и посвятила свою диссертацию.

Некоторые камни были редкими; залежи других встречались достаточно часто. От этого зависела и ценность того или иного вида. К примеру, красных оборонительных камней было сравнительно много, а вот синих, способствующих удачному нападению, — раз-два и обчёлся. Именно такой камень украшал рукоять кинжала, которым Данте убил в Дезерре змею.

— И что это оказалось за месторождение?

Естественно, мне было чрезвычайно интересно. Во-первых, разные камни — это действительно совершенно разная история. А во-вторых, как-никак, эта тема имела некоторое отношение к моей научной работе.

Данте выдержал соответствующую случаю паузу, после чего многозначительно произнёс:

— Смешанное.

Тут я и вовсе опешила. Смешанное? Но этого просто не может быть! Смешанные месторождения встречались чрезвычайно редко. Там можно было найти самые разные виды магических камней. В том числе и такие, каких в других залежах вообще не сыщешь. К тому же продолжительная близость камней разных видов друг к другу, взаимное воздействие, продолжавшееся на протяжении многих веков, придавало камням особые свойства. Словом, если на землях Данте отыскали именно такие залежи, то это была редкая удача.

— Чем же в таком случае ты недоволен?! — воскликнула я, вскакивая со скамьи. — Это же практически невероятное везение!

— Угу. То-то и оно, что слишком невероятное, — насмешливо хмыкнул Данте, напротив, устраиваясь на скамейке поудобнее. — Подозреваю, что и стоить оно мне будет невероятно дорого.

— В каком смысле дорого? — удивилась я. — Наоборот, ты сможешь заработать на нём целое

состояние.

— Сандра, у меня уже есть целое состояние, — усмехнулся моей неискушённости Данте. — И поверь, мне его вполне достаточно. Оно обеспечивает всё, что мне нужно… и многое, что мне НЕ нужно, тоже. А это месторождение принесёт с собой очень много головной боли.

Я снова уселась рядом с ним на скамью.

— Давай подробнее.

— Ну, во-первых, как ты правильно заметила, камни придётся теперь продавать. Не заполнять же ими теперь сундуки, — пожал плечами Данте. — А поскольку товар, мягко говоря, непростой, со своей спецификой, продавать его кому попало нельзя. Придётся тщательно проверять потенциальных покупателей, решать, поставлять ли камни за границу… В общем, не буду загружать тебя лишними деталями, но дел достаточно, чтобы держать в тонусе пол армона, я уж не говорю о специалистах, которых придётся поселить здесь на постоянной основе.

Я согласно кивнула. Да, если задуматься, головной боли здесь, конечно, порядочно. Лично я представления не имела, как подступаться к такому делу и с чего начинать. Но это явно было не всё. В конце концов, для таких целей можно нанять достаточно специалистов — хотя окончательные решения по поводу сбыта на них, разумеется, не перекинешь.

— Но есть ещё во-вторых, — произнесла я вслух, внимательно глядя на Данте. — И, полагаю, это «во-вторых» касается тех, кому захочется прибрать месторождение к рукам?

— Ты совершенно права, — с нарочито беззаботным видом произнёс Данте. — Такое месторождение точно не останется без внимания, и любители чужой собственности непременно найдутся.

— Но ведь земля, на которой находятся залежи, принадлежит тебе, — нахмурилась я. — Есть кто-то, кто может претендовать на неё по вашим законам?

— Строго говоря, нет, — ухмыльнулся Данте.

— А если нестрого?

— А если нестрого, — он принялся загибать пальцы, — то хозяина желаемого имущества можно убить, чтобы его земля перешла к наследникам. Можно оклеветать перед королём, чтобы землю у него отобрали и передали человеку «более достойному». Можно раскопать родословную, согласно которой земля эта принадлежала прапрапрапрадеду истца задолго до того, как стала собственностью представителей рода Эльванди. А можно самостоятельно затесаться в род Эльванди, женив его наследника на своей дочери.

— У тебя есть конкретные опасения? — хмурясь, спросила я.

— Нет. Пока нет, — покачал головой Данте. — Всё это — стандартные схемы, которые нередко задействуют, когда речь идёт о солидном куше.

— И что ты станешь делать?

Моя тревога всё возрастала с каждым словом.

Данте небрежно передёрнул плечами.

— То, что должен. Прослежу за тем, как начнут разрабатывать месторождение. Королю я уже написал. Ну, а заодно имеет смысл более серьёзно отнестись к системе охраны. Сандра, не волнуйся, — добавил он, увидев, как я с силой сцепила руки. — Похоже, я тебя запугал. А в сущности я просто брюзжу оттого, что мне лень заниматься кучей новых дел, ставших неизбежными после находки искателей. Запомни: тебе ничто не угрожает. У меня хорошие отношения с королём — настолько, насколько такое вообще возможно. А уж арканзийцам он эти залежи никогда не отдаст. Сейчас, когда в Галлиндии обнаружилось настолько значимое месторождение магических камней, король ни за что не уступит его другому государству.

— Данте, — сердито проговорила я, распрямив плечи, — а тебе не приходит в голову, что я могу беспокоиться не за себя, а, например, за тебя?

Он посмотрел на меня вопросительно, я бы даже сказала, испытывающе, и, кажется, собирался что-то сказать, но в этот момент через многострадальный куст перескочил Ренцо.

— Вот ты где! — воскликнул он, обращаясь к Данте, но одновременно приветственно подмигивая мне. — Отдохнул? Тогда давай, вперёд, к тебе собралась целая очередь из пяти человек. Все жаждут тебя лицезреть и — главное — обсудить дальнейшую судьбу камней. А также ту выгоду, которую они с этого получат.

— Меня не было всего ничего, — проворчал Данте, поднимаясь, однако же, со скамьи. — Когда их успело собраться так много?

Ренцо с усмешкой развёл руками.

— Некоторые камушки, знаешь ли, заставляют двуногих удивительнейшим образом развивать скорость. Притом заметь, без помощи магии.

— Ладно, пойду, — проворчал Данте. — Ты ведь всё равно не оставишь меня в покое, раз уже нашёл.

И он, перескочив через всё тот же куст в обратную сторону, зашагал по дорожке. Мы с Ренцо последовали за ним. При этом кастелян повторил манёвр Данте, я же предпочла куст обойти.

— Вообще-то наш дон Эльванди вовсе не лентяй, — отчего-то счёл нужным оправдать передо мной Данте Ренцо. — Он так раскапризничался, потому что ненавидит общаться с большим числом людей. Данте предпочитает общение с себе подобными в строго выверенных дозах.

— Дело не только в этом, — возразила я. — Обладание новым месторождением может таить для него угрозу, и он хорошо это осознаёт.

— Ты полагаешь? — задумчиво спросил Ренцо. — Что ж, полагаю, он прав… Да, надо будет немного подкорректировать работу стражи.

— Данте говорил точно о том же, — невольно улыбнулась я.

— Что ж, логично. Я обязательно этим займусь.

Добравшись до армона, мы с мужчинами разошлись: они направились в левое крыло,

заниматься вопросом залежей, а я — в правое, в библиотеку. Решила, что коли уж за компанию вернулась в армон, имеет смысл заглянуть на своё рабочее место.

Не успела я сесть за свой рабочий стол и открыть ящик с документами, как в библиотеку, предварительно постучавшись, зашли двое посетителей. Это были Марито и брюнетка с живым взглядом и румяным лицом, в которой я без труда узнала его сестру Рианну.

Эти двое ни разу ко мне сюда не заходили, не считая того случая месяц назад, когда дворецкий отправил камердинера Данте, равно как и многих других слуг, за совершенно не нужными им книгами. К тому же, насколько мне было известно, брат и сестра нередко цапались, пусть и полушутя, поэтому было тем более любопытно узнать, что заставило их совместно посетить библиотеку.

— Дону Эльванди понадобились какие-то бумаги из архива? — высказала предположение я. Хоть и была почти уверена, что оно неверно.

— Нет, — покачала головой Рианна. Девушка держалась несколько робко, что в целом было ей несвойственно. Видимо, атмосфера библиотеки была ей непривычна и внушала некоторое благоговение. — Нам нужна книга, — собравшись с мыслями, сказала она. — Что-нибудь по психологии мужчин и женщин. Вы не могли бы нам помочь?

— То есть просто по психологии? — уточнила я.

— Нет, — упрямо повторила девушка. — По психологии мужчин и женщин.

Я хмыкнула, мысленно сделав себе заметку оставить в стороне книги по психологии лошадей, енотов и, на всякий случай, игуан.

— А всё-таки вы не могли бы поточнее сказать, что именно вас интересует в психологи? — осведомилась я. — Тема ведь обширная.

— Мы поспорили, — призналась Рианна. — О том, кто из нас лучше разбирается в психологии другого пола. Я сказала брату, что он ничего не понимает в женщинах. И по-прежнему стою на своём.

Последние слова она твёрдо произнесла, глядя Марито прямо в глаза.

— А я, со своей стороны, заявил, — насмешливо ответил тот, не отводя взгляда, — что разбираюсь в женщинах совсем неплохо, зато сестра ничего не смыслит в психологии мужчин.

— Словом, мы поспорили, — подытожила Рианна. — А кто может нас рассудить? Женщины будут на моей стороне, мужчины — на стороне Марито. Вот мы и решили обратиться к книге. Вы можете нам что-нибудь порекомендовать?

Я бы могла, конечно, порекомендовать обоим не заниматься глупостями. Но мне отчего-то захотелось им посодействовать. Возможно, оттого, что именно подобные перепалки придавали армону жизни, превращая его из резиденции в дом. Как минимум мне они позволяли на время почувствовать себя именно дома, а не в чужой стране посреди столь же чуждых мне людей. И чуть-чуть приобщиться к тому, чего сама я была лишена, причём как сейчас, так и прежде, в Астароли, — а именно, к теплу семьи.

Поэтому я встала со стула, прошла между стеллажами и принялась просматривать корешки.

Topreading.ru

— Думаю, раз так, то вам нужны тесты, — определилась я, вытаскивая несколько книг.

— Тесты? — непонимающе переспросила Рианна. Переглянулась с Марито, но ему, похоже, нечего было сказать.

Я нахмурилась. Слово «тесты» казалось мне международным, но, быть может, на местном наречии существует свой аналог этого термина? Увы, даже если и так, я его не знала. А может, ребятам просто чуждо это понятие?

— Это такие вопросы для проверки знаний, — объяснила я. — На каждый вопрос даётся несколько вариантов ответа, и вы должны выбрать правильный.

— О, это даже ты, Марито, сумеешь сделать! — язвительно заявила Рианна. И на менее оптимистичной ноте добавила: — Может быть.

Не дожидаясь продолжения дискуссии, я выбрала из нескольких книг одну, вернула остальные на место и прошла обратно к столу.

— Думаю, вот это вам подойдёт, — сказала я. — Здесь как раз пишется про мужскую и женскую психологию, а в конце приведены тесты. Хотите попробовать?

— Давайте! — воодушевилась Рианна. — Прямо сейчас поставим этого зазнавшегося женоненавистника на место.

— Это я-то женоненавистник? — захлопал глазами Марито. — Ты что-то перепутала.

Однако возражений на предмет проверки знаний он не высказал. Пролистав книгу, я нашла ту её часть, где начинались вопросы.

— Ну что ж, готовы? — осведомилась я.

Оба энергично закивали.

— Хорошо. Вопрос первый. По женской психологии, то есть адресован тебе, Марито. — И я стала зачитывать. — «Если женщина говорит „Нет“, это означает…» Варианты ответов: «(а) Да; (б) Нет; (в) Может быть; (г) Может быть, да; (д) Может быть, нет; (е) Может быть, да, а может быть, нет». — Я подняла глаза и выжидательно посмотрела на камердинера. — Выбирай.

Марито задумался. Рианна тоже сосредоточенно насупила брови.

— Вариант (в), «может быть», — почти уверенно объявил Марито.

Я отыскала страницу, на которой приводились ответы.

— Неверно! — со злорадством непонятной природы (видимо, именуемой женской солидарностью) сообщила я. — Правильный ответ: «Ни один из приведённых ответов не верен».

— А какой же верен на самом деле? — заинтересовалась Рианна.

— Здесь не указано, — развела руками я. — Продолжим?

— Давайте продолжим, — согласилась девушка.

— Следующий вопрос — про психологию мужчин, то есть для женщин, — проинформировала я.

Topreading.ru

— Сейчас мы посмотрим на тебя в деле, — потёр руки Марито.

— «Если мужчина говорит „Нет“, это означает…»

— Нет, — уверенно ответил камердинер, забыв, что вопрос предназначается его сестре.

— Такой вариант отсутствует, — усмехнулась я.

Рианна довольно рассмеялась.

— Какие же варианты там есть? — удивился Марито.

— Зачитываю. Итак, «Если мужчина говорит „Нет“, это означает: (а) Я не слышал вопроса; (б) Не мешайте мне спокойно пить эль; (в) вообще ничего не означает».

Мы в задумчивости помолчали.

— М-да, похоже, у женщин диапазон всё-таки как-то шире, — констатировала я, подсчитав количество ответов.

— Я выбираю вариант (в), — решила Рианна.

Брат и сестра посмотрели на меня, ожидая вердикта. Я заглянула в конец книги.

— Увы, — разочаровала девушку я. — Правильный ответ: «Все приведённые ответы верны». Идём дальше? Марито, опять твоя очередь. Вопрос: «Если женщина о чём-то просит, это следует сделать, потому что…» Варианты ответов: «(а)…женщина — существо ранимое; (б)…женщина — существо возвышенное; (в)…не сделать себе дороже». Какой выбираешь вариант?

— Ну, тут уж точно третий! — воскликнул Марито.

Я проверила и, отчего-то почувствовав себя немного виноватой, пробормотала:

— Здесь написано: «Автор книги и сам не знает ответа».

— Давайте ещё какой-нибудь вопрос посмотрим, — предложила, стремясь замять неловкую паузу, Рианна.

— Давайте, — воодушевилась я и приступила к следующему пункту. Вопрос про мужчин. «Если мужчина сделал женщине дорогой подарок, это значит, что…» Варианты ответов: «(а)…он хочет с ней обручиться; (б)…он хочет на ней жениться; (в)…он просто хочет».

— Думаю, что (а), — подумав, ответила Рианна. — Если бы (в), он мог и подарком подешевле обойтись.

— Зришь в корень, дорогая сестра! — подхватил Марито. — Наконец-то ты хоть что-то начала понимать в мужчинах!

Усомнившись в верности их рассуждений, я заглянула в раздел ответов… и обречённо зачитала:

— «Мужчина и сам не знает, чего он хочет».

Брат и сестра растерянно переглянулись.

— И что нам делать-то? — озвучила общую растерянность Рианна.

— Предлагаю объявить ничью, — посоветовала я.

— Пожалуй, годится, — решил Марито. — Похоже, сестрица, мы с тобой оба провалились.

И они хлопнули друг друга по рукам.

— Если хотите, возьмите книгу с собой, полистайте, вдруг что-нибудь интересное найдёте, — предложила я.

— А можно? — неуверенно спросила Рианна.

— Конечно, можно, — отозвалась я.

Выдавать слугам книги не возбранялось. Кроме того, мне было крайне трудно представить себе Данте увлечённо листающим это пособие и сосредоточенно выбирающим между вариантами ответов (б) и (в). А вот выбрасывающим данную книгу в окошко — очень легко.

Глава 10

Прошло ещё две недели. У Данте с Ренцо серьёзно прибавилось дел, однако жизнь постепенно входила в более-менее привычную колею. Какие-то дела пришлось отложить, для исполнения других — нанять новых людей, специализировавшихся на добыче камней.

И всё на время успокоилось. Даже время на совместные трапезы снова появилось.

Кроме того, Данте периодически заглядывал ко мне в библиотеку, либо по делам, связанным с архивом и переводами, либо для того, чтобы сообщить интересовавшую меня информацию. Он, наконец-то, стал получать сведения об Астароли. И я жадно ловила каждое слово, несмотря на то, что ничего радостного в получаемых знаниях не было.

От Астароли мало что осталось. Нападавшие разрушили бОльшую часть города и разграбили всё, что только можно было разграбить. Увы, Астароль была городом небольшим и при этом богатым. Внушительной армией из-за своих размеров не обладала. Наверное, было предсказуемо, что рано или поздно этим воспользуются. Подкрепление из столицы прибыло слишком поздно. Напавших изгнали, но многие районы города успели фактически сравняться с землёй.

Когда вернулся первый гонец, и Данте лично пришёл сообщить мне плохие новости, я думала, что расплачусь. Приготовилась сдерживать слёзы и даже подумала о том, что, если это не удастся, можно будет отойти за стеллажи под тем предлогом, что у меня в срочном порядке заказали книгу. Но слёз, как ни странно, не было. Возможно, потому, что подсознательно я была давно готова к таким новостям. А может быть, никакие новости не могли потрясти меня сильнее, чем вид собственной улицы, изуродованной чёрным дымом, клубы которого поднимаются над домами, застилают небо и мешают дышать. А мимо мечутся люди, и всё больше и больше пятен крови покрывают холодную мостовую…

Нет, я не плакала. Я лишь сидела, глядя в одну точку, и слушала, а когда Данте договорил, просто кивнула в знак того, что всё поняла, благодарна за информацию, и он может идти. Он

не ушёл сразу. Какое-то время стоял, прислонившись плечом к стене, и якобы рассматривал книжные полки, а в действительности наблюдал за мной. Я отлично это знала, но почему-то этот факт не раздражал меня и не смущал. Наоборот, от присутствия Данте было чуть теплее. Именно от такого — молчаливого, неназойливого, почти незаметного. Без утешений, без соболезнований и без попыток отвлечь глупыми шутками на отвлечённые темы. Я же просто сидела и долго смотрела в одну точку, и взгляд блуждал по улицам, которых уже несколько недель как не существовало на этом свете. Я заглянула в булочную, которая давно уже сгорела, прошла по аккуратной и чистой набережной, с которой дети ещё долго не будут любоваться на проплывающие мимо корабли, и купила пару леденцов в кондитерской, давно сравнявшейся с землёй.

У меня действительно не осталось прежнего дома. И если дом был, то только здесь, в Галлиндии. А был ли? Пока я и сама не знала ответа на этот вопрос.

Та новость была не последняя. Помимо более точной информации, которую я впоследствии получала от Данте, ко мне как-то раз зашёл дон Бенвенуто Росси. Лекарь был очень расстроен и казался постаревшим лет на десять. Когда я спросила, в чём дело, он рассказал, что его старый друг Ренуар Скотт, преподававший на кафедре медицины Северного Астарольского университета, погиб во время атаки на город. Видимо, интуитивно почувствовав, что никто не поймёт его в этой боли так, как я, он пришёл в библиотеку, и ещё долго сидел, попивая то прихваченное им вино, то принесённый Бьянкой чай и рассказывая мне о больших научных достижениях своего друга, а также о тех проказах, которые они вместе совершали в юности.

У меня действительно не осталось прежнего дома. И если дом был, то только здесь, в Галлиндии. А был ли? Пока я и сама не знала ответа на этот вопрос.

Та новость была не последняя. Помимо более точной информации, которую я впоследствии получала от Данте, ко мне как-то раз зашёл дон Бенвенуто Росси. Лекарь был очень расстроен и казался постаревшим лет на десять. Когда я спросила, в чём дело, он рассказал, что его старый друг Ренуар Скотт, преподававший на кафедре медицины Северного Астарольского университета, погиб во время атаки на город. Видимо, интуитивно почувствовав, что никто не поймёт его в этой боли так, как я, он пришёл в библиотеку, и ещё долго сидел, попивая то прихваченное им вино, то принесённый Бьянкой чай и рассказывая мне о больших научных достижениях своего друга, а также о тех проказах, которые они вместе совершали в юности.

Он ушёл, а я всё ещё оставалась под впечатлением от этих историй, и думала о том, кто из моих собственных университетских знакомых остался в живых, а кто — нет. Хотя бы касательно тех, что успели разъехаться из Астароли, я могла пребывать в относительной уверенности.

И, взяв лист бумаги, я снова принялась выводить на её белизне синеву слов.

Сидел в высокой башне звездочёт.
Имел он и достаток, и почёт,
Но вряд ли отдавал себе отчёт,
Насколько были знания полезны.
Он часто запирался изнутри.
И целый час, а может, даже три
Нередко — от заката до зари
В темнеющую вглядывался бездну.

В час волка, скорпиона и совы,
Порой цветенья ведьминой травы,
Он вглядывался в звёзды, но, увы,
Они давать ответа не хотели.
Но он трудился с ночи до утра,
В любую непогоду и ветра,
И в зиму, что на облачность щедра,
И в самые суровые метели.

В высокой башне не было окон,
Но слишком много ставилось на кон,
Столь важный он исследовал закон,
Что недосуг задуматься о стуже.
Он всё искал последнюю черту,
Меж небом и землёю на мосту.
В высокой башне, будто на посту,
Он жил и мир покинул на посту же.

Знал больше всех живущих, ну так что ж?
Он думал, что цена познаньям — грош,
Покуда самой сути не найдёшь.
И, с каждым днём всё более печально,
Забыв о выполненье прочих дел,
Он в небо необъятное глядел,
Как будто силясь высчитать предел
Вселенной, беспредельной изначально.

Шло время. Звездочёта больше нет.
Он за собой оставил яркий след.
Его со школы знает целый свет,
В большом долгу небесная наука.
Но есть загвоздка важная одна,
И в этом не учёного вина:
За редкие открытия цена —
Вседневное отчаянье и мука.

В тот день Данте перехватил меня в коридоре.

— Сандра! Можно с тобой переговорить?

— Конечно.

Благо его покои находились недалеко, мы прошли в располагавшуюся там гостиную.

— У меня есть к тебе одна просьба, — сказал он, когда мы уселись напротив друг друга (я, по собственному выбору, — в кресло, он — на диван). — Это никак не подпадает под сферу твоих обязанностей, но твоя помощь может оказаться для меня очень важной.

— Всё, что в моих силах, — не задумываясь, ответила я.

Topreading.ru

Он кивнул в знак благодарности.

— Слушай. В ближайшее время в армон приезжает гостья. Её зовут Айгуль-ханум. Она — старшая дочь Текер-бея, человека, довольно-таки известного среди арканзийской знати.

— Это званая гостья? — нахмурилась я, уже подозревая, каким будет ответ.

— Не так чтобы, — усмехнулся Данте. — Мне написал её отец и попросил предоставить ей кров, когда она будет проезжать через мои земли по дороге в галлиндийскую столицу. Дескать, девушка отправилась навестить свою дальнюю родственницу, а Текер-бей волнуется и хочет обеспечить для неё максимально комфортные условия во время поездки.

— Но тебя в этом что-то не устраивает, — отметила я. — Что именно? То, что она из Арканзии? Думаешь, таким образом бей хочет за тобой пошпионить?

— Сомневаюсь, — покачал головой Данте. — В этой стране не принято использовать для подобных целей женщин, тем более знатных. Но ты права, я не слишком доволен таким поворотом. И дело даже не в национальности гостьи. Ты знаешь, я недолюбливаю арканзийцев.

— Ты мне рассказываешь! — хмыкнула я, намекая, что моё собственное отношение к гражданам Арканзии куда как хуже.

— И тем не менее в данном конкретном случае проблема в другом, — продолжал Данте. — В конце-то концов, дать приют молодой женщине, которой негоже останавливаться на постоялых дворах сомнительной репутации, — святое дело, на что и давит в письме её отец.

— Но… — подбодрила я.

— Но штука в том, что я кое-что знаю про Текер-бея, — заметил Данте. — Например, то, что ехать из его имения в нашу столицу через мои земли — значить делать огромнейший и совершенно неоправданный круг. Неоправданный — если, конечно, для него нет другой причины, не указанной в письме. Кроме того, никогда не слышал, чтобы у этого семейства были родственники в Галлиндии, пусть даже дальние. Да и вообще отправлять незамужнюю девушку в путешествие одну — пускай со слугами и рабами, но без присмотра родственников мужского пола, — с точки зрения арканзийцев совершенно негоже. И тот факт, что отец Айгуль-ханум пренебрёг этим правилом, наводит на определённые мысли.

Я задумчиво водила подушечкой пальца по накрашенному бледно-розовым цветом ногтю.

— Незамужняя девушка в гостях — это ведь большая ответственность, — проговорила я. — Малейшая неосторожность со стороны хозяина-мужчины, случайное несоблюдение этикета, неудачное стечение обстоятельств — и гостья уже скомпрометирована.

— И что остаётся в этой ситуации делать хозяину? — подхватил Данте, улыбнувшись моей догадливости. — Конечно же, жениться на бедняжке.

— В противном случае он наносит страшное оскорбление самой девушке, её отцу, а заодно и всей арканзийской знати, — приняла эстафету я. — Да и среди галлиндийцев приобретает репутацию человека бесчестного. При этом такой пустячок, как смешанное месторождение отлично примирит обиженную сторону с неожиданным браком.

— Красивая схема, правда? — Данте говорил таким тоном, будто описываемая ситуация вовсе и не касалась его лично. Он просто давал высокую оценку чьей-то изобретательности.

— Красивая схема, правда? — Данте говорил таким тоном, будто описываемая ситуация вовсе и не касалась его лично. Он просто давал высокую оценку чьей-то изобретательности.

Это спокойствие немного меня нервировало.

— А… ты сам рассматриваешь вариант на ней жениться?

Я постаралась задать этот вопрос как можно более небрежным тоном.

— На арканзийке? — изогнул брови Данте.

— Фи! Ты не можешь отвергать женщину из-за её национальной принадлежности. Это нехорошо и не по-джентльменски, — попеняла я, с трудом удерживаясь, чтобы не запрыгать от радости.

— Давай будем считать, что я не джентльмен, и на этом закроем тему, — предложил Данте. — Хотя дело тут не в крови. Культура страны накладывает на большинство её жителей свой отпечаток. И отпечаток, накладываемый обычаями Арканзии, мне не по вкусу. А уж заполучить в тести Текер-бея — это всё равно, что поселиться на вулкане. И потом, на данный момент я вообще не планирую сочетаться браком.

Теперь чувство облегчения окончательно сменило напряжённость, разливаясь по телу приятным теплом. Чёрт побери, мне-то что за дело?!

— Как я понимаю, отменить её приезд никак нельзя?

Я постаралась настроиться на деловой лад.

— Нельзя, — подтвердил Данте.

— Значит, в общении с ней тебе придётся быть крайне осторожным.

— Совершенно верно. Но есть кое-что ещё, возможно, более важное.

— Что именно? — нахмурилась я.

— Как ты догадываешься, они приезжает не одна. С ней будет свита, и в том числе её главные сопровождающие — пять личных рабынь.

— И что же?

Пока я не видела в этом большой проблемы.

— Видишь ли, насколько мне известно, эти девушки обладают необыкновенной красотой, всецело преданы своей госпоже и выполняют для неё самые разные задачи, в том числе и щекотливого характера.

Я всё ещё смотрела непонимающе.

— Например, соблазнить нужного мужчину, — терпеливо пояснил Данте.

— И что? — хихикнула я. — Потом Текер-бей предъявит тебе претензию, мол, сударь, вы соблазнили мой гарем?

Я думала, что удачно пошутила, но, как оказалось, была излишне самонадеянна.

— Почти, — на полном серьёзе ответил Данте. — Видишь ли, Сандра, — продолжил он, видя, как насмешливое выражение на моём лице сменяется ошарашенным, — тут играют роль те самые культурные особенности. Конечно, если я — пускай и невольно — скомпрометирую Айгуль-ханум, мне придётся на ней жениться, и это как-то загладит ситуацию. И, тем не менее, для южанки это большой позор. Поэтому на такой шаг Текер и, по его наущению, Айгуль, пойдут разве что в самом крайнем случае. А вот рабыни — это совсем другое дело. Видишь ли, скомпрометировать чужих рабынь — значит нанести оскорбление их хозяину. Если, конечно, он сам не дал на то дозволения. А как уладить конфликт в случае подобного оскорбления? Женитьба на его дочери — совсем неплохой способ. Так что твоя шуточная версия об оскорблённом гареме недалека от истины.

Я пыталась постичь логику арканзийцев, хотя, признаться, этот процесс давался мне с трудом. Специфика рабовладельческого общества была для меня слишком чужда.

— В любом случае, в чём заключается проблема? — с некоторым раздражением осведомилась я. — В конце концов, ты — взрослый мужчина и понимаешь, в чём заключается их план. Ты что же, так-таки не способен сдержать себя в руках и не позволить себе лишнего?

Данте подался вперёд, в результате чего его лицо оказалось совсем близко к моему.

— Способен ли я сдержать себя в руках? — с придыханием спросил он. — Когда пять эффектных женщин, профессиональных соблазнительниц, обступят меня со всех сторон? Станут одновременно ласкать меня своими нежными руками, вырывать из объятий друг друга, чтобы завоевать право подарить мне поцелуй, будут бороться между собой за право моей близости? Так способен ли я буду сдержать себя в руках?

Я сглотнула. После таких слов мне уж и самой начинало казаться, что я бы не устояла перед напором пяти красавиц.

— Конечно, способен, — неожиданно ответил Данте, спокойно отстраняясь. — Но, — он поднял вверх указательный палец, — только при условии, что буду в здравом уме и твёрдой памяти. Не под действием алкоголя или других специфических препаратов. Не внезапно разбуженный ото сна. И так далее. А арканзийцы весьма изобретательны в подобных вопросах. Так что случиться может всякое. И полагаться на себя одного на все сто процентов было бы с моей стороны самонадеянно.

— Чего же ты ждёшь от меня? — нахмурила брови я.

— Чтобы ты помогла мне с ними справиться, — просто ответил он. — Будь начеку. Проследи за ними. Присутствуй вместе со мной на встречах с этой компании. Думаю, Айгуль-ханум я смогу взять на себя, а вот с её свитой мне понадобится помощь.

— Но в каком качестве я смогу присутствовать на встречах? И с какой стати эти девицы станут воспринимать меня всерьёз? — усомнилась я.

— С той стати, что я так хочу, — спокойно отозвался он. — С той стати, что ты занимаешь в армоне высокую должность и являешься моим приближённым лицом. С той стати, что я даю тебе официальные полномочия общаться с гостьями от моего лица. Поверь, этого более чем достаточно. Не только с моей точки зрения, но и в глазах арканзиек. Ты в чём-то сомневаешься?

Он видел, как я на него смотрела. Со скептицизмом, с недоверием, в попытке разгадать, что стоит за этой просьбой.

— Почему ты просишь об этом именно меня? — спросила я напрямик. — Есть ведь Ренцо. Есть твоя личная охрана.

— Конечно, есть, — согласился Данте. — И все они будут при деле. Ренцо обязательно будет участвовать в совместных трапезах и прочих мероприятиях. Охранники тоже буду начеку. Но не забывай: они все — мужчины. А, значит, те женские фокусы, которые эти девицы попытаются использовать против меня, могут сработать и на остальных. Ты же — женщина, и в этом твоё огромное преимущество. Тебя они не сумеют сбить с толку. Именно поэтому мне очень нужен твой свежий и не затмеваемый женскими прелестями взгляд. Ты сохранишь хладнокровие скорее, чем все остальные.

Вполне вероятно, что это действительно было так. Но вот сейчас хладнокровие всё больше мне изменяло.

— Данте, брось, — поморщилась я. — В армоне полным-полно женщин. Так почему же из всех ты обращаешься именно ко мне?

Данте слегка склонил голову набок и посмотрел на меня как-то странно, будто ждал, что я вот-вот сама разгадаю ответ.

— Потому что тебе я доверяю больше, чем другим женщинам армона, — сказал он затем.

Это было неожиданно. И лестно. Но одновременно не снижало степень моего раздражения. Быть может, даже, наоборот, повышало. Почему он привёл меня для этого разговора именно сюда? В свои покои? В место, где мы однажды вместе ночевали, пускай и в разных постелях? В по-своему интимное место, наконец? Что хотел этим сказать? Ведь он откровенно дразнил меня буквально минуту назад, когда придвинулся так близко, что его губы почти касались моего уха. Когда с придыханием в красках рассказывал о том, что будет, когда его начнут соблазнять одновременно несколько прелестниц. Что всё это означало? Он хотел показать, как много я потеряла, отвергнув его полтора месяца назад? Хотел посмотреть на мою реакцию? Или просто счёл, что в этих покоях, да ещё и на близком расстоянии никто не сможет подслушать наш разговор? Увы, я сильно подозревала, что правда заключалась именно в последнем. И это заставляло меня злиться ещё больше. И мне вдруг как никогда захотелось самой проявить инициативу, опрокинуть его на диван, придавить собственным телом, захватить его наглые губы, так беззастенчиво шептавшие недавно мне на ухо, обжечь их таким горячим поцелуем, который заставил бы его скинуть эту свою вечную маску холодного безразличия!

Это было неожиданно. И лестно. Но одновременно не снижало степень моего раздражения. Быть может, даже, наоборот, повышало. Почему он привёл меня для этого разговора именно сюда? В свои покои? В место, где мы однажды вместе ночевали, пускай и в разных постелях? В по-своему интимное место, наконец? Что хотел этим сказать? Ведь он откровенно дразнил меня буквально минуту назад, когда придвинулся так близко, что его губы почти касались моего уха. Когда с придыханием в красках рассказывал о том, что будет, когда его начнут соблазнять одновременно несколько прелестниц. Что всё это означало? Он хотел показать, как много я потеряла, отвергнув его полтора месяца назад? Хотел посмотреть на мою реакцию? Или просто счёл, что в этих покоях, да ещё и на близком расстоянии никто не сможет подслушать наш разговор? Увы, я сильно подозревала, что правда заключалась именно в последнем. И это заставляло меня злиться ещё больше. И мне вдруг как никогда захотелось самой проявить инициативу, опрокинуть его на диван, придавить собственным телом, захватить его наглые

губы, так беззастенчиво шептавшие недавно мне на ухо, обжечь их таким горячим поцелуем, который заставил бы его скинуть эту свою вечную маску холодного безразличия!

Но я, разумеется, сдержалась.

Айгуль-ханум приехала в армон рода Эльванди два дня спустя. Прибыла в сопровождении доброго десятка слуг, среди которых были и упомянутые Данте рабыни. При взгляде на них Ренцо присвистнул, да и мне, признаться, захотелось сделать то же самое. Роскошные, раскованные, женственные, в чём-то такие похожие, а в чём-то — совершенно разные, на любой вкус. От кареглазой брюнетки с высокой грудью до субтильной рыжеволосой девушки с зелёными глазами. И одежды на них на всех необыкновенно мало — приспущенные рукава обнажают загорелые плечи, разрезы на юбках открывают взгляду лодыжки и икры. Наряд, допустимый для рабыни и никак не приемлемый для свободной, пусть даже самого низкого сословия. Стоит ли уточнять, я ничего подобного не носила.

Сама Айгуль выглядела, конечно же, значительно более пристойно. Её одежда была более закрытой, но тем не менее не скучной, весьма нарядной и украшенной принятыми в Арканзии узорами и лентами. Невероятно длинные чёрные волосы заплетены в две тугие тугие косы. Косы доходили до бёдер. Это какой же длины должны быть волосы, если их расплести? Я покосилась на Данте. Уж не прикидывает ли он, как эта девушка будет выглядеть неглиже и с распущенными волосами. Наверняка зрелище весьма впечатляющее. Айгуль была худая, довольно высокая, с хорошей фигурой, с большими тёмными глазами. Но Данте стоял по-прежнему холодный, бесстрастный, с натянутой улыбкой вежливости на лице.

Он поприветствовал девушку, как было положено. Следом поздоровались и мы с Ренцо, вышедшие встречать гостью вместе с Данте. Таким образом, мы демонстрировали статус его приближённых.

Девушку проводили в отведённые для неё покои, отдохнуть с дороги.

— Если вы не станете возражать, ваших рабынь мы поселим этажом ниже, в отведённом для слуг крыле, — вежливо произнёс Ренцо.

Возражать Айгуль не стала.

Что ж, все разошлись по своим комнатам. До ужина встреча хозяина с гостьей не предполагалась.

Однако же расслабляться я не спешила. Вместо этого, предварительно подготовившись, отправилась прямиком в комнаты, отведённые для рабынь.

— Здравствуйте, девушки! — бодро заявила я, входя.

Как я и ожидала, все они находились в одной комнате, хотя получили в своё распоряжение две. Две из них сидели на низкой кровати, ещё две — на покрывавшем пол ковре (как видно, от привычки легко не отделаешься), ещё одна в момент моего прихода стояла возле зеркала.

Рабыни ответили на приветствие, хотя и не слишком воодушевлённо. По-моему, я помешала какому-то обсуждению. Теперь они внимательно разглядывали меня, с совершенно неприкрытым маломальскими рамками приличия интересом. Впрочем, арканзийские понятия о приличиях порой глобально отличаются от моих собственных, так что, быть может, их

поведение вполне соответствовало южным нормам. Взгляды были не так чтобы враждебными, но и не дружелюбными тоже; скорее высокомерными и оценивающими. Да-да, высокомерие было не чуждо и рабыням; тут весь вопрос заключался в их статусе, определённом хозяином. В силу той же логики девушки, заметив моего дракона, не отнеслись ко мне как к существу, не стоящему внимания. Данте успел внятно протранслировать, что я являюсь чуть ли ни его правой рукой, и при таком раскладе рабыня я или не рабыня, большого значения уже не имело.

— Как устроились на новом месте? — всё так же бодро поинтересовалась я. — Всё хорошо? Или, может быть, вас что-нибудь не устраивает?

Девушки переглянулись, пожали плечами, мол, вроде бы всё в порядке. Я утвердительно кивнула и воодушевлённо продолжила.

— Чтобы вы не скучали, я как Архивариус и по совместительству человек, заведующий в этом армоне библиотекой, принесла вам несколько книг для лёгкого чтения.

Я с большим удовольствием освободилась от оттягивавших руки томов. Лёгкое чтение на поверку оказалось весьма тяжёлым.

— Видите ли, — я слегка понизила голос, придав ему доверительные интонации, — дон Эльванди очень не любит, чтобы по армону ходили без дела. Кроме того, он чрезвычайно ценит грамотность и начитанность, среди всех, не только вельмож, но даже конюхов. Вот, к примеру, совсем недавно его камердинер приходил ко мне за монографией по психологии. Словом, очень рекомендую вам ознакомиться с этими трудами, которые дон Данте считает наиболее достойными примерами галлиндийской художественной литературы. Книги написаны по-арканзийски, так что языкового барьера не возникнет. Надеюсь, вы все обучены грамоте?

Я задала этот вопрос таким тоном, словно неграмотной девушке лучше сразу же вставать с места и отправляться из армона восвояси.

— Обучены, — ответила за всех одна.

— Очень хорошо, — обрадовалась я. — В таком случае мы сделаем так. Сейчас я раздам вам книги, вы их прочитаете, а затем мы обсудим сюжеты и основные мотивы произведений. Таким образом вы сможете поддержать разговор о литературе, если дон Эльванди пожелает поднять эту тему. Конечно, прочитать это всё до ужина вы не успеете, — признала я, глядя на толстенные тома. — Давайте сделаем так: каждая из вас прочитает первую треть выделенного ей произведения. А за ужином мы обсудим прочитанное.

Девушки энтузиазма не проявили, но и выступать в открытую против пожелания хозяина армона не стали. Знал бы ещё сам хозяин, что у него такие пожелания!

— Отлично. — Позитивность и энергичность были необходимы, чтобы не дать им вовремя опомниться. — В таком случае начнём. Скажите, вот вы любите сладкое? — спросила я, обращаясь к рабыне с роскошной женственной фигурой, которая явно не страдала от недоедания.

— Ну… вообще-то да, люблю, — усмехнувшись, призналась она.

— Прекрасно! — обрадовалась я. — В таком случае эта книга для вас.

И протянула ей томик, на обложке которого красовалось название «Сладкая смерть».

Дальше в ход пошли книги «Высокие чувства», «Раскаяние на берегу пруда», «Уместен ли катарсис на рабочем месте?».

Быстренько распрощавшись с гостьями, я удалилась. Но предварительно попросила Бьянку покрутиться поблизости. Если удастся, послушать, о чём говорят рабыни, а также моментально известить меня, если они надумают покинуть свои комнаты. Была, конечно, вероятность, что мне удалось занять их делом до ужина, но гарантировать послушание с их стороны никто не мог. К слову, в последнем опасении я оказалась права.

Я отправилась к Данте, поскольку хотела обсудить с ним кое-какие нюансы касательно сегодняшнего ужина. Нам с Ренцо предстояло участвовать в трапезе наравне с Айгуль и самим Данте; рабыням же, по пожеланию гостью, должны были накрыть отдельный стол (говоря точнее, постелить специальные циновки) в той же комнате, на некотором расстоянии от нас. Я планировала поговорить с Данте о деталях, но его не застала. Марито сообщил, что хозяин отправился в баню.

Что ж, привести себя в порядок перед ужином с гостьей — это логично, даже если не собираешься на ней жениться. Я вернулась к себе. Казалось бы, всё, что возможно, сделано, но я продолжал чувствовать себя, как на иголках. На месте не сиделось. Мне всё казалось, что что-нибудь пойдёт не так. Когда я почти сумела убедить себя, что до самого ужина никаких неприятностей можно не ожидать, в комнату вошла Бьянка.

— Какие новости? — тут же спросила я.

— Там ужасная слышимость, — пожаловалась девушка. — У нас в армоне слишком хорошая звукоизоляция.

— Да, это существенный недочёт, — согласилась я. — Надо бы поговорить с доном Эльванди. Тебе совсем ничего не удалось услышать?

— Когда Клара принесла им напитки, дверь открывалась, и вроде бы они говорили о том, что намерены пойти в баню.

Бьянка развела руки в извиняющемся жесте, дескать, ничего более ценного разузнать не удалось.

Ну что ж, помыться с дороги перед ужином — это логично… Стоп.

В душу закрались очень нехорошие подозрения. Оставалась последняя надежда.

— Скажи-ка, Бьянка, а как ты думаешь, в какую баню они пойдут? — поинтересовалась я. — Наверное, для слуг, да?

Девушка задумалась.

— Нет, вряд ли, — покачала головой она. — Они приближённые гостьи, состоят у неё на хорошем счету. Ухоженные такие. Нет, думаю, им полагается в господскую баню.

Я соскочила с кровати, на которой до сих пор сидела, и вылетела из покоев, скрипя зубами. Ну конечно, в господскую! С каких это пор я стала так пренебрежительно относиться к рабам? Баня для слуг, как же! Сама-то в какую хожу? И вовсе их не мытьё с дороги интересует! Они каким-то образом прознали, что Данте сейчас именно там, и намерены воспользоваться ситуацией. Тут ведь даже соблазнять никого не надо, хотя в бане это, пожалуй, не слишком

сложное занятие. Если голого мужчину застанут в таком месте с голыми женщинами, вопрос решится сразу. Было между ними что-нибудь, или они просто о катарсисе беседовали, никого уже не заинтересует.

Я побежала ещё быстрее. На входе, конечно же, стоял лакей, но разве это остановит пятёрку решительно настроенных девиц? Меня, например, не остановило. Я просто рявкнула «Никого сюда не пускать» и проскочила внутрь прежде, чем он успел опомниться.

— Но там же дон Эльванди! — воскликнул мне в спину лакей.

— Знаю! — крикнула, не прерывая бега, я. — Потому и иду!

Могу только гадать, что именно подумал на сей счёт лакей, но останавливать меня, что характерно, не стал. Как видно, решил, что если женщина с такой скоростью бежит навстречу обнажённому мужчине, ей лучше не мешать (не то и самому мало не покажется).

Первую комнатку, предназначенную для переодеваний, я миновала очень быстро. Вбежав в основное помещение бани, закрыла за собой дверь. Жаль, засовы не предусмотрены.

Здесь было очень-очень жарко, в одежде особенно. Платье сразу же стало неприятно липнуть к телу, лоб покрылся испариной. Поднимавшийся в воздух пар несколько ухудшал видимость, но Данте я обнаружила достаточно быстро. Он стоял на самом краю одного из бассейнов. Разумеется, абсолютно голый.

Мокрый волосы липли ко лбу и шее. Смуглая кожа блестела и была покрыта крохотными капельками. Поджарый живот, родинка на плече, короткий шрам на левом боку. Мускулы присутствуют, но без фанатизма, не настолько ярко выраженные, чтобы на них становилось неприятно смотреть.

Увидев меня, Данте, со своей стороны, играть в гляделки не стал. Расширил глаза от удивления, оступился и рухнул в бассейн, на краю которого стоял. Раздался оглушительный всплеск, брызги полетели мне в лицо и на одежду. Интересно, какая там вода — холодная или горячая? Вечно я путаю эти два бассейна.

Размышляла я об этом довольно-таки хладнокровно. Шансов утонуть у Данте не было, а устремившаяся за мной попятам проблема была куда как серьёзнее.

— Как водичка? — осведомилась я, подходя поближе и на всякий случай даже протягивая ему руку.

Но Данте моего благородного жеста почему-то не оценил.

— Какого чёрта ты здесь делаешь?! — заорал он, едва отплевавшись от попавшей в рот воды и протерев глаза.

Ого, таким я его ещё ни разу не видела. На моей памяти он никогда так откровенно не выходил из себя.

— Вырабатываю в тебе выдержку, — жёстко ответила я. — Хочу проверить, как ты отреагируешь, когда на моём месте окажутся одновременно пять голых девиц.

— Что ты несёшь? — начал было Данте, но, кажется, пока он говорил, смысл моих слов дошёл до него в полной мере. — Чёрт! — снова заорал он.

Однако же из бассейна вылезти не торопился.

— Данте, я знаю, как выглядит мужчина, — просветила я его, стремясь успокоить хотя бы в этом вопросе.

— Сандра, лучше помолчи! — рявкнул он. — Не то я сообщу тебе, что даже если бы и не был в курсе, как выглядит женщина, то теперь ты неплохо меня проинформировала.

Вздрогнув, я опустила глаза на свою одежду. М-да, забрызганное водой платье, прилипшее к телу, довольно неплохо демонстрирует окружающим все изгибы и выпуклости, характерные для женской фигуры. Взгляд Данте, к которому начало возвращаться самообладание, недвусмысленно подтвердил, что я поняла его слова совершенно правильно.

— Так, будем ждать гостий или всё-таки попробуем что-нибудь предпринять? — осведомилась я, даже не пытаясь прикрыться ладонями — всё равно бесполезно.

— Они точно идут сюда?

— Ещё как идут. Думаю, даже летят, на крыльях э… не то чтобы любви, но чего-то подобного, — съехидничала я. — Думаю, им надо было отыскать нужные вещи в своих сундуках, только поэтому я успела быстрее.

Данте тихо выругался.

— И что делать?

— Здесь никакого запасного выхода нет? — спросила я, оглядываясь.

— Сандра, это баня! — простонал Данте. — Баня, а не тюрьма! Отсюда никто не роет подземный ход!

— Очень плохо! — констатировала я. — Значит, так. — Мысли медленно, но всё-таки формировались в голове. — Идёшь в соседнее помещение и тихо сидишь там, пока они не уйдут.

Как же здесь жарко! Кажется, сегодня банщик всё-таки переборщил с температурой. Или это оттого, что Данте выбрался из бассейна и снова предстал передо мной в первозданном виде? Я старательно подняла взгляд повыше.

— Постараюсь их спровадить.

После этих слов я повернулась к нему спиной и стала поспешно стягивать с себя платье. О том, наблюдает ли Данте за этой картиной, старалась не думать. Точнее, старалась убедить себя, что мне всё равно. В любом случае, платье, пришедшее в нынешнее плачевное состояние, и так мало что скрывало. Раздевшись, я поспешила завернуться в полотенца.

— Ты ещё здесь? — спросила я, не оборачиваясь.

Ответом была захлопнувшаяся дверь. Нуда, конечно. Вот теперь он не здесь. Когда всё самое интересное закончилось.

С моей точки зрения, впрочем, всё самое интересное только начиналось.

Я успела выскочить в предбанник как раз вовремя, чтобы перехватить ввалившихся туда

красоток. Как я и предполагала, присутствие снаружи лакея их вовсе не остановило.

— Девушки! — воскликнула я прежним бодрым голосом. — Вы тоже решили прийти помыться? Надо же, какое совпадение!

Рабыни, ещё не успевшие раздеться, сверлили меня подозрительными взглядами, то и дело переводя глаза друг на друга.

— А я как раз начала купаться, вот, думаю, придётся сидеть в одиночестве, — вдохновенно врала я. Наградой мне было удивление и следующее за ним разочарование на их лицах. Да, не случайно они сюда собрались, это точно. Выведали каким-то образом, что сюда направляется Данте. Ну ничего, пускай теперь решат, что получили неверную информацию. — Как чудесно, что вы ко мне присоединились! Теперь мы прекрасно проведём время. До ужина ведь ещё пару часов. Будем обсуждать книги. Вы ведь уже начали их читать, верно? Успеем поговорить и о катарсисе, и о смерти, и о покаянии…

На короткий миг мне показалось, что катарсис случится с одной из них прямо в бане. Но обошлось. Девушки попереглядывались, потом пошептались. Всё это время я с гостеприимной улыбкой удава призывно указывала на дверь в баню. Посовещавшись, девушки объявили, что, кажется, передумали мыться и сходят сюда в другой раз. А пока пойдут почитают. На этом данный виток истории был закончен.

Но победить в бою ещё не значит выиграть войну. Ибо через два часа состоялся ужин.

Сначала мы вчетвером с гостьей, Данте и Ренцо чинно сидели за столом, в то время как рабыни ужинали чуть в стороне. Но, высидев положенные по этикету четверть часа и расправившись за это время со своей порцией, я потихоньку перекочевала к расположившимся на циновках девушкам.

— Ну что, приступим к обсуждению? — радостно осведомилась я, усаживаясь возле них. — С какой книги начнём?

Девушки молчали.

— Стесняетесь? — «понимающе» улыбнулась я. Чем-чем, а стеснительностью рабыни точно страдали в последнюю очередь. — Тогда давайте я начну. Думаю, в первую очередь нам с вами следует определить разницу между темой и мотивом в литературном произведении. Это поможет дальнейшей дискуссии, сделает её понятнее и одновременно глубже. Итак, тема — понятие значительно более абстрактное, чем мотив, и весьма многогранное…

Я говорила и говорила. Слова находились легко, содержание иногда соответствовало действительности, а иногда — отнюдь. Я, как-никак, была по образованию отнюдь не литературоведом. Но умных слов нахваталась и из этой области, а поймать меня на неправильном определении такого термина, как «семантическое поле», вряд ли кто-нибудь из присутствующих бы сумел.

После того, как собственно ужин подошёл к концу, разделение между нашими двумя компаниями стало немного менее чётким. Господа пересели кто на диван, кто в кресло, в гостиную пришёл музыкант, который ненавязчиво заиграл мелодию, призванную служить приятным фоном во время общения. Разносивший напитки и сладости лакей подходил как к компании Данте, так и к нам. Затем, следуя указанию Данте, он вышел, оставив поднос на низком столике.

Когда Ренцо полностью завладел вниманием Айгуль, рассказывая свои коронные забавные истории (запас которых был просто неисчерпаем), Данте отошёл в сторонку и подозвал меня к себе.

— Любопытная дискуссия на тему катарсиса, — с лёгкой иронией заметил он. — Только я не всё понял.

— А в этой теме никто не понимает всего, — откликнулась я. — Тем она и хороша. На неё можно рассуждать до бесконечности.

— И именно это, я так чувствую, ты и вознамерилась сегодня сделать? — усмехнулся он, скосив глаза на прислужниц гостьи.

— Приблизительно.

Я решила не вдаваться в очевидные нюансы вроде того, что бесконечность сегодняшним днём не исчерпывается.

— Я в тебе не ошибся, — отметил Данте. — А ты ещё спрашивала, почему я обратился за помощью именно к тебе. Ну, кто ещё, скажи на милость, мог бы придумать — а, главное, исполнить! — нечто подобное?

— Автор той книги о катарсисе, которую я выдала для чтения одной из этих милых девушек, — не задумываясь, ответила я.

— Кстати, откуда ты раскопала эту книгу? — оживился Данте. — Неужели в моей библиотеке?

— Ну, конечно же, в ней, — откликнулась я. — Где же ещё?

Тем временем одна из рабынь поднесла бокал с вином своей госпоже. Та сделала небольшой глоток.

— А вы, дон Данте? Выпьете со мной? — спросила, призывно улыбаясь, она.

— Ну конечно же, — проявил галантность Данте.

— Я принесу, — вызвалась рабыня и вернулась обратно к подносу.

Я нахмурилась. Вроде бы ничего подозрительного: девушка просто взяла один из бокалов, которые наполнил вином перед своим уходом лакей. И понесла прямиком Данте. Вот только мой взгляд задержался на указательном пальце державшей бокал руки. Точнее сказать, на надетом на палец кольце. Это было кольцо с крупным зелёным камнем, который в действительности являлся обманкой. Внутри он был пустым, и созданный таким образом тайничок нередко служил вместилищем яда, наркотиков и прочих неодобрявшихся обществом порошков. Подобные кольца были редкостью, но я хорошо о них знала благодаря своей профессии, ведь подобным образом изготовлялись некоторые магические амулеты. Поэтому я не только описывала данную систему в своей диссертации, но и имела дело с подобными кольцами в музеях.

Возможно, я и не догадалась бы, что на палец рабыни надет именно такой перстень, если бы она не проявила небрежность, недостаточно плотно закрыв тайник. В итоге крышка, изображающая верхнюю часть камня, оказалась немного приоткрытой. Значит, она уже успела высыпать содержимое в бокал, воспользовавшись тем, что оказалась вне поля моего зрения,

когда я разговаривала с Данте. Вот и общайся после этого с людьми о катарсисе!

Что было делать? Прилюдно обвинить рабыню — значит, нанести оскорбление не только ей, но, главным образом, её госпоже. А это чревато весьма нехорошими последствиями, в первую очередь, опять же, не для меня, а для Данте. Вот чёрт бы побрал всю эту их южную систему этикета, когда люди не отвечают за свои слова и поступки сами!

В общем, я поступила крайне просто и совершенно неприемлемо для взрослого человека с высшим образованием. То есть подставила рабыне подножку. Она споткнулась, удержать равновесие сумела, но бокал выронила. Разбиться он не разбился, но всё содержимое, разумеется, пролилось на пол. А поскольку вино было сладкое, Джекки, лохматый рыжий пёс, поспешно подбежал и вылакал всё без остатка. «Ну что ж, удобная штука — собака, — подумалось мне. — Пол мыть не надо».

— Ох, простите, я такая неловкая! — воскликнула я, торопясь помочь девушке. — Право, я очень сожалею, это целиком и полностью моя вина!

— Вашей рабыне следовало бы быть поаккуратнее. — В голосе Айгуль сквозило столько желчи и недовольства, что я убедилась окончательно: она отлично знала, что было в предназначенном для Данте бокале.

Я покаянно вжала голову в плечи, ожидая от Данте показного выговора, но он лишь пожал плечами:

— Равно как и вашей.

Не скрою, мне было приятно. Да, я сделала это ради него, и он отлично понимал, по какой именно причине. И тем не менее, Данте мог бы напоказ вылить на меня ушат недовольства. Вместо этого он фактически за меня заступился.

По-прежнему держа глаза долу, я отошла от господ подальше и уселась на циновки, якобы демонстрируя таким образом чувство вины и покорность. Дескать, моё место именно здесь. Рабыня поступила также, кидая на меня злые взгляды, но вслух не ругаясь. Подсыпать что-нибудь в другой бокал она не имела возможности: во-первых, я бдительно за ней следила (с весьма покаянным видом), а во-вторых, её тайник был пуст, и вряд ли она носила при себе ещё один запас. А вот другие рабыни могли, хотя соответствующего кольца я ни у одной из них не заметила. Но есть и другие способы — к примеру, спрятанные в корсете флакончики. Так что я старалась быть начеку.

— Хочешь, я расскажу тебе о семантическом поле? — примирительно предложила я уронившей бокал девушке.

Та шарахнулась от меня, как чёрт от ладана.

Рабыни приуныли, господа тоже притихли. Даже Ренцо молчал, подбирая очередную весёлую историю. А вот Джекки неожиданно оживился. Засуетился, забегал по комнате. Затем подбежал к Айгуль, встал на задние лапы, обхватив передними её правую ногу, после чего принялся делать весьма неприличные движения.

Вскрикнув, Айгуль дрыгнула ногой, пытаясь избавиться от наглого животного. Но не тут-то было. Пёс оказался не только наглым, но и настойчивым, и выпускать объект своего внимания не собирался. Айгуль отскочила на шаг назад. Джекки передвинулся вместе с ней, не прерывая своего занятия.

— Что делает эта собака?! — возмущённо воскликнула девушка.

Данте и Ренцо как-то подозрительно и синхронно отвернулись. Я, в общем-то, хотела сказать: «Ваша правая нога только что потеряла девственность», но это было бы нарушением всех возможных норм этикета.

— И в самом деле, странно: что такое случилось с псом? — Мой удивлённый взгляд был предсказуемо направлен на обладательницу кольца с тайником.

Та отвела глаза.

— Уведите отсюда этого пса! — распорядился Данте.

— Просто из комнаты или в определённое место? — уточнил специально вызванный по такому случаю слуга.

Он уже ухватил Джекки за ошейник и, несмотря на все старания последнего, удерживал пса на расстоянии от Айгуль.

— Так, чтобы он не мешал нашей гостье, — откликнулся Данте. — Пожалуй, будет лучше всего временно отвести его на псарню.

Слуга склонил голову и удалился. При этом пёс сопротивлялся, пытаясь удержаться всеми четырьмя лапами. В результате его перемещение за дверь сопровождалось громким скрипом царапающих пол когтей. Ну что ж, должно быть, в скором времени количество щенков в армоне существенно повысится. И я ни капли не удивлюсь, если многие из них окажутся рыжими.

— Скажи, откуда берутся такие волосы, как у тебя? — восхищённо спросила одна из рабынь, передвигаясь ко мне поближе.

Её вопрос показался мне забавным, учитывая, что сама девушка была рыженькая, а в моей стране рыжие волосы встречались значительно реже, чем светлые.

— Оттуда же, откуда любые другие, — улыбнулась я, не переставая однако же поглядывать за остальными рабынями. — С рождения.

— И это не специальная краска? — продолжала допытываться она.

Я покачала головой.

— Там, откуда я родом, такие волосы не редкость. Блондинок у нас примерно столько же, сколько брюнеток.

— То есть у половины женщин такие волосы, как у тебя? — изумилась рабыня.

— И у половины мужчин тоже, — дополнила я. — Ну, не совсем такие же. У кого-то совсем светлые, у кого-то потемнее. Оттенков много. Но вообще блондинов — примерно половина.

Всё это время я не переставала краем глаза наблюдать за действиями рабынь. Все они сидели на своих местах и козней покамест как будто не строили. Так что я продолжала беседовать с девушкой о цвете волос до тех пор, пока не услышала шипение Данте. Резко обернулась на этот не столько громкий, сколько резкий и неожиданный звук.

— Ах, прошу прощения, я такая неловкая! — покаянно воскликнула Айгуль, торопливо пряча какой-то предмет.

— Ничего страшного, — поспешил по-джентльменски заверить ей Данте, на секунду прикладывая палец ко рту.

Похоже, он чем-то укололся.

Вроде бы ничего подозрительного, но произнесённые Айгуль извинения уж больно походили на мои собственные. А рыженькая рабыня, расспрашивавшая меня про блондинок, имела уж слишком довольный вид. Извинившись, я подошла к Ренцо и торопливо отвела его в сторону.

— Что произошло? — встревоженно спросила я.

— Айгуль передала Данте книгу и случайно уколола его своей заколкой, — пояснил кастелян.

— Случайно? — подозрительно переспросила я.

— Так это выглядело. Ты сомневаешься?

— Ренцо, зачем ей заколка, учитывая, что её волосы заплетены в тугие косы? А даже если она нужна, почему была не на голове, а в руке? И именно в тот момент, когда рука, казалось бы, занята другим предметом? И наконец, почему заколка настолько острая? Я ведь правильно понимаю: Данте укололся до крови?

— Ничего страшного, — поспешил по-джентльменски заверить ей Данте, на секунду прикладывая палец ко рту.

Похоже, он чем-то укололся.

Вроде бы ничего подозрительного, но произнесённые Айгуль извинения уж больно походили на мои собственные. А рыженькая рабыня, расспрашивавшая меня про блондинок, имела уж слишком довольный вид. Извинившись, я подошла к Ренцо и торопливо отвела его в сторону.

— Что произошло? — встревоженно спросила я.

— Айгуль передала Данте книгу и случайно уколола его своей заколкой, — пояснил кастелян.

— Случайно? — подозрительно переспросила я.

— Так это выглядело. Ты сомневаешься?

— Ренцо, зачем ей заколка, учитывая, что её волосы заплетены в тугие косы? А даже если она нужна, почему была не на голове, а в руке? И именно в тот момент, когда рука, казалось бы, занята другим предметом? И наконец, почему заколка настолько острая? Я ведь правильно понимаю: Данте укололся до крови?

— Да, — подтвердил Ренцо. — Хм. Полагаешь, теперь он уснёт и проспит сто лет, пока его не разбудит поцелуем прекрасная принцесса?

— Боюсь, до поцелуя придётся ждать гораздо меньше, и принцесса будет не одна, а целых пять, — мрачно описала я эту радужную картину. — Так что предлагаю срочно вывести его отсюда под благовидным предлогом. Во избежание сюрпризов.

— А если всё это — действительно простая случайность?

— Возможно. Но лучше перестраховаться.

— Согласен.

Я шёпотом изложила ему свой нехитрый план, после чего вышла из комнаты. Быстро переговорила с дежурившим снаружи стражником и вернулась к гостям.

Несколько минут спустя стражник, тяжело дышащий и взъерошенный, ворвался в гостиную.

— Дон Эльванди, пожар в южном крыле! — воскликнул он. — Перевернулся канделябр, огонь быстро распространился по коридору. Мы начали эвакуировать людей.

Данте подскочил с кресла.

— Простите, Айгуль-ханум, я вынужден на время вас покинуть.

— А что же делать нам?

Девушки в панике заметались по комнате.

— Прошу вас оставаться здесь, — вежливо, но настойчиво произнёс стражник. — На данный момент эта часть армона — самая безопасная. Поверьте, здесь вам ничего не угрожает. В случае, если огонь распространится настолько далеко, мы заблаговременно выведем вас наружу. А пока, в целях вашей безопасности, — с нажимом уточнил он, — никуда не выходите из этой комнаты.

Девушки послушались. Мы же с Ренцо последовали за Данте.

— Что там могло произойти? — хмурясь, бросил он, быстро двигаясь в направлении южного крыла.

— Данте, постой! — окликнула я его. И, нагнав, уже тихо добавила: — Никакого пожара нет.

— То есть?

— То есть мы придумали это, чтобы увести тебя подальше от охотниц за приданым, — пояснил Ренцо. — Вернее сказать, Сандра придумала.

— Хм, неплохая идея, — признал, расслабляясь, Данте. — Признаться, они порядком мне поднадоели. Но вернуться всё равно придётся: не могу же я исчезнуть совсем и даже не попрощаться с гостьей перед сном.

— Не придётся, — возразил Ренцо. — Возвращаться не стоит.

Я приложила палец к губам, и кастелян понял смысл этого знака. Не следовало рассказывать Данте о наших предположениях касательно укола. К чему запугивать его прежде времени? Не слишком приятно сознавать, что в твою кровь вели неизвестный препарат, который скоро начнёт действовать. А что если это всего лишь мои домыслы?

— Я вернусь сам и объясню, что ты вынужден заниматься тушением пожара, — вызвался Ренцо. — Самолично таскаешь вёдра, спасаешь из огня детей и котят и кого ещё оттуда обычно спасают?

— Прекрасных девушек, — подсказала я.

— Прекрасных девушек не надо, — возразил Ренцо. — Не то у этих шести возникнет нездоровое желание броситься в огонь, дабы оказаться в числе спасённых. Придётся и вправду поджигать армон.

— Давай обойдёмся без таких драматичных историй, — посоветовал Данте.

— Хорошо. — Ренцо был сама покладистость. — Я скажу, что ты не тушишь пожар сам, но вдохновенно руководишь процессом. И побуду с ними ещё немного, пока они не вознамерятся отправляться спать.

— Отличная идея, Ренцо! — похвалила я. — Расскажи им ещё несколько своих историй.

— Я бы с удовольствием, — задумчиво проговорил кастелян. — Беда заключается в том, что с некоего момента всё, что мне приходит в голову, — это истории о собаках. И я опасаюсь, что меня неправильно поймут.

— Ты хотел сказать «правильно», — ухмыльнулась я.

— Ну, скажем так, «нехорошо поймут», — вывернулся Ренцо.

Данте зевнул, с трудом успев прикрыть рот рукой.

— Хорошо, что мы ушли, — отметил он, замедляя шаг. — Похоже, они немало меня утомили. В сон клонит.

Мы с Ренцо взволнованно переглянулись. Похоже, это всё-таки не был безобидный укол. Вот только что за гадость попала Данте в кровь? Простое снотворное?

— Поговори со стражей, пусть постараются под предлогом пожара проследить, чтобы девицы не покидали своих спален, — шепнула кастеляну я.

— Сделаю, — кивнул он. — А то если нынешнее зелье похоже на то, которое вылакал пёс, Айгуль-ханум рискует остаться без ног.

Несмотря на шутку, я видела, что Ренцо относится к ситуации весьма серьёзно. Сказать по правде, в моём государстве девицу запросто можно было бы привлечь к суду. Даже при том, что её отец — высокопоставленный вельможа. Данте, как ни крути, тоже не мальчик из приюта. Вызвали бы алхимиков, опросили свидетелей… Но Астароли фактически больше нет. А здесь приходится играть по местным правилам. То есть хитрить, изворачиваться и интриговать. Всё-таки я терпеть не могу юг.

По мере приближения к покоям Данте всё чаще спотыкался, хоть, кажется, и не нервничал из-за этого факта, даже усмехался собственной неловкости. Мы с Ренцо помогли ему войти и усадили на диван. Затем кастелян собрался уходить.

— Пойду посмотрю, как там наши охотницы за приданым, — сказал он. — Сандра, ты со мной?

— Нет. Пожалуй, я лучше останусь. Они, конечно, не рассчитывали на нынешний поворот, но кто их знает? Вдруг попытаются пробраться и сюда? Лучше покараулить.

— За дверью будет дежурить охрана, — напомнил Ренцо.

— Ага, как и в бане, — съехидничала я, хотя была не уверена, в курсе ли Ренцо той истории. — Нет, лучше я всё-таки проконтролирую ситуацию сама. Но ты скажи охраннику, чтобы был настороже.

— Сандра… — Ренцо в нерешительности прикусил губу. — Если ты здесь останешься, там, снаружи, это могут неправильно понять.

— Могут, — согласилась я. — Как и в первую ночь, которую я провела в армоне. — Ренцо, поверь, — моя рука дружески легла ему на плечо, — после вот этого, — короткий взгляд на знак дракона, — все остальные пятна на репутации — это такая ерунда!

— Ты неправа, — заявил кастелян, глядя мне прямо в глаза. — Ты ошибаешься, Сандра, и я хотел бы тебе это доказать. В любом случае извини. Я просто хотел предупредить.

— Спасибо, я всё понимаю, — ничуть не обиженно кивнула я.

Ренцо ушёл. Я закрыла за ним дверь и даже на всякий случай заперла на замок, пока он переговаривался с оставленным снаружи стражником. Что ж, будем надеяться, что ночь пройдёт спокойно. Данте ляжет спать, я пристроюсь где-нибудь в гостиной, а наутро девицы благополучно уедут. Они ведь здесь по легенде только проездом. Да и оставаться в доме холостого мужчины на продолжительный срок, вот так, путешествуя без сопровождения близких родственников мужского пола, — для арканзийской девушки это лёгкий способ погубить свою репутацию. Причём поскольку приехала она по собственной инициативе, Данте такой расклад ни к чему не обяжет.

— Сандра! — позвал меня Данте, отрывая от размышлений. — Садись.

Я подошла и опустилась рядом с ним на диван.

— Ты хотел о чём-то поговорить? — спросила я, вглядываясь в его лицо. Глаза как-то странно блестели.

— Поговорить? — переспросил он.

Говорил нечётко, язык, кажется, ворочался с трудом. Все признаки указывали на действие какого-то препарата.

— Сандра, ты такая красивая! — Его рука без малейших колебаний погладила меня по голове. — И у тебя такие необыкновенные волосы!

Загорелые пальцы поиграли с прядью, потом коснулись моей щеки. Меня словно обожгло от этого прикосновения. А губы Данте уже были совсем-совсем близко, и его дыхание обжигало кожу ещё сильнее.

— Данте…

Я попыталась отсесть подальше, но его руки обхватили мою спину и не позволили отстраниться.

— Перестань, наконец-то, убегать.

— Данте, отпусти, — через силу проговорила я, чувствуя, как его рука спускается по шее к ключице, и невольно отзываясь на это движение. — Это просто наркотик, тебя чем-то опоили.

— Наркотик? — переспросил Данте, впрочем, без особого интереса: теперь его рука исследовала сквозь ткань платья мою грудь. — Впрочем, тем лучше.

В его словах не было никакой логики, но это и неудивительно. Он коснулся губами моих губ, и я не выдержала, ответила на поцелуй. Голова закружилась, перед глазами вспыхнули сотни ярких звёздочек. Тело отзывалось на его прикосновения такими сумасшедшими ощущениями, что я полностью теряла контроль над собой. Что ж такое?! Я-то никакого наркотика не принимала!

— Отпусти, — повторила я, отстраняясь от его губ немыслимым усилием воли.

— Зачем? — Он как будто удивился моим словам. — Не собираюсь тебя отпускать. Неужели ты до сих пор не поняла?

Поддавшись его пальцам, платье сползло, обнажая плечо. Данте тут же впился в него губами. Затем его рука принялась пробираться дальше под ткань. Что же мне делать?!

В голове метались мысли о возможных действиях. Позвать на помощь стражника? Дверь заперта, но я сумею до неё добраться. Впрочем, тогда и стражник не нужен, можно просто выскочить вон. Или запереться в спальне? Наверняка Данте быстро забудет обо мне и просто уснёт. Или просто вылить ему в лицо стакан воды? Или…

Последнее «или» пугало сильнее всего. Потому что я точно знала, чего хочу на самом деле. Я хотела остаться и дойти до конца.

В конце-то концов, почему бы нет? Он хочет меня, а я хочу его. Мы оба давно не маленькие дети. Что тут такого?

Что тут такого? Не лги сама себе. Данте находится под воздействием какого-то зелья. Ему нужна не ты. На твоём месте его бы устроила абсолютно любая. Но это мысль, хлещущая по лицу почище пощёчины, — ещё полбеды. Намного хуже другое. Отдаться ему сейчас — значит воспользоваться его состоянием. Украсть то, что мне не принадлежит. Сделать то, чего он на самом деле совершенно не хочет. И чем я в таком случае лучше тех девиц, что подсунули ему это зелье? Выходит, что они сделали всю грязную работу, а я снимаю сливки?

Нет, нельзя поддаваться напору Данте и собственным чувствам. Ни в коем случае нельзя.

Но, с другой стороны… Ведь он же хочет меня на самом деле. Это очевидно. А раз так, разве в моём поступке будет что-то дурное? Сейчас нет тех сложностей и тяжёлых последствий, которые неизбежно возникли бы при других обстоятельствах. Назавтра Данте наверняка ничего не вспомнит. Этот случай никак не испортит наших отношений. Я не стану питать ложных, изнуряющих душу надежд. И, во всяком случае, сейчас он точно не смотрит на меня как на рабыню. Исключительно как на предмет страсти.

— Данте, ты же буквально сегодня пытался выставить меня вон из бани, — со стоном напомнила я, когда его губы в очередной раз блуждали по моей шее.

— Разве? — прошептал он, предпринимая попытку стянуть с меня платье. Я сопротивлялась. — Это потому что я чёртов идиот. А ты — красивая, обжигающая холодом льдина.

Льдина? Я даже невольно обиделась на такие слова. Да это он — настоящая глыба льда, таким было самое первое сравнение, какое пришло мне в голову, когда я впервые его увидела. Это он начисто игнорировал меня как женщину все эти недели. И сейчас в нём тоже говорил всего

лишь дурман. И именно поэтому я обязана его оттолкнуть. Было бы унизительно и бесчестно поступить по-другому…

И я перестала удерживать платье. Будь, что будет. Возможно, я тысячу раз пожалею об этом. Но не сейчас.

Данте шумно выдохнул, когда моё платье осталось лежать на полу. Его руки и губы заскользили по моему телу, не спрашивая мою точку зрения на этот счёт. Тело отзывалось почти что болью, захлёбываясь от нахлынувших на него ощущений. Я стянула с Данте камзол. Попыталась расстегнуть пуговицы его рубашки, но из-за его собственных действий сосредоточиться на этом было просто нереально. Пуговицы буквально выскальзывали из пальцев. Наконец, расстегнув всего две или три — на что, казалось, ушла целая вечность, — я вдруг сообразила, что можно обойтись и без этого процесса, после чего рывком стянула рубашку через голову. Данте — так и быть — на миг оторвался от моего тела, чтобы избавиться от рукавов, но его пальцы не удерживались на расстоянии от моей кожи ни секундой дольше.

— Подожди… — всё-таки прошептала я.

Но Данте и не думал ждать, а я и сама уже не понимала, зачем это говорю. Задыхаясь, принялась исследовать губами его собственную смуглую кожу. Перед глазами снова проскользнул короткий шрам. А потом Данте преодолел последний разделяющий нас барьер, и мир просто растворился.

Я зажмурилась, откидываясь назад и впуская его в себя. Вцепилась руками в его плечи, как в единственное, за что вообще стоило держаться в этом мире. Движения Данте были порывистыми и жадными, а потом он склонил ко мне голову и впился в губы так страстно, что я забыла о необходимости дышать.

Следуя неожиданному для самой себе порыву, оттолкнула его, развернула и, перекинув ногу, устроилась сверху. Он не возражал, только неслышно прошептал что-то одними губами. Разобрать слов я не могла, но это явно было нечто одобрительное. Он и вправду поспешил воспользоваться ситуацией, открывавшей ему много новых возможностей для ласк.

Потом я упала на диван рядом с Данте, даже не знаю, как уместившись на столь узком пространстве. Долго-долго лежала, не в силах унять безумно колотящееся сердце и частое дыхание.

Данте сразу уснул, я же спать и не думала. Сначала просто лежала, наслаждаясь собственными ощущениями и для полноты эмоций прижимаясь к его пылающей коже. Открыла глаза и довольно долго бездумно смотрела в потолок. Потом повернула голову и, прижимаясь щекой к диванной подушке, с нежностью посмотрела на спящего Данте. Он лежал на боку, положив руку под голову, ресницы едва заметно подрагивали, а губы были слегка приоткрыты. Я собиралась тихонько, чтобы не разбудить, поцеловать его, и тут сердце словно сжал ледяной кулак.

Он выглядел сейчас таким расслабленным, беззащитным и уязвимым. Он не отдавал себе отчёта в том, что происходит. А я этим воспользовалась.

Я с тихим стоном прикрыла глаза. Что же я натворила? Как бы сама отреагировала, если бы кто-то меня опоил, а Данте аналогичным образом воспользовался ситуацией? Кажется, теперь я никогда себе этого не прощу. И как я завтра утром посмотрю ему в глаза?

Я осторожно встала, подхватила платье и отошла ко второму дивану. Быстро и тщательно

оделась, так, словно могла тем самым перечеркнуть всё, что произошло. Хотелось поскорее уйти и запереться в своих покоях, но… Личные переживания личными переживаниями, однако причина моего пребывания здесь никуда не делась. Айгуль и её рабыни по-прежнему находятся в армоне, и кто знает, вдруг они найдут способ пробраться сюда в эту ночь. Наверное, сейчас моё бдение меньше всего похоже на бескорыстную помощь, и от этого на душе становится совсем паршиво. Тем не менее, я сделаю то, что должна. То, что обещала.

Я села на диван и закрыла глаза. Обхватила плечи руками, будто от холода. Глупо было рассчитывать, что в моей жизни что-то наладится. В сущности, я осталась похороненной там, в Астароли. А здесь я — только обуза, и для других, и для себя. Данте, Данте, зря ты остановил того боцмана…

Из-под опущенной ресницы вытекла слеза.

А вскоре я погрузилась в дрёму.

Мы с Данте проснулись более-менее одновременно. Воспоминания о вчерашнем вечере нахлынули резко. Меня будто обухом ударили по голове. Сердце снова зачастило.

— Сандра?

Я подскочила, услышав голос Данте. Что-то он сейчас скажет?

— Что произошло вчера вечером?

Данте приподнялся на локте и отчаянно хмурил лоб.

— А ты не помнишь? — с замиранием сердца спросила я.

— Очень смутно, — признался он. — Помню, как мы ужинали, и как эта девица опрокинула бокал. Потом Ренцо рассказывал свои истории. А дальше всё как в тумане.

— Помнишь, как укололся заколкой Айгуль?

— Да.

— Это была не случайность. Она подстроила это, чтобы ввести тебе в кровь какое-то дурманящее средство.

— Вот, значит, как. — Данте приложил руки к вискам; видимо, у него болела голова. — Это многое объясняет.

— Мы с Ренцо предположили, что это могло быть сделано умышленно, — продолжала я, — поэтому вывели тебя из гостиной под предлогом пожара.

— Да-да, припоминаю что-то подобное, — подтвердил Данте.

— Ну вот, — кивнула я, — а потом мы отвели тебя сюда.

— Вот этого я уже совсем не помню, — признался он. — А что потом?

Сердце забилось с удвоенной скоростью, руки вспотели.

Topreading.ru

— Ничего, — смалодушничала я. — Ты лёг на диван и почти сразу уснул. А я на всякий случай осталась здесь на дежурстве.

— И…всё? — спросил он, как-то странно хмурясь.

— Всё, — подтвердила я. Врать, так врать. — А что?

— Нет, не обращай внимания, — замотал головой он. — Видимо, мне просто приснился сон.

Я поспешила отвести глаза.

Глава 11

Полтора часа спустя состоялся совместный с гостьей завтрак. Я потратила это время на то, чтобы с грехом пополам привести себя в порядок после ночи, проведённой не слишком спокойно и не слишком комфортно. Кажется, мне это удалось весьма относительно; возможно, сказывалось подавленное душевное состояние. А вот вошедший в гостиную Данте выглядел безупречно, так, словно вчерашним вечером не произошло ровным счётом ничего необычного. И даже гостеприимно улыбнулся Айгуль-ханум. Гостеприимно и, как мне показалось, проникновенно. Это заставило почувствовать неладное меня, но не гостью.

Вскоре к нам присоединился Ренцо, и мы приступили к завтраку. Сначала ничто не прерывало тишину, кроме стандартного в таких случаях звона посуды.

— Мои девушки ходили сегодня в южное крыло, — заметила как бы между делом Айгуль. — И не обнаружили там никаких следов пожара.

Она устремила на Данте недовольный взгляд, требуя объяснений.

Данте и бровью не повёл.

— Да, мои люди умеют быстро ликвидировать следы подобных происшествий, — сказал он. — И, между прочим, — он холодно улыбнулся, — у меня для вас подарок.

Губы Айгуль, несомненно решивший, что Данте избрал такой способ извиниться, тронула улыбка.

— Благодарю вас, дон Данте, — чинно произнесла она. — Это было совершенно необязательно.

— Ну почему же, я думаю, это совсем не лишнее, — возразил Данте, вручая ей коробочку.

Девушка поспешила откинуть крышку.

— Что это? — нахмурилась она.

— Коллекция заколок, — с небрежным видом произнёс Данте. — Обратите внимание: все они довольно острые. Вы ведь именно такие предпочитаете?

Теперь настала его очередь устремить на гостью весьма тяжёлый взгляд. Девушка закусила губу и промолчала.

— Погода сегодня чудесная, самая что ни на есть подходящая для дороги, — небрежно

откинувшись на спинку стула, продолжил между тем Данте. — Солнечно и не слишком жарко. Надеюсь, ваш путь будет приятным.

Следующие две недели я провела в угрызениях совести. Периодически мне удавалось, путём приведения различных логических доводов, убедить себя в том, что ничего такого уж ужасного не произошло. Ненадолго это помогало, но вскоре совесть начинала давить с новой силой. Я даже стала подумывать о том, чтобы признаться Данте в случившемся — и будь что будет, но стыд в сочетании с инстинктом самосохранения не позволяли так поступить. Однако однажды я, не выдержав, пошла окольным путём.

Следующие две недели я провела в угрызениях совести. Периодически мне удавалось, путём приведения различных логических доводов, убедить себя в том, что ничего такого уж ужасного не произошло. Ненадолго это помогало, но вскоре совесть начинала давить с новой силой. Я даже стала подумывать о том, чтобы признаться Данте в случившемся — и будь что будет, но стыд в сочетании с инстинктом самосохранения не позволяли так поступить. Однако однажды я, не выдержав, пошла окольным путём.

В то утро мы снова завтракали втроём с Данте и Ренцо.

— Сандра, ты как-то подавленно выглядишь в последнее время, — заметил Ренцо. — У тебя ничего не случилось?

— Да нет. — Я небрежно покачала головой и отправила в рот очередную порцию салата. — Ренцо, — я специально обращалась к кастеляну и говорила таким тоном, будто кардинально меняю тему, — можно кое о чём тебя спросить как мужчину?

— Если как мужчину, то не можно, а нужно, — усмехнулся тот.

— Почему именно Ренцо, а не меня? — осведомился Данте.

— Ну, ладно, пусть будет обоих, — пожала плечами я. — Хочу разобраться в разнице между мужской и женской психологией. Кстати твой камердинер не так давно тоже интересовался этой темой…Так вот, представь себе такую ситуацию. — Я снова смотрела на Ренцо, якобы обращаясь в первую очередь к нему. — Допустим, ты проводил время в трактире или где-нибудь ещё и много выпил.

— Бывает, — хмыкнул Ренцо.

— И дальше какая-то женщина провела с тобой ночь.

— Ещё лучше! — обрадовался кастелян.

— Ты не понял, — помотала головой я. — Допустим, что это не та женщина, с которой бы ты стал проводить время, если бы был трезвым.

— Что, страшненькая? — предположил Ренцо.

— Да нет, — возразила я. — Ну… просто не такая. Допустим, не в твоём вкусе. Как бы ты отреагировал на эту ситуацию? Рассердился бы на эту женщину? Возненавидел её?

Я затаила дыхание, словно готовилась услышать приговор.

— Я бы страшно отомстил, — зловещим голосом сказа Ренцо.

— Как? — нахмурилась я.

— Напоил бы её и тоже затащил в постель!

Негромкий смех Данте вывел меня из состояния оцепенения.

— Ренцо, я серьёзно! — обиделась я.

У меня решается такой важный вопрос, а он тут шутки шутит!

— А она что, потребовала после этого, чтобы я на неё женился? — уточнил кастелян.

— Нет, — покачала головой я. — Ничего подобного. Допустим, она вообще ушла, пока ты спал. И больше никак о себе не напоминала.

— То есть она полностью вычистила содержимое моих карманов, пока я спал?

— Да нет же!

Я притопнула ногой от возмущения.

— То есть ситуация такая, — решил уточнить Ренцо. — Женщина, нестарая, нестрашная, но не в моём вкусе, совершенно бескорыстно поделилась со мной своей лаской, когда я был пьян и, следовательно, меня особенно сильно потянуло на любовь. А потом исчезла, чтобы ни в коем случае меня не потревожить, никак не пыталась портить мне жизнь и не потребовала ничего взамен. Так?

— Ну, в принципе, можно сказать и так, — признала я.

— Сандра, да ты описала идеальную женщину! — воскликнул Ренцо. — С какой стати ты решила, что я должен был бы её возненавидеть?

— Ну как ты не понимаешь? — Я всплеснула руками; раздражение боролось с чувством облегчения. — Она же воспользовалась тем фактом, что ты был пьян и плохо соображал, что к чему.

— Главное, чтобы удачно воспользовалась! — хихикнул Ренцо. — Нет, Сандра, я серьёзно, — продолжил он, видя, что шутливый ответ меня не устраивает. — Если в итоге ей хорошо, и мне тоже, то в чём тогда проблема?

— Данте, а ты меня понимаешь? — спросила я, снова напрягаясь.

— Кажется, да. — Голос Данте прозвучал предельно серьёзно, а взгляд был мрачным, даже злым. Он подсел ко мне поближе и, взяв за плечи, развернул к себе. — Сандра, признайся, ты ведь не случайно затеяла этот разговор. — Сердце замерло, не решаясь напомнить о себе при помощи удара. — Кто-то опоил тебя и воспользовался ситуацией, так?

Сердце, поняв, что можно продолжать биться, принялось делать это с удвоенной силой. Я облегчённо рассмеялась.

— Нет, Данте. Честное слово, нет. — Я приложила руку к груди. — Ты же знаешь, я почти не пью. Так что это было бы затруднительно. Просто…мне действительно интересно знать, как на

такое реагируют мужчины.

Данте с явным облегчением отпустил мои плечи и снова сел чуть дальше.

— Так что ты скажешь? — напомнила о своём вопросе я.

Он пожал плечами.

— Я тоже редко пью настолько много. Но в целом… не вижу причин не согласиться с Ренцо. Не знаю, как ваши северные мужчины, Сандра, а мы с Ренцо не монахи. Хотя не думаю, что разница между севером и югом в этом вопросе так уж принципиальна. Так что если всё произошло к взаимному удовольствию, я действительно не вижу здесь проблемы.

— Спасибо, — сказала я, вкладывая в это слово больше, чем мог бы подумать Данте.

Да, это было не совсем прощение. И, конечно, он не знал, что речь идёт о нём самом. И, тем не менее, это было настолько близко к исповеди и отпущению грехов, насколько я могла себе позволить подойти. С тех пор я перестала так сильно переживать из-за нечистоплотности своего поступка.

Зато другой повод для переживаний остался неизменным. После случившегося две недели назад долее невозможно было скрывать от себя простую истину: я неравнодушна к Данте. И мне становится всё труднее и труднее поддерживать с ним прежние дружески-деловые отношения. Держаться на расстоянии. Распространять вокруг себя лёгкий холодок и чувствовать такой же холод в ответ. Пора положить всему этому конец. События двухнедельной давности лишь показали, насколько это необходимо.

— Сандра!

Погружённая в раздумья, я не заметила приблизившегося Ренцо.

— Да?

— Хочешь пойти на цирковое представление?

— Куда? — удивилась я.

— На цирковое представление, — повторил кастелян. — В город приехал бродячий цирк. Данте такие развлечения не любит, а я собрался идти и подумал, может быть, ты захочешь тоже пойти…со мной?

Я собиралась отказаться. Мысль о том, чтобы выйти за пределы территории армона, пугала. С другой стороны, можно ли всю жизнь сидеть в клетке? К тому же во взгляде Ренцо было сейчас нечто уязвимое, словно он побаивался моего отказа. И я подумала, почему бы нет? Я только что решила, что чувства к Данте пора обрывать на корню. Ренцо за мной ухаживает, это становилось всё более очевидно. Он хороший друг, у него отличное чувство юмора, он довольно привлекательный мужчина. Прямой, жизнерадостный, лёгкий. И он, в отличие от Данте, не является моим хозяином, а, значит, между нами не будет стоять этот барьер. С ним у нас могло бы что-то получиться.

И я пошла. И не пожалела. Не могу сказать, чтобы я так уж безумно любила цирк, но такая «вылазка» безусловно пошла мне на пользу. Я развеялась, отвлеклась от тяжёлых мыслей, просто прикоснулась к новому для себя пласту жизни в этом городе. А на следующий день

Ренцо пригласил меня в местную чайную.

Вот тут я разволновалась и даже попыталась отказаться.

— Почему нет? — нахмурился Ренцо. — Мне показалось, что вчера вылазка в город тебе понравилась.

— Понравилась, — подтвердила я. — Но это другое. Пойми, дело не в тебе. Я просто не хочу, чтобы на меня пялились все, кому не лень.

— С чего ты взяла, что все станут на тебя пялиться?

Я закатила глаза.

— Ренцо, не надо отрицать очевидное. Мои волосы и мой дракон. И то, и другое будет привлекать всеобщее внимание. Я совершенно к этому не готова.

— Но в цирке ведь не пялились, — напомнил он.

— Вообще-то пялились, — возразила я, — но не слишком сильно. Поскольку люди пришли туда, чтобы смотреть представление. Но чайная и тому подобные заведения — это совсем другое дело. Туда люди, в сущности, для того и приходят, чтобы поглазеть на окружающих.

— Сандра, не переживай, — шепнул мне Ренцо. — На меня тоже постоянно пялятся девушки. Куда бы я ни пошёл. Честное слово! — воскликнул он, отвечая на мой смех. — Но я же не расстраиваюсь. Не опускаю руки. И продолжаю ходить и по чайным, и по тавернам, и по борде… в смысле, кабакам — и ничего! Пускай смотрят, я не гордый!

— С тобой вообще можно о чём-нибудь поговорить серьёзно? — осведомилась я.

— Нельзя, — невозмутимо сообщил он. — За серьёзностью обращайся к Данте.

Навряд ли Ренцо мог полноценно понять значение брошенного на него взгляда.

В конечном итоге я сдалась. И не пожалела. Да, на меня посматривали, но ничего совсем уж вопиющего не происходило. Особенно учитывая, что к определённой доле нездорового внимания я успела привыкнуть в армоне Данте. Зато мне по-настоящему понравилась атмосфера галлиндийских чайных, которые разительно отличались от арканзийских. Здешние заведения были значительно более похожи на северные, но с приятной местной спецификой. Просторные помещения с порядочным расстоянием между круглыми столиками оберегают личное пространство посетителей. Огромные окна, почти во всю стену, в изобилии пропускают внутрь солнечный свет. Столики нередко сервируют так, чтобы посетители сидели к окну лицом и могли наблюдать за происходящим на оживлённой городской улице.

А ещё мне понравился тот факт, что здесь было принято приходить в чайную в одиночку. И спокойно сидеть, глядя на прогуливающихся за окном горожан, или читать прихваченную с собой книгу. И постепенно я тоже стала приходить сюда одна. Решиться в первый раз было тяжело, но я переборола себя и не пожалела. Да, на меня косились, но никто не подходил, громких замечаний не делал, да и вообще особой враждебности в атмосфере я не почувствовала. А вскоре привыкла. Приходила с книгой и сидела, время от времени поглядывая в окно. Впитывая городскую атмосферу, которая, сколь ни удивительно (а может быть, и вполне закономерно), начинала мне нравиться. Работники и завсегдатаи чайной быстро стали воспринимать меня как «свою».

— Да, я хочу говорить с хозяином армона.

Довольно потрёпанная на вид девица, обладавшая явно не самым высоким статусом, но зато незаурядным самомнением с лёгкостью выдержала тяжёлый взгляд привратника. Маленький ребёнок, которого она держала на руках, тихонько пискнул, но пока решил не плакать.

Привратник многозначительно оглядел девицу, пройдясь глазами сверху вниз, по распущенным волосам до плеч, блузе из дешёвой ткани, вызывающе приоткрывающей плечо, длинной расширяющейся книзу юбке и явно неновым башмакам.

— И как прикажете назвать вас дону Эльванди? — осведомился он, даже не стараясь скрыть сквозящую в голосе насмешку.

«Кто ты такая, чтобы с тобой согласился встретиться сам хозяин армона?» — говорил его взгляд.

— Передайте дону Эльванди, что к нему пришла Анита Ворно. — Слово «донья» предсказуемо не прозвучало, но если привратник и порадовался этому факту, то слишком поторопился. — Мать его ребёнка.

И гостья демонстративно приподняла повыше младенца, который пригрелся у неё на руках.

— Я провожу вас в комнату, где вы сможете подождать.

Теперь голос привратника звучал растерянно.

Я же поспешила прямиком в кабинет Данте.

— Как дела? — осведомилась я, входя в комнату и небрежно оглядывая книжные полки.

— Всё в порядке. — Данте нахмурился, почувствовав в моём голосе жёсткие интонации. — Что-то случилось?

— У меня — нет, — заверила я. — Скорее у тебя. Помнится, не так давно ты говорил, что вы с Ренцо не монахи?

— Наверное, говорил, — всё ещё хмурясь, отозвался Данте. — Если нужно, могу повторить. И что же? Тебя в этом что-то не устраивает?

— Меня?! — изобразила удивление я. — Ну что ты, меня решительно всё устраивает. Проблемы возникли не у меня, а у тебя.

— Это какие же проблемы?

— Проблемы в лице одной юной и предприимчивой дамы, которую твой лакей в данный момент провожает в приёмную и которая утверждает, что она — мать твоего ребёнка, — с непонятным мне самой злым удовольствием сообщила я.

— Что? — фыркнул Данте. — Ерунда. У меня нет детей.

— Неужели? И откуда, интересно знать, ты так в этом уверен? Учитывая, что, как сам говоришь, не являешься монахом?

Данте планировал что-то ответить, но в этот момент в комнату постучали. Лакей вошёл,

прикрыл за собой дверь (чего обычно в таких случаях не делал) и тихо произнёс:

— Дон Эльванди, там к вам прибыла посетительница. Молодая женщина с ребёнком. Её зовут Анита Ворно, и она утверждает, что этот ребёнок — ваш сын.

Я внимательно наблюдала за Данте и видела, как по его лицу пробежала волна удивления, быстро сменившаяся привычным непроницаемым выражением.

— Анита Ворно… — медленно повторил он. — Что ж, зови её сюда.

Лакей с поклоном удалился. Я решила последовать его примеру, правда, без поклона.

— Ты куда? — осведомился Данте.

— К портнихе, — бодро заявила я. — Пойду закажу себе новое платье. У нас ведь скоро ожидается свадебное торжество?

— Стоять! — рявкнул Данте.

Я послушалась. Могла бы, конечно, рассердиться или обидеться на повелительный тон. Но я и без того была слишком сердита, и потом этот нюанс оставила практически без внимания. На кото именно я злилась и с какой стати? Отличный вопрос, и вразумительно на него ответить я бы не смогла. Что совершенно не мешало мне испытывать упомянутые чувства.

Я послушалась. Могла бы, конечно, рассердиться или обидеться на повелительный тон. Но я и без того была слишком сердита, и потом этот нюанс оставила практически без внимания. На кото именно я злилась и с какой стати? Отличный вопрос, и вразумительно на него ответить я бы не смогла. Что совершенно не мешало мне испытывать упомянутые чувства.

Вскоре лакей объявил:

— Анита Ворно.

Девушка вошла, по-прежнему держа на руках младенца.

— Здравствуй, Данте, — сказала она. — Очень рада тебя видеть после всех этих месяцев.

— Я слушаю тебя. — Из слов Данте можно было заключить две вещи: с Анитой он действительно знаком, но встрече, в отличие от неё, не рад. — Присаживайся.

Правила гостеприимства — прежде всего.

Сам Данте тоже сел, и я последовала их примеру, главным образом под давлением его тяжёлого взгляда.

— Вот, — девушка на миг скромно опустила глаза, — я пришла, чтобы познакомить тебя с твоим сыном. Правда, он замечательный?

Данте бросил довольно короткий взгляд на ребёнка и снова пристально уставился на гостью. Та сидела, перекинув ногу на ногу, и всем своим видом демонстрировала, что чувствует себя, как дома. И намерена продолжить чувствовать себя так в этом армоне на протяжении последующих лет шестидесяти.

— Замечательный, — подтвердил Данте, главным образом из вежливости. И, холодно сверкнув

глазами, поинтересовался: — Сколько ему?

— Два месяца, — ответила Анита.

Данте задумался, явно погрузившись в вычисления. Судя по тому, как он помрачнел, расчёты сходились.

— Позвольте я угадаю? — расплылась в неискренней улыбке я. — Вы двое… — я щёлкнула пальцами, подбирая подходящее слово, — …подружились ровно одиннадцать месяцев назад?

— Ровно-неровно, но приблизительно одиннадцать месяцев, — пробурчал в ответ Данте.

— Прекрасно.

Я снова подарила ему неискреннюю улыбку.

— Данте, неужели ты сомневаешься в том, что это действительно твой ребёнок? — «изумилась» Анита. — Да ты только взгляни, как сильно он на тебя похож! Не правда ли? — обратилась ко мне она.

— О да, несомненно, сходства просто масса! — поспешила воодушевлённо заверить я. — Данте, ну, сам посуди, — обратилась я к по-прежнему скептически настроенному мужчине. — Две руки, две ноги! Голова одна, и мозгов в ней пока так же мало, как и в твоей. И действует на одних инстинктах. Право слово, твоя точная копия!

Последние слова я произнесла достаточно тихо, но Аните и первых хватило, чтобы больше не искать поддержки с моей стороны.

— Значит, ребёнок мой? — изобразил любопытство Данте, проигнорировав мою реплику. — Хм. Очень интересно. И почему ты сообщаешь мне об этом только сейчас?

— Не решалась, — опустила глазки Анита.

Выглядело это донельзя ненатурально. Скромность не шла ей вовсе.

— Значит, не решалась, — кивнул Данте. — А как насчёт этого?

И он извлёк из ящика стола небольшой перстень с круглым коричневым камнем. Я одобрительно хмыкнула: мои слова насчёт нехватки мозгов можно было взять обратно. Есть камни созидательные; их, например, используют для повышения урожая, а также и в медицине, с целью ускорения регенерации. А есть, напротив, камни с противосозидательным эффектом, как раз такие, как этот коричневый. Как раз на одно из применений таких камней намекал сейчас Данте. Зачать ребёнка, когда на палец одного из партнёров надето такое кольцо, совершенно нереально.

Однако у Аниты готов был ответ.

— Я просто сняла его тогда с твоего пальца, — повинилась она. — Видишь ли, ты был пьян и не заметил. А я подумала… В общем, ты мне так понравился, что я решила: если вдруг бог будет милостив и подарит мне ребёнка, то пусть он будет похож на тебя.

«Угу, с двумя руками, двумя ногами и пьяный», — подумала я.

— А потом я снова надела кольцо на твой мизинец, — с самым что ни на есть невинным видом

сообщила Анита.

Вся эта история прозвучала так неискренне, что я уверилась в одном: шансов сделать актёрскую карьеру у Аниты не было. Но, впрочем, она, кажется, нацелилась на карьеру совсем другого рода.

— Подержи-ка пока ребёнка, милая.

Не дожидаясь моего ответа, девушка всунула младенца мне в руки. Сказанное сверху вниз «милая» вполне однозначно демонстрировало: «дракона» у меня на руке она хорошо разглядела.

— Донья Эстоуни — архивариус, а не нянька, — отрезал Данте.

— Ну и что? — Анита невинно похлопала глазками. — Она ведь здесь для того, чтобы выполнять твои распоряжения? Вот пусть немного погуляет с ребёнком, пока мы с тобой обсудим наши дела.

Кажется, Данте собирался поставить её на место, но я встала и со словами «И правда, пожалуй, мне стоит прогуляться» направилась к выходу.

Однако шла я достаточно медленно, что услышать продолжение разговора.

— Давай начистоту, Анита. Чего ты хочешь?

Голос Данте звучал настороженно и, по-моему, устало.

— Ну, мне казалось… — в словах Аниты, напротив, было полно кокетства, — …что ты как порядочный человек решишь узаконить наши отношения и дать ребёнку своё имя.

Ясное дело, ни больше, ни меньше. Я вышла из кабинета. С меня было довольно.

Я прижимала к груди крошечного младенца, и по моему сердцу разливалось щемящее чувство счастья. Материнский инстинкт, до сих пор дремавший в глубине моего сознания, внезапно пробудился и нашёл путь наружу, накрыв меня с головой. Ребёнок был настолько очаровательным, настолько хорошеньким, настолько совершенным. И, что немаловажно, это был ребёнок Данте. Пусть не от меня, пусть от другой, даже случайной, женщины. Всё равно это — его ребёнок. В его жилах течёт кровь Данте. И от этой мысли чувство нежности, которое я испытывала к этому крохотному созданию, перехлёстывало через край…

Чёрта с два. Возможно, правильная женщина на моём месте испытывала бы именно такие чувства. Моё же состояние было несколько иным. Я держала ЭТО в вытянутых руках и не знала, как с ним обращаться и что делать. Ребёнок плакал. Вопил на высокой ноте, и я понятия не имела ни по какой причине это происходит, ни как его успокоить.

— Бьянка! — радостно воскликнула я, увидев подоспевшую, наконец-то, горничную. — Какое счастье, что ты пришла! Помоги мне скорее! Как ты думаешь, чего он от меня хочет?

Бьянка осторожно приблизилась, обошла кругом, посмотрела на мальчика.

— Даже не знаю, — задумчиво проговорила она. — Может быть, он голодный?

— Чудесно! — процедила я. — Только, вот беда, у меня сегодня, как назло, с молоком перебои. Что будем делать, если он голодный?

— Так пусть мамаша его покормит, — рассудительно сказала Бьянка.

— Пусть, — согласилась я. — Но беда в том, что у мамаши в данный момент совсем другие дела. Надо искать кормилицу. Ты не знаешь, здесь в армоне у кого-нибудь есть грудные дети?

Должны же быть, по логике вещей. Слуг здесь проживает немало, многие из них семейные.

— А знаете, он не есть хочет, — заметила Бьянка. — Он же весь мокренький! Потому и плачет. Ему пелёнки надо поменять.

— Пелёнки. Поменять, — «глубокомысленно» повторила я. Всё бы хорошо, но я с трудом могла себе представить, как меняют пелёнки. Впрочем, начинать следовало с другого вопроса. — А где мы возьмём сухие пелёнки?

Ребёнок кричал всё громче, и от этого искать решение проблемы становилось ещё труднее.

— Дайте мне минут двадцать, я их у кого-нибудь найду, — оптимистично вызвалась Бьянка.

Мысль о том, чтобы ещё двадцать минут держать чадо на вытянутых (уж теперь-то точно вытянутых!) руках, в том время как оно продолжит вот так вот вопить на одной ноте, привела в ужас.

— А побыстрее решить проблему нельзя? — взмолилась я.

Бьянка оказалась человеком понимающим.

— Я сейчас что-нибудь приспособлю вместо пелёнок, — кивнула она и полезла в шкаф, где хранилось постельное бельё. — Сможете его пока распеленать?

— Попробую.

Распеленать ребёнка всё-таки должно быть легче, чем запеленать.

Я положила младенца на торопливо расчищенный Бьянкой столик. Освободить его от пелёнок действительно оказалось не так уж сложно. Оставшись голым и сухим, ребёнок действительно успокоился. Даже улыбнулся мне, и было что-то такое в этой детской улыбке, от чего сердце действительно чуть-чуть защемило.

Но ненадолго. Потому что дальше ребёнок занялся делом.

Видимо, пелёнкам досталось не всё. Вполне внушительная струя ударила мне в левый глаз, пробежала по волосам, описала дугу, забрызгав ковёр и, наконец, в качестве апогея, попала на голову самому ребёнку. Признаюсь откровенно, прежде я никогда не думала, что в этом процессе возможно намочить свои же собственные волосы. Как оказалось, возможно.

— Меткий мальчик, — произнесла я вслух после того, как все нецензурные мысли миновали, оставшись не озвученными.

— Да, они такие! — со знанием дела заверила Бьянка, передавая мне кусок чистой тряпки.

Я поспешила утереть глаз и щёку.

— Вы только не отходите от него, чтобы не упал! — распорядилась горничная, заканчивая разрезать белую простыню.

Я сглотнула. Инстинкт самосохранения как раз-таки требовал отойти подальше. Лучше всего — выбежать из комнаты и закрыть за собой дверь. Практика показала, что в противном случае трудно оказаться вне зоны обстрела. Но я мужественно сдержалась. Ребёнок снова улыбнулся.

— Как дела?

Я осторожно заглянула к Данте полтора часа спустя. Обнаружив, что он один, зашла в кабинет. Остановилась у стола, за которым он сидел.

— Ты в порядке?

За это время я успела подрастерять ту злость, что охватила меня в самом начале, когда появление Аниты застало меня врасплох.

— Да.

Данте устало улыбнулся.

— Чем закончилось общение с Анитой?

— Она пока останется здесь в качестве гостьи.

Я молча кивнула, принимая это как данность. Опустила руки на спинку стоявшего рядом стула.

— Ты ей веришь?

Данте криво усмехнулся.

— Смотря в чём. В трогательную историю о том, как она воспылала ко мне страстью с первого взгляда, не веришь ни на грош.

Я тоже ухмыльнулась, не менее криво. Отчего-то такое недоверие нисколько меня не удивляло.

— А ребёнок? — спросила я. — Думаешь, это действительно твой сын?

Данте вздохнул.

— Не знаю. — Немного подумал и, покачав головой, повторил: — Понятия не имею. Никаких доказательств того, что это действительно мой ребёнок, она не представила, но и быть уверенным в том, что это не так, я тоже не могу. Поэтому пока и оставил её здесь. Хотя поводов для сомнения предостаточно. Обрати внимание, насколько вовремя она появилась.

— Именно тогда, когда ты стал хозяином месторождения камней, и эта информация успела сделаться достоянием гласности, — озвучила его мысль я.

— Именно. И это наводит на подозрения. Но и не гарантирует, что она лжёт.

— Ты женишься на ней, если выяснится, что ребёнок действительно твой?

Topreading.ru

Я постаралась подготовить себя к тому, что ответ окажется положительным.

— Нет, — ответил Данте. — Это исключено. Но я, конечно же, не брошу своего ребёнка. Признаю его и обеспечу всем необходимым.

— А… как отнесётся к такому решению общество? — проговорила я, стараясь скрыть за этим вопросом собственное чувство облегчения. — К тому, что ты не женишься на матери своего ребёнка?

Данте безразлично, мне показалось, что даже брезгливо, пожал плечами.

— Общество такое решение не одобрит, — ответил он. — Но неравный брак оно не одобрит тем более, а брак с Анитой, сама понимаешь, был бы мягко говоря неравным. Так что оглядываться на общество в таких вопросах не имеет смысла. В сущности, мне от их одобрения ни холодно, ни жарко.

Он встал из-за стола, прошёл совсем близко от меня и подхватил висевший на спинке стула камзол. Действительно становилось зябко. Причём снаружи в дневное время по-прежнему было жарко, а вот стены армона уже успели впитать и источать вокруг себя ночной холод.

— Совсем забыл, — нахмурился он. — Эта история, когда Анита передала ребёнка тебе. Надеюсь, это не доставило тебе слишком много хлопот?

— Нет. — Я инстинктивно поднесла руку к левой щеке, хоть и успела основательно умыться. — Зато теперь я точно знаю, что хочу девочку. Ну, если у меня вообще когда-нибудь будет ребёнок.

— Почему именно девочку? — полюбопытствовал Данте.

— Э…по чисто техническим причинам.

— Сандра!

Ренцо окликнул меня, когда я направлялась в свои покои. Я остановилась, поджидая кастеляна.

— Я слышал, тебе сегодня досталось от новой визитёрши?

— Да нет, — поморщилась я. — Так, ерунда.

— Жаль, что меня не было, когда она приехала. Что она вообще из себя представляет?

— Ты до сих пор её не видел?

— Увы. Меня не было довольно долго. Но то, что я слышал, мне не понравилось.

— Не думаю, что смогу сообщить тебе что-нибудь более приятное, — пожала плечами я. — Она — довольно-таки хваткая особа, из тех, которые своего не упустят.

— М-да, единственное, чего нам не хватает, — это такой особы в качестве хозяйки армона, — пробормотал Ренцо.

— М-да, единственное, чего нам не хватает, — это такой особы в качестве хозяйки армона, — пробормотал Ренцо.

— Не думаю, что до этого дойдёт, — возразила я.

— Полагаешь, удастся вывести её на чистую воду? — обнадёженно спросил Ренцо.

— Честно говоря, плохо представляю себе, каким образом, — призналась я. — Но Данте в любом случае не настроен столь глобально идти ей навстречу.

— Но, полагаю, вариант признать ребёнка он обдумывает всерьёз?

Я молча кивнула. Ренцо знал своего друга достаточно хорошо.

— Ты выглядишь усталой, Сандра, — мягко сказал он. — Кажется, тебе всё-таки досталось сегодня.

Я покачала головой.

— Всё в порядке.

Ренцо нежно провёл подушечкой большого пальца по моей щеке. Потом наклонился и коснулся губами моих губ. Его прикосновения были очень осторожными, мягкими, будто он боялся меня спугнуть и ожидал, что я могу в любую секунду его оттолкнуть. Но я не стала этого делать.

Тем не менее, долго искушать судьбу Ренцо не стал. Отстранившись, он легонько провёл пальцем по моей нижней губе и заглянул в глаза.

— Только не торопись, хорошо? — тихо попросила я.

Он всё понял. Кивнул, прикрыл глаза в знак согласия.

— Спокойной ночи! — сказал он затем, улыбнувшись.

— Спокойной ночи! — Я ответила ему тем же.

Он всё-таки поцеловал меня ещё раз на прощанье, очень коротко и целомудренно.

И я отправилась в свои покои.

— Ну, как вам вчера понравилось нянчиться с ребёнком? — не без усмешки осведомилась Бьянка, причёсывавшая с утра мои волосы.

Я принуждённо рассмеялась.

— Лучше не напоминай. — Я вздохнула. — Похоже, я просто не создана для этого.

— Многие так думают, — отмахнулась Бьянка. — Пока не заведут своих.

— Ну, до этого мне точно далеко, — хмыкнула я. — Сначала желательно по меньшей мере обзавестись мужем, а об этом речи пока не идёт.

Сказать по правде, я старалась как можно меньше задумываться на эту тему. Не думаю, что с моим «драконом» у меня вообще были перспективы выйти замуж. Но, впрочем, я не считала это самой насущной из своих проблем.

— Знаете, как в таких вещах бывает? — беззаботно улыбнулась Бьянка. — Сегодня кажется, что далеко, а завтра раз — и уже совсем близко. Между прочим, — она интимно понизила голос, — дон Ренцо очень обаятельный молодой человек.

Я подняла брови, изображая удивление.

— Я видела вас вчера вечером здесь, в коридоре, — ответила на невысказанный вопрос Бьянка, явно не считавшая такое наблюдение поводом для неловкости. — Дон Ренцо действительно очень хорош. Многие здесь, в армоне, обзавидуются. Но дона Данте жалко.

— Что ты имеешь в виду?

Нахмурившись, я обернулась, чем помешала Бянке дальше работать над причёской. Но девушка была не в обиде.

— Ну как же? — изобразила удивление она, а глаза светились радостью: всё-таки пообсуждать подобные темы — излюбленное занятие многих девушек. — Дон Данте к вам неровно дышит. Ему не слишком приятно будет увидеть, что вы предпочли другого, да к тому же его подчинённого.

Упрёка в её словах не было; Бьянка просто рассуждала на интересную ей тему.

— Брось! — фыркнула я. — С чего ты решила, будто дон Данте испытывает ко мне что-то подобное? Я тоже его подчинённая, как и дон Ренцо. Просто отношения у нас дружеские, только и всего.

— Дружеские, ага. — Горничная даже не считала нужным скрывать сарказм. — Если хотите знать моё мнение, то от такой дружбы дети рождаются, — заявила она.

— Глупости какие! — вспыхнула я.

От того, что я один-единственный раз ворвалась к нему в баню, никаких детей появиться не может.

— С вашей стороны, может, и глупости, — согласилась Бьянка. — Но точно не с его. Неужели вы сами не видите, донья Сандра?

— Да что я, по-твоему, должна видеть, Бьянка?! — спросила я с большим раздражением, чем следовало. — Что? Цветы он мне дарит, комплименты говорит, сладостями угощает, руки целует? С какой стати ты сделала такой странный вывод?

— А вы не заметили, как он меняется в вашем присутствии? — ответила вопросом на вопрос Бьянка. — Впрочем, как вам заметить? Вы же его в другое время не видите.

— И как же, интересно знать, он меняется?

Я добавила в голос побольше сомнения. Но ни за что бы не пропустила ответ.

Бьянка неопределённо качнула головой.

— Мягче становится. Нежнее. Более…тёплым, что ли? Как будто обидеть боится.

— Просто он знает, какой реакции от меня можно ожидать, — улыбнулась я, припомнив наш с Данте первый разговор, состоявшийся на вершине башни.

Бьянку такой ответ явно не убедил, но она решила немного сменить тему.

— А вы сами совсем никаких чувств к нему не испытываете?

— К дону Данте?

— Да.

— Бьянка, не смеши меня. — Лгать в лицо не хотелось, говорить правду — тем более. — Где он, и где я.

— Не так уж и далеко, — возразила девушка. — Вы сделаны из одного теста. Я просто подумала, — она лукаво ухмыльнулась, — может быть, вам поэтому было в тягость вчера с младенцем нянчиться? Это ведь, как говорят, его ребёнок?

— Да в сущности не так уж это было и в тягость, — пожала плечами я. — Симпатичный, на самом деле, ребёнок. Он мне даже улыбнулся два раза.

— Так ему же два месяца? — удивилась Бьянка.

— Ну да, — подтвердила я. — А что?

— В два месяца дети обычно ещё не умеют улыбаться, — пояснила она. — Только в три начинают.

— Ну, а этот, стало быть, раньше начал, — пожала плечами я, и тут смысл сказанных Бьянкой слов полноценно достиг моего сознания. — Бьянка, ты молодец! — воскликнула я и выскочила из комнаты, так и не дав горничной закончить причёску.

Далеко бежать было не нужно. С трудом успев затормозить, я постучала в одну из соседних дверей.

— Донья Сандра? Очень рад вас видеть!

Лекарь говорил совершенно искренне. В подтверждение своих слов он широко распахнул дверь, приглашая меня войти. Я благодарно приняла приглашение.

Внутри меня ожидал сюрприз: мне навстречу со стула поднялся Терро. По-видимому, до моего прихода два лекаря — человеческий и звериный — пили чай.

— Донья Сандра, как это замечательно, что вы зашли! — воскликнул Терро, пододвигая мне третий стул. — Присаживайтесь, устраивайтесь поудобнее, не дожидайтесь, пока этот склеротик вспомнит о правилах гостеприимства.

— Кто склеротик? Я склеротик? — возмутился Росси. — Да я как раз собирался пригласить донью выпить с нами арканзийского чаю.

— Ты собирался, а я пригласил. — Терро лукаво мне подмигнул.

Topreading.ru

— Зато чаю нашей гостье смогу налить только я! — торжественно объявил Росси, незамедлительно приступая к делу.

Он подошёл к буфету с прозрачными дверцами и извлёк оттуда чашку и блюдце из того же сервиза, что и уже стоявшая на столе посуда. Светло-зелёные, с причудливым золотистым рисунком.

— Дон Росси, у меня к вам возникла одна просьба, — сказала я, прижимая руки к груди.

— К нему? А почему не ко мне? — обиделся Терро.

— Ну…Речь ведь идёт о человеческом организме, — извиняющимся тоном объяснила я.

— Ты всё понял? — торжественно обратился к коллеге Росси. — Тараканы у доньи Сандры пока не разболелись, так что ты не у дел.

Я кашлянула. С чистотой в армоне у Данте всё было в порядке. Так что тараканы у меня в покоях не водились, только в голове. Последние были здоровы, бодры и веселы, и в лечении явно не нуждались.

— Я отлично могу помочь и с человеческим организмом, — заверил меня Терро, игнорируя слова приятеля. — В своё время я даже был лучшим студентом на соответствующем курсе.

— Сколько десятилетий назад это было? — замахал на него руками лекарь. — Ты давным-давно всё позабыл, старый склеротик! И потом, ты ведь ушёл с факультета после того, как провалил экзамен!

— Когда это такое было? — возмутился Терро.

— Вот! Я же говорил — склеротик! — победоносно объявил Росси.

— Господин Росси, — несмотря на то удовольствие, которое оба без сомнения получали от распри, я была вынуждена вклиниться в дискуссию, — скажите, вы можете определить возраст грудного ребёнка?

— Если получу возможность его осмотреть? — деловито уточнил лекарь.

— Разумеется, — подтвердила я.

— Конечно, — ответил Росси. — Дату рождения, конечно, не назову, но смогу назвать возраст с возможной погрешностью до двух недель.

— Я думаю, это подойдёт, — кивнула я. И я сразу же вскочила на ноги. — Мне надо срочно переговорить с доном Данте. Простите, дон Росси, если не возражаете, я допью свой чай немного позже.

— Он же остынет! — крикнул мне вслед лекарь. — Я приготовлю вам новый!

Терро тем временем заявил, что может определить возраст ребёнка ничуть не хуже, чем Росси.

Ребёнка осмотрели. Вывод был сделан однозначный: мальчику около четырёх месяцев. «Никак не меньше трёх с половиной», по словам Росси. При разбирательстве с Анитой я не

присутствовала, но в тот же день горе-невеста уехала из армона. Правда, не без увесистого кошелька, который Данте всё-таки выдал ей на содержание ребёнка.

Назавтра Данте пришёл ко мне в библиотеку.

— Вчера я так толком и не успел сказать тебе спасибо, — заметил он, остановившись у моего стола. — И тем не менее я чрезвычайно тебе благодарен. Похоже, ты как-то незаметно превратилась в моего ангела-хранителя.

— Я тут ни при чём, — замотала головой я, стараясь унять ускоренно заколотившееся сердце. Так всегда бывало, если я встречала Данте неожиданно, не успев психологически к этому подготовиться. — Это Бьянка заметила нестыковку.

— Значит, перед Бьянкой я тоже в долгу, — согласился Данте. — И всё-таки сопоставила факты именно ты.

Он опустил руку на спинку стула для посетителей, собираясь отодвинуть его, чтобы усесться. Я поспешно поднялась с собственного места. Стул архивариуса был намного дороже и удобнее, чем стул для посетителей, и я чувствовала, что из нас двоих лучшее место должен занять именно Данте.

— Сиди. — Он откровенно поморщился, разгадав причину моего смятения. Кажется, моё поведение было ему по-настоящему неприятно. А я ведь пыталась поступить так, как было бы правильно. — Это твоё рабочее место, а я здесь своего рода гость.

— Вообще-то это твой армон.

— Спасибо за напоминание. Полагаешь, сидя на более скромном стуле, я моментально об этом забуду?

Я пожала плечами. Спорить на данную тему уж точно не имело смысла.

— Я говорил вчера с Анитой, — сообщил Данте, перекидывая ногу на ногу. Будто хотел наглядно продемонстрировать, что ему и на этом стуле вполне удобно. — Оказавшись прижатой к стенке — в фигуральном смысле, — она призналась. Ребёнок действительно был зачат за пару месяцев до нашего с ней знакомства. Видишь ли, меня с самого начала несколько удивил тот факт, что Анита заявилась сюда только сейчас, когда стало известно про найденное месторождение. Да, это событие сделало меня существенно богаче, вернее в скором времени сделает. Но я и прежде не бедствовал. И раз уж эта женщина была заинтересована в подобном браке, непонятно, почему она не обратилась ко мне ещё во время беременности. Или хотя бы сразу после того, как ребёнок родился. Теперь же всё встало на свои места. Настоящий отец мальчика — человек весьма состоятельный. И сначала Анита пыталась добиться брака с ним. Но из этого ничего не вышло. А вскоре после того, как он окончательно отрёкся и от неё, и от ребёнка, ушей Аниты достигла история о залежах магических камней, найденных на моей земле. Тогда-то ей и пришла в голову эта затея. Она решила, что у неё появился шанс устроить свою судьбу ещё лучше, чем при настоящем отце.

— Понимаю, — вздохнула я. — Что ж, к счастью, из этого плана ничего не вышло.

— С твоей помощью, — подчеркнул он.

— Данте… — Я поджала губы, опасаясь задавать следующий вопрос. Данте мог рассердиться, и имел бы на то все основания. И всё-таки мне слишком сильно хотелось понять. — Прости меня,

я знаю, что это не моё дело, но… как случилось, что ты связался с такой женщиной, как Анита? Нет, я не имею в виду её социальное положение, — поспешила добавить я, — но просто… как сказать… характер?

Всё-таки я совсем неспособна предсказать реакцию Данте на то или иное действие со своей стороны. Такое, казалось бы, невинный поступок, как попытка уступит ему стул, привёл его чуть ли не в бешенство. А вот весьма наглый, в сущности, вопрос, который я решилась задать лишь в силу слишком острого интереса, Данте воспринял совершенно спокойно. И не замедлил с ответом.

— Это было случайный и одноразовый эпизод. Я был тогда… скажем так, сильно расстроен. И, думаю, общение с Анитой — далеко не самое худшее, что я тогда сделал.

Расспрашивать о причинах я не решилась, а сам Данте рассказывать не стал.

Глава 12

Наутро после свадьбы Агнессы я позволила себе поспать подольше, чем обычно. Вообще-то я планировала провести на церемонии бракосочетания четверть часа, а затем отправиться обратно в библиотеку. Но слово за слово, пообщавшись то с одним, то с другим гостем, я задержалась. Празднование переместилось из храма в располагавшийся на первом этаже армона зал, и в конечном итоге мы с Ренцо оставались там до самого конца вечера.

Проходя мимо кабинета Данте, я услышала непривычно громкие голоса. Нет, кабинет был достаточно просторным, чтобы в случае необходимости вместить большое число людей, и здесь порой собирались вполне многолюдные совещания. Да и вообще, хоть Данте и предпочитал тишину, посетители не были такой уж большой редкостью. Но сейчас всё было не как обычно: в кабинете явно назревала ссора. Разговор вёлся на повышенных тонах, притом голоса Данте я не слышала. Зато другие, незнакомые мне люди, кажется, были готовы поругаться не на шутку.

— Что происходит? — спросила я у подошедшего с противоположного конца коридора Ренцо.

— Не знаю, — весело пожал плечами тот. — Пойдём вместе выясним.

Я мешкала, сомневаясь, следует ли мне заходить в такой момент, но Ренцо подтолкнул меня в спину. В итоге мы оба прошли в кабинет.

Помимо Данте, сидевшего за своим столом, здесь находилось ещё человек шесть, но спорили друг с другом двое.

— У нас с вами была чёткая договорённость! — восклицал полный человек в тесноватом камзоле, который явно не без труда застёгивался на животе. — Вы поставляете мне пятьдесят розовых камней, я плачу двадцать пять тысяч. Но это, — он разжал ладонь и продемонстрировал два лежавших там камня, — не стандартный розовый велтист! Эти камни почти вдвое мельче обычных, да ещё и с прожилками, которых быть не должно! Это некачественный товар!

— Что же я могу поделать, если вы хотите получить свой товар срочно! — эмоционально размахивая руками, ответил щуплый мужчина лет сорока. Мне доводилось видеть его прежде, и, кажется, он был управляющим по делам залежей. То есть в частности решал различные вопросы с покупателями. — Да, камни отличаются от стандарта, поэтому мы снизили цену на

пятнадцать процентов! К тому же ещё и даём вам в подарок вот это! — И он продемонстрировал мешочек, наполненный тонкими прозрачными пластинами треугольной формы. — Не понимаю, что вас не устраивает!

— Я не знаю, что это за осколки, и они меня не интересуют! — отрезал торговец. — Вы пытаетесь всучить мне мусор, который никому не нужен и задаром! Давайте мне камни нормального размера и цвета, о каких мы договаривались с самого начала!

— Где я их вам сейчас возьму? Ну вот где??? — завопил управляющий, оглядываясь на остальных присутствующих в поисках поддержки.

Я тихонько приблизилась к спорящим, вытянула шею, вглядываясь в содержимое мешочка. Потом посмотрела на камни, продемонстрированные торговцем. Несколько точно таких же камней лежали, раскатившись по столу Данте. Расширив глаза, я тихо отступила назад и потрясла Ренцо за руку.

— Нам срочно надо поговорить! — шепнула я ему и потянула за собой в коридор.

— Ренцо, в это необходимо вмешаться! — воскликнула я, едва мы оказались снаружи и закрыли за собой дверь. — То, что пытается предложить управляющий, это же не вписывается ни в какие рамки! Послушай меня, то, что торговец так пренебрежительно обозвал осколками, — это же ценнейший магический ресурс! Из них делают «слёзы русалки», которые впитывают солнечный свет, а потом используются вместо свечей!

— Серьёзно? — удивился Ренцо. — А я думал, «слёзы русалки» — это камень овальной формы, и именно таким его добывают в залежах.

— Это распространённая ошибка, — отмахнулась я. — На самом деле их добывают именно в виде таких «осколков».

— А почему тогда они всегда бывают одной и той же формы? — не сдавался Ренцо.

— Потому что овальная форма позволяет наиболее эффективно использовать их возможности, — объяснила я. — Но форму им придают уже при обработке. Ренцо, то, что ты этого не знаешь, — совершенно нормально, но вот управляющий обязан быть в курсе таких вещей! Он чуть было не отдал бесплатно, в качестве довеска, ценнейшую находку!

— Понял, — сосредоточенно кивнул Ренцо.

— И ещё. По поводу камней. Зеленоватые прожилки — это эффект, создающийся за счёт того, что месторождение смешанное. Если не вдаваться в детали, такие камни вдвое мощнее обычных. Возможно, кое-кто из торговцев и думает, что в любой сфере главное — размер, но они сильно ошибаются.

Прокашлявшись после последнего заявления, Ренцо попросил меня немного подождать и никуда не уходить, после чего снова исчез в кабинете. Вскоре доносившийся оттуда шум спора стих. Потом голоса снова потихоньку зазвучали, а кастелян вернулся в коридор вместе с Данте.

— Сандра, а теперь повтори, пожалуйста, всё, что несколько минут назад сказала мне, — попросил Ренцо.

В кабинет мы вернулись уже втроём.

Topreading.ru

— Насколько я понимаю, вас не устраивают условия заключённой между нами договорённости, — спросил у торговца Данте, снова сев за свой рабочий стол.

Тишина восстановилась моментально. Мы с Ренцо остановились у Данте за спиной.

— Вы совершенно правы, дон Эльванди, — с поклоном подтвердил торговец. — С учётом сложившейся ситуации это именно так.

— Стало быть, вы не намерены заключать сделку на оговорённых ранее условиях? — ещё раз уточнил Данте.

— На оговорённых ранее не стану, — вновь подтвердил торговец.

— Отлично, — бесстрастно объявил Данте. — Сделка отменяется. Поскольку спор разрешился, господа, я вас оставлю, — произнёс он, вставая со стула и умышленно игнорируя отвисшую челюсть торговца. — У меня срочные дела. Дон Джаннини, я хочу побеседовать с вами здесь ровно через час.

Управляющий кивнул, что-то растерянно пробормотав в ответ.

Ближе к вечеру Данте зашёл ко мне в библиотеку.

— Как твои дела? — спросил он, окидывая книжные полки равнодушным взглядом.

Я уже знала, что это значит. Когда он так смотрит на книги, стало быть, пришёл ко мне с определённой целью, но по той или иной причине не торопится начать разговор.

— Всё хорошо, — ответила я.

— Нам надо кое-что обсудить, — заявил Данте, усаживаясь на стул.

Всё тот же, для посетителей, но на этот раз я не пыталась возражать.

— Что именно?

— Когда ты приехала в армон, мы подписали соглашение касательно твоего статуса и твоих обязанностей.

— Да.

Я напряглась не на шутку.

— Так вот, я хотел бы его пересмотреть.

Я взволнованно сжала пальцами подлокотники. Интересно, мне сейчас задают вопрос или ставят перед фактом?

— И какие же изменения ты хочешь внести?

— Я всё обдумал и понял, что совершил большую глупость, определив тебя в библиотеку. Впрочем, возможно, для начала это было то, что нужно. Это помогло тебе акклиматизироваться в армоне и завести здесь знакомства. Но сейчас мне нужно от тебя

Topreading.ru

совсем другое.

— И какие же изменения ты хочешь внести?

— Я всё обдумал и понял, что совершил большую глупость, определив тебя в библиотеку. Впрочем, возможно, для начала это было то, что нужно. Это помогло тебе акклиматизироваться в армоне и завести здесь знакомства. Но сейчас мне нужно от тебя совсем другое.

— Что же?

Мой голос источал лёд, при этом я инстинктивно вжалась в спинку стула. Случилось то, чего я, в общем-то, ожидала с самого начала? Данте решил, что благородство благородством, но, в конце-то концов, в его распоряжении — купленная на невольничьем рынке рабыня, и глупо этим не пользоваться.

— Мы неправильно использовали твой потенциал, — ровным голосом продолжал Данте. — Ты обладаешь редкой квалификацией, в то время как исполнять обязанности архивариуса способны многие. Сегодня мы чуть было не совершили большую ошибку со сбытом камней, и всё потому, что по-настоящему хороших специалистов в этой области не сыщешь днём с огнём. Есть люди, разбирающиеся в одном конкретном виде камней. Но не во всех сразу. Ты же написала диссертацию по амулетам. Признаюсь, я не сразу связал одно с другим. Но ведь магические амулеты — это, по сути, магические камни в действии. То есть фактически ты — специалист по камням?

— Некоторым образом, — осторожно сказала я. — Не по всем в равной степени, конечно же. Но разные главы моей диссертации действительно посвящены свойствам и применению разных камней; кроме того, в своё время нас возили на практику на разные месторождения… по большей части в качестве бесплатной рабочей силы, конечно, но кое-какая польза для нас тоже была…

Я говорила больше, чем нужно, и не вполне отдавала себе отчёт, зачем это делаю.

— Вот именно поэтому я делаю тебе новое предложение, — заявил Данте, воспользовавшись паузой в моём рассказе. — Я хочу, чтобы ты оставила должность архивариуса и вместо этого сосредоточилась на камнях. Мне необходимо высококвалифицированный специалист, который сумеет правильно классифицировать найденные рабочими камни. Определит, к какому виду они относятся и как их можно использовать. Ведь такая работа подходит тебе гораздо лучше, чем нынешняя, разве не так? — заметил он, окидывая беглым взглядом библиотеку. — Камни — это твоя прямая специальность.

— Можно сказать, что да, — подтвердила я.

— Будешь работать в паре с человеком, разбирающимся в ценах и вообще цифрах, — продолжал Данте. — Одна из твоих задач — определить степень ценности камня, но забивать голову вычислениями тебе не придётся. Кроме того, ты будешь сотрудничать с управляющим. Новым, которого сейчас мне подыскивают. Старого я уволил. Ну, так как? Переписываем договор?

Я сосредоточенно глядела в стол. Когда Данте предложил мне место архивариуса, это можно было считать небывалым везением. Но теперь речь шла не просто о достойном занятии, а о работе по специальности. Если бы такой человек, как Данте, предложил мне подобное место в Астароли, это считалось бы отличной карьерой. В происходящем было нечто сюрреалистичное,

и я с трудом удержалась от того, чтобы ущипнуть саму себя за руку.

— Конечно.

Я насильно вернула себе дар речи.

— Отлично. — Всё тот же деловой тон. — Бумаги оформит мой секретарь. Он же выяснит точный размер жалованья. Но, думаю, это раза в два с половиной больше того, что получает архивариус.

Я дважды моргнула ресницами. В два с половиной? Что вообще делают с такими деньгами?

— Данте, это совершенно лишнее, — поспешила покачать головой я. — Серьёзно. Ты даже не представляешь, насколько я тебе благодарна за твоё предложение. Но такие деньги мне просто не нужны. Я и так почти ничего не трачу. Платить за еду мне не надо, за жильё тоже, за одежду и то я плачу только благодаря тому, что очень сильно настаивала. Ну, сам посуди: зачем мне такое огромное жалованье? Сэкономь хотя бы на этом.

— Ты спасаешь меня от голодной смерти, — сухо рассмеялся Данте. — Припомни: за счёт твоего сегодняшнего вмешательства я сэкономил значительно большую сумму, чем та, о которой мы говорим. Так что давай обойдёмся без самоуничижения. Ты будешь получать столько, сколько получал бы любой другой человек твоей квалификации на твоём месте.

Мне оставалось только согласно кивнуть.

— Вот и хорошо.

Данте поднялся с места и направился к двери, но почти сразу же остановился и резко развернулся.

— Как тебе удаётся сочетать такое самоуничижение с такой гордостью?

Я вздрогнула от такой неожиданной смены как темы, так и тона, который больше не был ни деловым, ни сухим.

— И ответь мне, пожалуйста, на такой вопрос, — продолжал Данте. — Когда я сказал, что предлагаю внести изменения в наш договор. О чём ты подумала?

Он был в ярости, теперь я видела это чрезвычайно ясно.

— Ни о чём, — опустила глаза я. — Просто сначала не поняла, что именно ты имеешь в виду.

— Врёшь, — отрезал Данте, и я точно знала, что взгляд его горящих гневом глаз устремлён прямо на меня. — Я отлично видел, как ты побледнела и вжалась в стул. Чего ты от меня ждала? Что я воспользуюсь своим положением? И каким конкретно образом? Впрочем, можешь не отвечать, я и сам догадываюсь! Чёрт тебя побери, Сандра, как долго ты собираешься меня бояться?! Чем я это заслужил? Почему Ренцо ты ни капли не боишься? Чем он лучше меня?

Я молчала, снова вжавшись в кресло, а в виски больно стучалась мысль: о чём он сейчас говорит? Мне только кажется, или с темы страха он перешёл совсем на другое?

— Он не лучше, — хрипло ответила я, заставляя себя поднять глаза. — Вы просто разные, только и всего. Ты просто гораздо серьёзнее, и…

Я замолчала, чувствуя, что несу чушь. Но что я могла сказать? Правду? Ты — мой хозяин, а Ренцо — нет? И потому пропасть между тобой и мной настолько широка, что её никогда нельзя будет преодолеть, как бы сильно мне этого ни хотелось?

— Что «и»? Я настолько серьёзен, что внушаю страх? Ладно, оставь, — устало отмахнулся Данте. — К завтрашнему дню тебе приготовят новый кабинет. Тогда обсудим детали.

С этими словами он покинул библиотеку.

На следующий день я вступила в новую должность. Придя к Данте за инструкциями, с удивлением выяснила, что моё рабочее место расположено всего в двух дверях от его кабинета. Но, видя, что он внимательно следит за моей реакцией, вслух высказывать удивление не стала.

Познакомилась с Фредиэно Бруни, тем самым специалистом по ценам и вычислениям, которого упоминал накануне Данте. Это оказался приятный в общение человек лет пятидесяти. Умный, подтянутый, деловой и в меру разговорчивый. То есть хорошо понимающий, где проходит грань между приятным разговором за чашкой чая и отвлекающей от дел болтовнёй. Мы быстро поладили.

Рассматривая камни через увеличительное стекло, поднося их к окну, чтобы увидеть игру света на гранях, внося записи в специально заведённую тетрадь, я с щемящим чувством вспомнила, насколько любила всегда свою работу. Что не случайно посвятила этому делу много лет жизни, нередко отказывая себе в иных удовольствиях. Чувство благодарности к Данте действительно не знало границ, но выражать её я больше не рисковала, поскольку наши отношения оставались натянутыми. Однако буквально через несколько дней Данте пришёл ко мне совсем в другом настроении.

В его походке, в том, как он держался, было что-то лёгкое, непринуждённое, и чуть-чуть мечтательное. Он тепло мне улыбнулся, разом перечёркивая всю напряжённость последних дней.

— Сандра, у меня хорошие новости. И одновременно просьба.

Он обезоруживающе улыбнулся. Я не могла не улыбнуться в ответ.

— Я нашёл способ раз и навсегда решить проблему назойливых невест, — сообщил Данте.

— Неужели? — изумилась я. — Дай-ка попробую угадать. — Его хорошее расположение духа передалось и мне. — Ты планируешь массовое отравление всех незамужних женщин в округе?

— Попробуй ещё, — покачал головой он.

— Хочешь избавиться от своего состояния? Подаришь его первому встречному, чтобы невесты докучали ему, а не тебе? Подашься в монахи?

— Холодно. Нет, Сандра, я просто женюсь.

— А…

Я так и застыла с открытым ртом, хотя его решение было и вправду самым логичным.

Действительно, единожды женившись, можно избавиться от проблемы охотниц за состоянием.

— У тебя уже есть кандидатура? — спросила я, чувствуя, как всё застывает внутри.

— Да, — радостно кивнул Данте. — Есть одна женщина. Я не первый день с ней знаком, но только недавно понял, насколько важное место она заняла в моей жизни. Она действительно необыкновенная, не такая, как все. Поверь, это не только моё субъективное мнение. Она очень красива и очень горда… И, к сожалению, холодна, как лёд. В этом главная проблема. В отличие от тех женщин, что приезжали в армон с известной тебе целью, она не проявляет ни малейшей заинтересованности. Она относится ко мне доброжелательно, но никогда не переходит рамок дружеского общения.

Я слушала, затаив дыхание. То, что он говорил, казалось по-своему знакомым… Но ведь этого же просто не может быть. Не может быть, чтобы он имел в виду то, о чём я подумала. Эти мысли надо срочно выкинуть из головы, пока не стало слишком больно…

— И тем не менее я намерен добиться её расположения и согласия выйти за меня замуж, — заключил Данте. — Раньше или позже, но донья Эльнора Лучия Рокка станет моей женой.

Не успела. Правильно настроиться не вышло, на миг показалось, что я падаю вниз с высокого каменного утёса. Эльнора Лучия Рокка.

— Судя по двум именам, это, видимо, очень знатная женщина? — безжизненным голосом уточнила я.

— Да. В её семейном древе переплетаются два старинных рода, отсюда, по традиции, два имени, — подтвердил Данте. — Я немного богаче её, её происхождение — немного более знатное. В целом мы — подходящая пара. — Он криво усмехнулся. — Остаётся только её в этом убедить. И именно поэтому я хотел обратиться к тебе.

— Ко мне? — удивилась я.

— Видишь ли, если я подойду к ней на каком-нибудь приёме и сделаю предложение, она наверняка мне откажет. Приехать к ней с визитом без приглашения было бы достаточно дерзко, и точно не пошло бы мне на пользу. Поэтому я решил написать ей письмо. Рассказать о своих чувствах и одновременно дать ей возможность спокойно всё обдумать и дать ответ тогда, когда она сама сочтёт нужным. Я думаю, такой подход будет в случае с этой женщиной самым правильным. Но как передать такое письмо? Отправить с обычным посыльным? Исключено. Его должен передать кто-то из моего окружения, доверенное лицо, и из рук в руки. Ты — женщина, и, следовательно, поручить тебе такое деликатное дело — логичнее всего.

Я сглотнула.

— Согласишься мне помочь, Сандра? — Его рука коснулась моей. — Просто вручить письмо — и всё. Ответ она наверняка пришлёт в другой день. Конечно, если она станет тебя расспрашивать, и ты в красках распишешь мои многочисленные достоинства, — саркастическая ухмылка, — я не буду возражать. Но это необязательно. Можешь просто заявить, что тебе нечего добавить к содержанию письма.

Я сидела, стиснув зубы. Меньше всего на свете мне хотелось выполнять эту просьбу. Собственными руками вручать его письмо другой женщине. Рассказывать ей, какой хороший из него получится муж. Но — это была его просьба. И я не смогла отказать.

— Хорошо, — медленно произнесла я, облизав пересохшие губы. — Если только она согласится меня принять.

Я хваталась за соломинку.

— Согласится, — заверил Данте. Соломинка разломилась на две половинки, и я со свистом рассекаемого воздуха полетела вниз. — Спасибо, Сандра. Я очень тебе признателен.

Армон доньи Эльноры Лучии Рокка располагался в живописной зелёной долине, уютно устроившейся между поросшими лесом холмами. Архитектурно он отличался от резиденции Данте, но, пожалуй, свидетельствовало приблизительно таком же уровне жизни. Эти двое и вправду подходили друг другу, как минимум в том, что касалось их социального статуса. Об остальном я могла пока только гадать.

Соблазн прочитать письмо Данте, пока я ехала в карете, был чрезвычайно велик, и всё же я удержалась. По прибытии меня попросили подождать, пока о моём деле сообщат донье Эльноре. Я понадеялась, что, заметив «дракона», меня всё-таки не допустят до хозяйки, но нет, напротив, меня провели к ней всего несколько минут спустя.

Нет, конечно же, я не рассчитывала увидеть перед собой уродливую горбатую даму, хромающую на одну ногу, косоглазую, да в придачу ещё и не первой свежести. И тем не менее то, что я увидела, превосходило все ожидания. Я была разбита в пух и прах. Эта женщина была настолько хороша собой, что в неё просто нельзя, невозможно было не влюбиться. Правильные черты лица, не лишённого в то же время и изюминки, красивый разрез проницательных серых глаз, роскошные волосы, изящная фигура. Возраст точно не определить; молодая, но не юная, женщина в самом соку, обладающая определённым жизненным опытом, и при этом не утратившая ни капли привлекательности. Напротив, я могла бы поспорить, что в восемнадцать лет она была менее хороша, чем сейчас. Всё это дополнялось идеальными манерами. Чувство собственного достоинства читалось в каждом её шаге, в каждом жесте, но одновременно не превращалось в отталкивающую людей гордыню. Так выглядит и ведёт себя человек, полностью довольный собой и потому не испытывающий ни малейшей потребности в том, чтобы унижать или третировать других.

— Проходите, донья Эстоуни, — приветливо произнесла она, поднимаясь мне навстречу.

Она не могла не знать про моего «дракона», и тем не менее вела себя более чем гостеприимно. Фактически как с равной. Я была окончательно деморализована. «Что ж, Сандра, о такой хозяйке можно только мечтать». Хорошо, что мне так вовремя предложили стул.

— Не скрою, я много о вас слышала, — говорила Эльнора, в то время как служанка разливала по чашкам ароматный чай. Над изысканным сервизом зазмеились тонкие струйки пара. — И мне было весьма любопытно с вами познакомиться. Не стану спрашивать, как вам нравится в Галлиндии. Предполагаю, что все вокруг буквально извели вас этим вопросом, — проницательно усмехнулась она.

Я ответила сдержанной улыбкой. Этот вопрос действительно считал нужным задать каждый встречный и поперечный.

— Обычно люди ожидают лёгкого и короткого ответа, — пояснила я. — А его не существует. Мне безусловно нравится здесь больше, чем в Арканзии. Но меньше, чем в Астароли.

— Родина есть родина, — задумчиво проговорила Эльнора. — Даже если там тяжело. Даже если она лежит в руинах. Однако вы очень хорошо говорите на нашем языке, — заметила она. — Даже почти без акцента.

— Моя профессия предполагает знание языков, — сказала я. — Так что я изучала арканзийский ещё в университете. А за последние три месяца, погрузившись в среду, дополнила и отточила эти знания.

— Три месяца — не такой уж и долгий срок. Видимо, у вас незаурядные способности к языкам. Но я совсем вас заболтала. Чем обязана вашему визиту?

— Я здесь по поручению дона Эльванди. — Чем скорее я покончу с этим делом, тем лучше. — Он прислал вам письмо.

И я вручила Эльноре конверт.

Я пристально наблюдала за лицом хозяйки армона, пока она читала письмо. Почти сразу же на нём отразилось искреннее удивление. Сперва тонкие дуги чёрных бровей поползли вверх, затем их обладательница нахмурилась, продолжая вчитываться в текст. Дошла до конца и, сосредоточенно сжав губы, перечитала несколько предложений.

— Неожиданно, — произнесла, наконец, она, и лишь потом подняла на меня глаза. — Полагаю, донья Эстоуни, вам известно содержание этого письма?

— Только суть, — ответила я.

— «Только суть», — с интересом повторила Эльнора. — Как любопытно сформулировано. И как правильно. Казалось бы, что может быть важнее сути? Но иногда суть оказывается куда менее значимой, нежели детали.

Она ещё и философствует. Ей только что сделали предложение, которое способно перевернуть всю её жизнь, но вместо того, чтобы раздумывать, радоваться или переживать, она рассуждает на абстрактные темы!

— Вы собираетесь ответить сейчас или предпочитаете подождать? — вернула её внимание к письму я.

— Пожалуй, сейчас, — проговорила Эльнора, потянувшись к чистому листу бумаги. — Или всё-таки нет… О таких вещах полагается как следует подумать, не правда ли?

Её взгляд снова обрёл сфокусированность, и она посмотрела на меня с новым интересом.

— Должно быть, дон Эльванди очень вам доверяет, раз передал это послание именно с вами, — заметила она. — Впрочем, о чём я говорю? Конечно, он вам доверяет, иначе вы бы не занимали свой нынешний пост.

— Вы знаете о моей новой должности? — удивилась я.

— Я вообще стараюсь быть в курсе событий, — улыбнулась Эльнора. — Во всяком случае, тех, которые касаются примечательных людей. А вы, без сомнения, таким человеком являетесь.

Не уверена, что я была сильно польщена, но и обижена не была тоже: Эльнора явно не намекала на что-либо неприятное.

Topreading.ru

— Пожалуй, я всё-таки возьму немного времени на размышления, — постановила Эльнора, вновь неожиданно для меня сменив тему. — Скажем, два дня. Вы сможете приехать сюда за ответом послезавтра?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я была уверена, что на сегодняшнем визите моя миссия заканчивается.

— Если это нужно… да, пожалуй, я могла бы.

— Отлично. Половина пятого вам подойдёт?

— Подойдёт, — обречённо кивнула я.

Половина пятого или любое другое время — какая разница? Раз уж мне всё равно придётся выпить этот бокал до дна.

Данте, конечно же, ждал моего возвращения, но на его вопросительный взгляд я могла лишь ответить, что донья Рокка прочитала письмо, немного удивилась и ответа пока не дала. А через два дня я снова отправилась к ней.

Поскольку мне было назначено точное время, я боялась опоздать, и потому, как водится, приехала немного раньше положенного. Сидеть в карете, выжидая, было бы странно, так что я отпустила кучера и медленно направилась к крыльцу, стараясь максимально растянуть время. Несмотря на ранний приезд, ждать в одной из приёмных меня не заставили; напротив, препроводили сразу к хозяйке армона. Здесь я нашла гостеприимно накрытый стол; всё было готово для чаепития.

— Сожалею, я немного не рассчитала время и приехала слишком рано, — принялась оправдываться я, но Эльнора лишь отмахнулась от извинений с присущими ей лёгкостью и изяществом.

— Бросьте, донья Сандра — я ведь могу вас так называть? Я не настолько занятой человек, чтобы меня нельзя было навестить на пять минут раньше запланированного.

«Положим, не на пять, а на пятнадцать», — с очередным приливом чувства неловкости подумала я, покосившись на часы с маятником, но говорить этого вслух, конечно, не стала.

— Присаживайтесь, донья Сандра, — оторвала меня от размышлений Эльнора.

Я послушалась, служанка снова принялась разливать по чашкам приятно пахнущий чай. Кажется, аромат сегодня отличался от позавчерашнего. Видимо, это был какой-то другой сорт.

— Готова поспорить, что вчерашний дождь показался вам не более чем лёгкой моросью, — с улыбкой заметила Эльнора. — А между тем для нас, южан, это было самое настоящее событие.

— Я не очень-то люблю дождь, — призналась я. — Так что не слишком скучаю по осенним проливным ливням.

— Значит, хоть чем-то Галлиндия вам угодила, — отметила Эльнора. — Как минимум климатом.

— Кроме тех случаев, когда речь идёт о безумной жаре, — добавила ложку дёгтя я. — Но в целом — да, пожалуй, здешний климат мне нравится.

— Во всём находятся свои плюсы и минусы, — кивнула Эльнора. — Я приготовила письмо для дона Эльванди.

Она протянула мне запечатанный конверт. Я с благодарностью приняла его и положила в висевшую на поясе сумку.

— Полагаю, вы хотите знать, что в этом письме? — проницательно заметила Эльнора.

О да, ещё как хотела! У меня буквально руки чесались разорвать этот самый конверт!

— Во всём находятся свои плюсы и минусы, — кивнула Эльнора. — Я приготовила письмо для дона Эльванди.

Она протянула мне запечатанный конверт. Я с благодарностью приняла его и положила в висевшую на поясе сумку.

— Полагаю, вы хотите знать, что в этом письме? — проницательно заметила Эльнора.

О да, ещё как хотела! У меня буквально руки чесались разорвать этот самый конверт!

— Не буду скрывать, что действительно была бы не против, — с напускным равнодушием произнесла я.

— Что ж, не вижу причин не удовлетворить ваше любопытство. В скором времени вы в любом случае узнаете ответ. В этом письме я отказываю дону Эльванди и сообщаю, что, к сожалению, не могу принять его предложение руки и сердца.

От изумления я чуть было не выронила рук чайную ложечку. А потом подумала про то, как воспримет эту новость Данте. С учётом обстоятельств это, должно быть, покажется странным, но в тот момент мне стало по-настоящему его жаль.

— Дон Эльванди несомненно расстроится, — сказала я вслух.

— К сожалению, это вероятно, — не стала спорить Эльнора. — Это действительно меня огорчает. Но, согласитесь, это не является достаточно веским поводом для того, чтобы я изменила своё решение.

Тут я не могла с ней не согласиться.

— Я вижу, что вы всё-таки удивлены, — заметила Эльнора.

— Скажем так: это не было мне очевидно, — осторожно призналась я.

— Потому что дон Эльванди — весьма достойный человек и вполне подходящая пара, — задумчиво закончила за меня Эльнора.

— Дон Эльванди — действительно в высшей степени достойный человек, — подчеркнула я, ибо в её словах мне слышалось нечто вроде сарказма.

И тут же одёрнула сама себя. Что я делаю? Пытаюсь её переубедить?

— Я в этом не сомневаюсь, — отмахнулась, поморщившись Эльнора. — Но что с того? Мы живём в мире мужчин, донья Сандра. В этом вся беда. Они убедили нас в том, что нашей главной и, в сущности, единственной целью должно быть замужество. В том, что нам следует с

радостью бросаться в объятия того, кто осчастливит нас своим предложением — при условии соблюдения правил (а), (б) и (в). Никогда не позволяйте мужской части общества заморочить вам голову, донья Сандра. — Она немного помолчала. Вытянула холёные, ухоженные пальчики с аккуратно подпиленными ногтями, слегка прогнула их кверху, затем тихонько постучала по краю стола. — Если же говорить конкретно обо мне, то посудите сами. Я — взрослая свободная женщина, финансово независимая и необременённая обязательствами. Грубо говоря, я делаю, что захочу, когда захочу и как захочу. — Она улыбнулась, чуть-чуть лукаво. — Мой был устроен, налажен, и полностью меня устраивает. Здесь всё заточено под мои вкусы и предпочтения. Зачем же мне отказываться от этой свободы? А выйдя замуж, я непременно должна буду от неё отказаться. Придётся считаться с мнением мужа, его вкусами, его предпочтениями. Да что там, придётся фактически отдать себя с потрохами в руки малознакомого человека. Ведь, как я уже говорила, мы живём в обществе мужчин. Так зачем же мне так сильно себя ограничивать? Зачем вносить в свою жизнь такие резкие изменения, учитывая, что меня всё устраивает, и мне всего хватает?

Её речь звучала столь здраво, и одновременно в этом отрицании самой идеи брака было что-то столь неправильное, что я невольно улыбнулась.

— Как насчёт любви? — поинтересовалась я.

— Любовь, — кивнула она. — Закономерный вопрос. Не могу сказать, донья Сандра, чтобы мне было незнакомо это чувство. Однако поверьте, и здесь тоже вполне можно обойтись без брака.

— Интересное суждение.

Я старалась говорить осторожно. Не приниматься же откровенно спорить с хозяйкой армона, право слово. К тому же с ней действительно было интересно.

— Просто отличное от общепринятого, донья Сандра. Не более того. К тому, что отличается от общепринятого, всегда относятся с подозрением. Но если преодолеть эту подозрительность, можно открыть для себя много нового.

Ещё через десять минут я раскланялась.

— Благодарю вас за компанию, донья Сандра, — сказала Эльнора, прощаясь. — Заезжайте как-нибудь ещё. Просто так, без приглашения. Всегда буду рада видеть вас у себя в гостях.

— Без приглашения не смогу, — улыбнулась я. — Вы ведь только что меня пригласили.

— И в самом деле. Как глупо с моей стороны, — рассмеялась она. — Ну, значит, приезжайте по приглашению. И передайте дону Эльванди мои сожаления. Я не сомневаюсь, что он ещё найдёт себе более подходящую партию.

Глава 13

— Нет, я не собираюсь так просто сдаваться.

— Данте, но, право слово, что ты можешь сделать? Эльнора совершенно уверена в своём ответе, у неё не было никаких сомнений. Она приняла решение.

Сначала мне было ужасно тяжело сообщать Данте неприятную новость об отказе Эльноры. Я

очень ему сочувствовала и надеялась хоть как-то поддержать. Однако постепенно его неготовность принимать её отказ как данность начинала раздражать.

— Ничего страшного, — в очередной раз возразил Данте. — Приняла одно решение, примет и другое.

— Данте, она производит впечатление умного, взвешенного человека, — устало откликнулась я. — А не капризной девчонки, меняющей своё мнение по пять раз на дню.

— По пять — не по пять, но она может изменить решение, если я попытаюсь добиться её расположения.

— Каким именно образом? — тоскливо спросила я.

Не знаю, что раздражало больше — его упрямство или тот факт, что оно направлено на завоевание отнюдь не моего сердца.

— Я что-нибудь придумаю, — заверил Данте. — Должен же быть способ поухаживать за ней так, чтобы она это оценила.

— У тебя навязчивая идея, — округлила глаза я. — Если женщина говорит «Нет», это значит «Нет». Назойливые ухаживания со стороны человека, который нам не нравится, только раздражают.

— А если нравится? — парировал Данте.

— Тогда не отказывают изначально.

— Так-таки всегда? — изогнул бровь он.

Я невольно вздрогнула, таким проницательным вдруг показался мне его взгляд. Словно он намекает на мои собственные чувства. Но нет, этого не может быть. Он влюблён в другую женщину и, следовательно, слеп ко всему остальному. Если бы он понимал, как я к нему отношусь, и собирался при этом жениться на Эльноре, не стал бы мучить меня подобными разговорами.

— Бывают ведь случаи, когда мужчина женщине в целом нравится, но её останавливают другие причины.

Я снова покосилась на Данте. Тон вроде бы был нейтральным, взгляд уже скользил по комнате.

— Бывают, — признала я, стараясь говорить как можно более равнодушно.

— Вот и подскажи мне, как можно в таких случаях добиться вашего расположения!

— Что, я?!

— Ну не могу же я спросить саму Эльнору! Ну же, Сандра, помоги мне! Скажи как женщина, какие ухаживания ты не смогла бы проигнорировать? Какой поступок обязательно запал бы тебе в сердце?

Я сглотнула, полнимая на него страдальческий взгляд.

— Ну, подари ей что-нибудь, — проворчала, сдаваясь, я. — Цветы там, или ваши южные

сладости. Или травку какую-нибудь.

— Травку? — непонимающе нахмурился Данте. — Сандра, она вроде бы как не корова.

— Да я не про эту травку, а про ту, из которой чай заваривают, — огрызнулась я. — Она чаи разные любит ароматные. Арканзийские.

— Это всё не то! — воскликнул Данте. — Слишком банально, примитивно, если на то пошло. Такое может сделать абсолютно любой. Допускаю, что женщине приятны такие подарки, но покорить её этим нельзя.

— Данте, ты что, хочешь, чтобы я вот прямо сейчас на этом месте сообщила тебе, чем можно покорить почти незнакомую мне Эльнору Рокка?! — взвилась я, окончательно теряя самоконтроль.

— Не Эльнору Рокка. Тебя, — спокойно сказал Данте. И снова тот же прямой взгляд, заставивший моё сердце ненадолго остановиться. — Скажи, что могло бы покорить тебя. Уверен, это поможет и с Эльнорой.

Я громко застонала, схватившись руками за голову.

— Не знаю, Данте! Не знаю! Теоретически можно было бы попробовать совершить какой-нибудь безумный и одновременно романтический поступок. Спеть серенаду. Пробраться к ней в армон через забор и влезть по плющу в окно. Но это же всё не твоё, Данте! Это не ты. Ренцо, наверное, мог бы сделать что-то подобное. А ты не станешь.

— Значит, не стану? — Он резко развернулся. — Ты так в этом уверена, да? Считаешь, что Ренцо способен на безумство ради женщины, а я неспособен. — Он откровенно злился, и я пожала плечами, опуская глаза и задаваясь вопросом: случайно я его разозлила или всё-таки намеренно? — Потому что я более серьёзный, да? — припомнил он мою собственную фразу. — Другими словами, скучный, сухой и невзрачный? Верно? Так вот, — продолжил он, не давая мне вставить слово, — я докажу, что это не так! Как ты сказала? Пробраться в армон через забор и влезть в окно? Отлично, вот так я и поступлю! И ты будешь свидетельницей!

Я принялась шарить рукой у себя за спиной, нащупала стул и опустилась на сиденье. Слово «свидетельница» звучало в таком контексте подозрительно похоже на «соучастница».

— А я-то тут причём? — простонала я, однако разжалобить Данте не удалось.

— Притом, — отрезал он, не снисходя до объяснений. — Завтра отправляемся верхом.

Вот так и случилось, что на следующий день мы вместе выехали из города. Добрались верхом до постоялого двора, располагавшегося неподалёку от армона Эльноры, и там оставили лошадей, а сами якобы отправились прогуляться. Погода была осенняя, но осенняя по-галлиндийски, а, следовательно, достаточно тёплая, хоть и с прохладным ветерком. По небу рассыпались совершенно безобидные облака — белые, хрупкие, далёкие; словом, неспособные пролиться дождём.

— До армона полчаса пути, — рассказывал Данте. Он как будто забыл о своём недавнем запале. Вёл себя совершенно спокойно, будто совершенно не планировал вытворять никаких нехарактерных для себя глупостей. И на меня как будто уже не сердился; наоборот, вёл себя

более чем обходительно, поддерживая по дороге, следя, чтобы я лишний раз не наступила на камень и не шагнула в рытвину. — Сначала пройдём через рощу, потом перейдём через узкий ручей, а дальше будет рукой подать до боковой ограды. Я хорошо знаю эти места. — Выражение его лица стало задумчивым и менее холодным, чем обычно. — Много гулял здесь в детстве.

В скором времени выяснилось, что с детства Данте кое-что изменилось. В частности, редкая роща успела превратиться в трудно проходимый лес. Нет, это, конечно же, не был один из тех густых лесов, которые росли у нас на севере и по которым можно долго-долго брести, не видя из-за крон неба. Расстояния между деревьями здесь были как раз порядочными, сосны казались чахлыми, по-настоящему широкие стволы можно было посчитать на пальцах. Зато здесь росло много-много колючих кустарников. И вот продраться через эти заросли казалось порой практически нереальным.

Даже не знаю, как именно назывались эти кусты. Впрочем, здесь, на юге, очень многие растения обладали такой неприятной особенностью — были утыканы колючками. Причём это было свойственно не только сугубо южной растительности, но также кустам и цветам, знакомым мне по северной природе. Всё то же самое, во всяком случае, выглядит очень похоже. Но щерится колючками. Даже одуванчики — и те колючие! То-то мне ни разу не приходилось видеть, как местные дети срывают их, чтобы подуть.

В придачу ко всему прочему, местность здесь была неровная, то подъём, то спуск, и иногда достаточно резкий. Вот так протиснешься с трудом между колючими ветками, а нога уже начинает съезжать по податливой земле куда-то вниз.

Словом, из леса мы выбрались исцарапанные, перепачканные, взъерошенные, усталые и выглядящие совершенно неромантично. Данте ругался сквозь зубы и уже успел дважды попросить у меня прощения за то, что потащил в такую чащу. Я заверила, что не сержусь, особенно учитывая, что он как минимум пять раз спасал меня от падения. Далее мы вышли к воде.

— Это и есть тот самый тонкий ручеёк? — осведомилась я, оглядывая растекшуюся впереди ленту воды.

Не полноводная река, конечно, но ярдов пятнадцать вширь, наверное, будет.

Глаза Данте округлились, и он выругался несколько громче, чем во время нашей «увеселительной прогулки» по лесу. Посмотрел назад, на возвышавшийся за спиной лесистый холм. Потом вперёд, на негостеприимно бегущую мимо воду. Видимо, решил, что пересечь это препятствие будет всё же легче, чем возвращаться назад прежней дорогой. И принялся стягивать с себя камзол.

— Перейдём на ту сторону, — решительно заявил он. — Точнее, я перенесу тебя на руках. Не возражай, — добавил он, поняв по моему лицу, что собираюсь сделать именно это. — Я сам втянул тебя в эту авантюру, так что мне и расхлёбывать.

— Хорошо бы не в буквальном смысле, — заметила я.

— В буквальном смысле не будет. Чёрт бы побрал эти обильные дожди, на которые мы все так не могли нарадоваться! Но всё равно здесь неглубоко. Так что я перенесу тебя на ту сторону, и ты не промокнешь. Подержишь?

Он протянул мне камзол. Я взяла. Подняв меня на руки, Данте шагнул в воду.

Он протянул мне камзол. Я взяла. Подняв меня на руки, Данте шагнул в воду.

Поначалу казалось, что мы действительно отделаемся достаточно легко. Всё-таки Данте был в сапогах для верховой езды, и они не промокали. Но вот беда: любые сапоги промокают, если вода протекает за голенище. А уровень воды быстро стал для этого достаточно высоким. Данте, конечно, не жаловался, но я всё видела и сама. Вскоре стало ещё глубже. Вода дошла ему до пояса. Данте перехватил меня, поднимая повыше. Однако ещё пара шагов — и стало очевидно, что это не поможет. В итоге мы оба как следует вымокли прежде, чем выбраться на противоположный берег.

Отряхнувшись и, насколько возможно, отжав юбку, я огляделась. До армона действительно оставалось всего ничего. В очередной раз дунул ветерок, казалось бы, лёгкий, но я всё равно поёжилась от холода. Обхватила себя руками за плечи.

— Ну как, ты всё ещё собираешься залезть к Эльноре в окно в таком виде? — осведомилась я. — Не знаю, покоришь ли ты её в таком случае, но ошеломишь так точно!

— Какое окно, какая Эльнора? — Данте произнёс эти слова на удивление пренебрежительно. — Нам надо срочно оказаться в тепле и переодеть тебя в сухую одежду, чтобы ты не простудилась! Надевай! — Он вручил мне свой камзол, который я благополучно сохранила сухим, держа в вытянутых кверху руках, и успела возвратить всего минутой ранее. Убедившись в том, что я послушалась, он продолжил излагать свой новый план. — Добираемся до ограды и идём вдоль неё, надеюсь, что здесь отыщется какой-нибудь боковой вход.

Боковой вход не отыскался. Мы шли и шли, а ограда всё тянулась и тянулась. Ни ворот, ни самой крохотной калитки, ни людей, у которых можно было бы спросить, далеко ли ближайший вход. После очередного порыва ветра я громко чихнула и поплотнее завернулась в камзол.

— Так, мне это надоело, — объявил Данте, имея в виду, конечно, не моё чихание, а отсутствие ворот. — Ну, вот что. — Он окинул меня извиняющимся и одновременно оценивающим взглядом. — Придётся перелезть через ограду. Это единственный способ быстро доставить тебя в тёплое место.

От неожиданности я снова чихнула. По изначальному плану через ограду должен был перелезать только Данте. Предполагалось, что я спокойно понаблюдаю за его действиями через прутья. Теперь же выходило, что подвиг придётся совершать на пару.

— Вообще-то я не умею лазить по заборам, — честно предупредила я.

— Ничего, я помогу, — обнадёжил Данте. — Это несложно.

В целом, абстрактно говоря, я была с ним согласна. Изгородь не высокая, а, главное, это не сплошной забор, а переплетение перекладин, по которым, строго говоря, лазить должно быть одно удовольствие. Даже странно, что архитектор и хозяева армона так беспечно отнеслись к вопросу безопасности. Но вот если говорить конкретно… О том, что лично я и вот прямо сейчас должна через эту ограду перебраться… Вот тут-то она сразу начинала казаться мне высокой и неприступной.

Впрочем, долго раздумывать и сомневаться я не стала. А куда, собственно говоря, деваться? Не назад же, через «ручеёк» и по «рощице» к постоялому двору?

Перебраться на другую сторону действительно оказалось не так уж сложно. Главным образом,

конечно, благодаря помощи Данте. Соскочив на землю, я вздохнула с облегчением.

Мы с Данте зашагали в сторону армона. Наша «прогулка» заняла намного больше времени, чем предполагалось, и уже успело стемнеть, но здание приветливо светилось яркими окнами. И тут я поняла, что хозяева вовсе не проявили беспечность, окружив здание столь удобной для воров изгородью. Поскольку в нашем направлении с громким лаем бежала целая свора крупных собак…

Сама бы я, наверное, растерялась. Но Данте, оценив расстояние до изгороди и до армона, рявкнул мне в ухо: «Быстро!» и, не дожидаясь, пока я выйду из состояния оцепенения, потянул к стене здания. К счастью, плющ действительно имелся здесь в изобилии и оказался крепким. Никогда не подозревала в себе способностей к лазанью, но, как оказалось, огромные и голодные на вид собаки отлично стимулируют. Должно быть, мы с Данте поднялись на уровень второго этажа, прежде чем, наконец, замереть и передохнуть, попутно убеждаясь в том, что опасность миновала.

— Что будем делать?

Посмотрев вниз, я запоздало испугалась и с новой силой вцепилась в плющ.

— Придётся лезть в окно! — ответил Данте.

В целом, именно такой поступок на сегодняшний день и планировался, но при совершенно иных обстоятельствах. Так или иначе, я была с ним согласна, поскольку иного варианта попросту не видела.

Ближайшее окно оказалось наглухо закрытым. Пришлось подняться ещё на один этаж. Теперь, когда собаки остались достаточно далеко, лазанье стало даваться мне тяжелее, но с помощью Данте я сумела взобраться выше. Данте первым постучал в окно. Горевшие в комнате свечи давали надежду на то, что на сей раз мы будем услышаны.

Действительно, окно распахнулось почти сразу. К счастью, Данте вовремя успел пригнуться, поскольку открывалось оно наружу.

— Данте?!

Ну что ж, можно сказать, что цель была достигнута. Ошеломить Эльнору моему спутнику без сомнения удалось.

— Добрый вечер, Эльнора. — Данте постарался изобразить на лице светскую улыбку. — Я надеюсь, что не слишком шокировал тебя таким поздним визитом.

— Как ты здесь оказался? — проморгавшись, проговорила хозяйка.

— Да вот, шёл мимо и решил заскочить, — небрежно откликнулся Данте.

— Подумал, что пора бы немного подкрепиться? — понимающе спросила Эльнора. — Вообще-то гостиная этажом ниже.

— Э… Ты не будешь возражать, если я войду здесь и спущусь по лестнице?

— Ну, если ты действительно так предпочитаешь…

Эльнора посторонилась, пропуская его в помещение, оказавшееся спальней.

— Вообще-то я не один, — сообщил Данте, залезая на подоконник.

И протянул мне руку, помогая забраться следом.

Эльнора наблюдала за процессом, разинув рот. Возможно, видеть влюблённых мужчин, влезающих в окна спальни, ей приходилось. Или как минимум слышать об их существовании. Но чтобы мужчина забрался в опочивальню к даме сердца через окно, прихватив с собой ещё одну бабу — то ли на всякий случай, вдруг хозяйки дома не окажется, то ли чтобы вдвоём не заскучали, — такого ей ни видеть, ни слышать точно не приходилось.

— Донья Сандра?! — Опомнившись от шока, она бросилась к окну, чтобы мне помочь. В итоге меня втянули внутрь за обе руки. — Господи, да вы насквозь промокли! Это…Это просто ужасно! Данте, как ты мог?!

— Данте тоже промок насквозь, — поспешила заметить я, видя, что сам он заступаться за себя не спешит.

— Данте тоже промок насквозь, — поспешила заметить я, видя, что сам он заступаться за себя не спешит.

Упрёк Эльноры представлялся мне не вполне справедливым, учитывая, что Данте сделал всё, что мог, лишь бы я не промокла в ручье.

— Да пусть делает всё, что его душе угодно! — фыркнула хозяйка армона, скользнув по одежде Данте нарочито равнодушным взглядом. — Но втягивать в свои дурачества вас?! Это просто верх эгоизма!

— Эльнора, вообще-то не так чтобы это вышло умышленно, — язвительно заметил Данте, видимо, всё же уставший молча сносить упрёки.

— Так, сейчас не время для выяснения этих вопросов, — отмахнулась Эльнора. — Первым делом надо вас согреть. Может быть, вам стоит спуститься в баню?

Этот вопрос был адресован мне.

— Нет-нет, спасибо, — замотала головой я, чувствуя, что это было бы совсем неудобно. — Всё совсем не так плохо. Если бы я могла переодеться в сухую одежду… Этого было бы более чем достаточно.

Эльнора поджала губы, явно так не считая. Но, видимо, решила, что спорить со мной и давить не станет.

— Хорошо. Сейчас я распоряжусь, чтобы вам принесли всё необходимое.

Она позвонила в колокольчик, вызывая служанку.

Двадцать минут спустя мы с Данте сидели на диване, опустив ноги в тазы с горячей водой. На пододвинутом к дивану столике стояли чашки с не менее горячим чаем. К этому времени мы оба успели облачиться в сухую одежду. На мне было одно из платьев Эльноры, Данте же получил, за неимением лучшего варианта, одежду кого-то из старших слуг.

— Как вы себя чувствуете, донья Сандра? — спросила Эльнора, самолично укрывая мои колени

тёплым пледом.

— Чудесно. Право слово, я уже в полном порядке, вам не следовало так утруждаться…

Я не успела как следует зажать переносицу и громко чихнула.

— Нет, вы всё-таки простудились! — В тоне Эльноры снова послышалось возмущение, предназначенное, как быстро выяснилось, отнюдь не мне. — Данте, у меня просто нет слов! Как ты мог довести девушку до такого состояния?!

— Донья Эльнора, Данте ни в чём не виноват! — вновь заступилась за своего спутника я.

Отчего-то упрёки Эльноры задевали меня сильнее, чем того, кому, собственно говоря, и были адресованы.

— Это потрясающе! — покачала головой она, усаживаясь в кресло. — Данте, как тебе это удаётся? Ты не только втянул девушку в передрягу, но ещё и добился, чтобы она при этом стояла за тебя горой. Хотела бы я знать, чем ты заслужил такое отношение.

— Донья Эльнора, он действительно его заслужил. — Я понимала, что поступаю глупо, так активно защищая Данте при женщине, которая в известном смысле являлась моей соперницей. Но поступить по-другому не могла, особенно учитывая, насколько важным человеком она была для Данте. — К тому же в моём состоянии нет ничего серьёзного. Не более чем лёгкая простуда. Поверьте, бывают вещи значительно более страшные. И именно в этих вещах Данте помог мне как никто. Так что моё отношение он бесспорно заслужил.

Ну вот, кажется, я начала выполнять вторую часть просьбы Данте, а именно расписывать при Эльноре его достоинства. Однако, что интересно, на этот аспект ни он, ни она особого внимания не обратили. Вместо этого оба опустили взгляд на изображение дракона у меня на руке.

— Вам не повезло встретить на пути очень плохих людей, — проговорила Эльнора, и теперь её тон был куда более серьёзным, чем когда она отчитывала Данте.

— Полагаете, не повезло? — мрачно хмыкнула я. — Таких людей настолько много, что вряд ли это можно назвать простым стечением обстоятельств.

Перед глазами пронеслись лица и вереница событий. Чёрный Пират, Илкер-бей, Юркмез с Берком, самодовольный Карталь. То, что творили хозяева. То, на что были способны рабы. По меньшей мере Арканзия была в моём представлении заполнена людьми, которых язык никак бы не повернулся назвать хорошими.

— Наверное, вы правы, — грустно кивнула Эльнора. — Тем не менее, то, что случилось с вами, в высшей степени несправедливо. И, думаю, ни один человек не застрахован от подобного.

В последнем я сильно сомневалась. Очень трудно было представить в моём положении саму Эльнору. Да и Данте тоже. Думаю, он бы просто не сдался в плен живым. Но в целом для людей такого статуса, как у этих двоих, подобный риск если и существует, то по определению сведён к минимуму. Чего не скажешь о таких, как я. Тем более удивительным, и не скажу, чтобы неприятным, стало для меня сопереживание со стороны Эльноры.

— Были люди, которым не повезло значительно сильнее, чем мне, — пробормотала я.

На глаза неожиданно навернулись слёзы. Этот факт застал меня врасплох. Надо же, прошли месяцы, а воспоминания до сих пор настолько ярки. Я погрузилась в новую жизнь, моим вниманием завладела работа, интриги охотниц за состоянием Данте, книги и камни. Но на секунду отринь всю мишуру, отодвинь её в сторону, словно занавеску, и увидишь всё те же картины, терпеливо дожидающиеся своего часа.

Девушка, которую бросили за борт. Её взгляд. Её крик.

Я прикрыла глаза, стараясь выровнять разом сбившееся дыхание.

— Донья Сандра! Сандра! Вам плохо?

Я с трудом сфокусировала взгляд. Эльнора уже не сидела в кресле, а стояла, склонившись надо мной.

— Нет. — Я слабо улыбнулась. — Всё в порядке.

— Было очень глупо с моей стороны завести разговор на такую тему, — злясь на саму себя, воскликнула Эльнора. — Простите.

— Не извиняйтесь. Строго говоря, я сама перешла на эту тему.

— В любом случае с этого момента мы будем говорить о другом.

И Эльнора сдержала слово. К теме рабства разговор действительно больше не возвращался. Даже ни одного взгляда не было брошено на моё запястье — а я привыкла замечать такие вещи. Только светская болтовня о вещах забавных, а порой заставляющих задуматься, но не переживательных. Поддерживать лёгкий и одновременно нескучный разговор хозяйка армона умела блестяще. А ещё через час нас, обсохших и согретых, отправили в карете домой.

Данте к теме своих взаимоотношений с Эльнорой больше не возвращался, возможно, потому, что испытывал передо мной явную неловкость за этот случай. А вот саму Эльнору я в скором времени повстречала. Мы столкнулись в моей любимой чайной. Точнее сказать, я сидела за столиком, а Эльнора подошла, меня увидев. Долго мы в тот раз не общались. Присоединившись ко мне на пару минут и поинтересовавшись мои самочувствием, она спросила:

— Донья Сандра, вы не могли бы как-нибудь заехать ко мне в армон? Я бы хотела кое о чём с вами поговорить, но этот разговор не для чайной. — Она огляделась, намекая на немаленькое число посетителей. — Думаю, я не отниму много вашего времени.

Я пообещала заехать на следующий день и слово сдержала. К моему удивлению, на этот раз, в отличие от наших предыдущих встреч, она выглядела несколько нервозной. Неспокойно ходила по комнате, пару раз сцепила руки, неоднократно выглядывала в окно, хотя вряд ли рассчитывала увидеть там что-либо интересное.

— Присаживайтесь, донья Сандра, — рассеянно промолвила она, в очередной раз бросая взгляд на облачное небо. — Как вы себя чувствуете? Простуда прошла?

— Да, большое спасибо, — кивнула я, удивляясь всё больше. О том, что последствия нашей с Данте прогулки остались в прошлом, я уведомила её ещё вчера в чайной.

Эльнора постояла ещё немного, а затем решительно подошла к креслу и села напротив меня.

Topreading.ru

— Я хотела кое-что рассказать вам, донья Сандра, — произнесла она. И нервно улыбнулась. — И, говоря откровенно, немного боюсь.

Я тоже улыбнулась, стремясь её подбодрить, и одновременно недоумевая, что такое важное она могла бы мне сообщить.

— Мне казалось, что вы совсем ничего не боитесь, — призналась я.

— В самом деле? Я произвожу такое впечатление?

Похоже, мои слова ей польстили.

— Да, — искренне кивнула я. — Вы производите впечатление очень уверенного в себе человека. Твёрдого, самодостаточного и не знающего сомнений.

Улыбка на лице Эльноры стала более весёлой.

— Я действительно уверена в себе — в большинстве случаев, — подтвердила она. — Но это не означает, что я не знаю сомнений. Я ведь всё-таки живой человек, хотя и самодостаточный.

Тут мне нечего было возразить, да она и не ждала от меня возражений.

— Словом, донья Сандра, если вы помните, несколько дней назад я отказала дону Данте, щедро предложившему мне стать его женой. — Я утвердительно кивнула. — Вы спросили тогда, в чём заключается причина такого решения. Я прочитала вам целую лекцию, — Эльнора усмехнулась, — и по-прежнему готова настаивать на каждом своём слове. Но дело в том, что я рассказала тогда не всё.

Я продолжила внимательно и вежливо слушать. Не скрою, её слова разжигали любопытство; с другой стороны, она имела полное право держать свои причины при себе. Ничто не обязывало Эльнору делиться ими со мной, и мне казалось неприличным призывать её к откровенности.

Однако в призыве она и не нуждалась.

— Словом, главная причина, донья Сандра, заключается в том, что я не интересуюсь мужчинами.

— Простите? — Я не сразу поняла, к чему она клонит.

Эльнора улыбнулась.

— Я не интересуюсь мужчинами, — неспешно повторила она. — Меня гораздо больше привлекают представительницы моего собственного пола.

— А…

Теперь до меня дошёл смысл её фразы, но собственных слов я не находила.

— Да, мне нравятся женщины, — подтвердила Эльнора, прочитав понимание в моих глазах. Кажется, моё замешательство слегка её позабавило, хоть и не стало неожиданностью. — И, признаюсь, в частности в данный момент мне нравится одна определённая женщина. Эта женщина — вы.

И она обезоруживающе улыбнулась.

Дар речи не вернулся, скорее, наоборот, на прощанье помахал мне рукой. Я приоткрыла рот и снова закрыла его, так и не издав ни звука.

Нет, конечно же, я знала о существовании таких женщин, как Эльнора. Больше того, в Астароли их было больше, чем на юге, или, правильнее сказать, в более свободном северном обществе они реже скрывали свою особенность. В частности, в университете их было не так уж и мало. Но, во-первых, я никогда не общалась с ними близко. Во-вторых, мне всегда казалось, что подобные предпочтения характерны для женщин, внешне невзрачных и не слишком привлекательных для мужчин. Во всяком случае, я никак не ожидала подобного от такой роскошной женщины, как Эльнора, у ног которой с лёгкостью могли оказаться все холостяки Галлиндии. А в-третьих, сама я никогда не становилась объектом интереса таких женщин. Или, во всяком случае, об этом не подозревала.

— Я вижу, что вы удивлены, — понимающе улыбнулась Эльнора. — Вы помните, как в первый раз приехали сюда с письмом от Данте? Я собиралась сразу же дать вам ответ, но передумала. Мне незачем было раздумывать целых два дня, донья Сандра, — призналась она. — Я с самого начала точно знала, что откажу Данте, по теперь понятным вам причинам. Но вы вызвали мой искренний интерес, и мне захотелось ещё раз вас увидеть. Именно поэтому я солгала, будто хочу немного подумать. Чтобы появился повод повторно пригласить вас к себе.

Теперь я уже не просто не знала, что сказать, я даже не пыталась думать в этом направлении. Единственное, на что меня хватало, — это поддерживать свой рот в закрытом состоянии, дабы не сидеть с откровенно отвисшей челюстью.

— Потом вы появились здесь вместе с Данте. Таким способом и в таком виде, что я даже не знала, как реагировать, — рассмеялась Эльнора. — То ли восхищаться, то ли удивляться, то ли сочувствовать. Впрочем, одно несомненно: вы вызвали во мне желание вас защитить. — Она немного помолчала; во взгляде появилось мечтательное выражение. — Я отлично понимаю, донья Сандра, что вы не такая, как я, — улыбнулась она. — Но и вы должны меня понять. Вами просто невозможно было не увлечься.

В устремлённом на меня в этот момент взгляде было столько восхищения, что мне стало страшно неловко и захотелось поскорее залезть под стул. А в то же время кольнула мысль: вот если бы Данте хоть посмотрел на меня так же! Я никак не могла ответить на чувства Эльноры, и тем не менее, восхищения в моих глазах было сейчас, наверное, не меньше, чем в её собственных.

— Ваши удивительные волосы, — произнесла между тем Эльнора, наклонив голову набок. — И глаза. И удивительно нежный цвет кожи. Но дело даже не во внешности. Вы — другая. Вы так разительно отличаетесь от всех южных женщин, с которыми мне когда-либо доводилось общаться. У вас иной темперамент, вы более сдержанны — и одновременно более свободны, поскольку не зависите от тех условностей, что навязываются южанкам в процессе воспитания. Вы по-своему бескомпромиссны, это видно по вашим глазам. Вы умны и горды, но не тщеславны. Вы умеете быть преданной. И вас ужасно хочется защищать!

Она виновато развела руками — дескать, что я могу тут поделать?

Я заставила свои мозги шевелиться, невзирая на состояние шока. Надо было что-то сказать; не могу же я вечно сидеть здесь каменным изваянием! Однако Эльнора, угадав мои мысли, вытянула вперёд руку, давая понять, что она ещё не договорила.

— Я хотела, чтобы вы всё это знали, донья Сандра. Но вам не стоит беспокоиться. Да, на каком-

то этапе я действительно собиралась предложить вам более тесные взаимоотношения. Но не теперь. Не после того, как увидела вас вместе с Данте. Тут всё было слишком очевидно. Ваша преданность, ваша забота, готовность простить ему всё, что угодно, да просто то, как вы на него смотрели, — всё это говорит само за себя. Я понимаю, что ваше сердце занято, и не стану вмешиваться там, где всё равно опоздала. Хотя, скажу прямо: при иных обстоятельствах я бы поборолась с Данте за вашу симпатию.

— Я хотела, чтобы вы всё это знали, донья Сандра. Но вам не стоит беспокоиться. Да, на каком-то этапе я действительно собиралась предложить вам более тесные взаимоотношения. Но не теперь. Не после того, как увидела вас вместе с Данте. Тут всё было слишком очевидно. Ваша преданность, ваша забота, готовность простить ему всё, что угодно, да просто то, как вы на него смотрели, — всё это говорит само за себя. Я понимаю, что ваше сердце занято, и не стану вмешиваться там, где всё равно опоздала. Хотя, скажу прямо: при иных обстоятельствах я бы поборолась с Данте за вашу симпатию.

Вот теперь она дала понять, что договорила.

— Донья Эльнора, — выдохнула я. — Мне в самом деле очень неловко, но я буду честна. Как вы справедливо заметили, мои предпочтения в делах любви отличаются от ваших. И я почти готова сказать «к сожалению». Поскольку, честное слово, во многом вы могли бы дать фору всем знакомым мне мужчинам. Вы действительно внушаете восхищение. И, право, хоть вы и дали объяснение своему ко мне отношению, я по-прежнему считаю его совершенно незаслуженным. Я — обычный человек, не представляющий из себя ничего особенно интересного.

— Было бы странно, если бы вы сказали иначе, — проницательно улыбнулась Эльнора. — Что ж, благодарю вас за комплимент. И простите, если я вас ненароком шокировала. Если когда-нибудь вам понадобится помощь, знайте, что у вас есть здесь надёжный друг.

Я искренне поблагодарила её, хотя даже не предполагала, что помощь действительно однажды понадобится.

Рассказывать о состоявшемся разговоре Данте я сочла не целесообразным.

Глава 14

Стоя у окна, я ещё раз подняла камень повыше и осмотрела его в солнечном свете. Изъян определённо есть, хотя и небольшой. Но мощность всё же будет не та. Вернувшись к столу, я взялась за перо. Ладно, опишем всё как есть, а дальше пускай у Фредиэно болит голова, какую именно назначать цену.

— Привет! — В дверном проёме появилась фигура Ренцо. — Я искал Данте и решил заодно заскочить.

— Привет.

Я улыбнулась и призывно махнула рукой. Ренцо вошёл.

— Хочешь чаю? — Я повернулась к подносу, на котором стоял заварочный чайник с узким горлышком и, помимо моей чашки, всегда имелась на всякий случай ещё одна, чистая.

— Нет, — отказался Ренцо. — Забежал на минутку.

По правде сказать, я испытала чувство облегчения. Я осознавала, что окончательно запуталась в своих отношениях. С одной стороны, факт оставался фактом: Ренцо не вызывал во мне тех же чувств, что Данте. С другой, мне по-прежнему казалось, что моё отношение к Данте следует перебороть, преодолеть, поскольку никакого совместного будущего у нас в любом случае быть не может. Следовательно, можно и даже правильно будет построить отношения с другим человеком.

Возможно, более активная позиция со стороны одного из мужчин, будь то Данте или Ренцо, помогла бы мне разрешить собственные сомнения. Однако оба как будто выбрали для себя политику выжидания. Отношения с Ренцо топтались на прежнем месте, ограничиваясь редкими и в большинстве случаев не слишком страстными поцелуями. Складывалось такое впечатление, что большее кастеляну и не нужно. Данте тоже продолжал вести себя, как прежде. То холодно, то с дружеской теплотой. То держался отстранённо, то вдруг позволял проскользнуть неким полунамёкам, после чего я подолгу сидела в своих покоях и думала: правильно истолковала его слова или всё-таки нет?.. Невольно начинало складываться впечатление, что иметь дело с женщинами и вправду лучше. Эльнора, во всяком случае, значительно быстрее расставила все точки над «и».

— Данте нет на месте, — заметил Ренцо, — а мне надо его найти, чтобы кое-что уточнить. Есть несколько новых торговцев, с которыми мы ещё не сотрудничали, и с которыми теперь планируем подписать договор. Так вот, я хотел выяснить, сможет ли Данте встретиться с ними в четверг.

— В четверг — вряд ли, — нахмурилась я. — Попробуй перенести на другой день.

— Разве на четверг запланированы какие-то дела? — удивился Ренцо.

— Да, Данте собирается заехать к какому-то своему приятелю… Не помню имя, кажется, начинается на «Н». В общем, это личное дело, но всё равно дело, у них вроде бы намечается серьёзный разговор. А поскольку тот живёт за городом, думаю, Данте не будет в армоне практически целый день. Так что попробуй перенести торговцев на среду или пятницу.

— Ладно, если ты уверена… — с некоторым сомнением кивнул Ренцо. — Просто странно, что он ничего мне не сказал, и не позвал с собой.

— Это никак не связано с делами армона, — объяснила я. — Там какой-то деликатный вопрос. Я сама не знаю подробностей, по-моему, тот приятель попал в щекотливое положение и собирается попросить у Данте денег. В любом случае, он хочет поговорить один на один. Поэтому Данте и не предложил тебе присоединиться.

— Ну ладно, не предложил, так не предложил, — усмехнулся Ренцо. — Пожалуй, обижаться не буду.

— Думаю, не стоит, — согласилась я.

С делами удалось расправиться очень быстро, и я решила съездить в полюбившуюся мне чайную. Прихватила книгу (посещение библиотеки с некоторых пор сопровождалось лёгким чувством ностальгии) и отправилась в город.

Я уже допивала чай, когда цокот копыт за окном возвестил о прибытии сразу нескольких всадников. Ничего незаурядного в таком событии не было, поэтому я даже не стала отрывать глаз от книги. Сделала это лишь после того, как прибывшие вошли в чайную, громко стуча каблуками сапог для верховой езды.

Все они, кроме одного, носили одинаковую чёрную форму, но вот о чём именно она свидетельствует, я не знала. Между тем несколько человек окружили мой стол.

— Ваше имя? — официальным тоном спросил один из них.

— Сандра Эстоуни, — ответила я.

Разнервничавшись, даже забыла про донью.

Мужчина, задавший вопрос, быстрым движением схватил меня за руку и вытянул её, демонстрируя своим товарищем клеймо. Я вскрикнула от неожиданности.

— Дон Лоцци, это она? — спросил он затем.

Остальные расступились, пропуская ещё одного мужчину, единственного, который не был одет в форму.

— Она, конечно, она! — воскликнул он, глядя с радостью и одновременно откровенной неприязнью. — Я её узнал. Она была здесь в тот день, когда у меня пропал кошель. Это она его украла!

— Что?! — возмутилась я. — Для того, чтобы разбрасываться подобными обвинениями, у вас должны быть хоть какие-то основания! Лично мне ваше лицо не кажется знакомым. Но даже если мы и посещали это заведение в одно и то же время, готова поспорить, что кроме нас двоих здесь находилось ещё немало народу. Почему вы решили, что именно я что-то у вас украла?

— Зубы заговаривает, — заявил незнакомец мужчинам в чёрном, которые, по-видимому, являлись местными стражами порядка. К своему ужасу я поняла, что те кивают в знак согласия. — Сюда ходят приличные люди, которые не промышляют кражами, — вновь повернулся ко мне он. Выражение лица было такое, будто бедняге приходилось разговаривать с гадюкой. — А вот ты наверняка затесалась в порядочное общество именно затем, чтобы воровать кошели!

От возмущения я вскочила на ноги, но рука человека в форме тяжело опустилась на моё плечо, заставляя снова сесть.

— Я ничего подобного не совершала, — обратилась я к стражу порядка, стараясь сохранять видимое спокойствие, хотя руки начинали трястись. — Этот человек ошибается или же умышленно вводит вас в заблуждение.

Потерпевший лишь усмехнулся. Прочитать его мысль было легко: «Кому поверят — мне, уважаемому господину, или тебе, неизвестно откуда взявшейся рабыне и чужестранке?» Увы, поведение людей в форме целиком и полностью подтверждало его точку зрения.

— Мы во всём разберёмся, — заверил меня страж порядка таким тоном, что я сразу поняла: ни в чём особенно разбираться не будут. Эти люди уже нашли своего виноватого, точнее, виноватую, и слишком сильно напрягаться им теперь ни к чему. — Прошу вас добровольно пройти вместе с нами.

— Куда?

Я всё ещё пыталась сохранять спокойствие, но сердце заколотилось в бешенном ритме.

— К месту вашего заключения, — последовал спокойный ответ.

— Что значит «заключения»? — возмутилась я. — Мы ведь с вами только что пришли к выводу, что в ситуации надо разобраться?

— Простите. К месту вашего временного заключения, — со смешком исправился человек в форме. — Извольте встать и пройти с нами, пока мы не применили силу.

Я резко вскинула голову, услышав эту угрозу. Данте был прав. Вот он, мир, в котором существует рабство. Пусть даже здесь не Арканзия. Всё равно. Любого конфликта, мельчайшего навета достаточно, чтобы виноватым выставили именно человека с «драконом». Мне, разумеется, пришлось выполнить приказ.

— Господа! — окликнул стражей порядка хозяин чайной, с которым я была знакома и который до сих пор молча наблюдал за развитием событий. — Эта женщина — рабыня самого дона Данте Эльванди. Не думаю, что он обрадуется, узнав, что вы взяли её под арест без его ведома.

Я с силой сжала спинку стула, с которого только что встала. Надо же, не ожидала помощи с этой стороны. Хотя тот факт, что единственным моим шансом на спасение являлась формулировка «рабыня дона Эльванди» заставил болезненно поморщиться.

— Это действительно так? — спросил меня человек в форме.

Я утвердительно кивнула.

Стражи порядка стали о чём-то тихо переговариваться, периодически бросая взгляды то на меня, то на хозяина чайной.

— Хорошо, — постановил, наконец, всё тот же мужчина в чёрном, что всё это время вёл со мной переговоры. — Поедем сейчас в резиденцию дона Эльванди и переговорим с ним.

Меня довольно-таки бесцеремонно подтолкнули в сторону выхода. Обменявшись последним взглядом с хозяином заведения, я вышла на улицу. Здесь поджидала карета с зарешёченными окошками. Не имея особого выбора, я села внутрь; рядом и напротив тут же расположились двое мужчин. Ещё один поехал на козлах, остальные — верхом.

Мы подъехали к армону. Так хорошо знакомое место — и такие новые обстоятельства. Мужчина коротко переговорил с привратником, который во время разговора таращился на меня с новым интересом, потом нас пропустили внутрь и попросили подождать. Сбежались слуги, стали наблюдать за нами, перешёптываясь, но подойти совсем близко никто не решался. Мои щёки наверняка приобрели пунцовый оттенок. Сейчас я ненавидела цвет своей кожи. На смуглых лицах южан румянец не так бросается в глаза. Мало того, что они видят меня в сопровождении стражи, ещё и наверняка прослышали, по какому обвинению я арестована.

Ещё несколько минут — и лакей повёл нас на второй этаж. Стало быть, Данте дома и согласился нас принять. Или его нет, и вместо него нас ждёт Ренцо? В любом случае мои щёки стали ещё горячее.

До кабинета Данте мы не дошли. Он сам быстрым шагом шёл нам навстречу. Брови нахмурены,

глаза метают молнии.

— Как вы посмели арестовать моего человека? — голос звучит не только холодно, но и грозно.

Намеренно проигнорировав преграждавшего ему дорогу стража, он заставил последнего посторониться, встал возле меня и положил руку мне на плечо. Я испытала такое острое чувство облегчения, что чуть не расплакалась. Нет, я не сомневалась, что Данте ни на секунду не поверит в историю о воровстве. Но он мог рассердиться на то, что я покидала армон, предварительно его не уведомив. Мог просто не оказаться на месте. Да и вообще, оказавшись в таком переплёте, в какой попала я, трудно чувствовать себя уверенно заочно, даже если в теории и имеешь для этого основания.

— Против этой женщины выдвинуто обвинение в воровстве, — формальным тоном сообщил мужчина в чёрном.

— Ну так задвиньте его обратно, — отрезал Данте, и в его голосе не было даже намёка на иронию.

— Простите, дон Эльванди, но мы не можем этого сделать, — вежливо, но твёрдо ответил страж. — Обвинение выдвинуто совершенно официально, написана соответствующая бумага, делу дан ход. Истец — уважаемый человек…

— Кто? — перебил его Данте.

— Дон Женнаро Лоцци, — последовал ответ.

Данте нетерпеливо передёрнул плечами.

— В первый раз слышу про этого «уважаемого человека». В чём конкретно заключается обвинение?

— Дон Лоцци утверждает, что пятого числа этого месяца, в чайной на улице Южного ветра, Сандра Эстоуни украла у него кошель, в котором находились деньги и, главное, драгоценности общей суммой на три тысячи динаров.

Я в ужасе расширила глаза. Ничего себе сумма! Нормальные люди не носят с собой в кошелях даже десятой части.

— Я в первый раз слышу про этот кошель! — в очередной раз возмутилась я.

— Сандра, подожди пока в сторонке, — обратился ко мне Данте.

Прозвучало это примерно как обращение к ребёнку: «Помолчи, пока взрослые дяди разговаривают».

— Ваш уважаемый человек — большой оригинал, — продолжил разговор со стражами порядка Данте. Мыслил он явно так же, как и я. — И, видимо, большой любитель острых ощущений, раз ходит по чайным, нося такие суммы в кармане.

— Это его право, — заметил мужчина в чёрном, в общем-то тоже резонно.

— Быть может, стоит просто выплатить этому человеку означенную сумму, чтобы уладить конфликт? — подал голос подоспевший из собственного кабинета Фредиэно.

Topreading.ru

— Это его право, — заметил мужчина в чёрном, в общем-то тоже резонно.

— Быть может, стоит просто выплатить этому человеку означенную сумму, чтобы уладить конфликт? — подал голос подоспевший из собственного кабинета Фредиэно.

Если недавно мои щёки горели огнём, теперь я почувствовала, что краска отлила от лица. Да, деньги, конечно, могли бы уладить конфликт, и Данте был достаточно богат, чтобы позволить себе заплатить такую сумму. Но сделать это фактически значило признать, что я действительно виновна в воровстве. Можно сказать, что Данте таким образом возвратил бы потерпевшему украденное. Как я смогу оставаться после этого в армоне и смотреть людям в глаза? Хотя, наверное, я не о том думаю, и лучше всю жизнь прятать взгляд, чем сесть в тюрьму.

Не знаю, что изначально собирался ответить Данте, но, прежде чем заговорить, он точно успел увидеть, как я побледнела.

— Нет, — отрезал он. — Донья Эстоуни невиновна, следовательно, у меня нет причин платить из своего кармана за право уважаемых людей на рассеянность.

— Мы непременно расследуем это дело, как положено, — пообещал мужчина в чёрном.

Я мрачно хмыкнула: раньше он явно не собирался этого делать.

— Вы? — пренебрежительно фыркнул Данте. — Я сам расследую это дело, как положено, тут вы можете не сомневаться. Меня не устраивает, когда против моих людей выдвигают голословные обвинения. Полагаю, на данный момент мы всё обсудили? В таком случае вы можете идти.

— Подозреваемую мы забираем с собой, — твёрдо заявил страж.

В его голосе было столько уверенности, что я испугалась. И вопросительно посмотрела на Данте: неужели это правда? Они действительно имеют право так поступить, невзирая на всё влияние Данте?

— Глупости, — отрезал он. — Донья Эстоуни останется здесь. Если у вас возникнут к ней вопросы, вы всегда сможете приехать сюда, чтобы их задать.

Что-то в его тоне заставило меня заволноваться ещё сильнее. Уж слишком резко он говорил.

— Простите, дон Эльванди, но мы не можем так поступить, — подтвердил мои опасения мужчина в форме. — Как я уже говорил, против вашей рабыни выдвинуто официальное обвинение. Мы находимся на королевской службе и не имеем права проигнорировать данное обвинение, даже невзирая на то, что речь идёт о вашей рабыне. По закону мы обязаны заключить её в тюрьму до выяснения всех обстоятельств дела. Если невиновность доньи Эстоуни будет доказана, мы незамедлительно освободим её из-под стражи.

Я почти не обращала внимания на стража; наблюдала лишь за реакцией Данте, и всё внутри цепенело. Он свёл брови к переносице, напряжённо думая; сжатые губы превратились в тонкие полоски. Стало быть, всё, что говорит представитель закона, справедливо.

— В таком случае она останется под арестом в моей тюрьме, — после мучительной паузы объявил Данте.

Topreading.ru

Его тон не подразумевал возражений. Страж казался растерянным.

— Ну… В принципе, пожалуй, я не вижу причин для возражений, — согласился он, наконец. Но мы оставим своего человека, дабы он проследил, что всё сделано, как положено. Прошу прощения, дон Эльванди, но таковы наши обязанности.

— Оставляйте, — пренебрежительно пожал плечами Данте, недвусмысленно демонстрируя своё отношение не только к их человеку, но и, похоже, к институту в целом.

Он поманил в сторону своего секретаря, уже успевшего к нам присоединиться в числе массы прочих свидетелей, и стал быстро отдавать какие-то распоряжения. Говорили они очень тихо, так что ни я, ни стражи ничего слышать не могли.

Мужчина в чёрном прокашлялся, привлекая к себе внимание. Данте закончил разговаривать с секретарём и лишь после этого соизволил снова снизойти до стражей порядка.

— Если позволите, нам надо допросить подозреваемую, — произнёс мужчина. — Мы собирались сделать это в участке, но раз она остаётся здесь, полагаю, вы сможете выделить нам какую-нибудь комнату для этой цели?

— Разумеется, но только в моём присутствии, — предупредил Данте.

Страж возражений не имел.

Далее я битый час отвечала на многочисленные, но однообразные вопросы в одной из гостиных армона. В основном они касались того, как я провела злосчастное пятое число. Где была, что делала, с кем общалась и кто сможет это подтвердить. По возможности по минутам. К сожалению, я быстро вспомнила, что чайную в тот день действительно посещала. И этому можно было найти массу свидетелей. А вот свидетеля, который бы видел, как я НЕ крала у дона Лоцци кошель, увы, найти было нереально.

Наконец, утомительный допрос закончился, и стражи порядка, за исключением одного, покинули армон. Остался один человек в форме, явно далеко не самый главный из них. Его задача была проследить за тем, чтобы меня действительно заключили под стражу.

Данте препоручил меня охраннику из армона, которого, в свою очередь, просветил, что представитель закона может только наблюдать, и этим его полномочия ограничиваются. Пообещал в скором времени к нам присоединиться. И ушёл, оставив меня наедине с двумя мужчинами. Здешний охранник, кстати сказать, оказался тем же самым парнем, что посадил меня в камеру, когда я впервые пересекла порог армона.

Ощущение дежавю. И как-то оно совсем не грело. Как ни крутись, как ни старайся, сколько ни работай и ни приживайся, а всё равно я вернулась к тому же самому положению, с которого началась моя жизнь в Галлиндии. И вряд ли в будущем что-то изменится. Я криво усмехнулась, следуя за стражником вниз по тёмной лестнице. Вот так и буду переселяться в тюрьму раз в несколько месяцев. А что? Лет пять, и я начну чувствовать себя в камере, как дома.

Когда мы спускались, навстречу успело подняться с полдюжины слуг. Понятия не имею, что они могли делать там, внизу. Оказавшись на тюремном этаже, я приблизилась к месту своего заключения. Тому же самому, куда меня определили в прошлый раз. Охранник, надо сказать, прежний опыт хорошо помнил, обращался ко мне предельно вежливо и старался по возможности держаться в сторонке, чтобы его потом не в чем было упрекнуть.

Дойдя до камеры, я остановилась, как вкопанная. Нет, на дежавю это было решительно непохоже. Всё, что угодно, только не дежавю.

Честно говоря, в первый момент мне хотелось извиниться, сказав, что я ошиблась дверью.

Камеру освещали свечи, горевшие в многочисленных канделябрах. Окошко было несомненно зарешёчено, но пряталось за весёленькой оранжево-зелёной занавеской. Весь пол был покрыт мягким светло-оранжевым ковром. К дальней стене придвинут диван, на нём в творческом беспорядке раскиданы подушки. Даже не представляю, как его просунули в дверь. На маленьком столике чайный сервиз. В одном углу высокая ваза с цветами. Другой отгорожен ширмой. Агнесса, опасно балансируя на стуле, оплетала решётчатую дверь свежесрезанными цветами.

— Здравствуйте, донья Сандра! — приветливо улыбнулась она. — Я тут как раз заканчиваю. Извините, приказ совсем недавно поступил. Не всё успела.

— Н-ничего, — ошеломлённо проговорила я.

— Что здесь происходит? — хмурясь, выдохнул городской стражник.

— Доставили подозреваемую к месту заключения, — спокойно отозвался его местный коллега, которого, похоже, успели предупредить о произошедших в тюрьме изменениях.

Мужчина в форме не нашёл, что ответить.

— Прошу вас, донья Сандра. — Парень вежливо указал мне на камеру.

Пожав плечами, я шагнула внутрь. Ноги тут же утонули в ковре. Пожалуй, тут и на полу можно сидеть. Но я прошла к дивану.

— Там сбоку книжки лежат, если вас что-нибудь заинтересует, — заметила всё ещё стоящая на стуле Агнесса.

— Спасибо, — кивнула цветочнице я.

Пока читать не хотелось.

— А дверь запереть? — спросил страж порядка.

— А зачем? — удивлённо воззрился на него наш стражник.

— То есть как? Чтобы заключённая не сбежала.

Наш парень посмотрел на него, как на полного идиота.

— Вот ты бы сам отсюда сбежал? — поинтересовался он, указав на великолепное убранство камеры. — Лично я бы сюда из дома переселился.

— Только кто же тебя пригласит? — усмехнулась, заканчивая работу, Агнесса.

Тот согласно вздохнул и протянул ей руку, помогая спуститься с опасно покачивавшегося стула.

— Донья Сандра, а можно я здесь пока посижу? — спросила цветочница. — Ну, чтобы вам

нескучно было.

— Сиди.

Я не видела причин возражать, хоть и чувствовала: что-что, а скука мне в этой жизни точно не грозит.

Агнесса уселась на ковёр, по-южному скрестив ноги, благо широкая юбка позволяла.

— Тут и на диване места полно, — подсказала я, чувствуя некоторую неловкость от того, что девушка устраивается на полу.

— Ничего, — откликнулась цветочница, — мне тут очень удобно. Давно не видела такого ковра! А вы, может, прилечь захотите.

Она с откровенном насмешкой покосилась на представителя закона, скромно сидевшего снаружи на простеньком стуле.

— Агнесса! Ну, ты-то могла меня известить, что донья Сандра здесь! — послышался возмущённый возглас Бьянки. — Почему я обо всём узнаю последней? Может, ей что-то нужно уже давно? Может, я что-то могла принести?

— Нет, Бьянка, как видишь, мне ничего не нужно, — заверила я, предоставляя горничной самой убедиться в справедливости моих слов. — Лучше присаживайся.

Девушка посмотрела на меня, потом на Агнессу, и в итоге тоже устроилась на ковре.

— Бьянка, не стесняйся, на диване много места, — запротестовала было я.

— Нет, донья Сандра, на диване я где хочешь посижу, а такие ковры днём с огнём не сыщешь! — возразила Бьянка. — Ух ты! — раздалось полминуты спустя откуда-то из недр длинного ворса. — Вот это да! Какой он мягкий!

Невольно позавидовав, я подумала, а испробовать ли и самой ковёр на мягкость. Опасливо покосилась на мужчину в форме. Ладно, не буду, а то ещё расценит как попытку укрыться от органов власти.

— Донья Сандра! — В дверной проём просунулась голова Фредиэно. — Вот вы где! Я вижу, вы решили сбежать от работы. А вот не выйдет! Я принёс вам несколько документов на подпись.

— Дон Фредиэно, я как-то не в настроении работать, — капризно отозвалась я. — Обстановка, знаете ли, не располагает.

Тем не менее, я вытянула руку и документы приняла.

— Мы с вами — деловые люди, занимающиеся важной работой, — попенял мне Фредиэно. — Мы не можем себе позволить просиживать штаны, не делая ровным счётом ничего полезного.

Обращался он вроде бы как ко мне, но при этом пристально смотрел на стража порядка.

— Мне понадобится перо и чернила, — напомнила я.

— А здесь что же, нет? — изумился Фредиэно.

— Я сбегаю, принесу, — подскочила Бьянка.

— Да не надо! Тут всё есть, — возразила Агнесса. — Вот!

Она принесла откуда-то с другого конца камеры маленький поднос с пишущими принадлежностями.

Тяжело вздохнув: отвертеться от работы не получилась, я пододвинулась поближе к столику и стоявшему на нём канделябру, и стала просматривать документы. В черновой версии все они были мне знакомы, но я считала необходимым пробежать взглядом и окончательную, убеждаясь, что между этими двумя вариантами нет существенных различий. Не так чтобы я не доверяла лично Фредиэно или секретарю Данте, просто считала, что если я где-то ставлю свою подпись, то и ответственность за это целиком и полностью лежит на мне.

— Ну, как идут дела?

Теперь из темноты коридора возник Данте. Начисто проигнорировав присутствие стража порядка, прошёл в камеру, оставив за собой распахнутую дверь.

«Вот теперь, когда ты вернулся, неплохо», — подумала я.

В камере действительно как будто бы сразу стало теплее.

— Всё в порядке, — сказала я вслух и улыбнулась.

Он ответил мне тем же, огляделся и прошёл к дивану. Ну, наконец-то, мне всё-таки не придётся восседать здесь одной, возвышаясь надо всеми, подобно статуе!

— Что это? — нахмурился Данте, неодобрительно глядя на бумаги.

— Я принёс донье Сандре кое-какие документы на подпись, — признался Фредиэно.

— С этим могли бы и подождать, — поморщился Данте.

— Я прихватил только наиболее срочное.

— Да мне нетрудно, — поспешила вмешаться я.

Ещё не хватало, чтобы у Фредиэно возникли проблемы. Тем более учитывая, что он наверняка притащил сюда эти бумаги с единственной целью меня отвлечь.

— Больше никакой работы, — отрезал Данте. — Не только сегодня, но и ближайшие два дня.

— Почему два дня? — разволновалась я. — Ты думаешь, столько меня продержат под арестом.

— Дурочка. — Его голос прозвучал очень мягко, а рука против обыкновения легла мне на плечо. Высвобождаться я и не подумала. — Два дня — это тот минимальный отпуск, который ты получаешь после этой истории. А выйдешь ты отсюда в ближайшие часы. Мои люди роют носом землю и скоро выяснят, что стоит за этим обвинением. Готов поспорить, это не окажется сложной задачей.

— Кто-то идёт, — заметил Фредиэно, прислушиваясь.

После этого замечания все притихли, и я действительно уловила шум приближающихся шагов.

Topreading.ru

Ещё полминуты, и в дверном проёме появилось лицо лакея.

— Донья Эльнора Лучия Рокка, — объявил он.

Я вскочила с дивана. Данте тоже встал, хотя менее поспешно. То ли его чувства к Эльноре были менее сильными, чем он пытался в своё время показать, то ли он сумел их перебороть. И без того стоявший Фредиэно склонил голову.

— Донья Эльнора Лучия Рокка, — объявил он.

Я вскочила с дивана. Данте тоже встал, хотя менее поспешно. То ли его чувства к Эльноре были менее сильными, чем он пытался в своё время показать, то ли он сумел их перебороть. И без того стоявший Фредиэно склонил голову.

Эльнора вошла в камеру быстрым шагом.

— Донья Сандра! — первым делом воскликнула она, устремляясь мне навстречу и игнорируя присутствие всех остальных. — До меня дошли сведения о том, что произошло, и я сразу же поспешила к вам. Уверяю вас, это самое смехотворное обвинение, какое мне доводилось слышать. И я уверена, что ситуация в ближайшее время прояснится. Я уже получила своим людям разобраться в этой истории. Не сомневаюсь, они в самое ближайшее время найдут доказательства вашей невиновности.

— Дорогая Эльнора, — Данте поцеловал ей руку в знак приветствия, — спешу тебя уведомить, что ты могла не беспокоиться. Мои люди занялись этим делом раньше.

— Вот и посмотрим, кому удастся раньше его закончить, — с вызовом ответила Эльнора, от которой не укрылся прозвучавший в голосе Данте сарказм.

— Почему бы вам не присесть? — сыграла роль гостеприимной хозяйки я.

И подала пример, усаживаясь на диван. Эльнора и Данте, стрельнув друг в друга глазами, расположились с двух сторон от меня.

— Что происходит? — В камеру быстрым шагом вошёл Ренцо. Немного замешкался, обнаружив здесь неожиданно много народу. — Сандра, я только что вернулся в армон и узнал. Этому Лоцци стоило бы оторвать его безмозглую голову или, по меньшей мере, некоторые другие части тела.

— Наверное, — пробормотала я.

Сама же подумала, что оторвать что-нибудь ненужное стоило бы даже не Лоцци, а скорее всей правоохранительной системе, которая с лёгкость готова осудить человека безо всяких улик на том лишь основании, что на руке у него — клеймо дракона, а обвинение выдвинул «уважаемый господин».

Ренцо немного постоял возле дивана, но, поскольку на нём сидели уже трое, места не оставалось, так что он устроился поблизости на ковре, скрестив ноги, как и Агнесса.

В течение последующего получаса к нам присоединились дон Росси с доном Терро, а так же Марито с Рианной. Лекари то и дело начинали друг с другом препираться; то же самое происходило между камердинером и его сестрой, так что скучно в камере точно не было. Когда Рианна и Агнесса стали спорить о различиях между галлиндийскими и северными вальсами,

Ренцо предложил позвать музыкантов. Данте с Эльнорой, по-моему, были только за, но за решающим мнением обратились ко мне. Я поинтересовалась, не побеспокоим ли мы таким образом соседей, должно быть, не привыкших к такому шуму. В ответ Данте просветил меня, что соседи здесь отсутствуют, поскольку тюрьма в армоне давно уже не используется по назначению. Благо соответствующее заведение имеется и в городе. Услышав об отсутствии соседей, наш стражник страдальчески возвёл глаза к потолку. Видимо, вдвойне уверился в том, что с радостью переселился бы сюда из дома. Должно быть, там у него соответствующий вопрос стоял остро.

В конечном итоге я всё же сказала музыке «нет», решив, что не стоит превращать заключение в ещё больший фарс, чем уже имел место в тюрьме.

А примерно через час к нам присоединился невзрачно одетый мужчина среднего роста, обладавший неприметной внешностью, но острым взглядом. Похоже, я никогда прежде его не видела, а может быть, просто не обращала внимания по причине всё той же незапоминающейся внешности. Мужчина подошёл к Данте, что-то шепнул ему на ухо, и тот, извинившись, вышел из камеры.

Минут через десять он вернулся и сообщил, что все могут быть свободны: приказ об аресте отменён, и представление окончено.

— Ну вот, а так хорошо сидели! — сокрушённо вздохнул Марито.

Я, в отличие от камердинера, предпочитала сидеть пусть плохо, зато не в тюрьме, но все остальные, похоже, не разделяли моего воодушевления и хотели задержаться в камере подольше. Агнесса напоследок с наслаждением щупала мягкий ковёр, лекари упорно выясняли, кто из них лучше учился в институте, а Рианна рассказывала заинтересовавшейся Эльноре о тестах, которые они с Марито проходили у меня в библиотеке.

Секретарь вручил стражу в чёрной форме какие-то бумаги, и тот торопливо ретировался, явно предпочитая не привлекать к себе лишнего внимания.

— Данте, что происходит? — спросила я.

Всё-таки хотелось узнать подробности и, в частности, понять, висит ли по-прежнему надо мной обвинение.

— Сейчас расскажу, — кивнул Данте и снова сел на диван.

Все, как по команде, замолчали и с интересом приготовились слушать.

— Я ведь тебе говорил, что мои люди быстрее разберутся в этом деле, — с победоносной усмешкой обратился Данте к Эльноре.

— Мужчины! — фыркнула она, закатив глаза. — Переходи лучше к делу.

— Перехожу, — не стал возражать Данте. — Вместо того чтобы проверять алиби, допрашивать свидетелей и перерывать вверх дном чайную, мои люди немного покопались в делах уважаемого человека Женнаро Лоцци. — Слово «дон» Данте опустил, и наверняка умышленно. — И, как оказалось, ставку сделали верно. Выяснилось, что уважаемый человек — азартный игрок. Азартный и при этом никудышный. Не такое уж редкое сочетание. Он неоднократно просаживал в карты крупные суммы, за что, естественно, получал разнос от своих домашних. Происходило это настолько эмоционально, что их соседи оказались в курсе

всех подробностей. А не так давно — говоря точнее, четвёртого числа этого месяца, — он имел неосторожность поставить на кон некоторые семейные драгоценности своей жены. Видимо, супруга Лоцци, хорошо зная его слабость, просто-напросто перекрыла ему доступ к казне. Так что, отправляясь в очередной притон, он прихватил вместо денег обнаруженные в шкатулке украшения. И проиграл.

Данте немного помолчал, не то переводя дыхание перед продолжением рассказа, не то просто давая нам возможность оценить ситуацию и самим додумать дальнейшее.

— Стоимость украшений — это ещё полбеды, — продолжил он. — Значительно хуже был ожидаемый и справедливый гнев супруги, которую дон Лоцци, по всей видимости, немало боится. Вот он и решил, что кража — лучший способ исправить положение. Сообщил жене, что застёжка ожерелья сломалась, вот он и взял его к ювелиру, а на всякий случай прихватил заодно и серьги. По дороге назад заскочил в чайную, а, выйдя оттуда, обнаружил, что украшения пропали. Однако жена ни за что бы не поверила в эту историю, не выдвини он официального обвинения.

— Но почему он обвинил именно донью Сандру? — возмущённо воскликнула Бьянка.

— Но почему он обвинил именно донью Сандру? — возмущённо воскликнула Бьянка.

Видимо, всем остальным ответ был понятен, поскольку они синхронно опустили глаза, избегая встретиться со мной взглядом. Я кисло усмехнулась. Догадаться и вправду было несложно.

— Он приметил в чайной рабыню, — объяснил Данте, тоже глядя куда-то в сторону. — Одинокую, никого не сопровождавшую. И решил, что это будет идеальная жертва. Ошибся, — мстительно добавил он.

— Может, этому уважаемому человеку какой-нибудь несчастный случай устроить? — кровожадно осведомился Ренцо. — Или, к примеру, счастливый случай с несчастным концом?

— В этом нет нужды. — Глаза Данте сощурились не менее кровожадно. — Мы пойдём совершенно законным путём. Я намерен подать ответный иск, с обвинением в клевете.

— А разве клевета в адрес рабыни — это такое уж большое преступление? — удивилась я.

Та серьёзность, с которой окружающие восприняли последнее сообщение Данте, удивляла вдвойне. Ну, сболтнул уважаемый человек что-то не то. Ошибся. Неужели закону есть до этого хоть какое-то дело?

— В адрес рабыни — небольшое, — признал Данте. А потом многозначительно и очень недобро улыбнулся. — Но клевета на дона Эльванди в этих местах является преступлением более чем серьёзным. И наказание последует весьма суровое.

— Разве он тебя тоже оклеветал? — не поняла я.

Все остальные, похоже, поняли. Что поделать, северянину не так легко вникнуть в некоторые особенности жизни на юге.

— Всё, что касается рабыни, касается и хозяина, — пояснил Ренцо. -

Если, конечно, последний сочтёт нужным именно так расценить ситуацию. Лоцци просто не догадывался, с кем связывается. Ему же хуже. Впредь будет умнее. Если, конечно, голова на

плечах останется.

— Голова останется, — спокойно заметил Данте. — А вот имущество — вряд ли.

— Я тут подумала, — невинный взгляд Эльноры скользнул по потолку, — что из-за клеветы этого человека мне пришлось потратить массу своего времени, да и средств тоже. Отвлечь своих людей от неотложных дел… Пожалуй, я тоже подам на Лоцци иск. За компанию.

Данте согласно кивнул.

— В любом случае, засиживаться здесь не стоит, — объявил он. Встал с дивана, подавая остальным пример, и протянул мне руку. Ренцо, в свою очередь, поспешил подать руку Эльноре. — Если, конечно, никто не хочет задержаться в камере на несколько дней. Я в целом не имею никаких возражений.

Вот тут все разом заторопились на выход.

— Сандра, как я и предупреждал, у тебя впереди два выходных, — напомнил Данте, когда мы вышли в коридор. — Надеюсь, на протяжении этого времени я не увижу тебя на рабочем месте.

Глава 15

— Данте, можно к тебе на минутку?

Как мы и договаривались, я честно провела два дня, не работая. Исключительно отдыхала, читала книги, гуляла по саду — и думала. И лишь теперь, утром четверга, вернулась к работе.

— Заходи.

Данте куда-то собирался. Одежда и обувь для верховой езды, через спинку стула перекинут плащ. Обойдя стол, Данте сложил вдвое какой-то лист бумаги и спрятал за пазуху. Потом пристегнул кошель к поясу, предварительно проверив его содержимое. Я вспомнила, что как раз сегодня он собирался на встречу со своим приятелем.

— Надолго едешь? — спросила я.

— К вечеру вернусь. Ты хотела что-то спросить?

Он сел на своё обычное место и жестом предложил мне устраиваться напротив.

— Да, у меня есть одна просьба. — Я опустилась на краешек стула. — Это касается моего жалованья.

— Я слушаю.

Данте бесспорно был удивлён. Просьбы о прибавке к жалованью он от меня никак не ожидал. А что ещё может просить человек касательно своего жалованья? Однако же я сумела оказаться оригинальной.

— Тебе нужны деньги?

Данте подумал, что угадал причину моего прихода. Как бы не так.

Topreading.ru

— Наоборот, — покачала головой я. — Не нужны.

— Ты хочешь, чтобы я понизил тебе жалованье? — насмешливо спросил он. — Это срочно или может подождать месяц-другой? Я, знаешь ли, должен освободить пару-тройку комнат в армоне для денег, которые сэкономлю.

— Нет, я не хочу, чтобы ты понизил мне жалованье, — улыбнулась я. — Скорее я пришла просить, чтобы ты его поменял. Так сказать, расплатился со мной не деньгами, а натурой.

— Прямо сейчас?

На его лице не дрогнул ни один мускул, но вот взгляд был так наполнен эмоциями, что я не смогла бы их прочитать.

— Да, можно сейчас, — покладисто согласилась я. — Видишь ли, как я уже упоминала, мне действительно не нужны деньги. У меня их уже накопилось больше чем достаточно. А ведь я почти ни на что их не трачу. Раньше я хотя бы расплачивалась ими в чайной… — Я на секунду отвела взгляд в сторону, а потом решительно продолжила: — Но больше, по всей видимости, этого делать не стану.

Я с опаской взглянула на Данте. Он мог бы начать меня переубеждать, объясняя, что после происшествия с Лоцци никто не рискнёт подойти ко мне даже близко. Но, к моей радости, этого не произошло. Данте отлично понимал, что события трёхдневной давности начисто отбили у меня охоту не только посещать чайные, но и вообще выезжать в город. Как ни крути, а мне в очередной раз красноречиво указали на моё место. Наглядно продемонстрировали, что я могу сколько угодно заниматься любимой работой, носить дорогую одежду и приносить пользу обществу. Но всё равно остаюсь рабыней, и за пределами армона любой «уважаемый человек» может в любую минуту мне на это указать. Так что волей-неволей я возвращалась в золотую клетку, ограничивая свою жизнь вполне осязаемыми барьерами.

— В общем, я бы хотела спросить, будешь ли ты против, если я возьму себе вместо жалованья несколько камней. Говоря точнее, два. И никаких денег в течение полугода. Так приблизительно окупится их стоимость. Чему ты усмехаешься?

Я подозрительно воззрилась на Данте.

— Сандра, не знаю, как у вас на севере, — вкрадчиво произнёс он, — а у нас на юге практически любой человек, занимающий такую должность, как у тебя, давным-давно бы прикарманил себе несколько камней. Никому бы об этом не сказал и, уж поверь мне, никак бы не соотносил этот вопрос со своим жалованьем.

— Данте, ты же отлично знаешь, что это не мой случай, — поморщилась я. — Собственно говоря, я могла бы купить камни на накопленные деньги. Но какой в этом смысл? Покупать пришлось бы у торговцев, где-нибудь в городе, причём в виде амулета, поскольку простые, неогранённые камни по одному не продают. А мне совершенно не нужны амулеты, я достаточно хорошо разбираюсь в камнях, чтобы эффективно их использовать и в необработанном виде. И я подумала, что так будет проще всего.

— Бери камни и не беспокойся об остальном. Кстати, а для чего они тебе понадобились? — полюбопытствовал он.

— После истории в чайной мне захотелось дополнительно себя обезопасить, — нехотя призналась я. Не очень-то хотелось распространяться о своих резонах, но Данте имел право на

честный ответ. — Кто знает, какие неприятности могут настигнуть меня в следующий раз. И при каких обстоятельствах. Я бы хотела на всякий случай подстраховаться. Поэтому отобрала два камня. Один защитный, другой — для нападения. Стандартный набор. Но камни, не буду скрывать, очень высокого качества. Вот они.

И я положила на стол два крупных неогранённых камня, один красный и один синий.

Данте взял их в руку, бесцельно взвесил на ладони и протянул мне.

— Я же сказал — бери.

— Только, будь добр, не забудь про жалованье, — напомнила я. — Чтобы казначей не бегал за мной в конце месяца.

Данте нарочито тяжело вздохнул.

— Если он начнёт за тобой бегать, скажи, что дон Эльванди уже расплатился натурой, — посоветовал он. — Заверяю тебя, это надолго выбьет казначея из колеи.

— Главное, чтобы он не начал присылать к тебе всех слуг за такой формой жалованья, — лукаво улыбнулась я, стоя у двери. — Ну, если захочет оставить казну нетронутой.

— В этом случае он рискует быстро остаться без работы, — заметил Данте, оглядывая кабинет последним беглым взглядом.

Убедившись, что ничего не забыл, тоже устремился к выходу.

Разобравшись с некоторыми накопившимися делами, я решила ненадолго выбраться на свежий воздух. По правде сказать, последние два дня я провела, не выходя из армона даже во двор, настолько тягостное впечатление на меня произвела история с несправедливым обвинением. Казалось, стоит только высунуться наружу — и меня сразу же ждёт очередная неприятность. Да и настроение совершенно не способствовало прогулкам. А вот сейчас, немного поработав, что часто поднимало мне настроение, и понаблюдав не по-осеннему солнечную погоду за окном, я решила сделать перерыв и выехать — совсем недалеко — за пределы армона.

Всё дело в том, что буквально в десяти минутах верховой езды отсюда располагался парк, в чём-то уступающий нашему саду, а в чём-то существенно его превосходящий. Сначала, свернув с главной дороги на тоненькую тропинку, можно было попасть в рощу, состоявшую в основном из диких сливовых деревьев, которые, как говорят, невероятно красиво цветут весной. За ними следовал миндаль, о котором говорили то же самое, а дальше — небольшой сад, уже не дикий, включавший в себя как цветочные клумбы, так и заросли вечнозелёных растений, буйно зеленеющих и вообще отлично себя чувствующих в тёплом южном климате.

Вот и сейчас я приехала сюда, решив, что вряд ли так близко от армона мне может угрожать реальная опасность. В конце-то концов, невозможно бояться даже на несколько ярдов отойти от забора. Я собиралась погулять минут двадцать, а затем вернуться назад. Но планы пришлось несколько подкорректировать.

Как правило, здесь не прогуливалось много людей. Единственным островком жизни поблизости от парка являлся армон, но там был и свой, весьма красивый, сад. К тому же я имела привычку, спешившись и оставив лошадь во фруктовой роще, пробираться пешком через

наиболее густые заросли. В глазах местных жителей такое предпочтение выглядело по меньшей мере странным. Но как было объяснить, что я просто скучаю по лесам — не рощам, а настоящим труднопроходимым лесам! — и пытаюсь хоть где-то отыскать места, напоминающие их по духу. Конечно, контраст в любом случае оставался разительным, но густые — по местным меркам — заросли хотя бы напоминали о том, какой (с моей точки зрения) должна быть настоящая природа.

Тем не менее, я бы не обратила особого внимания на то, что в одном из таких наиболее диких мест из-за деревьев раздаются голоса, если бы до моего слуха не донеслось имя «Эльванди». Инстинктивно замедлив шаг, я на цыпочках пошла на звук и замерла за пушистым кипарисом.

— Вы уверены в том, что он действительно приедет к мосту? — спросил незнакомый мужской баритон.

— Абсолютно. — А вот второй голос был мне знаком. — Он едет на встречу к Николя Видайо, а для этого необходимо перебраться через реку. Других мостов поблизости нет. Единственное что, я не могу сказать, когда именно он там появится. Эльванди собирается сначала уладить в городе пару дел, а уж потом отправляться к Видайо. На это может уйти лишних часа три.

— Это не страшно, — произнёс баритон. Судя по звуку, его обладатель с хрустом потянулся. — Я так долго ждал, что вполне могу подождать ещё три-четыре часа, лишь бы потом всё прошло, как надо. Отсюда вопрос: вы вполне уверены в том, что Эльванди поедет к этому Видайо?

— Уверен. Он не распространялся о своих планах, но мне удалось узнать о них через северянку.

— Сандру Эстоуни? — понимающе уточнил незнакомец.

Надо же, оказывается, мы всё-таки знакомы, пусть и односторонне.

— Её. Она вообще оказалась весьма полезна. Благодаря ей мне удаётся получать ту информацию, которая в противном случае могла бы от меня ускользнуть. При этом мои расспросы не вызывают ни у кого подозрений.

— Что ж, я преклоняюсь перед вашей прозорливостью. Как вам удалось своевременно догадаться, что следует втереться к ней в доверие? Учитывая статус рабыни, такая догадка была, мягко говоря, нетривиальной.

— Я, как вы знаете, достаточно давно служу у Эльванди. Сумел хорошо его изучить за это время. — У меня мурашки пробежали по коже при этих словах. Вообще, чем дольше я слушала, тем меньше мне нравилось услышанное. — Я сразу понял, что северянка ему понравилась. Думаю, я даже понял это раньше, чем он сам. Поэтому уже там, в Арканзии, постарался потихоньку её приручить. Помогал ей по мелочам, в то время как Эльванди со свойственным ему снобизмом изображал перед арканзийцами бесстрастного аристократа.

— Ну, там, где дело касается арканзийцев, снобизм — штука нелишняя, — неожиданно поддержал Данте баритон. — Впрочем, детали не так уж важны. Главное, что вам удалось добиться доверия Эстоуни.

— Удалось, — подтвердил Ренцо, в то время как моя рука сама собой прижалась к горлу. — Я знал, что рано или поздно Эльванди приблизит её к себе. Так и произошло.

— Понятное дело, учитывая, что она — фаворитка Эльванди.

— Не фаворитка. Во всяком случае, не в том смысле, который вы вкладываете в это слово. Неважно. Факт остаётся фактом: она упомянула при мне, что Эльванди едет к своему товарищу, а дальше всё сопоставить и выяснить, к кому именно, не составило труда. Собственно, всё остальное — дело техники. Теперь я точно знаю, что он появится у моста. Думаю, осталось уже совсем недолго. Надеюсь, ваши люди его не упустят?

— Не фаворитка. Во всяком случае, не в том смысле, который вы вкладываете в это слово. Неважно. Факт остаётся фактом: она упомянула при мне, что Эльванди едет к своему товарищу, а дальше всё сопоставить и выяснить, к кому именно, не составило труда. Собственно, всё остальное — дело техники. Теперь я точно знаю, что он появится у моста. Думаю, осталось уже совсем недолго. Надеюсь, ваши люди его не упустят?

— Конечно же нет. — По-моему, незнакомца обидел такой вопрос. — Мои люди — профессионалы и всё сделают, как надо. Убийство с целью ограбления, что может быть проще?

— Но вы уверены, что после смерти Эльванди месторождение действительно перейдёт в вашу собственность? — с нажимом спросил Ренцо.

— Да. Я подготовил все документы. У Эльванди нет своей семьи. Младших братьев тоже нет. Так что вопрос наследования решится далеко не сразу. Я же незамедлительно обращусь лично к королю. Напомню ему, что моя земля граничит с территорией Эльванди, и представлю доказательства тому, что около ста лет назад земли, принадлежащие моему роду, включали в себя тот участок, на котором обнаружили залежи. Так что право на владение месторождением отдадут именно мне. Можно считать, что это вопрос решённый. Однако монарх монархом, а дело надо будет решать и на месте. Тут действуем согласно договорённости. Первое время вы на правах кастеляна станете фактическим хозяином армона и всех земель. Я сразу въезжаю сюда вместе со своими людьми, вы же отдаёте своим подчинённым распоряжение принять эти изменения как должное.

— Я помню, — отозвался Ренцо. — Надеюсь, вы тоже не забыли о своей части обязательств. Я хочу получить бумагу, подтверждающую мои права на десять процентов от приносимого месторождением дохода.

— Вы её получите, — небрежно заверил незнакомец. — Как только я получу от его величества документ, подтверждающий мои права на землю. Скажите, — вот теперь в его голосе сквозил истинный интерес, — каковы ощущения, когда предаёшь друга за крупную сумму? Нет, я, ни в коем случае вас не осуждаю. В моей ситуации это было бы странно. Однако мне просто любопытно.

— Радость, что не за маленькую, — огрызнулся Ренцо.

Над парком повисло напряжённое молчание. Видимо, кастелян не хотел вдаваться в мотивы своих поступков и перечисление собственных эмоций. Но незнакомый мне сосед Данте, напротив, ждал ответа. В этой игре в молчанку победу одержал второй.

— Он мне не друг, — всё-таки пояснил Ренцо. — Он — мой работодатель, а это совершенно разные вещи. Я — аристократ, дворянин, моё происхождение ничем не хуже, чем у этого хлыща Эльванди. Я получил такое же образование, жил в тех же условиях, вертелся в том же обществе — до поры, до времени. Вот только Эльванди посчастливилось родиться единственным сыном, а мне — нет. Учитывая то, как работают права наследования в этой стране, лучше бы наши родители ограничивались одним ребёнком. Так или иначе, наступил момент, когда Эльванди получил всё, а я остался ни с чем. Он — обладатель армона, земель,

приносящих немалый доход, а теперь ещё и крупного месторождения. Я же вынужден работать и управлять чужой территорией для того, чтобы вести существование, хоть как-то напоминающее о моих прежних условиях жизни. Если бы это различие являлось результатом трудов Эльванди и моей собственной лени, или его таланта и моей бездарности, я бы не имел ничего против. Но нет. Этот сноб ничем не лучше меня, но я вынужден бегать и прыгать вокруг него, решая все его проблемы. Ренцо туда, Ренцо сюда. С этим человеком я не хочу иметь дела, почему бы тебе самому его не принять. На этой девице я не хочу жениться, почему бы тебе не отвлечь её внимание своими остроумными шутками. Нет, — подытожил он, — Эльванди мне не друг.

Во время этого монолога голос кастеляна звучал мрачно. Иногда эмоции брали верх над самообладанием, и он почти переходил на крик. Затем снова брал себя в руки и говорил существенно тише, однако слова сочились злостью. Давно затаённой и только сейчас прорвавшейся наружу. Я слушала — и кровь стыла в жилах. Я даже не выдержала и осторожно выглянула из-за дерева. Никак не верилось, что исполнитель этой речи — Ренцо. Тот самый милый, обаятельный Ренцо, которого я и сама, как Данте, считала своим другом, и с кем даже была готова попробовать перейти на более близкие отношения. Всё-таки зрению мы доверяем гораздо больше, чем слуху. Недаром говоря, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Что ж, выглянула и увидела. Только от этого, увы, ничего не изменилось.

— Понимаю. — Теперь я увидела обладателя баритона, темноволосого мужчину лет сорока, широкого в кости. — Что ж, десять процентов — это очень внушительный доход. В скором времени ваши проблемы решатся наилучшим образом. Однако, надеюсь, вы не в обиде на меня за то, что я попрошу предварительно сделать кое-что ещё. Мне пригодится список людей из армона Эльванди, которые наименее лояльно отнесутся к скорым переменам. Это существенно упростит мою задачу.

— Вас не ожидает бунт, если вы это имеете в виду, — поморщился Ренцо.

Потом нахмурился, будто о чём-то вспомнил, и спросил: — А что будет с северянкой? Учитывая её…статус?

— А что ей сделается? — удивился сосед. — Насколько мне известно, она — первоклассный специалист по магическим камням. Я не настолько глуп, чтобы терять такого специалиста. И мне совершенно безразлично, какие татуировки она носит на руке.

— Не думаю, что она согласится сотрудничать с вами, — предупредил Ренцо. — Она очень преданна Эльванди.

— Ничего, — ничуть не расстроился сосед. По-моему, он даже улыбнулся. — Предоставьте мне самостоятельно решить этот вопрос. Я умею ценить преданных людей.

Мне показалось, или в этих словах звучала насмешка над собеседником?

— В любом случае, — сосед поднял глаза и посмотрел на быстро (слишком быстро!) перемещающееся по небу солнце, — пора действовать. Времени осталось мало. Вижу, вы уверены в том, что Эльванди проедет через нужный нам участок. И всё-таки я бы хотел, чтобы вы удостоверились в том, что всё пройдёт, как надо.

— Я и сам собирался это сделать, — кивнул Ренцо. — Возможно, мне ещё удастся его нагнать.

Понимая, что разговор заканчивается, я торопливо отступила подальше и спряталась под широкими листьями здешнего крупного папоротника. В спешке не получилось действовать

бесшумно, но дувший в моём направлении ветер благополучно унёс звуки прежде, чем они достигли ушей заговорщиков. На его же работу можно было бы списать и лёгкое покачивание листьев. Но я ждала, а никто не появлялся. Вскоре я услышала приглушённый цокот копыт. Видимо, эти двое пришли в парк другой дорогой и теперь уехали, каждый в своём направлении.

Решившись вылезти из-под папоротника, я на цыпочках вернулась к месту своего наблюдения. Никого. Кусая губу от волнения, я поспешила обратно, туда, где оставила собственную лошадь. Надо было что-то делать. Данте вот-вот попадёт в искусно расставленную ловушку, его необходимо остановить, но как? Я понятия не имею, где именно он сейчас находится. Возможно, в городе, заканчивает свои дела. А может быть, уже едет к этому своему приятелю? Опять забыла имя, но это и неважно. Если так, то к мосту ведёт две дороги. Одна чуть длиннее, но зато более удобна для путешествия. Вторая короче, но там много утомительных подъёмов и спусков. Какую из них мог выбрать Данте? Да любую!

Я ещё сильнее закусила губу, и почувствовала во рту привкус крови. Думай, Сандра, думай. Много ли толку от мозгов, если можешь применить их только для написания диссертации? Всё-таки вернее всего Данте как человек благоразумный и никуда особенно не спешащий выберет чуть более длинный путь. Ренцо спешит, но он наверняка захочет нагнать Данте до моста и, следовательно, поедет тем же путём. Я тоже хочу нагнать Данте, но, по всей видимости, мне будет лучше поехать более коротким путём. Во-первых, меньше шансов опоздать. Во-вторых, если я столкнусь по пути с Ренцо, он наверняка почувствует неладное. Да что там, я, в отличие от него, очень плохая актриса, так что раскусит он меня моментально. И в этом случае эта дорога окажется последней и для меня, и для Данте…

Меня передёрнуло при одной мысли о том, что Ренцо, тот самый Ренцо, может хладнокровно проткнуть меня шпагой или ножом. Что ж, может, и не хладнокровно. Поинтересовался ведь он у этого соседа моей дальнейшей судьбой. Но даже если он заколет меня с чувством глубокого огорчения, вряд ли мне будет от этого легче.

Сосредоточься, Сандра, сосредоточься. Пострадать всегда успеешь. Только сначала выживи и сделай так, чтобы выжил Данте. После этого можешь закрыться у себя в покоях, лечь на кровать, поставить рядом чашку горячего чая, взять в руки книжку и страдать, сколько душе угодно. Итак. Бежать за помощью некогда точно. Надо ехать короткой дорогой, так быстро, как никогда прежде не ездила, и молиться, чтобы в пути мне не повстречался Ренцо.

Я вскочила в седло. Если мне очень сильно повезёт, то я не только доберусь до места первой, но и успею проехать назад по второй дороге, навстречу Данте, перехватить его раньше, чем это сделает Ренцо, и обо всём предупредить.

Я и сама понимала, насколько мизерны мои шансы. К тому же я могла что-нибудь просчитать неверно. К примеру, Ренцо мог тоже выбрать короткую дорогу. Но тут уж ничего не поделаешь. Читать чужие мысли я не умею. В крайнем случае, если поговорить с Данте один на один не удастся, хоть успею крикнуть ему, что он в ловушке, вдруг это хоть как-то повысит его шансы на спасение.

Я действительно никогда прежде не мчалась с такой скоростью. Лошадь, кажется, тоже. Впервые жизни я пришпоривала её, не зная жалости, а сама склонилась низко-низко, почти к самой гриве, предоставляя ветру беспрепятственно трепать безнадёжно разметавшиеся волосы. Вверх — вниз, вверх — и снова вниз. Даже не знаю, как я не выпала из седла, пока мы проезжали эту холмистую местность. Но я всё равно почти не давала кобыле сбавить скорость, лишь изредка поглаживала её шею, обещая, что скоро она сможет отдохнуть.

Тем не менее, конечно же, я не успела. Выехала к реке, вынужденно натянула поводья, замедляя бег лошади перед поворотом. Вот он, мост. А перед ним — четверо вооружённых мужчин. Нет, так, с первого взгляда, и не скажешь, что есть повод для беспокойства. Носить при себе оружие — практика совершенно нормальная и вовсе не означает, что его обладатель — преступник. Наоборот, стоит себе у моста весёлая компания. Решили дать отдых лошадям и заодно потравить байки. Только глаза смотрят внимательно, сосредоточенно, даже муху пролетающую заметят, не то что путника.

А я запоздало понимаю, что мои светлые волосы не могут не привлечь к себе внимания. Стало быть, они знают, кто я такая. И что имею отношение к Данте. Примут за случайное совпадение? Или нет?

Отступать поздно, и я неспешно, с видом «Прекрасная погода, не правда ли?» приближаюсь к ним. А по другой дороге одновременно со мной к ним приближаются Данте и Ренцо. Данте явно ничего не подозревает. Видимо, Ренцо придумал какую-то легенду и напросился в попутчики. А может, ещё раньше убедил Данте взять его с собой. В сущности, откуда мне это знать? Я слышала только об изначальном плане Данте ехать в одиночку. Но с тех пор много воды утекло.

Я поравнялась с убийцами чуть раньше, чем Данте с Ренцо. Я видела руки, с готовностью сжавшиеся на рукоятях. Видела арбалет, эдак ненавязчиво, словно случайно оказавшийся в руках одного из них. Вроде бы перекинут был неудобно, сейчас он куртку поправит и снова вернёт оружие на место.

Сердце застучало в преддверии беды, и одновременно внутри что-то оборвалось. Если бы Ренцо не был предателем, если бы всё, что я услышала, было тщательно спланированной игрой, сейчас он не приехал бы сюда с Данте. Данте остался бы в армоне, нарушив тем самым коварные планы своего соседа. Или прибыл бы сюда в сопровождении целого отряда, который перебил бы этих людей — всех, кроме одного, чтобы этот один мог впоследствии дать показания. Но вот они здесь, Данте и Ренцо, вдвоём, и больше никого.

— Леди?

Я вздрогнула от этого обращения, прозвучавшего со стороны одного из преступников. Счёт шёл на секунды, но я успела удивиться. Если он хочет избавиться от меня как от свидетельницы, зачем так вежливо обращаться? Модно подумать, что приличный человек просто интересуется, как проехать до ближайшего трактира. Что он может спросить таким тоном? Предпочитаете ли вы смерть от кинжала или от стрелы?

— Простите, — всё так же вежливо продолжил он, встретив мой непонимающий взгляд, — я только хотел поинтересоваться, не знаете ли вы, который из этих мужчин — дон Данте Эльванди?

Впоследствии я долгое время невольно испытывала чувство вины, вспоминая тот свой поступок по ночам. Хоть и пыталась уговорить себя, что поступила правильно. Но в тот момент решение созрело само собой. Если всё это — чудовищная ошибка, и никакого убийства в действительности не планируется, то Ренцо ничто не угрожает. А если всё, что я услышала, — правда, значит, он сам выбрал собственную судьбу…

— Вот он.

С этими словами я указала на Ренцо.

— Благодарю вас.

Вежливость, от которой мурашки бегут по коже. И он даёт товарищам знак. А Данте и Ренцо как раз подъехали совсем близко…

Кажется, ни один из них не успел понять, что происходит, а метко брошенный нож уже пробил грудь кастеляна.

Кажется, ни один из них не успел понять, что происходит, а метко брошенный нож уже пробил грудь кастеляна.

— Быстрее! — крикнула я, уже успев к тому моменту поравняться с Данте.

Много времени на то, чтобы сориентироваться, ему не потребовалось. Мой окрик вырвал его из первичного оцепенения. Помочь Ренцо он не мог, справиться в одиночку с четверыми — тоже. Без малейшей жалости пришпорив несчастных коней, мы с Данте помчались прочь от моста, стремительно углубляясь в лес — увы, по-южному редкий.

Что-то просвистело в воздухе, и я почувствовала, как левое плечо обожгло болью. Но это не заставило меня разжать поводья. Я много суток плыла, запертая в трюме пиратского корабля. Я кричала от прикосновения выжигающего клеймо камня. Я видела боль и готовилась к смерти. Меня не остановит такая глупость, как раненное плечо.

Поначалу нас преследовали, но как-то не слишком азартно. Что бы ни говорил сосед Данте, то ли он не объяснил своим людям, что хочет представить всё как ограбление, то ли для него самого это не было по-настоящему важным. А может, он вообще хотел представить дело так, будто за убийством стояли не грабители, а, к примеру, тот же самый Ренцо? Так или иначе, нас некоторое время преследовали, а потом, когда на дороге начали то и дело появляться одинокие путники, перестали, предпочтя не поднимать лишнего шума.

Глава 16

Мы ненадолго остановились, чтобы отдышаться, но, всё ещё опасаясь преследования, почти сразу же поскакали дальше. И лишь убедившись в том, что нам действительно удалось оторваться, позволили себе реальную передышку. Спешились, давая полноценный отдых лошадям. До города оставалось недалеко, в поле работали крестьяне, на дороге встречались конные и пешие путешественники, так что место казалось относительно безопасным.

— Что произошло? — крикнул Данте, едва его ноги коснулись земли.

Я прислонилась к древесному стволу, силясь отдышаться после скачки. Погладила свою кобылу, которой пришлось совсем тяжело. И что я сейчас скажу? И вызовет ли мой рассказ доверие? Я устало вздохнула. Скажу, как было. Лгать я не умею и не люблю. А поверит или не поверит… Что толку гадать?

— Убить хотели тебя.

Я закуталась в плащ. То ли было по-настоящему холодно, то ли меня просто начинало знобить. Ноги тоже грозились, что вот-вот откажутся меня держать, и я опустилась на траву. Данте вскоре последовал моему примеру. И я рассказала ему обо всём. Сначала в двух словах. Потом, следуя его просьбе, подробно. Не увиливая и не скрывая деталей. Рассказала о том, как стала

случайной свидетельницей встречи Ренцо и хозяина близлежащих земель. Передала содержание их разговора. Призналась и в своих дальнейших действиях. К концу рассказа дрожь стала настолько сильной, что я была не в состоянии её сдерживать.

Данте по-прежнему молчал, сжав губы и глядя в сторону. Я не могла прочитать по его лицу, как он отнёсся к моему рассказу. Успела только заметить: он понял, о ком идёт речь, когда я упомянула таинственного соседа.

— Ты мне не веришь, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнесла я, — заглядывая ему в глаза.

Данте нахмурился, моргнул. Ему как будто было сложно сфокусировать взгляд, переключиться с собственных мыслей на происходящее вокруг. Наконец, он посмотрел на меня более осмысленно. И снова нахмурился.

— Не верю? Да нет, почему. Я верю тебе, Сандра. Не сомневаюсь, что ты сказала мне чистую правду. От этого она не становится более приятной, но это не твоя вина.

— Ты веришь в то, что Ренцо тебя предал? — невольно удивилась я.

Данте криво усмехнулся.

— Почему, ты думаешь, я не рассказывал ему о некоторых своих планах? Нет, я не ожидал от него чего-то подобного, но… Не думаю, что ты поймёшь меня, Сандра. Ты слишком прямой человек, чтобы это понять. Так или иначе, я не доверяю людям. Я знаю, что такое предательство, и знаю не понаслышке. И понимаю, что предать может любой человек, даже самый близкий… Почти любой, — поправил сам себя он, глядя мне в глаза. — Год назад, — он снова отвёл взгляд, — вернее, несколько больше, меня предал тот, кто обладал безграничным моим доверием. С тех пор я готов к подобным поступкам.

— А тогда не был готов? — спросила я.

Ветер трепал исстрадавшиеся волосы. Мне вспомнился совсем другой ветер, тот, что свободно разгуливал над высокой квадратной площадкой, расположенной на самой вершине храма. И признание Данте в том, что он тоже однажды хотел свести счёты с жизнью. Тогда я думала, что он просто придумал это, заговаривая мне зубы. Но, может быть, я ошибалась.

— Не был, — подтвердил он. — И позволить себе такую неготовность можно только один раз. — Данте тряхнул головой, будто отгоняя воспоминания. — Но речь сейчас должна быть не обо мне. Тебе гораздо тяжелее. Для тебя Ренцо действительно был близким человеком. И тем не менее ты пожертвовала им, чтобы спасти мне жизнь.

В его устах вся ситуация принимала настолько искажённый смысл, что мне захотелось кричать. Данте пытался приписать мне самопожертвование, которого я не совершала. И всю систему наших взаимоотношений истолковывал настолько превратно, что я просто не смогла промолчать. Вдруг почувствовала, что страшно устала держать всё в себе.

— Я встречалась с Ренцо только потому, что он похож на тебя! — выкрикнула я, с ужасом осознавая смысл собственных слов. Суть, которую всегда знала где-то глубоко внутри, но в которой никогда не решалась признаться самой себе.

Данте резко вскинул голову. Он промолчал, но его взгляд буквально пригвоздил меня к стволу.

— Что ты смотришь? — Я даже не понимала, кричу или говорю шёпотом. Я вообще не слышала себя. — Ты же всегда такой холодный и отстранённый. Ледяная скульптура, а не человек! Ты даже не замечал моего присутствия. Смотрел, но не видел. Вот я и стала искать другого. Если бы ты хоть словом мне намекнул, что не доверяешь Ренцо, я бы никогда в жизни не стала рассказывать ему то, о чём умолчал ты сам!

— Мне плевать, что ты рассказывала Ренцо! — Данте резко тряхнул головой, не позволяя мне увести разговор в этом направлении. Схватил меня за руку и с силой сжал запястье. — Значит, это я холодный и отстранённый? А кто сжимался, будто от удара, всякий раз как я пробовал сделать шаг навстречу? Кто на каждое моё прикосновение реагировал, как на попытку изнасилования? Разве к тебе можно было подойти? Я думал: ладно, пройдёт время, ты привыкнешь, освоишься, и всё изменится. Но нет, куда там? Прошли месяцы, а ты так и не научилась мне доверять. И готова расценить любое неосторожное слово как стремление напомнить тебе о «драконе».

— Я доверяю тебе! — возмутилась я.

— Неужели? — Пальцы Данте сжались на моём запястье ещё сильнее. — А кто совсем недавно решил, что я разрываю наш договор? Нет, Сандра, ты не доверяешь мне вовсе. Ты всё время ожидаешь, что я подойду к тебе с позиции силы. Чёрт, да я голову сломал, как заставить тебя забыть это идиотское предубеждение! Даже втянул тебя во всю эту эпопею с невестами только потому, что понадеялся: вдруг ты хотя бы так увидишь во мне мужчину? Думаешь, иначе я стал бы впутывать тебя в историю с этой интриганкой Айгуль? Я был уверен, что отлично справлюсь с ситуацией и сам. Нет, потом выяснилось, что я ошибался. Но это уже потом. Да что там, я так отчаялся, что повёл себя и вовсе, как подросток, придумав сватовство к Эльноре! Подумал, что, может, хоть ревность заставит тебя перестать видеть во мне только хозяина, который в любой момент способен обидеть.

— Что значит «придумав»? — нахмурила брови я. Старые подозрения всколыхнулись, выбросив на побережье сознания вопросы, на которые так и не нашлось ответа. — Разве ты не передал ей письмо с предложением руки и сердца?

— Передал, — пренебрежительно отозвался Данте. — Готов поспорить, Эльнора дико удивилась. Я отлично знал о её предпочтениях и её характере. Сочетание первого и второго давало полную гарантию того, что она откажет. Поэтому я мог со спокойной совестью сделать ей это предложение. И не опасаться последствий.

— А зря. — Я вдруг невольно улыбнулась. — Как раз зная о её предпочтениях, мог бы и опасаться.

— Почему? — нахмурился Данте.

— Потому что отправил меня с письмом к возможному конкуренту, — пояснила я.

Пару секунд Данте продолжал хмурить брови.

— Чёрт! — выдохнул он затем. — Это как-то не пришло мне в голову.

— Тебе много чего не приходит в голову. — Единожды улыбнувшись, я уже не могла вернуть себе серьёзное выражение лица. — Например, то, что ещё немного — и ты оторвёшь мне руку.

Он непонимающе опустил глаза на собственные пальцы, сжимавшие моё запястье так, что ладонь начинала неметь. И поспешно отпустил мою руку.

Я потрясла обескровленной кистью. Но Данте не собирался долго держаться от меня на расстоянии. Через секунду его ладони легли на мои пылающие щёки. А потом он наклонил голову и поцеловал меня.

Этот поцелуй — мягкий, нежный, но одновременно таивший в себе страсть, которая вырвалась наружу лишь однажды, под действием арканзийского зелья, заставил меня зажмуриться и послать к чёрту все сомнения. Казалось, всё тело отзывается на него сладкой и мучительной болью. Но руки Данте опустились ниже, обхватили мои плечи — и тут я вскрикнула от боли совсем иного рода, когда он невольно задел свежую рану.

— В чём дело?

Данте успел заметить, как я схватилась за плечо, и поспешил снять укутавший меня плащ, не утруждаясь спросить моё мнение на этот счёт.

— Ты ранена? — воскликнул он. — Какого же чёрта ты всё это время молчишь?

— Это не рана, — поморщилась я, инстинктивно прикладывая руку туда, где под порванным рукавом алела длинная полоска. — Просто царапина. Болт только чуть-чуть меня задел. Я успела посмотреть…как могла.

Ну да, осматривать себя саму не слишком удобно. Но это же всё-таки плечо, а не спина.

— «Как могла», — неодобрительно фыркнул Данте.

Аккуратно, чтобы не задеть рану, взялся за мой рукав и рванул ткань. Оголив плечо в достаточной степени, внимательно осмотрел оставленный ножом след.

— Действительно царапина, хоть и достаточно глубокая, — признал он, продолжая крепко держать мою руку холодными пальцами. — Повезло.

Он заглянул мне в глаза, а потом неожиданно привлёк меня к себе.

— Тебя ведь могли убить, — тихо произнесли его губы, почти касаясь моей макушки. — Убить из-за меня.

— Возможно, сработал защитный камень. — Слова Данте заставили меня ощутить неловкость, и я попыталась спрятать это чувство за хладнокровными рассуждениями. — Я ношу его в мешочке на шее, вместе со вторым. Я его не активировала, времени не было, но, может быть, он отвёл стрелу в сторону. Ты ведь тоже носишь защитный камень в каком-нибудь амулете?

— Ношу.

Мою теорию, конечно, невозможно было проверить. Возможно, стрелявший убийца просто оказался недостаточно метким. Не так уж и легко попасть в быстро движущуюся мишень. А для того, чтобы перезарядить арбалет, пришлось бы слишком долго стоять на месте. Но камень мог сыграть свою роль. Конечно, красный камушек — это отнюдь не то же самое, что непробиваемая броня. Он не спасёт своего обладателя от прямого удара в грудь. Не испепелит нападающего на месте. Такой драматизм — для сказок и мифов. Наука же свидетельствует совсем о другом. Камень может отогнать змею, может предупредить об опасности — если правильно его использовать. Может немного сбить с курса пущенную в цель стрелу. Так же, как камень нападения может, напротив, подправить траекторию её полёта или усилить удар ножа. Но ни один камень не заменит ни верную руку, ни воинский профессионализм, ни

Topreading.ru

стратегический склад ума.

Я даже не поняла, для чего Данте скинул камзол, а он между тем с силой дёрнул собственную рубашку, отрывая от неё длинный лоскут. И туго перевязал мне плечо.

— Вариант плохой, но за неимением лучшего сойдёт, — сказал он. — У тебя хватит сил добраться до армона? Осталось недалеко.

— Конечно, хватит.

Дорога в армон действительно заняла меньше получаса.

Предполагаю, что наше появление вызвало фурор, но, к счастью, на тот момент я слишком устала и была слишком переполнена эмоциями, чтобы обратить на это внимание. Но помимо того, что мы оба прибыли далеко не в самом лучшем виде, у меня было разорвано платье, а у Данте — рубашка, и навряд ли слуги могли пропустить такую пикантность.

Когда мы приехали, Данте сразу же отвёл меня в баню, «чтобы не заболела». Я уж было решила, что он собирается составить мне компанию, но Данте не пошёл дальше порога, где велел слуге позаботиться, чтобы меня не беспокоили. Он же распорядился, чтобы Бьянка спустилась сюда и принесла мне всё, что нужно. И отправился к себе, где, вероятнее всего, воспользовался собственной ванной комнатой. Во всяком случае, когда мы снова встретились полтора часа спустя, он был умыт, причёсан и одет с иголочки.

Слуга, присланный, чтобы пригласить меня в покои Данте, проводил меня до входа, распахнул дверь и с поклоном удалился. Внутри, помимо хозяина покоев, я обнаружила его секретаря.

— Сандра, проходи, садись. — Данте встретил меня у двери и провёл к дивану. — Пожалуйста, перечисли как можно более подробно приметы человека, которого застала разговаривающим с Ренцо. А также содержание их беседы.

— Сандра, проходи, садись. — Данте встретил меня у двери и провёл к дивану. — Пожалуйста, перечисли как можно более подробно приметы человека, которого застала разговаривающим с Ренцо. А также содержание их беседы.

Я кивнула и принялась рассказывать. Секретарь записывал. Думаю, что Данте всё помнил и без меня, но происходившее здесь сейчас являлось полуофициальной дачей показаний.

Закончив писать, секретарь коротко пересмотрел текст, ещё немного над ним поколдовал и сосредоточенно сообщил Данте, что закончит работу у себя. После чего ушёл, так и продолжая проглядывать на ходу исписанные страницы.

Когда за секретарём закрылась дверь, Данте посмотрел на меня в упор и неодобрительно покачал головой.

— У тебя на плече нет повязки.

Его взгляд упал на левый рукав моего платья. Если бы под ним была повязка, это, конечно, было бы заметно.

— Это не нужно, — пожала плечами я. — Там действительно простая царапина. Она уже не кровоточит.

— Снимай платье, — со вздохом распорядился Данте.

Я даже не поняла, что смутило меня сильнее — само распоряжение или сопровождавший его вздох.

— Снимай что? — переспросила я.

— Платье, — всё тем же тоном повторил Данте.

Кивком головы он указал мне на столик. Тот стоял чуть позади дивана, поэтому я раньше не обратила на него особого внимания. Теперь же выяснилось, что там были приготовлены чистые тряпицы для перевязки и миска, в которой тёплая вода была смешана с каким-то целебным раствором. В лекарствах я не разбиралась, но ощутила приятный травяной запах.

— Обещаю, что не буду тебя разглядывать, — фыркнул Данте, кажется, позабавленный моим замешательством. — Но раной заняться нужно. Потом снова оденешься.

— Хорошо.

Я развязала шнуровку, которая, к счастью, располагалась не на спине, а на груди, и выбралась из надетого в предбаннике платья. Теперь на мне оставалась только тонкая обтягивающая рубашка без рукавов, доходившая до середины голени.

Обернувшись к Данте, я обнаружила, что он застыл, чуть расширив глаза, полностью погружённый в созерцание. Причём разглядывал отнюдь не лицо.

— Ты же обещал не смотреть! — напомнила я, не столько рассерженная, сколько позабавленная таким поворотом.

Данте с видимым трудом отлепил взгляд от того участка моей рубашки, где она облегала упругую грудь. Но продержался совсем недолго, и снова возобновил созерцание.

— Давай просто считать, что я солгал, — предложил он.

Однако, предложив мне сесть, всё-таки приступил к перевязке. Впрочем, его взгляд по-прежнему регулярно возвращался к точкам, не имевшим к моей ране ни малейшего отношения.

— Зато я видела тебя в бане, — мстительно сообщила я, в то время как он промывал царапину вымоченной в растворе тряпкой.

Было больно, но лишь самую малость.

— Я тебя тоже, — парировал Данте.

— Это не считается, — выкрутилась я. — Я стояла к тебе спиной.

— Считается, — возразил он. — Я говорю о другом случае.

— Каком же?

Я в недоумении нахмурила брови.

— Таком, — насмешливо отозвался он. — В Арканзии, на самом первом постоялом дворе. Ты

заснула в ванне. Думаешь, я тогда пропустил это зрелище?

Своего Данте добился: вот теперь я всё-таки покраснела от смущения.

— Мог бы меня разбудить, — упрекнула я.

— Ни в коем случае, — не согласился он. — Во-первых, зачем? А во-вторых, представь себе сама, как бы ты в тот момент отреагировала, если бы проснулась от негромкого покашливания и обнаружила в ванной комнате меня?

Я сглотнула. Да, на тот момент я бы отреагировала очень плохо. Трудно даже представить, как именно.

Данте отложил на стол первую тряпицу и взял вторую, на этот раз чтобы перевязать плечо. От его прикосновений по коже бежали мурашки, хоть он и не делал пока ни одного лишнего движения. Когда он склонялся над раной, я полуобнажённым телом ощущала жар, исходивший от его лица.

— Не слишком туго? — спросил Данте, закончив накладывать повязку.

Я покачала головой.

— У тебя горячий лоб.

Потянулась к столу, окунула в тёплую по-прежнему воду ещё одну тряпицу. Отжав, поднесла к лицу Данте и медленно провела ею по лбу. Он шумно втянул носом воздух. Я вернула руку обратно, пройдясь по его лбу в другую сторону, а затем медленно спустилась по щеке. Он схватил меня за руку, отбросил тряпицу в сторону и схватился за подол нижней рубашки. Такую роскошь, как в случае с платьем, — право снять её самостоятельно — он мне не предоставил. Рванул рубашку через голову, в момент растрепав уложенные после мытья волосы.

Потом поцеловал меня — горячо, страстно, настойчиво, совсем не так, как в прошлый раз. Вдруг многозначительно усмехнулся и потянулся к оставленной на диване тряпице. Медленно провёл сверху вниз по моей шее, после чего припал к ней губами, повторяя ими путь влажной материи.

Отстранился и снова обмакнул тряпицу в миску. С плавной неспешностью, от которой мурашки волнами пробегали по телу, стал спускаться от шеи всё ниже и ниже к груди. Крупная капля, сорвавшись, заскользила по коже. Данте слизнул её языком, предварительно обжигая влажную кожу своим горячим дыханием.

Снова отстранился и снова продолжил работать тряпицей. Спустился вниз по левой груди и медленно провёл влажной тканью вокруг соска. Потом проделал то же самое с правой грудью.

Я поняла, что с меня довольно. С силой, почти со злостью, отшвырнула тряпку и вцепилась в пуговицы его рубашки. Он был настолько идеально одет, что это начинало раздражать, чтобы не сказать больше.

Рубашку чуть было не постигла участь предыдущей, разорванной недалеко от армона. Но обошлось. Данте помог мне избавиться от этого предмета одежды, а потом и от брюк, после чего подхватил меня на руки и отнёс в соседнюю комнату на кровать. Ту самую, где я однажды уже спала, но только в гордом одиночестве.

Topreading.ru

Сбросить обувь было делом нескольких секунд. Лёжа на постели, я отвела в сторону упавшую на лицо прядь и обнаружила, что Данте снова внимательно рассматривает моё тело. Сколь ни глупо, я ощутила запоздалую неловкость. И даже скрестила руки, прикрывая грудь. Но Данте лишь покачал головой, давая понять, что вот теперь он уже не собирается меня спрашивать. Развёл мои руки и, вытянув их вверх, прижал к кровати. Я инстинктивно попыталась высвободиться, но не тут-то было. Держал Данте крепко. А в следующее мгновение его губы и язык заскользили по моей груди, заставляя волны дрожи пробегать по телу. Я приоткрыла рот, но звуки отказывались вылетать из пересохшей гортани, разве только едва различимые вздохи. Я заметалась на кровати, изгибаясь, насколько того позволяли руки и губы Данте. И тут его бёдра надавили на мои собственные, раздвигая их в стороны. Мысли окончательно спутались; ощущения были настолько упоительными, что заполнили всё моё сознание.

Потом Данте укрыл нас обоих одеялом. Прижавшись к нему всем телом, я нащупала губами его грудь и одновременно почувствовала, как он поцеловал меня в макушку. Ощущение невероятной расслабленности уступило дорогу сонливости.

Я приоткрыла глаза, повернула голову — и взгляд упал на кисть левой руки. Знак дракона равнодушно взирал на меня с моей собственной кожи. Возникло такое чувство, словно меня окатило волной холодной воды. В сущности ведь ничего не изменилось. Я по-прежнему рабыня и, видимо, останусь ей навсегда. Я по-прежнему принадлежу Данте. Я являюсь его собственностью, как вот эта вот подушка, как армон, как магические камни. Сегодня он просто-напросто взял то, что давно уже было ему положено. И если не делал этого до сих пор, то исключительно из собственной порядочности. Как же это невыносимо — осознавать, что ты — вещь…

Нет, я ни в чём не винила Данте. Я не считала, что он привёл меня сюда как рабыню… Не привёл, подсказал противный внутренний голос. Он не приводил тебя. Он прислал за тобой слугу.

Я закатила глаза, сердясь на этот голос, а, следовательно, на себя саму. Но это не помогало не слышать. Я поймала себя на том, что ожесточённо кутаюсь в одеяло.

— Данте… — проговорила я, не поворачивая к нему лица.

— Что?

— Ты не будешь возражать, если я пойду на ночь к себе?

— Не буду. — В его голосе присутствовали нотки разочарования. — Если тебе так лучше, иди.

— Хорошо. Спасибо.

Нет, я не собиралась в очередной раз идти на попятный, разрывая наши отношения. Но мне было важно сохранить за собой хотя бы кусочек самостоятельности. Иллюзию собственной жизни в виде собственной комнаты. Своих покоев, где меня никто не увидит. Где я смогу отгородиться от всех и спокойно всё обдумать. Или просто полежать, обхватив руками колени.

За этими мыслями я оделась и, по-прежнему стараясь не встречаться с Данте взглядом, подошла к двери. Не той, через которую меня привёл в покои слуга, а более близкой. Из спальни Данте можно было выйти прямиком в коридор. Осторожно её приоткрыла… и тут же закрыла снова. Мимо как раз проходил лакей. Прикусив губу, я подождала несколько секунд, после чего повторила попытку. Лакей быстро удалялся по коридору, но ему навстречу шагала цветочница. Пришлось снова оставить лишь узкую щёлку. Да что ж такое? Прямо проходной

Topreading.ru

двор!

— В чём дело?

Я вздрогнула от неожиданности, поскольку голос Данте прозвучал над самым моим ухом. Не заметила, как он подошёл.

— Ни в чём, — откликнулась я, чувствуя, как зачастило разволновавшееся сердце. — Просто…Там всё время кто-то бродит, — наябедничала я, оборачиваясь.

— И что с того?

Не понимает? Или отказывается понимать?

— Не хочу, чтобы видели, как я отсюда выхожу.

— Почему? Когда ты сюда входила, тебя это не смущало.

— Просто не хочу, чтобы они думали, будто…

— Будто что?

Помогать мне изъясняться Данте явно не планировал. Более того, теперь его голос звучал более жёстко, чем вначале. Я поджала губы и промолчала. Но это его не устроило.

— Так что же? — Он легонько тряхнул меня за плечи. — Что они подумают? Опять всё то же самое, да? Хозяин и рабыня? Из любой другой комнаты ты вышла бы спокойно, но только не из моей?

Я отвернулась, сжав губы ещё плотнее. Да, он угадал верно. Неужели мои мысли написаны у меня на лице? Мне действительно казалось, что любой, видя, как я выходу из покоев Данте, интерпретирует это именно так. Хозяин наконец-то затащил в постель зарвавшуюся рабыню. Ну, так ей и надо. Нечего строить из себя недотрогу, если носишь на руке знак дракона.

— Значит, хозяин, да? — снова словно прочитал мои мысли Данте. Захлопнул дверь и потянул меня обратно к кровати.

Я даже вскрикнула от того, насколько неожиданными и резкими оказались его действия. Сейчас он не был ни мягким, ни нежным, и каждым своим движением транслировал, что не собирается спрашивать моё мнение о происходящем. Опрокинул меня на постель. Теперь моё туловище лежало на кровати, а ноги всё ещё свешивались на пол.

Когда Данте резким движением задрал моё платье и нижнюю рубашку, я ничуть не удивилась. Сейчас мне всё-таки покажут моё место. Наверное, давно пора. Но того, что последовало за этим, я не ожидала вовсе.

Данте опустился передо мной на колени. Очень нежно, даже бережно погладил внутреннюю сторону бедра. Настойчиво, но совсем неагрессивно надавил на ноги, заставляя их раздвинуться пошире. А затем просунул голову между колен.

Я судорожно вдохнула воздух и ещё долго не могла выдохнуть. Пальцы запрокинувшихся рук с силой вцепились в одеяло. Голова металась из стороны в сторону. Сначала я тихо стонала, кусая губы, потом начала кричать, и мне было совершенно всё равно, услышит ли меня кто-нибудь из коридора и что об этом подумают. Прикосновения Данте были то уверенными и

настойчивыми, не дававшими ни малейшей передышки, то, напротив, короткими и едва ощутимыми, и эти перепады окончательно сводили с ума. Зрение, слух, обоняние и способность мыслить разом отключились; им просто не было места рядом с этими всепоглощающими, невероятными ощущениями. Наконец, я закричала совсем громко, подалась ему навстречу, а потом обессиленно застыла. Данте остановился не сразу, удостоверяясь, что действительно довёл дело до конца. И лишь потом его голова появилась над кроватью.

Нет, так точно не занимаются любовью с рабыней, мелькнула в пробуждающемся с трудом мозгу первая мысль. Потом мозг решил, что пробуждаться не желает, и снова застыл на грани беспамятства.

Я слышала, как Данте лёг рядом, но оказалась неспособна даже повернуть голову, чтобы в этом убедиться. Просто продолжила лежать, чуть приоткрыв рот, чтобы легче было справиться с учащённым дыханием, и глядя перед собой остекленевшим взглядом.

— Ну как, хочешь пойти к себе?

Вряд ли мне только почудилась язвительная интонация в вопросе Данте.

— Даже если захочу, мне слишком лень шевелиться, — призналась я, с трудом заставив себя покачать головой.

— То-то же.

— Ты специально этого добивался?

Я попыталась добавить в голос капельку упрёка, но, по-моему, получилось плохо.

— Естественно.

Да, укоризна точно не сработала: тон Данте был исключительно самодовольным.

— Ладно, сдаюсь.

Последние силы ушли на то, чтобы окончательно избавиться от одежды: спать в ней не хотелось.

Оказавшись под одеялом, я всё-таки перекатилась набок, коснулась губами плеча Данте, и после этого уснула практически сразу.

Проснулась я, когда сквозь занавески в спальню уже проникло утро, и сразу же почувствовала необыкновенно вкусный запах. Должно быть, именно он меня и разбудил. Немного полежала, затем приподнялась на локтях. Должно быть, в тот момент я походила на слепого щенка: глаза спросонья ещё не разлепила, но уже потянулась на запах.

— Естественно.

Да, укоризна точно не сработала: тон Данте был исключительно самодовольным.

— Ладно, сдаюсь.

Последние силы ушли на то, чтобы окончательно избавиться от одежды: спать в ней не хотелось.

Оказавшись под одеялом, я всё-таки перекатилась набок, коснулась губами плеча Данте, и после этого уснула практически сразу.

Проснулась я, когда сквозь занавески в спальню уже проникло утро, и сразу же почувствовала необыкновенно вкусный запах. Должно быть, именно он меня и разбудил. Немного полежала, затем приподнялась на локтях. Должно быть, в тот момент я походила на слепого щенка: глаза спросонья ещё не разлепила, но уже потянулась на запах.

— Доброе утро!

Я открыла глаза. Данте, в брюках, но с обнажённым торсом, выглянул из соседней комнаты. Значит, он успел встать и выйти из спальни, а я ничего не слышала? Крепко же я спала…

— Доброе! — улыбнулась я. И не справилась с искушением сразу перейти к главному. — А что это так вкусно пахнет?

— Марито заходил, приносил завтрак. Выходи.

Я спешно села, спустила ноги с кровати и нащупала оставленные с вечера туфли. Хм. Обувь — это хорошо, но по традиции к ней должна бы прилагаться хоть какая-то одежда. Надеть вчерашнее платье, конечно же, можно, но это достаточно долгий процесс, а есть хотелось очень сильно.

А вот и оно — решение! Рубашка Данте, лежавшая на краю кровати, пришлась очень кстати. Я надела её, застегнула на несколько пуговиц, подвернула слишком длинные рукава и посмотрела вниз. Самые интимные места прикрывает — во всяком случае, пока я стою.

Видимо, я что-то сделала не так, поскольку, стоило мне выйти в соседнюю комнату, как Данте застыл, глядя на меня как-то очень подозрительно.

— В чём дело? — невинно спросила я.

Может, ему не нравится, когда кто-нибудь посягает на его одежду?

— Сандра, ты очень хочешь есть? — медленно произнёс Данте.

— Очень, — энергично кивнула я.

— Ладно, — нехотя сказал он, не сводя с меня пристального взгляда. — Но постарайся делать это недолго.

— Почему?

Я села за стол и схватила ближайшую ароматную булочку (при этом рубашка, разумеется, приподнялась, обнажая далеко не только ноги). Привычно разрезала её ножом и намазала один из местных салатов. Помидор, сладкий и острый перец, зелень, специи. Всё мелко нарезано и потушено на мелком огне. Капелька густой красной массы попала на палец, и я с удовольствием её слизнула. И, вытаскивая палец изо рта, встретила немигающий взгляд Данте.

Topreading.ru

— Ты очень неудачно проголодалась, — сообщил он.

И всё-таки мы позавтракали. Точнее, я, поскольку сам Данте, кажется, лишь без аппетита пожевал немного хлеба. Стоило мне отставить тарелку в сторону, как он понёс меня в спальню, перекинув через плечо.

— Больше не надевай её, если захочешь держать меня на расстоянии дольше десяти секунд, — предупредил он, срывая с меня рубашку.

Некоторое время спустя мы сидели на кровати, опираясь на прислонённые к изголовью подушки. Моя голова покоилась на плече Данте. Но полной умиротворённости препятствовало некое воспоминание, раз за разом заставлявшее зубастую совесть вгрызаться в беспомощное сознание.

— Данте… — Наконец решившись, я подняла голову и устремила на него виноватый взгляд. — Если говорить откровенно, то, что случилось вчера… В общем, это произошло с нами не впервые.

Он ни капли не удивился, что, в свою очередь, не могла не изумить меня.

— Тогда, после приезда Айгуль?

Я кивнула.

— Стало быть, это всё-таки был не сон. Почему ты сразу мне не сказала? — со вздохом спросил он, привлекая меня к себе.

Я опустила глаза, хоть он и не видел в этот момент моего лица.

— Мне было стыдно за свой поступок. — Кровь прилила к щекам, наверняка заставив их сильно покраснеть. — Ты сердишься?

— Сержусь, — безапелляционно подтвердил Данте. — На то, что ты сразу не сказала всё, как есть. Ты хоть представляешь, насколько всё могло быть проще, если бы ты просто сразу сказала правду?

Он говорил не сердито, лишь укоризненно. Я подняла голову, встретила губами его губы.

— Больше так не делай, — улыбнулся он затем.

— Больше не ложиться с тобой в постель, когда ты нетрезв или что-то в этом роде? — уточнила я.

— Ложиться обязательно, — возразил он. — Но потом рассказывать мне обо всём и во всех подробностях. А можно не рассказывать. Можно демонстрировать более наглядно.

Я тихонько рассмеялась. Ласково провела рукой по его плечу и груди.

— Что это? — Рука остановилась возле короткого шрама, который я замечала и раньше. — Тебя ранили? Арканзийцы на границе?

Улыбка разом сбежала с его лица.

Topreading.ru

— Нет. Не арканзийцы.

Данте прикрыл глаза. Он не шевелился, не считая груди, которая вздымалась и опускалась в ритме дыхания. Могло бы даже показаться, что он уснул, но я была уверена в обратном.

— Ты помнишь, я говорил, что полтора года назад меня предал близкий человек? — спросил он, глядя прямо перед собой. — И я на время сорвался, совершая не свойственные для себя поступки?

— Помню, — кивнула я. — И даже думал о том, чтобы покончить с собой, но тебя остановило чувство ответственности.

Он коротко усмехнулся, отдавая дань моей хорошей памяти.

— Ну, мысли — это только мысли. Но да, я говорю о том самом случае. Я встретил одну девушку, Сандра. Очень красивую… — Он слабо улыбнулся. — Совсем не похожую на тебя. Конечно же, она была брюнеткой. Она отвечала мне взаимностью, мы быстро стали любовниками. Сказать по правде, я совершенно потерял от неё голову, чего не случалось со мной прежде. Я даже начал подумывать о том, чтобы сделать ей предложение, но не успел… Я отлично помню, что в ту ночь было необычно ветрено. Я даже велел растопить камин. Она впервые осталась у меня до утра. Нам долгое время было не до сна. Потом я всё-таки погрузился в дрёму. Последняя мысль была о том, что на свете нет более счастливого человека, чем я. — Губы Данте снова искривила улыбка, словно он насмехался над собственной глупостью. — Эта мысль действительно вполне могла оказаться последней, — продолжил он. — Но я отчего-то проснулся вовремя. Даже не знаю, что меня разбудило. То ли она была недостаточно осторожна, то ли сработало чутьё на опасность, то ли бог решил меня спасти. Так или иначе, избежать удара я не смог, но успел отвести её руку. Видимо, она долго примерялась, чтобы попасть прямо в сердце.

Я слушала, не перебивая, но с силой сжав его запястье. Да, после того, что ему пришлось пережить, предательство Ренцо — это и правда не самый страшный поступок…

— Рана вышла неопасной, хотя кровоточила сильно, — продолжал Данте таким знакомым мне отстранённым тоном. — Она хотела ударить вновь, но я перехватил её руку и началась борьба. Дралась она изо всех сил, как хищный зверь, понимая, что это её единственный шанс на спасение. Но был сильнее, невзирая на рану. Так что я быстро скрутил её, а дальше на шум сбежались и слуги.

Данте замолчал и снова посидел, прикрыв глаза.

— Зачем она это сделала? — тихо спросила я.

Его губы дрогнули, но в улыбке так и не растянулись.

— У меня был двоюродный брат, — буднично объяснил он. — Который был не прочь завладеть моим состоянием. А именно он наследовал армон и все земли в случае моей смерти. Как выяснилось, именно он её и подослал. С самого начала. Сперва хотел, чтобы она втёрлась ко мне в доверие, приблизилась, насколько это возможно, кое-что разведала. А потом дал приказ убить.

— Она была наёмницей?

— И его любовницей тоже. Думаю, он обещал, что женится на ней, и она станет хозяйкой

всего. Думаю также, что он не собирался выполнять это обещание.

— И что было дальше?

— Дальше произошёл неожиданный оборот. Дебора — так её звали, Дебора Гласелло, — стала умолять меня защитить её и не выдавать моему кузену. Дескать, сейчас, когда попытка покушения провалилась, и его планы по её милости вышли наружу, он её убьёт. Просила спасти её от этой участи, твердила, что не хотела меня убивать, что именно поэтому так медлила с ударом, в результате чего я и остался жив. Взывала к нашей любви, к моему мужскому достоинству и к чисто человеческому состраданию.

— И ты?

— Я знал, что она говорит правду. В том, что касается кузена. Что он обязательно избавится от неё, а руки у него были длинные. И тем не менее я вышвырнул её на улицу. Практически сдал ему с рук на руки.

— И?..

Я поёжилась, уже понимая, каким будет продолжение.

— И он её убил. — Данте говорил нарочито спокойно, но при этих словах его лицо всё-таки исказила болезненная гримаса. — Три дня спустя её тело нашли в реке.

Тишина повисла в воздухе камнем, готовым в любое мгновение рухнуть с высоты вниз.

— Она это заслужила, — прервала молчание я.

— Возможно.

Данте снова смотрел мимо меня невидящим взглядом. Мне оставалось лишь опустить глаза. Он чувствует свою вину за смерть этой женщины и продолжит испытывать это чувство. Так же, как я ощущаю вину за гибель Ренцо. Хотя, казалось бы, всё правильно и логично. Злоумышляли они, а не мы. Если бы я не подставила Ренцо, погиб бы Данте. Если бы Данте дал в своё время слабину и уступил Деборе, наверняка вскоре был бы убит. И всё равно. Совести не объяснишь. Она не всегда умеет быть объективной.

Поэтому я больше не стала ничего говорить. Просто обняла Данте и прижала к себе. Говоря языком тела: я буду с тобой, что бы ни случилось. Постараюсь встать щитом между тобой и любым врагом. Даже если этот враг — твоя собственная совесть.

Данте тоже прижал меня к себе, так сильно, что на какой-то момент у меня зашлось сердце.

— Может быть, поэтому я не смог пройти мимо тогда, в Остане, — тихо проговорил он. — Ты была настолько другой. Если ненавидела, значит, говорила это в лицо. Она готова была убить, не испытывая при этом ненависти. Ты же была честна, даже когда желала мне смерти. Я не знал, станешь ли ты когда-нибудь мне другом, но точно знал, что ты не предашь. Никогда.

Глава 17

Последовавшие дни и недели были одновременно похожи и непохожи на мою прежнюю жизнь в армоне. Я так же работала с камнями, была окружена теми же людьми, и даже мои покои

остались при мне. Но наши отношения с Данте, конечно же, изменились безвозвратно, и эти изменения отражались почти на всех сферах жизни. Я быстро перестала бояться, что про нашу связь узнают, и большую часть времени ночевала теперь в его покоях.

Постепенно я снова стала выезжать в город и чувствовала себя при этом в относительной безопасности. Правда, в чайных больше не сидела. Выезжала исключительно по делам, рабочим или личным.

Соседа Данте, затеявшего опасную игру с целью завладеть чужим месторождением, арестовали. Данте решил дать делу официальный ход и обратился с жалобой к королю. Один раз меня вызвали в участок для дачи показаний. А вскоре обнаружились и другие улики. Когда по-настоящему хорошо знаешь, что искать, найти зачастую бывает несложно. Словом, и с этой стороны опасность осталась позади.

Шло время, и я даже смирилась с разницей в статусе, которая, как казалось раньше, лежала между мной и Данте разверзшейся пропастью. Во всяком случае, я почти сумела убедить себя в том, что смирилась. В конце-то концов, отношения развивались прекрасно. Да, меня иногда тревожил вопрос «А что же дальше?», но в такие моменты я старалась поскорее отвлечься от него на насущные проблемы. Ответа у меня всё равно не было. И я скорее отрубила бы себе руку, чем обратилась с этим вопросом к Данте.

Что же касается рабского статуса в целом, то нет, внутренне я с ним не смирилась. Разве что по-своему привыкла. Но, несмотря на то, что выхода, казалось бы, не было, всё чаще читала книги, посвящённые теме рабства и того вида камней, при помощи которого выжигалось клеймо дракона. Сперва неосознанно, под маской праздного любопытства, а затем и сознательно, я искала упоминания о средстве, которое позволило бы избавиться от клейма. Но, увы, не находила.

Правда, частичное решение проблемы поступило с совершенно неожиданной стороны. Однажды утром я получила послание, состоявшее из небольшой коробочки и прилагавшегося к ней письма. Вернее будет сказать, анонимной записки следующего содержания:

Уважаемая донья Эстоуни!

Я знаю, что вмешиваюсь не в своё дело, и заранее прошу за это прощения. Однако я подумал, что плоды моих трудов окажутся для вас полезными. Полного освобождения от рабства, как известно, не существует, однако мне удалось разработать средство, делающее клеймо невидимым. Если вы намажете знак дракона мазью, которую я отправляю вам вместе с этим письмом, ни один человек не сможет его увидеть.

Ещё раз простите за вмешательство в вашу частную жизнь, но, испытывая к вам искреннюю симпатию и уважение, я счёл его допустимым в данной конкретной ситуации. Поскольку, как вы понимаете, производство такого крема не вполне законно, предпочитаю сохранить инкогнито.

С наилучшими пожеланиями,

Доброжелатель.

Разумеется, я не спешила воспользоваться мазью. Спрятать клеймо, чтобы оно хотя бы не мозолило глаза мне же самой, было бы приятно. Однако это не было избавлением от рабства в полном смысле слова, поэтому чрезмерно сильных эмоций появление такой мази в моей душе не вызывало. Следовательно, я была способна мыслить логически и спокойно, не торопясь,

разобраться, что к чему.

Разумеется, я не спешила воспользоваться мазью. Спрятать клеймо, чтобы оно хотя бы не мозолило глаза мне же самой, было бы приятно. Однако это не было избавлением от рабства в полном смысле слова, поэтому чрезмерно сильных эмоций появление такой мази в моей душе не вызывало. Следовательно, я была способна мыслить логически и спокойно, не торопясь, разобраться, что к чему.

При помощи собственных знаний о работе магических камней и кое-кого из работавших в нашей лаборатории лекарей я постепенно сумела разобраться в природе мази. Во-первых, убедилась в том, что она действительно предназначена именно для той цели, которую упомянул автор письма. Во-вторых, выяснила, из каких ингредиентов она изготовлена. Так что теперь, если бы я действительно надумала регулярно пользоваться мазью, её всегда можно было изготовить в любых количествах. Как и упомянул автор письма, это было бы не вполне законно: прятать рабское клеймо — это некоторым образом всё равно, что скрывать свою личность. Но я была уверена, что этот вопрос Данте в случае необходимости смог бы уладить.

Тем не менее, пока пользоваться мазью я не спешила. Не покидало чувство, что это не более чем очередной способ закрыть глаза на нерешённую проблему. К тому же ореол неизвестности, окружавший автора письма, несколько тревожил.

Так что на данном этапе я продолжала штудировать книги. Всё, что нашлось в нашей библиотеке на интересующую меня тему, я перечитала, поэтому теперь приносила книги из города. Что-то брала в городской библиотеке, что-то покупала в книжных лавках, в том числе тех, где продавались старые и редкие экземпляры. Однако пока мои поиски были безуспешны. Лишь в одной книге мне удалось отыскать упоминание о рабе, который избавился о клейма. Однако ни слова не было написано о том, каким образом он это сделал. Тем не менее, если верить книге, выходило, что снять клеймо всё-таки возможно, пусть это и происходило чрезвычайно редко. Может быть, только однажды. И я продолжала поиски, хотя надежда и была чрезвычайно зыбкой. Ведь упомянутого в обнаруженной мной книге человека могло и не существовать на самом деле. Или он мог избавиться от клейма при помощи такой же мази, как та, что хранилась сейчас у меня в покоях.

В тот день я ненадолго вышла из кабинета, а, возвратившись, обнаружила там Фредиэно, сидевшего за столом и листавшего очередную книгу, которую я принесла из библиотеки. Я часто проглядывала эти книги именно здесь, в перерыве между делами.

— Простите, Сандра. — Он сразу же отложил книгу. — Я пришёл обсудить с вами привезённые вчера камни и случайно наткнулся.

Я прикусила губу. Что сказать: я воспринимала данную тему как слишком интимную, и оттого мне не нравилось, когда в неё кто-то вторгался без моего ведома. Более того, я испытывала острое чувство неловкости. Увидев книгу, Фредиэно, конечно же, понял, какие эмоции я испытываю в связи с собственным клеймом. А выставлять свою слабость напоказ было неприятно.

— Ничего. — Я выдавила из себя ничего не значащую улыбку, прошла к столу и села на своё место.

Фредиэно немного посмотрел на меня, словно хотел сказать что-то ещё, но колебался.

— Знаете, Сандра, — всё-таки решился он, — у одного из моих родственников большая коллекция редких книг. Возможно, там есть что-нибудь, что вас заинтересует. Вы не будете

возражать, если я это выясню?

Чувство неловкости никуда не ушло, но отказываться, конечно же, было глупо. Да и потом, что особенно в том, что я хочу избавиться от клейма? Чего здесь стесняться? Это совершенно естественно и очевидно.

— Конечно, не буду, Фредиэно, — ответила я, предпочтя, однако же, смотреть при этом на бумаги. — Спасибо.

Я не возлагала на библиотеку родственника Фредиэно особенных надежд. Это была не более чем ещё одна попытка из множества. Однако тут меня ожидал сюрприз. Ибо прошла всего неделя, и Фредиэно пришёл ко мне в кабинет с новостями.

Он держал в руках незнакомый мне том, и я сразу поняла по его лицу, что он что-то нашёл. А ещё поняла, что это «что-то» не слишком меня обрадует.

— Мой родственник, о котором я вам говорил, передал мне некоторые книги, — не стал ходить вокруг да около Фредиэно. — Я позволил себе просмотреть их, и мне удалось обнаружить нечто интересное…

Он замолчал, и его взгляд иначе как виноватым было не назвать. И непонимающе нахмурила брови.

— Здесь сказано, что избавиться от клейма невозможно? — высказало предположение я.

Мне показалось, что это лучше всего объяснило бы испытываемую собеседником неловкость.

— Нет-нет, — поспешил возразить Фредиэно. — Как раз совсем наоборот. В этой книге, которая является достойным доверия источником, написано, что способ освободиться от рабства существует. Более того, это способ описан достаточно подробно.

— В чём он заключается? — Мои глаза жадно заблестели, рука сама собой потянулась к книге. Сердце заколотилось быстро-быстро, стало трудно дышать. — Вы ведь это прочитали?

— Прочитал. — Фредиэно передал мне книгу, но взгляд его был по-прежнему беспокойным, и это не укрылось от моего внимания.

— В чём дело? — Усилием воли я заставила себя положить том на стол. — Садитесь. — Дождавшись, пока он сядет на стул, я тоже опустилась рядом, хотя больше всего мне сейчас хотелось ходить кругами по комнате, с каждым разом всё больше ускоряя шаг. — Я вижу, вас что-то беспокоит, Фредиэно. Что-то не так? Это средство… Оно противозаконно? Или попросту невыполнимо?

— Нет-нет, — снова поспешил разуверить меня Фрэдиэно. — Оно совершенно законно и выполнимо, я бы даже сказал, относительно легко выполнимо. Но дело в том, что вы не сможете прибегнуть к нему в одиночку. Для этого вам должны помочь, и не кто-нибудь, а один конкретный человек.

— Какой человек? — спросила я, хмурясь ещё сильнее.

— Дон Данте. Избавить раба от клейма может только его официальный хозяин.

Я почувствовала, как морщинки на лбу разглаживаются, и почти засмеялась. Если так, то навряд ли с избавлением от дракона возникнут проблемы. Данте без сомнения сделает то, что будет нужно, даже если это окажется нелегко.

— Думаю, дон Данте не станет возражать, — сказала я вслух.

Фредиэно подозрительно быстро отвёл взгляд. Я терпеливо ждала, хотя терпение с каждой секундой давалось всё тяжелее.

— Видите ли, Сандра, тут всё несколько…непросто, — туманно проговорил он. — Дело в том, что избавление от клейма требует определённой жертвы, и эту жертву должен принести хозяин.

Я напряжённо сцепила руки.

— Какую жертву?

— Какую жертву?

— Свободу. — Фредиэно развёл руками и виновато улыбнулся. — Решение этой сложнейшей, казалось бы, проблемы очень простое и логичное, как и бывает как правило в подобных случаях. Свобода хозяина в обмен на свободу раба.

— Но что это значит? — Морщинки на нахмуренном лбу стали гораздо более глубокими, чем прежде. — Хозяин что, должен поменяться с рабом местами? Сам стать рабом?

Да, вряд ли такой вариант устроит Данте. Да я и сама скорее всего на это не пошла.

— Это один из вариантов, — кивнул Фредиэно. — Но не единственный. Согласитесь, мало какой господин, сколь бы хорошо он ни относился к своему рабу, согласился бы на нечто подобное. Но есть и другой способ, менее драматичный.

— Какой?

— Брак. Если хозяин женится на своей рабыне, он отдаёт ей часть своей свободы. То же самое если хозяйка раба выходит за него замуж.

Я приложила пальцы к виску, глядя перед собой расширившимися глазами. Ну что ж. Да, я действительно не знаю, как отнесётся к этому Данте. И сообщить ему об этом, конечно же, будет непросто. Что сказать? «Женись на мне, тогда я навсегда избавлюсь от клейма?» С другой стороны, мы с Данте не чужие люди. Я могу рассказать ему всё, как есть. Конечно, он сам примет собственное решение. Но… Возможно, я рассуждаю сейчас с излишним оптимизмом, но что если в конечном итоге всё решится как нельзя лучше со всех сторон, для нас обоих?

— Что ж. Я очень благодарна вам за информацию, Фредиэно, — проговорила я. — А остальное со временем разрешится…так или иначе.

— Это ещё не всё. — На этот раз он смотрел мне прямо в глаза, и этот сочувственный взгляд не обещал ничего хорошего. — Видите ли, Сандра… Дело в том, что дон Данте знает об этом способе.

По спине пробежал холодок.

Topreading.ru

— Что значит «знает»?

— То, что я рассказал вам сейчас. Дону Данте это уже известно, — повторил Фредиэно.

— Вы ему рассказали? — уточнила я.

— Нет. Но я заходил к нему в кабинет и видел точно такую же книгу. — Он указал на лежавший на столе том. — Как вы понимаете, я обратил внимание на знакомую обложку. Видимо, дон Эльванди искал то же самое, что и вы. И нашёл.

И предпочёл не сообщить мне о результатах поиска? Это было настолько чудовищно, что я не была готова в такое поверить.

— Наверное, вы что-то перепутали, и это просто похожая книга, — решительно заявила я.

— Боюсь, что нет, — покачал головой Фредиэно. — Я брал её в руки.

— Значит, он просто не успел её прочитать.

Снова всё тот же сочувственный взгляд, за который хотелось чем-нибудь в него кинуть.

— Если хотите, я могу вам показать, — вздохнув, предложил Фредиэно.

Я колебалась. Не хотелось опускаться до проверок. Хотелось дождаться, когда Данте обо всём расскажет мне сам. А что, если не расскажет? Если бы это касалось любой другой темы — возможно, даже моей жизни, — я бы отказалась. Но неизвестность в данном конкретном вопросе уже сейчас словно разрывала мои внутренности на куски.

— Идёмте.

Я вышла в коридор и, не глядя по сторонам, зашагала в сторону кабинета Данте. Идти было недалеко. Если бы Данте оказался на месте, у меня появилась бы возможность сразу получить и информацию, и объяснения. Но Данте в армоне не было.

Оказавшись в кабинете, Фредиэно прошёл к столу — не тому, за которым обычно работал Данте, а второму, стоявшему у стены и покрытому стопками бумаг. Только сейчас, помимо бумаг, здесь лежала и книга. Фредиэно протянул её мне.

Я воспроизвела в памяти принесённый им том. Действительно похожа. Но это ещё не гарантия…

— Откройте. — Он кивнул на книгу. — Видите? Там загнута страница.

И я открыла. В текст не вчитывалась, но по коротким фрагментам нетрудно было понять, что речь идёт именно о том способе избавиться от клейма, о котором недавно рассказал Фредиэно. Однако главным был не текст. Сказать по правде, я очень быстро перестала обращать на него внимание. Более того, стоило попробовать сосредоточиться на словах, и они расплывались у меня перед глазами. Потому что на полях были заметки. Ничего особенного. Стандартные короткие заметки о том, что важно, что несущественно, откуда докуда читать. Важнее был почерк. Было очевидно, что эти заметки сделаны рукой Данте. Значит, он действительно читал. Действительно знает. Но ничего не сказал мне. Почему?

— Его всё устраивает как есть, Сандра. — Фредиэно словно прочитал мои мысли, но это было и нетрудно. Предполагаю, что все мои эмоции были написаны в тот момент у меня на лице. — Вы

не должны думать о нём слишком плохо. Вы много значите для дона Данте, это я могу вам сказать с уверенностью. А я, поверьте, немало повидал в этой жизни. Он очень хорошо к вам относится. Может быть, даже любит. Но женитьба… Видите ли, Сандра, женитьба — это вообще сложный шаг для любого мужчины, — виновато улыбнулся он. — А ваш брак с доном Данте — это, кроме всего прочего, мезальянс. И даже не из-за этого, — он указал взглядом на моё клеймо. — Это, как вы понимаете, после свадьбы исчезнет. Но даже тот факт, что северянка, вызовет толки, пересуды и общественное неодобрение. А вы к тому же, насколько я понимаю, не принадлежите к северной аристократии. Увы, на людей простого происхождения, таких, как вы и я, в высшем свете смотрят с предубеждением. А дон Данте — аристократ до мозга костей. Что ещё важнее, он вхож в высшее общество. Он знаком с королём и зависим от короля — от его одобрения и покровительства. Вы сами понимаете, что подобный брак навряд ли будет одобрен его величеством. Ну, и потом… — Он немного поколебался и всё-таки продолжил. — В сущности, для чего дону Данте что-либо менять? Судите сами. Вы вместе. Он получает все преимущества семейной жизни. При этом имеет возможность заботиться о вас, как если бы вы уже были его женой. За вас он стоит горой — мы все имели возможность в этом убедиться. Предполагаю, что ради вас он даже готов рискнуть жизнью. Но жениться…зачем? Он знает, что вы никуда от него денетесь. Не сбежите, не уйдёте к другому. — Это, — ещё один взгляд на дракона, — гарантирует, что вы всегда будете рядом. А ведь мужчины нередко женятся именно для того, чтобы привязать понравившуюся женщину к себе. Опасаясь, что если они промедлят, то могут её потерять. У дона Данте таких опасений нет. Вам не следует винить его, Сандра. Повторюсь, его достаточно легко понять, к тому же он действительно очень хорошо к вам относится. В сущности вы получаете почти всё, что могла бы иметь жена. Стоит ли так уж сильно переживать из-за остального?

Я рассеянно огляделась, ища, куда бы сесть. Стула под рукой не оказалось, и я просто опустилась на пол. По-южному скрестила ноги — так, как успела научиться.

Да, Фредиэно прав. Возможно, женитьба Данте действительно не нужна. Возможно, он был бы не против, но этого не позволяют законы высшего общества. И если бы дело шло только о браке, я бы смирилась. Но клеймо… Ведь он же знает, как много это для меня значит. Он знает, что я не могу спокойно жить, осознавая, что являюсь рабыней. И он не счёл нужным даже рассказать мне об этом способе? Пусть даже сообщив, что не готов к нему прибегнуть?

— И что же мне теперь делать? — спросила я в никуда, едва шевеля губами.

— У вас есть два варианта, — послышался ответ. Фредиэно опустился рядом на корточки и сочувственно положил руку мне на плечо. — Вы можете смириться с нынешней ситуацией и продолжать жить в армоне, как ни в чём не бывало. Вас ждёт безбедное существование, участие и забота, а это, как вы сами понимаете, совсем немало. Или… если такой вариант вас не устраивает, вы можете уйти. Я, как и многие, знаю, что вы получили средство, позволяющее скрывать клеймо. Это открывает перед вами новые возможности. Вы могли бы уехать туда, где вас никто не знает, и там начать всё сначала. С вашей специальностью, с вашей незаурядной квалификацией, вам не составит труда пробиться. Через год или два вам гарантировано безбедное существование и приличное положение в обществе. Хотя, конечно, такой вариант более трудоёмкий, так что, если вы спросите моего совета… разумнее будет остаться.

Разумнее… Да, он прав. Но, кажется, разумные поступки не по моей части. Бросать оскорбления в лицо Чёрному Пирату, напрашиваясь на удар ножа, тоже было неразумно. Равно как и спасать собственного хозяина из-под носа у банды жаждущих крови рабов. Но иначе я не могла.

— Есть ещё один вариант, — глухо проговорила я. — Астароль начали отстраивать. С недавних

пор туда стали отправлять корабли с добровольцами, желающими оказать помощь. Я могла бы сесть на такой корабль.

— Вполне, — согласился Фредиэно. — Конечно, это далеко не самый лёгкий путь. Но это было бы благородно с вашей стороны.

Я подняла на него хмурый взгляд. О благородстве я думала сейчас в последнюю очередь. Я просто бегу, а если бежать, то куда же, как не домой?

— Не говорите ни о чём дону Данте, — попросила я. — Мне нужно подумать и принять решение.

— Хорошо, — склонил голову Фредиэно.

Думала я недолго. В тот день мы виделись с Данте после того, как он вернулся в армон. Я надеялась, что он расскажет мне о книге, но этого не произошло. Всё было как всегда. И на следующий день я решилась.

Собралась быстро. Собственно, практически все вещи я оставила на месте, не намеренная забирать ничего лишнего. Взяла кое-какие деньги, поскольку без них в дороге — никуда, а я честно их заработала. Взяла также два магических камня, предназначенные для защиты и для нападения. Их я тоже успела отработать. И кое-какие мелочи, опять-таки нужные в дороге. А также коробочку с присланной мазью.

Оглядевшись с пробуждающимся чувством ностальгии, села за стол и написала для Данте короткую записку.

Я видела книгу у тебя на столе. Теперь мы оба знаем, что я никогда не смогу избавиться от клейма. Я ни в чём тебя не виню. Но жить так дальше тоже не могу. Я слишком загостилась на юге и уезжаю домой. Постарайся меня понять, как я постаралась понять тебя.

Я люблю тебя.

Прощай,

Сандра.

Я попросила Фредиэно отдать это письмо Данте вечером, когда я буду уже далеко.

В путь отправилась верхом, надеясь в дороге притупить душевную боль и в последний раз вдохнуть воздух улегшейся меж холмов долины. До заката я планировала добраться до соседнего городка, где можно было нанять экипаж, который довёз бы меня до причала. Там, как я уже знала, можно было сесть на корабль, отплывающий из Галлиндии в Астароль.

Я ехала уже три часа. Оставшиеся позади холмы надёжно скрыли за своими мощными спинами армон, в котором я провела несколько месяцев жизни. Впереди — лишь трава да цветы, и вдалеке — очередная гряда холмов прячет с глаз горизонт. Я придержала лошадь, решив дать отдых себе и ей. Спешилась и отпустила поводья, предоставляя кобыле возможность спокойно пощипать траву. Вытащила из-под одежды мешочек с магическими камнями, который носила на шее. Отчего-то именно они казались теперь последней ниточкой, которая связывала меня с армоном.

Перед отъездом я активировала оба камня, так что теперь они в течение суток будут наиболее эффективно выполнять свои функции. Без активирования камни тоже работают, но слабее. Исключение составляют амулеты: заключённые в них камни в активации не нуждаются. Однако и сфера их действия более ограничена: камень выполняет лишь ту функцию, на которую настроен амулет.

Я немного погрела камни в руке, а затем раскрыла ладонь. И недоумённо нахмурилась. Один из них — красный, то есть предназначенный для защиты, странно мерцал. Словно внутри него пульсировал сгусток света. Я прикрыла глаза, силясь вспомнить, что это может значить. Стандартным красным камням подобное было нехарактерно. Но камни из смешанных залежей обладают особыми свойствами. А мой к тому же достаточно давно хранится вместе с камнем нападения, то есть взаимодействие продолжалось до самого последнего момента…

Да, есть. Такое мерцание — сигнал об опасности. Камень начинает пульсировать, когда опасность подбирается близко к его хозяину. При этом опасностью может оказаться как враг, так и неодушевлённый предмет — скажем, сосулька, грозящая упасть с крыши прямо ему на голову. Впрочем, какие в Галлиндии сосульки?

Я рванула к лошади, которая, не успев далеко отойти, мирно щипала травку всего в нескольких шагах от меня. Взяла её под уздцы. Лошадка посмотрела на меня удивлённо и, кажется, укоризненно. Что ж ты, хозяйка, спокойно покушать не даёшь? М-да, если правду говорят, что у животных чутьё на опасность, значит, с моей кобылой что-то не так. Или никакой опасности всё-таки нет?

Я огляделась. Странно всё это. Об опасности камень сообщает лишь в том случае, если она подобралась совсем близко. Десять ярдов, пятнадцать, от силы двадцать. Однако всё, что находится на таком расстоянии, я отлично вижу. Здесь нет деревьев, нет крупных камней — ничего, за чем можно было бы спрятаться. Огромный луг и ничего, кроме травы. А трава не так высока, чтобы в ней мог скрыться человек. Подобное возможно посреди северной природы, а здесь, на юге, такого не бывает. Может быть, змея? Но нет, мне много раз говорили, что в этих землях змеи не водятся. Данте шутил, что все они уползли в Арканзию.

Ничего не понимаю. Остаётся разве что сосулька, притом она должна упасть прямо с неба. А между тем над головой нет даже туч. Гроза не ожидается, стало быть, молния не ударит. Что же тогда?

Ничего не понимаю. Остаётся разве что сосулька, притом она должна упасть прямо с неба. А между тем над головой нет даже туч. Гроза не ожидается, стало быть, молния не ударит. Что же тогда?

Догадка осенила настолько внезапно, что у меня перехватило дыхание. По всему видно, что мне опасность не угрожает. Во всяком случае, не настолько близкая, чтобы её мог зафиксировать камень. Но ведь у камня есть и другой хозяин. Если камень принадлежит мне, а я принадлежу Данте, то камень некоторым образом является и его собственностью. А если так…

Я не стала додумывать эту мысль. Просто вскочила в седло и поскакала назад, обратно, в сторону холмов и армона.

Быстрее и быстрее, как в тот день, когда я узнала про предательство Ренцо. Глаза слезились от дувшего в лицо ветра. Я изредка бросала взгляд на камень, лишь затем, чтобы убедиться: пока ничего не изменилось. О намерении покинуть страну я уже позабыла, равно как и о недавней

обиде на Данте. Только бы успеть. Никогда себе не прощу, если не успею.

Ехать, как ни странно, пришлось недолго. До армона оставалось ещё далеко, когда я увидела на вершине холма Данте. «Он знал, куда я поехала, и помчался за мной», — вспыхнула догадка. Вот только от холмов можно было продолжить путь разными дорогами. Он не мог знать, которую я выберу. Поэтому остановился на возвышении, с которого открывается хороший вид в разных направлениях.

Однако меня Данте пока не видел. Сначала смотрел в другую сторону, а затем дорога увела меня в объезд холма, и его силуэт скрылся из виду. Но спустя минуту я услышала громкий, полный отчаяния крик:

— Сандра!

Мне не было смысла кричать в ответ: ветер дул не в том направлении. Он бы не услышал. Наконец обнаружив тропинку, по которой лошадь могла подняться по склону, я поспешила вверх. Бросила взгляд на камень. Свет по-прежнему пульсировал. Вывод один: кто-то преследует Данте. Скорее всего, едет за ним из самого армона. Но почему в таком случае он до сих пор не напал? Хотел отъехать подальше от случайных свидетелей? Вполне вероятно.

Данте не смог бы услышать мой крик, зато до меня отлично доносились звуки с вершины. И потому я услышала, как с Данте заговорил тот, второй, человек. Не доезжая до верха, остановила лошадь, набросила поводья на сосновую ветку и дальше продвигалась пешком, быстро, но одновременно не привлекая к себе внимание. Благо те самые деревья, за которыми прежде скрывался от Данте преследователь, теперь помогали оставаться невидимой мне.

— Она уже далеко, Эльванди, — со спокойствием, за которым плохо скрывалось торжество, произнёс голос. — Ты не сумеешь её остановить. Как видишь, близкие люди бегут от тебя, чтобы спастись.

— Не знаю, о чём ты говоришь, Фредиэно, — раздражённо откликнулся Данте. — И тем более мне непонятно, что ты здесь делаешь.

— Намереваюсь с тобой расквитаться, как видишь. Стой на месте, не то пристрелю прежде времени!

— Расквитаться? — Теперь голос Данте тоже звучал нарочито спокойно. — За что же?

— За мою дочь, Эльванди, — произнёс Фредиэно. — За то, что ты убил мою дочь.

— Полная чушь. Понятия не имею, о чём ты говоришь, но я никогда не убивал женщин.

— Разве? А вот одну всё-таки убил. Что такое по-твоему убийство, Эльванди? Ты полагаешь, что убийство — это только когда спускаешь с тетивы стрелу или собственной рукой наносишь удар? Нет, Эльванди. Убийство — это когда осознанно отправляешь человека на смерть.

— Вот оно что. Я, кажется, начинаю понимать.

— Очень хорошо, — кивнул Фредиэно. Моя настоящая фамилия — Гласелло. Дебора была моей дочерью.

К этому моменту я стояла всего в нескольких шагах от Фредиэно, прячась за зеленью кипариса. Осторожно выглянув из своего укрытия, я увидела, что он стоит напротив Данте,

направив на последнего заряженный арбалет.

— И что же? — хладнокровно поинтересовался Данте. Мне припомнилось, что так же хладнокровно он говорил со мной, когда я отчаянно готовила себя к прыжку с башни. — Может быть, ты не в курсе, что твоя дочь сама пыталась меня убить?

— Мне нет до этого никакого дела, — отрезал Фредиэно. — Она была моей дочерью — и сейчас её нет из-за тебя. Я тщательно собирал информацию. Я выяснил, что она умоляла тебя пожалеть её и защитить от того ублюдка. Ты этого не сделал. И она умерла. Я собирался расквитаться с вами обоими, но ты меня опередил. Оказал мне услугу, убив своего кузена на поединке. Можешь считать, что за это я подарил тебе целый год жизни.

— Думаю, ты так долго ждал не поэтому.

Я сжала кулаки, лихорадочно соображая, что же делать. Наверняка Фредиэно сильнее меня физически, к тому же он вооружён. Но он не знает о моём присутствии, в этом моё единственное преимущество.

Я осторожно извлекла на свет камень нападения. Сам по себе он Фредиэно не остановит, а оружия у меня нет… Оглядевшись, подобрала с земли обычный камень. Прикусила губу, напряжённо думая. Снова опустила камень и стала рыться в заплечной сумке, стараясь при этом не создавать шума.

— Конечно же, нет, — произнёс между тем Фредиэно. — К тебе не так-то просто подобраться. Вокруг тебя вечно крутится уйма народу. Из армона ты почти всегда выезжаешь с сопровождением. Но, как видишь, я сумел преодолеть это препятствие.

Наконец, моя рука нащупала то, что я так отчаянно искала, а именно ленту. Самую обыкновенную ленту, которую теперь я стала обматывать вокруг найденного на земле камня, предварительно приложив к нему камень магический.

— Я готовился долго и тщательно, — продолжал Фредиэно. — Вскоре после случившегося я узнал, что на твоей территории ищут магическое месторождение. Рано или поздно его должны были найти, и я взялся за дело. В финансах я разбирался и прежде; теперь было необходимо освоить более узкую специализацию, связанную с камнями. Я это сделал. А также познакомился с нужными людьми, которые в нужный момент снабдили бы меня рекомендациями. Правда, я немного опоздал: ты взял на эту должность другого человека. Но в скором времени мне всё же повезло: он был уволен, а я попал на его место. Так я проник в твой армон. А дальше понял, что в моём плане не последнюю роль должна играть моя напарница.

— Сандра.

Услышав своё имя, я инстинктивно выглянула из-за кипариса и увидела, что руки Данте сжаты в кулаки.

— Именно, — довольно подтвердил Фредиэно. — Я счёл, что так будет правильно. Чтобы гибель пришла к тебе через твою женщину. Так же, как моя дочь умерла по вине своего мужчины. По твоей вине. К тому же было очевидно, что северянка является твоим слабым местом. Стало быть, логичнее всего было ударить через неё. Однако я был осторожен, не спешил и быстро понял, что подкупить её или как-либо ещё склонить на свою сторону не удастся. Она была слишком преданна тебе, хоть ты и не заслуживаешь ничего подобного. Зато у неё тоже было слабое место.

— Что ты с ней сделал?

В голосе Данте звучала злость; маска спокойствия окончательно слетела с его лица.

— Ровным счётом ничего, — невинно откликнулся Фредиэно. — В данный момент она спокойно направляется к побережью, что вернуться к себе на север. И правильно делает. Любому мало-мальски приличному человеку не место рядом с таким, как ты. Но ты перебил меня, а я не закончил. Изволь проявлять уважение к моим сединам.

На лице Данте ясно читалось, что он думает о сединах Фредиэно. Он даже собрался было что-то сказать, но передумал, и вряд ли из уважения.

— Так вот, — Фредиэно был твёрдо настроен завершить свой монолог, — у северянки было слабое место: рабское клеймо. Узнать об этом не составило труда: это было очевидно. Эмоции Сандры вообще читаются очень легко, будто открытая книга. Лицемерие не является её сильной стороной. И я стал работать. О да, я работал очень серьёзно. И мне удалось то, с чем не справился ни один из вас. Я нашёл упоминание о способе избавиться от клейма. Сначала я, разумеется, не знал, в чём заключается этот способ. Просто рассчитывал, что, открыв эту тайну, получу полную власть над твоей рабыней. Но всё оказалось ещё лучше. Узнав правду, я понял, что не придётся ни шантажировать её, ни напрямую предлагать сделку. Я просто раздобыл две одинаковых книги, в которых описывается способ избавления от клейма. Сначала передал одну из них тебе. Я был почти уверен, что ты не захочешь жениться на рабыне и, следовательно, не станешь ни о чём ей рассказывать. Впрочем, оставался небольшой риск, что ты всё-таки решишься взять её в жёны. Однако даже в этом случае ты не побежал бы делать ей предложение сразу. Тебе потребовалось бы время на то, чтобы всё обдумать и окончательно определиться. Поэтому я действовал быстро. И на следующий же день после того, как ты получил книгу, пошёл со вторым экземпляром к ней. Сообщил, как именно можно освободить раба. А также рассказал, что ты об этом знаешь. Знаешь, но молчишь. Поверь, это произвело на неё сильнейшее впечатление. Особенно когда она убедилась в истинности моих слов.

Мне показалось, что сейчас Данте набросится на него с кулаками, даже несмотря на арбалет. Но он сдержался.

— А дальше всё было легко. И предсказуемо. — Фредиэно говорил, как ни в чём не бывало, хотя отлично видел реакцию Данте. — На всякий случай я подтолкнул её к мысли о побеге, но, думаю, она и без моей помощи решила бы так поступить. Правда, её могло бы удержать на месте клеймо, но тут я постарался заблаговременно, подбросив ей якобы присланную с гонцом мазь, которая позволяет замаскировать дракона. И вот результат. Сандра Эстоуни спешит подняться на корабль и стряхнуть прах Галлиндии со своих ног. Твоя любовница от тебя отреклась. Лучший друг предал тебя, ближайший родственник пытался тебя убить. Ты остался один. И будет только справедливо, если теперь ты умрёшь.

Счёт шёл на доли секунды. Стрела могла в любой миг соскользнуть с тетивы. И я решилась. Если первая попытка окажется неудачной, шансов на вторую у меня уже не будет. Оставалось понадеяться на свойства активированного камня. Большую часть жизни прожив у моря, я много плавала, поэтому мои руки нельзя назвать слабыми. Но меткость — не моя сильная черта, а подобранный мной камень не так уж тяжёл. Я могла промахнуться или обеспечить Фредиэно крайне неприятные ощущения, при этом не причинив серьёзного вреда. И тогда он вполне мог успеть убить одного из нас.

Однако на размышления времени не было. Я сделала всё, что могла, а дальше — как повезёт. Выступив из-за дерева, успела поймать ошарашенный взгляд Данте. Размахнулась и бросила

камень во Фредиэно. И сразу же поняла, что промахнулась. В лучшем случае он заденет плечо…

Но нет. Магия нападения сделала своё дело, направив и усилив удар. Камень попал Фредиэно в голову и тот, выронив арбалет, упал на землю. Думаю, он не успел понять, что произошло. Я же отступила в сторону, стараясь не смотреть.

А ещё через мгновение мы с Данте бросились в объятия друг друга.

— Зачем ты сбежала? — укоризненно прошептал он минутой позже, так и не размыкая рук.

— Прости. — Теперь мне действительно было стыдно. — Я не подозревала, что Фредиэно может затевать нечто подобное. Просто он сказал, что ты всё знаешь и скрываешь от меня правду. Это было…очень больно.

— И ты не могла просто совсем немного подождать? — с горечью спросил Данте.

Мне нечего было сказать в ответ. Он и не ждал ответа. Лишь, прижимая меня к себе, коснулся подбородком моей макушки, и я словно могла видеть его устремлённый в темнеющее пространство взгляд…

В ту ночь, вернувшись в армон, мы были близки. Нежно и до боли пронзительно. Как будто в последний раз.

Глава 18

Горький ветер свободы кружит над водой,

Над волнами вздымается пена.

Пожилой небосвод, облаками седой,

Мне укажет дорогу из плена.

Отдалился причал, и сжимает кольцо

Пустоты необъятное море.

Хоть играючи брызги приносит в лицо,

Этот ветер по-своему горек.

Я, к намеченной цели идя напролом,

Наконец-то добилась Исхода.

А раз так, то, наверное, мне поделом,

Topreading.ru

Что горчит на поверку свобода.

Данте пришёл за мной на следующий день, когда я сидела в своих покоях, доедала круглый южный хлеб, отдалённо напоминающий знакомый северянам лаваш, и собиралась отправляться в кабинет. Он коротко постучал в дверь, вошёл т сказал, чтобы я срочно следовала за ним. Вид у него был чрезвычайно серьёзный. Я не заставила себя ждать.

Мы вышли из здания и быстрым шагом пересекли внутренний двор. Ещё немного продолжили идти вдоль забора, пока наконец не добрались до одноэтажного здания, рядом с которым возвышалась увенчанная открытой площадкой башня. Храм. Хмурясь, я прошла следом за Данте внутрь.

Здесь было полутемно. Свет скупо проникал в здание через узкие окна. Скромная обстановка, как и положено для храма. Несколько скамей, цветные ковры, расписанные стены и алтарь, у которого священник проводит богослужения. Он был единственным человеком, находившимся в храме перед тем, как мы пришли.

— Я привёл невесту, преподобный отец, — произнёс он, едва мы переступили порог. — Можно начинать церемонию.

— Что?!

Я застыла на месте, совершенно ошарашенная таким заявлением.

— Разве тебя что-то не устраивает? — осведомился Данте.

— Меня? Нет. Не то чтобы. Но…

Я не знала, что сказать. Кажется, при других обстоятельствах я запрыгала бы от счастья. Но сейчас всё было как-то странно. Общие познания, равно как и собственная интуиция, твердили, что всё это должно происходить по-другому. И оповещение невесты о том, что она, собственно говоря, этой самой невестой является. И свадьба. Нет, не то чтобы я так уж сильно нуждалась в гостях, поздравлениях, шуме и суете, свадебном платье, фате и прочих атрибутах венчания. В конце концов, всё это такая мишура по сравнению со значимостью самого бракосочетания. И всё же… Та внезапность, с которой всё происходило, полное отсутствие свидетелей, совершенно не характерная для свадьбы обстановка. Всё это заставляло испытывать вместо радости чувство тревоги.

— Что?!

Я застыла на месте, совершенно ошарашенная таким заявлением.

— Разве тебя что-то не устраивает? — осведомился Данте.

— Меня? Нет. Не то чтобы. Но…

Я не знала, что сказать. Кажется, при других обстоятельствах я запрыгала бы от счастья. Но сейчас всё было как-то странно. Общие познания, равно как и собственная интуиция, твердили, что всё это должно происходить по-другому. И оповещение невесты о том, что она, собственно говоря, этой самой невестой является. И свадьба. Нет, не то чтобы я так уж сильно нуждалась в гостях, поздравлениях, шуме и суете, свадебном платье, фате и прочих атрибутах венчания. В конце концов, всё это такая мишура по сравнению со значимостью самого бракосочетания. И

всё же… Та внезапность, с которой всё происходило, полное отсутствие свидетелей, совершенно не характерная для свадьбы обстановка. Всё это заставляло испытывать вместо радости чувство тревоги.

— Данте, а ты уверен? — спросила я, в то время как жених, не услышавший от меня реальных возражений, уже тянул меня за собой к алтарю.

— Уверен, — отозвался он. — Давай приступим. Не будем задерживать преподобного отца.

Свадьба, главное на которой — не задерживать преподобного отца? Жених, который уверен в своём решении, но радостным при этом совсем не выглядит? Невеста, которая и вовсе совершенно ошарашена происходящим?

Однако объективных возражений у меня по-прежнему не было. И, то и дело озираясь, будто в надежде хоть где-нибудь найти объяснение случившемуся, я послушно встала рядом с Данте перед алтарём.

— Дети мои… — принялся произносить традиционные слова священник. Я была как в тумане и не слишком вслушивалась в его речь, тем более что она произносилась на устаревшей версии арканзийского. — Сандра Эстоуни, согласна ли ты стать женой Данте Эльванди?

— Согласна.

— Данте Эльванди, согласен ли ты стать мужем Сандры Эстоуни?

— Согласен.

— Обменяйтесь обручальными кольцами.

Только теперь я заметила, что на алтаре лежат два кольца, каждое из которых было украшено крошечным зелёным камнем. Эмгри. Символ единения. Камень относился к магическим, хотя ни о каком особом магическом воздействии не было известно. Данте надел более маленькое кольцо на безымянный палец моей левой руки. Я взяла второе и надела его на палец Данте.

— Властью, данную мне Единственным Богом, объявляю вас мужем и женой.

Я подняла было глаза на Данте, но тут почувствовала жжение на тыльной стороне левой ладони. Опустила взгляд. Клеймо таяло на глазах, становясь всё более блёклым. Прошло меньше минуты — и оно исчезло, будто светлая кожа никогда и не знала, что такое изображение дракона. Я была свободна.

Сняв толлен — покрывало, надевавшееся на голову и плечи во время проведения церемонии, — священнослужитель отошёл от алтаря. Перемолвился парой слов с Данте, затем простился со мной. Данте тем временем перебрался в другую часть храма и стоял, разглядывая украшающие стену узоры.

Проводив взглядом покидающего храм священника, я подошла к Данте и остановилась у него за спиной. Собиралась положить руки ему на плечи, но мои руки застыли, так и не поднявшись, когда я услышала холодное «Уходи».

— Что? — переспросила я, хотя прекрасно расслышала это слово.

Но я хотела услышать больше. И получила желаемое, хотя обрадоваться этому было бы трудно.

— Ты получила то, что хотела. — Голос Данте звучал глухо, будто издалека. Он полуобернулся и бросил взгляд на мою руку. — Ты ведь именно к этому стремилась, верно? Так что теперь тебе не на что жаловаться.

— Не на что, — тихо подтвердила я.

— Вот и хорошо. А теперь уходи. Уезжай туда, куда хотела. — Данте с силой сжал зубы и поспешно отвернулся, чтобы я не видела его лица. — Убирайся!

Внутри всё словно окаменело. Казалось, я не смогу не только шевелиться, но и дышать, и было удивительно, что воздух каким-то непостижимым способом продолжает проникать в лёгкие.

— Но… — Я опустила глаза, хотя он и не мог меня видеть. — Хорошо.

Неимоверным усилием воли заставив себя двигаться, я развернулась и на негнущихся ногах вышла из храма.

Раз он так хочет, значит, я уеду. Я ему не нужна? Он имеет на это право. А у меня, к счастью, есть дом.

Я вздрогнула, осознав, что, мысленно произнося слово «дом», сразу же подумала об армоне. Нет, это не то. Армон — это только временное пристанище. Место, где было много хорошего, и место, где было непросто… Но есть Астароль. Астароль восстанавливают, и для того, чтобы там всё стало, как прежде, нужна помощь. И именно этим я поеду заниматься.

Сбор вещей не занял много времени. Пусть я и взяла с собой чуть больше, чем вчера, когда отправлялась в бега, но всё равно битком набивать сундук не собиралась. Сменная одежда и обувь, заработанные деньги, которые пригодятся в первое время, защитный магический камень (второй, предназначенный для нападения, исчерпал свой магический потенциал во время вчерашних событий), да несколько необходимых мелочей вроде гребня.

На этот раз я отправилась в путь не верхом, а в одолженной Данте карете. Бьянка, причитающая и не отнимающая от глаз платочка, вызвалась меня проводить.

День в пути, ночёвка на ничем не примечательном постоялом дворе, ещё пара часов в карете — и вот оно, море. Выйдя из кареты, я с минуту постояла, прикрыв глаза, вдыхая ни с чем не сравнимый воздух побережья и слушая мерный шум набегающих на берег волн. А потом отправилась выяснять, выходит ли в ближайшее время какой-нибудь корабль в Астароль. Это не заняло много времени. Начальник порта сообщил, что корабль есть, отчаливает буквально через полчаса и пассажиров вроде как набирает, если, конечно, ещё остались места.

Места оставались. Я внесла плату за путешествие, после чего вернулась к карете за вещами. На прощание мы с Бьянкой обнялись, и обе прослезились. У меня даже не было адреса, на который мне могли бы писать. В сущности, для галлиндийцев я появилась ниоткуда и уезжала теперь в никуда.

Я ещё чуть-чуть постояла на берегу, наблюдая то за суетящимися на палубе матросами, то за чайками, летящими над самой водой, раскинув крылья. А затем решительно зашагала по пирсу.

Помощник капитана, приятный обходительный мужчина лет тридцати, помог мне взойти на

борт, как и другим пассажирам.

— Я вижу, вы тоже с севера? — улыбнулся он, явно намекая на цвет моих волос.

— Да. — Я выдавила из себя ответную улыбку. — Из Астароли.

— Приятно видеть, что есть люди, которые возвращаются туда, невзирая на временные сложности, — произнёс он. — Что ж, буду раз в скором времени сказать вам «Добро пожаловать на родину!»

— Приятно видеть, что есть люди, которые возвращаются туда, невзирая на временные сложности, — произнёс он. — Что ж, буду раз в скором времени сказать вам «Добро пожаловать на родину!»

— Благодарю вас.

Подоспевший матрос принял мои вещи и понёс их в каюту. Я последовала за ним. Заглянула в крохотную комнатку с кроватью и круглым окошком, в которой едва ли хватало места, чтобы развернуться, и снова поднялась на палубу.

— Отдать швартовы!

Матросы по-прежнему суетились, сновали по палубе, перекидывали куда-то канаты. Боцман — нисколько не похожий на Чёрного Пирата — отдавал распоряжения. Судно начало медленно отдаляться от причала.

Я стояла на корме и смотрела на постепенно удаляющийся берег. Где-то там за подёрнутыми дымкой холмами оставался армон, сад с оливками, кипарисами и апельсинами, маленький храм с расписанными стенами…и Данте. Недавняя обида на то, что он прогнал меня, за ночь сошла на нет. В сущности, я принесла ему немало неприятностей. Сложностей, по крайней мере. Он имел право так решить. И ведь в конечном итоге он всё-таки подарил мне свободу. Самое большее, о чём я только могла мечтать.

Я провела рукой по гладкой коже на том месте, где прежде темнело изображение дракона. И сразу наткнулась на кольцо с крошечным зелёным камушком.

— Ты сделал своё дело, — тихо сказала я ему. — Напрасно учёные сомневались в твоей магической природе.

Слеза медленно скатилась по щеке, и я поспешила вытереть глаза. Ни к чему теперь плакать. Впереди новая жизнь, или старая… Пожалуй, я совсем запуталась. Во всяком случае, я надеюсь, что у Данте всё будет теперь хорошо. Теперь, когда ему перестанет морочить голову беспокойная северянка с больным самолюбием. Правда, из-за меня он не сможет теперь жениться… Но как минимум у него будет средство отделываться от нежеланных невест.

Проскользнула мысль о том, что я тоже не смогу теперь выйти замуж. Проскользнула и растворилась, ни капли меня не задев. Мне было всё равно. Вступать с кем-либо в брак у меня не было ни малейшего желания. Не после того, как я встретила Данте.

Слёзы снова выступили на глазах, застилая мир почище утреннего тумана. И почему-то вспомнился Данте, поспешно отворачивающийся от меня к стене храма. Почему он не хотел, чтобы я видела его лицо? Не потому ли, что ему было слишком больно от нашего расставания?

Я со всей силы сцепила пальцы, но даже не почувствовала боль. Шелуха обиды окончательно опала, и я вдруг увидела всё, что произошло, в новом свете. Да, Данте был резок и даже груб. Да, он велел мне уезжать восвояси. Но действительно ли он этого хотел?

Ведь бросился же он за мной следом, не раздумывая и не позаботившись даже об охране, когда узнал о моём отъезде позавчера. «Сандра!» Полный отчаяния крик, услышанный в тот день, прозвучал в ушах настолько явно, что я даже вздрогнула и невольно огляделась. Что я сейчас творю? В нём говорила обида, а я уже села на корабль!

Что-то хрустнуло, и я непонимающе уставилась на побелевшие пальцы. И снова устремила взгляд на изрядно уменьшившийся в размерах берег. Данте воспринял мой недавний побег как предательство. Я просто решила, что так будет лучше для всех, но он… Он отнёсся к этому иначе. Он был уверен, что я никогда его не предам. В отличие от той, от дочки Фредиэно, которая пыталась вонзить ему в грудь нож. И тут — сбежала. В его глазах — тоже по-своему предала. Конечно же, он обижен. И тем не менее сделал для меня то, на что, должно быть, не пошёл бы ни один другой мужчина. Отдал мне собственную свободу, чтобы избавить от рабства.

Взгляд снова сфокусировался; размытые очертания предметов приобрели чёткость. Я должна вернуться. Я не могу уплыть сейчас в Астароль!

«Постой, не совершай глупостей, — вмешался внутренний голос. — С чего ты взяла, что Данте хочет твоего возвращения? Он чётко сказал, чтобы ты уезжала. Недвусмысленно дал тебе понять, что в качестве жены ты ему не нужна. Всё остальное — не более чем твои домыслы».

«Пусть, — упрямо ответила я. — Пусть домыслы, пускай я не нужна ему как жена. Значит, я просто буду рядом. Специалист по камням ведь ему нужен? Нужен человек, который готов поддержать в трудную минуту? Отогнать излишне назойливых девиц, помочь разобраться со свойствами камней, перевести документ, наконец? А если он вообще не хочет видеть меня у себя, пускай во всяком случае скажет об этом в лицо, не отворачиваясь, и не под влиянием свежей обиды, а через пару недель».

Я снова посмотрела на берег. Уже совсем далеко… Рука нащупала висящий в мешочке камень.

— Господин старший помощник! — окликнула я. Он повернулся и приветливо мне улыбнулся. — Не могли бы вы выполнить одну мою просьбу?

— Конечно, госпожа Эстоуни, всё, что в моих силах.

— Пожалуйста, распорядитесь, чтобы по прибытии в Астароль все вещи из моей каюты были пожертвованы на восстановление города и нужды местных жителей.

— О, это очень щедрый поступок, но я уверен, что вы сможете распорядиться об этом сами, как только мы прибудем в…

Он не договорил, поскольку с ужасом понял, что я собираюсь сделать. А мгновение спустя я уже прыгнула в воду.

— Человек за бортом! — закричали на корабле.

— Утопленница! — завизжала какая-то пассажирка.

Однако она очень быстро получила возможность убедиться в том, что утопленница вполне

резво плывёт в сторону берега.

Рыбы не менее резво метались в стороны, провожая ошалелыми взглядами ненормальную пассажирку. Я же замечала их лишь краем глаза, сосредоточившись на собственных движениях и следя за дыханием. Плавала я хорошо, и опыт был немаленький. Но и расстояние предстояло преодолеть весьма приличное.

И наступил момент, когда я действительно очень сильно устала. Берег существенно приблизился, но до него по-прежнему нужно было плыть. Достать ногами до дна было пока нельзя. Я чувствовала, что ещё немного — и наглотаюсь воды, а после этого дыхание окончательно собьётся, и плыть станет очень тяжело. И тут меня стало словно выталкивать из воды. Или, наоборот, воду отталкивало от меня. Я испытала чувство невероятного облегчения, отметив, что защитный камень работает. Отгоняет от меня источник опасности — так же, как отгоняет в пустыне змей или меняет траекторию полёта стрелы, пущенной в его хозяина. Сейчас источником опасности была вода — и камень не позволял мне полностью в неё погрузиться.

Я напряглась, из последних сил продвигаясь к берегу. Камень камнем, но на место он меня не доставит, да и его охранный эффект рано или поздно ослабнет. К этому времени мне необходимо добраться до суши.

Добралась. Ноги коснулись дна раньше, чем я того ожидала. Сначала для того, чтобы голова оказывалась над водой, приходилось стоять на носках. Собрав в кулак последние силы, я проплыла ещё немного. Теперь стоять было чуть проще.

Я попыталась отдышаться и отвела мокрые волосы за уши. Но, как оказалось, расслабилась рано. Сейчас, когда уровень опасности резко понизился, камень ослабил своё действие, и стремящаяся к берегу волна накрыла меня с головой. Я заметалась в попытке преодолеть стихию, и тут почувствовала, как чьи-то руки подняли меня над водой.

Между тем волна схлынула, и снова стало более мелко. Я закашлялась и протёрла глаза.

— Ты ненормальная! — как-то подозрительно радостно воскликнул державший меня человек и понёс меня к берегу.

Я не возражала, лишь лихорадочно пытаясь понять: это действительно он или у меня начались галлюцинации.

— Как ты здесь оказался? — спросила я, когда мы вышли из воды.

— Ну, я же по традиции ношу тебя на руках всякий раз, когда ты намокнешь, — отозвался Данте.

Я вгляделась в его лицо. Глаза вроде бы улыбаются. Я позволила себе улыбку. Он усмехнулся. Я рассмеялась в голос. Он тоже.

Данте осторожно опустился на колени, а потом мы оба с хохотом повалились на песок. На берег набежала волна, и вода легонько лизнула мой рукав. Но ближе подобраться уже не смогла и обиженно откатилась обратно в море.

— Данте! — Он склонился надо мной, и я положила руки ему на плечи. — Прости меня. Я — круглая дура. Я знаю, что обидела тебя, но, пожалуйста, поверь, я этого не хотела. Наверное, ты прав, и я ненормальная, но я никогда не простила бы себе, если бы уплыла.

— Я сам — полный идиот, — покачал головой Данте. — Я прогнал тебя и весь день смотрела в окно. А вечером вдруг осознал, что стою у окна в твоём кабинете. И что никогда не прощу себе, если ты уплывёшь. Я велел оседлать коня и скакал всю ночь. А когда узнал, что твой корабль уже отплыл, проклял всё на этом свете. И бесцельно ходил по берегу, когда вдруг увидел тебя. Признаться, сперва я подумал, что после бессонной ночи у меня начались видения.

Я снова засмеялась, так похоже это было на мои собственные мысли. Потом приподнялась повыше и нежно погладила его по щеке. Сквозь кожу начала проступать едва ощутимая щетина.

— Не прогоняй меня, — попросила я. — Я готова быть тебе кем угодно. Если захочешь, мы спрячем кольца и никому не скажем о том, что произошло в храме. Позволь мне просто быть рядом.

Сперва я встретила чрезвычайно серьёзные взгляд, но несколько мгновений спустя в нём заиграли лукавые искорки.

— Надеешься увильнуть от исполнения супружеского долга? — осведомился Данте, склоняясь к моему лицу.

Наши губы соприкоснулись, и я снова опустилась на песок.

— Ты собираешься стребовать его с меня прямо сейчас? — спросила я после долгого поцелуя.

— Почему бы и нет? — прошептал Данте. — Коли уж нашу брачную ночь мне пришлось провести в седле?

— Действительно, почему бы и нет? — усмехнулась я. — Только в таком случае следует собрать деньги за просмотр с собравшихся здесь матросов.

По-прежнему прижимая меня к земле, Данте повернул голову. Несколько матросов действительно ошарашенно пялились в нашу сторону, а один даже подошёл довольно-таки близко.

— Я это… — проговорил он, несколько смутившись. — Того… Предложить хотел. У нас там костёр. Если захотите обсохнуть…

Его уши приобрели пунцовый оттенок, что произвело на меня неизгладимое впечатление. Краснеющий матрос — это было нечто из области галлюцинаций.

— Спасибо! Мы скоро придём, — благодарно ответила я.

— Только закончим наш разговор, — подхватил Данте.

— Разговор… Ага, понятно, — пробормотал матрос и, постоянно оглядываясь, пошёл назад к своим товарищам.

— Деньги, говоришь? — повторил за мной Данте. — Радостно сознавать, что ты заботишься о нашем семейном бюджете.

— Нам ведь придётся нанимать экипаж, — деловито напомнила я. — Надо же как-то компенсировать расходы.

— Можем провести несколько сеансов, — включился в планы по спасению семейного бюджета

Данте.

— Можем, — согласилась я.

Данте нехотя поднялся и протянул мне руку, помогая встать. А вот отпустить её не торопился; наоборот, крепко сжал запястье и заставил меня подойти к нему вплотную.

— Даже не вздумай снимать кольцо, — сказал он, глядя мне в глаза. — Теперь ты моя жена и никуда от этого не денешься.

— Как видишь, я и не собираюсь никуда деваться, — ответила я, опуская взгляд на собственную вымокшую одежду. — Ты отдал мне часть своей свободы там, перед алтарём. Я тоже отдаю её часть тебе. На этот раз — совершенно добровольно.

Целуя Данте в губы, прижимаясь к нему всем телом, полностью игнорируя пробирающийся сквозь мокрую одежду ветер, я жалела только об одном — что матросы так и не думали никуда уходить.

Эпилог

— Вот так. Теперь чуть-чуть правее.

Я балансировала, стоя на стуле, и, вытянув руки, нанизывала камни на длинную верёвку. Агнесса, расположившаяся на соседнем стуле, обвивала вокруг верёвки податливый стебель.

— Да, хорошо!

Закончив с последним камнем, я спустилась с опасно накренившегося было стула на пол и, отряхивая руки, оглядела плоды наших с цветочницей трудов. Агнесса движением профессионала сместила цветок на пару дюймов, и тоже спустилась вниз.

Теперь над входом в зал под потолком раскинулась роскошная гирлянда, в которой красные и синие камни чередовались с разноцветными стеклянными бусинами и цветами. Гирлянда определённо радовала глаз, но подлинная её цель заключалась вовсе не в том, чтобы украшать помещение. Камни защиты переплетались здесь с камнями нападения в тщательно высчитанной пропорции, составляя продуманный до мелочей узор, а стекло должно было за счёт собственных свойств усилить их эффект. Теперь, если в зал войдёт человек, злоумышляющий против хозяина камней, они станут красиво и, главное, заметно переливаться, а синие камни также поспособствуют тому, чтобы по врагу был незамедлительно нанесён удар, сила которого будет пропорциональна исходящей от него опасности. Впрочем, смертельным этот удар не будет. Скорее послужит для нас своеобразным сигналом.

Я довольно потёрла руки. Для того чтобы попасть к ведущей на второй и третий этаж лестнице, было необходимо пересечь этот зал. Следовательно, потенциальный злоумышленник не сумеет незаметно проникнуть в жилые или рабочие помещения.

— Вот видите, как красиво получилось! — восторженно воскликнула Агнесса. — Цветы я буду регулярно менять, вы не переживайте. А вы говорите «искусственные»! Ну, разве же с искусственными цветами так же бы смотрелось?

— Вот видите, как красиво получилось! — восторженно воскликнула Агнесса. — Цветы я буду

регулярно менять, вы не переживайте. А вы говорите «искусственные»! Ну, разве же с искусственными цветами так же бы смотрелось?

Я улыбнулась и легонько пожала плечами. Внеся предложение об искусственных цветах, я пыталась облегчить Агнессе жизнь. Но раз она сама к этому не стремится, то не буду спорить, живые цветы, конечно, красивее. Благо, что у нас на юге в них и зимой не будет нехватки.

Снаружи донеслось громкое «Апчхи!».

— Это, наверное, Марито, — рассмеялась Агнесса. — Подхватил простуду. Представляете, в такую-то теплынь!

— Думаю, это скорее вирус, — сочувственно заметила я.

Простудиться в такую погоду и правда было бы трудновато. Май выдался выдался на удивление тёплым… Впрочем, мне объяснили, что по местным меркам это обычная погода для конца весны.

В дверях появился камердинер, сжимающий в руках носовой платок. Глаза у него были красные, нос распух, да и щёки пылали. Только я собиралась выразить ему своё сочувствие, как камни под потолком тревожно замерцали…

— А-а-а! — закричал Марито, когда в него ударил небольшой разряд. Боли такой не причиняет, но опыт всё равно не из приятных.

Я изумлённо вытаращила глаза на камердинера. Агнесса упёрла руки в бока, подозрительно щурясь, и укоризненно покачала головой.

— Марито, ну уж от тебя я никак не ожидала, — расстроенно проговорила я.

— Чего не ожидали? — не понял камердинер.

— И у него ещё совести хватает спрашивать! — возмутилась Агнесса. — Ах ты, подлец такой, вредитель, змея подколодная! Пригрел тебя хозяин на свою голову!

— Эгей, Агнесса, какая муха тебя укусила? Язык-то придержи! — Опомнившись от удивления, Марито начал злиться.

— Это меня, значит, муха укусила? — не позволила заткнуть себе рот Агнесса. — Вы на него только поглядите! А кто против дона Данте злоумышляет?

— Кто? — непонимающе уставился на цветочницу камердинер. И отпрянул, прочитав ответ у неё в глазах. — Я?! Ты что, грибов каких-нибудь объелась? Всегда говорил, что работа с растениями до добра не доведёт!

— Измена — тем более, — отрезала Агнесса. — Вон камни-то всю правду показали, их не обманешь! — И указала на висящую над нами гирлянду.

Марито поглядел на камни и сопоставил данное новшество с недавно полученным разрядом.

— Ничего не понимаю, — почесал макушку он. — Да вы, наверное, слишком сильную защиту установили! Небось она в любого, кто войдёт, стрелять будет.

— Марито, куда ты так спешишь? — в зал, запыхавшись, вбежала Рианна. — Насилу тебя

нашла. Говорила же: отлежись, нечего в таком состоянии по армону шастать.

Агнесса победоносно взглянула на камердинера.

— Ну, что я говорила? Как видишь, камни так реагируют далеко не на всех. Рианна вошла — и ничего.

— Да, Марито, — вынужденно подтвердила я, — всё это выглядит как-то нехорошо.

— Да донья Сандра, ну вот чем хотите клянусь, не злоумышлял я против дона Данте! — воскликнул камердинер. — Ну, если бы я хотел ему навредить, сколько раз уже мог бы!

Я собиралась ответить, но не успела. В дверном проёме появились, как всегда, неразлучные Терро и Росси.

— Ну, и какой из тебя после этого лекарь? — говорил Терро, отчаянно жестикулируя. — Какой, я повторяю, лекарь?

— Не болтай ерунды, — огрызнулся Росси, правда, как-то вяло. — Одно с другим вообще никак не связано.

— А вот и связано! Ещё как связано! — притопнул ногой Терро. — Ибо истинный лекарь умеет не только исцелить недуг, но и предотвратить его, если для этого…

Договорить он не успел: камни под потолком замигали, вспыхнул на мгновение синий огонь, и разряд ударил прямо под ноги Росси. Тот подпрыгнул от неожиданности и отскочил обратно к порогу, где уже переминался с ноги на ногу Марито. При этом Терро вошёл в помещение совершенно беспрепятственно.

— Что это такое? — растерянно воскликнул Росси.

Мы с Агнессой переглянулись. Я похлопала широко раскрытыми глазами и принялась нащупывать спинку стула.

— Дон Росси, а вы… что же…

Я мотнула головой, словно отгоняя наваждение. В предательство лекаря не верилось никак. Но вот же они, камни, и Терро они не тронули…

Лекари всё ещё ждали объяснений, но говорить, в чём тут дело, было очень неловко. К счастью, на помощь пришла Агнесса, которая, тоже недоумевая, вкратце изложила им суть дела.

— Сандра, вот ты где!

Данте с некоторым удивлением посмотрел на Росси и Марито, застывших на пороге, потом перевёл взгляд на нас с Терро и Агнессой, вошёл в зал… и получил свою порцию разряда.

— Что это, чёрт побери, такое?! — воскликнул он, опустив ошарашенный взгляд на чуть дымящиеся брюки. — Сандра, ты пишешь вторую диссертацию? Не подскажешь ли, скольких людей не стало, пока ты писала первую?

Я не ответила по той простой причине, что мне отказал дар речи. Пододвинула поближе нащупанный, наконец, стул и обессиленно опустилась на сиденье.

— Добро пожаловать в наш клуб, дон Данте! — воскликнул Марито, давясь от хохота.

Рианна, Терро и Росси тоже хихикали.

— Данте, надеюсь, ты не собрался покончить с собой? — пробормотала я, вновь обретя способность говорить.

Только так можно было бы объяснить тот факт, что камни отреагировали на Данте как на угрозу самому же Данте. Или…мне? В принципе я как жена Данте тоже была хозяйкой его имущества, а, следовательно, и камней. Поэтому если бы Данте злоумышлял против меня, камни отреагировали бы так же. Но такой бред я даже взвешивать всерьёз не собиралась.

— Ничего не понимаю, — пробормотала я, прижимая руки к вискам. — Я же всё так тщательно просчитала! Эти камни должны были указывать на тех, кто замыслил против тебя что-то дурное. Это система защиты! — принялась оправдываться я.

— Дорогая, ты только не волнуйся. Система защиты в целом хорошая.

Данте снова опустил опасливый взгляд на брюки, которые, к счастью, уже не дымились. А потом громко чихнул.

— Ты что, болеешь? — озабоченно нахмурилась я.

— Кажется, заболеваю, — признался он. — Ничего особенного, так… В горле першит.

Теперь кусочки головоломки начали складываться в единую картину. Я вскочила со стула.

— А вы, дон Росси? Вы тоже заболели?

— Да, — признался лекарь. — Так, знаете ли, лёгкое недомогание…

— Вот я и говорю: какой же ты после этого лекарь? — тут же подключился к разговору Терро. — Хороший лекарь никогда бы не подхватил подобный вирус. Потому что есть такое слово: про-фи-лактика.

— Кажется, теперь всё понятно, — выдохнула я, даже не зная, радоваться или огорчаться своему открытию.

— Кажется, теперь всё понятно, — выдохнула я, даже не зная, радоваться или огорчаться своему открытию.

С одной стороны, конечно же, хорошо, что в армоне нет предателя. С другой — это же получается, что вся система защиты идёт коту под хвост…

— Я перестаралась и сделала слишком чувствительную защиту, — объяснила я, отвечая на вопросительные взгляды. — Камни остановили Марито и дона Росси, поскольку они являются носителями вируса и, следовательно, представляют потенциальную опасность для Данте. Ну, потому что могут заразить, — на всякий случай пояснила я.

— А я? — удивился Данте.

— А ты можешь заразить меня, — объяснила я. — Поэтому в общем-то камни выполняют свою работу… Но только не совсем так, как я хотела. Честно говоря, я как-то не подумала о таком сценарии. — Я вздохнула. — Похоже, придётся всё это перерабатывать.

— Ничего, — усмехнулся Данте и обнял меня за плечи. — Уверен, ты справишься.

— Откуда ты знаешь? — пробурчала я, всё ещё расстроенная.

— Потому что ты упорная и никогда не останавливаешься на полпути, — усмехнулся он.

Я улыбнулась в ответ, прижимаясь к нему покрепче. Да уж, в чём-в чём, а в этой черте моего характера Данте имел возможность убедиться. А значит, с охранной системой в конечном итоге всё будет в порядке.

Topreading.ru